

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

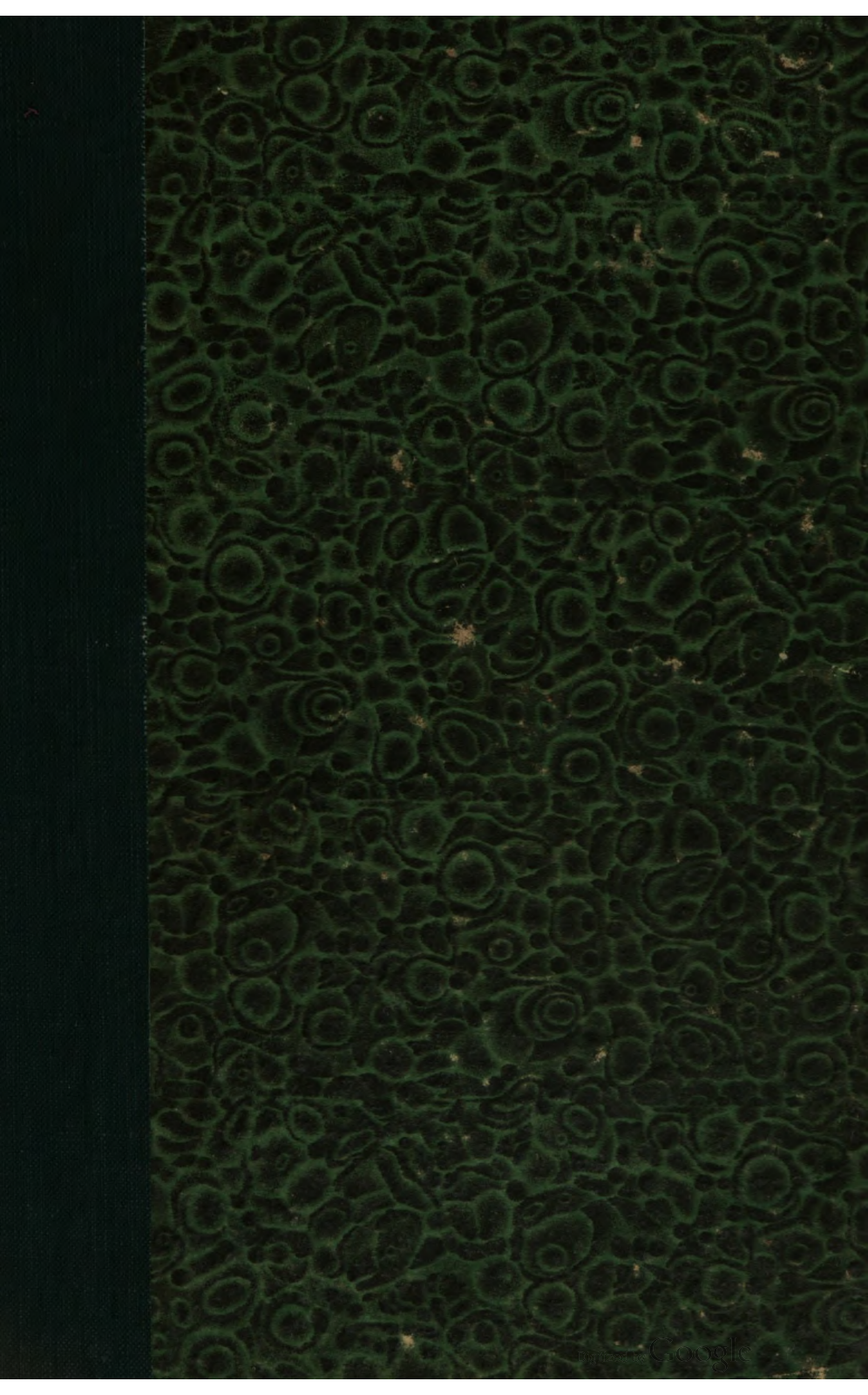
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

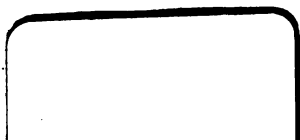
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

MG 32.7 (1)

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

№ 9/168

ВИЗАНТІЙСКІЕ ИСТОРИКИ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

—

**СОКРАЩЕННОЕ СКАЗАНИЕ
О ДВЛАХЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА.**

ТРУДЪ АННЫ КОМНИНОЙ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Переводъ подъ редакціей профессора В. П. Карпова).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

93

В. 42 ВИЗАНТИЙСКІЕ

13348/12

ИСТОРИКИ,

13348/12

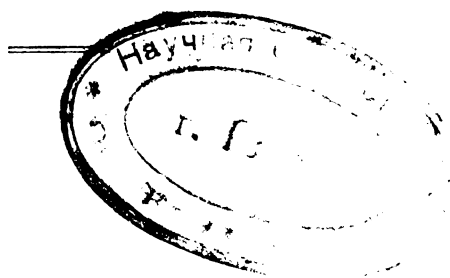
ПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ

1846

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Департамента Удѣловъ.

1859.

MG 32.7 (1)

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатанъ
позволяется. Декабря 2-го дня 1859 года,

Цензоръ Архимандритъ Фотій

СОКРАЩЕННОЕ СКАЗАНИЕ
О ДѢЛАХЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ КОМНИНА.
(1081—1118).

ТРУДЪ АННЫ КОМНИНОЙ,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕВОДЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЮ ПРОФЕССОРА КАРПОВА.

КРАТКОЕ СВѢДЕНІЕ

ОБЪ

АННѢ КОМНИНОЙ И ЕЯ ИСТОРІИ.

Лицо писательницы «Сокращеннаго сказанія о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина» такъ извѣстно, что о немъ нечего сказать малоизвѣстнаго или новаго. Анна Комнина была дочь византійскаго императора Алексѣя Комнина и родилась тогда, когда ея отецъ былъ уже на престолѣ; почему она и называетъ себя порфирородною. Между царственными лицами константинопольскаго Двора являлись иногда люди съ замѣчательнымъ, по тогдашнему времени, образованіемъ и немалою ученостію: но Исторія едва ли можетъ указать на кого-нибудь, кто въ этомъ отношеніи стоялъ бы выше Анны, или даже равнялся съ нею. Получивъ отъ природы высокія способности отца и сильное чувство матери, и воспользовавшись всѣми средствами воспитанія близъ престола, она еще въ ранній періодъ жизни обогатила свой умъ многоразличными познаніями во всѣхъ родахъ преподававшихся тогда наукъ. Не говоримъ уже о подробномъ изученіи догматовъ Вѣры и исторіи Церкви: это было тогда общимъ и обязательнымъ дѣломъ для всѣхъ людей, желавшихъ получить образованіе порядочное; и особенно это входило въ планъ ежедневныхъ домашнихъ занятій въ царскомъ семействѣ.

Анна имѣла также обширныя свѣденія въ исторіи древне-гражданскаго міра; изучила географію извѣстныхъ въ то время государствъ, сколько это, по тогдашнему состоянію науки было возможно; знала міѳологію языческихъ вѣрованій; перечитала творенія знаменитыхъ греческихъ поэтовъ и риторовъ, и любила при случаяхъ воспроизводить въ памяти ихъ изреченія; не незнакома была даже съ мудростію эллинскихъ философовъ и пріобрѣла понятіе о значеніи гороскопическихъ наблюденій, хотя астрологію вообще почитала мечтою; были также извѣстны ей труды и занятія, свойственныя царямъ, военачальникамъ и гражданскимъ правителямъ; она имѣла ясныя и самыя подробныя свѣденія о всемъ, что и какъ дѣлается въ военныхъ лагеряхъ и гражданскихъ судахъ, на морѣ — при борьбѣ враждебныхъ флотовъ, и на сушѣ — во время сраженія войскъ. Болѣе же всего отличалась она необыкновеннымъ даромъ слова, — способностію мыслить и прекрасно излагать свои мысли: въ этомъ отношеніи она стояла безспорно выше всѣхъ своихъ современниковъ. Чистотою и правильностію своего языка, текучестію и гармоніею фразы напоминаетъ она о краснорѣчьи въ лучшія времена византійской жизни, — и мы нисколько не удивляемся, что Петръ Поссинъ въ поэтическомъ восторгѣ называетъ ее десятою Музою и Палладою византійской Греціи.

Глубоко уважая царственные подвиги отца и бывъ лично свидѣтельницею его доблестей, Анна Комнина рѣшилась описать ихъ со всею историческою вѣрностію. И вотъ дочь великаго государя, опечаленная уже въ то время потерей супруга, готовитъ потомству повѣсть о государственныхъ событіяхъ своего времени. Начавъ ее вступленіемъ Алексѣя на престолъ, то есть 1081 годомъ,

она оканчиваетъ свой трудъ съ смертію этого самодержца, случившеюся въ 1118 году. Слѣдовательно на исторію сей порфирородной писательницы мы можемъ смотрѣть, какъ на продолженіе записокъ мужа ея Никифора Вріеннія Кесаря, который, предположивъ также изобразить государственныя дѣла тестя Алексѣя, довелъ свои записки только до вступленія его на престолъ. Но рѣшившись предпринять въ подвигъ повѣствовательницы о царствованіи отца и надѣясь въ своемъ повѣствованіи согласить любовь дочери съ правотою историка, Анна видимо подвергалась необходимости вступить въ открытую борьбу съ убѣжденіями тогдашняго Запада и съ мнѣніями западныхъ писателей. Извѣстно, что въ царствованіе Алексѣя Комнина больше, чѣмъ когда-нибудь, политика папы и коронованныхъ лицъ, управлявшихъ латинствующими державами, приходила во враждебное отношеніе съ политикою византійскаго Двора. Опустошительная война Роберта Гискарда, поддерживаемаго и покровительствуемаго папскимъ престоломъ, буйный походъ крестоносной толпы, разорявшей области восточной имперіи и умышлявшей овладѣть самымъ Константинополемъ, безъ сомнѣнія, должны были возбуждать въ Грекахъ сильную ненависть къ духовнымъ и гражданскимъ властямъ Запада, а отъ восточнаго императора требовали крайней осторожности, ловкой изворотливости и, можетъ быть, несовсѣмъ разборчивой политики. При описаніи этихъ событій, Анна смотрѣла на нихъ съ византійской точки зрѣнія, сочувствовала своимъ единоземцамъ, увлекалась своимъ патріотизмомъ и удивлялась своему отцу, государю. Но не такъ понимали тогдашнія событія писатели западные, движимые какъ собственною ненавистію при воспоминаніи о неудавшихся предпріятіяхъ и понесенныхъ потеряхъ, такъ и стара-

нѣмъ согласоваться съ мнѣніями папы и своихъ государей. Посему, тогда какъ Анна превозносила Алексѣя до небесъ и называла его спасителемъ имперіи, на Западѣ онъ слылъ, какъ *vir nequam et subdohus, fera pessima, cujus propositum est semper fallere, et omnem Latinorum nationem usque ad mortem modis omnibus persequi*. Отсюда произошло то, что исторія Анны Комниной на Западѣ была предметомъ всеобщаго презрѣнія и даже иногда называлась не исторіею, а похвальнымъ словомъ Алексѣю Комнину. Презрѣніе къ этому письменному памятнику византійской литературы простиралось до того, что когда, по изобрѣтеніи книгопечатанія, филологи стали собирать, переводить и издавать византійскихъ историковъ, сочиненіе Анны оставалось забытымъ около пятидесяти лѣтъ. Скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ сего историческаго памятника.

Едва ли какая-нибудь рукопись, относящаяся къ исторіи восточной римской имперіи, столько потерпѣла отъ времени и обстоятельствъ, сколько рукописное произведеніе порфирородной дочери Алексѣя. Лѣтъ чрезъ пятьдесятъ по напечатаніи другихъ византійскихъ историковъ, первымъ издателемъ его былъ Петръ Поссинъ. Оригиномъ ему служилъ кодексъ барберинской библіотеки, дополненный во многихъ мѣстахъ изъ флорентинскаго списка. Замѣчательно, что когда, по просьбѣ Поспина, французское правительство сносило съ кардиналомъ Барбериною о высылкѣ этого оригинала, Барберина прислалъ ему только первая восемь книгъ, списанныхъ новѣйшимъ почеркомъ и наполненныхъ множествомъ пропусковъ; такъ что та часть исторіи Анны Комниной, въ которой описываются столкновенія Алексѣя съ Западомъ и папою, осталась неписанною и неписанною.

Потомъ Поссину удалось найти экземпляръ тулузскій, о которомъ мы упомянули при изданіи записокъ Никифора Вріеннія и который едва ли не былъ автографомъ писательницы. Но Поссинъ, по краткости времени, на которое тотъ экземпляръ былъ данъ ему, не успѣлъ снять съ него вѣрной и точной копіи; а между тѣмъ послѣ того тулузскій подлинникъ исчезъ невозвратно, такъ что не осталось и слѣдовъ его до нынѣ. Съ той поры объяснителямъ и переводчикамъ исторіи Анны Комниной оставалось довольствоваться почти одними своими соображеніями и филологическими средствами. Послѣ Поссина дальнѣйшіе труды по отдѣлкѣ текста византійскихъ историковъ принялъ на себя Карлъ Дюканжъ и пролилъ столько свѣта на археологическую сторону въ книгахъ порфирородной писательницы, что если бы не мнѣе приложилъ онъ старанія къ исправленію словъ, сколько старался объяснить значеніе вещей, то другимъ послѣ него на этомъ поприщѣ осталось бы немного дѣла. Но по недостатку ли средствъ, или по нерасположенію къ такимъ трудамъ, Дюканжъ къ Поссинову изданію привнесъ весьма мало филологическихъ замѣчаній. Въ такомъ состояніи находился греческій текстъ исторіи Анны Комниной, когда въ 1839 году приступилъ къ возможному возстановленію и изданію его Людовикъ Шопенъ. Кромѣ тѣхъ списковъ, о которыхъ упомянуто выше, этотъ филологъ пользовался также чтеніями кодекса коислиніанскаго, приводимыми Монфокономъ въ каталогѣ коислиніанской бібліотеки (р. 521 sqq). Этотъ кодексъ относится къ XII вѣку, слѣдовательно могъ бы способствовать къ возстановленію разсматриваемаго текста. Имъ и въ самомъ дѣлѣ пополняются многіе пропуски въ парижскомъ изданіи: но за то въ другихъ его мѣстахъ

не мало такихъ погрѣшностей, какихъ нѣтъ въ прочихъ спискахъ. Гораздо полезнѣе кодекса комплиніанскаго Шопену былъ списокъ гроновіевъ или лейденскій, снятый въ Италіи, вѣроятно, — тоже съ кодекса флорентинскаго. Сверхъ того, имѣлъ въ виду Шопенъ и сокращенія сказаній Анны Комниной, именно августанское и гроновіево. Плодомъ снесенія всѣхъ этихъ кодексовъ, списковъ и сокращеній было новое прекрасное изданіе исторіи царствованія императора Алексѣя, снабженное всѣми археологическими и филологическими пособіями для легчайшаго и правильнѣйшаго ея разумѣнія. Въ сравненіи съ прежними изданіями, это Шопеново или бонское далеко исправнѣе и полнѣе; но и самъ Шопенъ не почиталъ его окончательно возстановленнымъ; потому что много еще остается въ немъ пропусковъ, и даже не вездѣ вѣрно избирается и вносится въ контекстъ одно какое-нибудь чтеніе предпочтительно другому. Отъ того, переводя исторію Анны Комниной на русскій языкъ, мы, хотя держались изданія Шопенова, однакожъ постоянно имѣли въ виду различіе чтеній и избирали то, которое казалось намъ болѣе умѣстнымъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Книга I. Алексѣй, имѣя четырнадцать лѣтъ отъ роду, желаетъ участвовать въ походѣ Діогена Романа противъ Турковъ; при Михаилѣ Дукѣ отправляется для усмиренія Урзелія (1).—Урзелій, взятый въ плѣнъ Тутахомъ, выдается Алексѣю, который проситъ Амасійцевъ за выдачу его внести Тутаху требуемую сумму денегъ (2).—Произшедшее отъ этого возмущеніе Алексѣй усмиряетъ хитростію и приводитъ Урзелія въ Константинополь (3).—Никифоръ Вріенній домогается царской власти; жалкое состояніе римскаго войска; царь Никифоръ Вотаніатъ посылаетъ противъ него Алексѣя (4).—Сравненіе двухъ вождей; сраженіе при Каловріи (5).—Вріенніане разсѣяны и самъ вождь ихъ взятъ въ плѣнъ (6).—Алексѣю поручается вести войну противъ Васиlaki, который домогается также верховной власти (7).—Ночное сраженіе (8).—Васиlaki убѣгаетъ въ Тессалонику, гдѣ жители выдаютъ его Алексѣю, а приближенные Вотаніата ослѣпляютъ; Алексѣй получаетъ санъ Севаста (9).—Норманнъ Робертъ затѣваетъ войну противъ Римлянъ; его отечество, родъ, нравъ (10).—Изъ разбойника онъ дѣлается зятемъ Вильгельма Маскабелы, котораго сажаетъ въ темницу и ослѣпляетъ (11).—Занявъ его область, становитъ

ся правителемъ Лонгобардіи и посягаетъ на самую Имперію; а чтобы имѣть поводъ къ войнѣ, готовится мнимаго Михаила (12).—Папа, поссорившись съ германскимъ царемъ Генрихомъ, вступаетъ въ союзъ съ Робертомъ (13).—Сынъ Роберта Бозмундъ занимаетъ Авлонъ, а самъ Роберта между тѣмъ приготавливаетъ корабли и войско (14).—Посолъ Рауль, возвратившись изъ Константинополя, не совѣтуетъ ему начинать войну (15).—Однакожъ Робертъ изъ Брундузія переплываетъ въ Диррахій, беретъ городъ Корифонъ; Георгій Мономахъ, правитель Иллирій, отказывается помогать Алексѣю, пока послѣдній не вступитъ на престолъ, и въ тоже время сносится съ Робертомъ (16).

Книга II. Трое Комниныхъ—Мануиль, Исаакъ, Алексѣй, возвеличившіеся славою своихъ подвиговъ; благоволеніе царя Вотаниата къ Исааку и Алексѣю; Марія Августа, усыновивъ Алексѣя, защищаетъ его отъ ненависти Ворила и Германа (1).—Наслѣдникомъ царства, мимо сына Маріи Константина, назначается нѣкто Синадинъ; скорбь матери объ этомъ облегчаютъ Комнины и вступаютъ съ нею въ союзъ (2).—По взятіи Кизика Турками, Алексѣй обѣщаетъ свою помощь царю (3).—Германъ и Ворила замышляютъ ослѣпить Комниныхъ; Комнины, узнавъ объ этомъ, вступаютъ въ заговоръ; ночное удаленіе (4).—Анна Далассенская, мать Комниныхъ, по приказанію царя, заключается въ петрейскомъ монастырѣ (5).—Заговорщики сходятся въ Чурулъ, Кесарь Іоаннъ Дука присоединяется къ Комнинымъ и совѣтуетъ имъ идти къ Константинополю (6).—Совѣтъ въ Схизахъ, кому изъ Комниныхъ царствовать; Алексѣй отрекается, но Исаакъ самъ надѣваетъ ему красныя туфли (7).—Мелиссинскій домогается власти на Востокъ; посольство

его хитростію Мангани проводится (8). — Между тѣмъ Константинополь пытаются стрѣльбою; отчаяніе Вотаніата; вѣрность Безсмертныхъ и Варяговъ, невѣрность Немичевъ (9). — Отвѣтъ Комниныхъ Мелиссинскому; взятіе Константинополя измѣною (10). — Вотаніатъ поручаетъ призвать Мелиссинскаго; Георгій Палеологъ противодѣйствуетъ этому (11). — Отецъ его Никифоръ остается вѣрнымъ Вотаніату до конца; но тщетно домогается мира съ Комнинными; патріархъ совѣтуетъ Вотаніату оставить престолъ (12).

Книга III. Вотаніатъ принимаетъ монашество; причина, по которой жена его Марія не оставляетъ дворца (1). — Алексѣй принимаетъ корону изъ рукъ патріарха Космы; не много спустя коронуется и Ирина (2). — Описание наружности царственной четы (3). — Братья Алексѣя украшаются новыми достоинствами и знаками почестей; Константину Дукъ даются права царскаго величія; тогда Марія изъ дворца переѣзжаетъ въ Мангану (4). — Грабительство воиновъ при взятіи столицы Алексѣй искупаетъ молитвами и постомъ (5). — Удаляясь къ предѣламъ имперіи для отраженія враговъ, онъ ввѣряетъ управленіе царствомъ матери, Аннѣ Далассенской (6). — Благоразуміе и краснорѣчіе этой женщины (7). — Чистота нравовъ и благочестіе (8). — Жалкое состояніе Имперіи: съ одной стороны грозитъ ей Робертъ, съ другой Турки, казна истощена, войска почти вовсе нѣтъ; на мѣсто Мономахата, Алексѣй посылаетъ въ Диррахій Георгія Палеолога (9). — Стараются возстановить противъ Роберта какъ другихъ западныхъ государей, такъ особенно императора германскаго (10). — Обуздываетъ Турковъ, подъ предводительствомъ Солимана дѣлавшихъ набѣги до самаго Босфора, и заключаетъ съ ними миръ (11). — Ро-

бертъ, не смотря на то, что потерпѣлъ кораблекрушеніе, приступаетъ къ осадѣ Диррахіа (12).

Книга IV. Робертъ осаждаетъ Диррахій съ моря и суши; Георгій Палеологъ извѣщаетъ Алексѣя письмомъ объ угрожающей городу опасности (1).—Алексѣй, кромѣ Турковъ, призываетъ на помощь Венеціанъ, которые совершенно разбиваютъ Боэмунда (2).—Не оставляя осады и зимою, Робертово войско въ слѣдующемъ году сильно страдаетъ отъ голода и болѣзни (3).—Царь, вѣривъ Исааку попеченіе о Константинополѣ, выступаетъ противъ Роберта; дорогою извѣщается о ходѣ дѣлъ въ Диррахіѣ (4).—Пришедши къ Диррахію, вызываетъ къ себѣ изъ крѣпости Георгія Палеолога, который совѣтуетъ ему не сражаться съ Робертомъ (5).—Робертъ предлагаетъ условія мира; когда же они были отвергнуты, чтобы отнять у своихъ всякую надежду на бѣгство, затопляетъ свои корабли (6).—Обѣ стороны готовятся къ сраженію (7).—Благороднѣйшіе Римляне падаютъ въ битвѣ; самъ Алексѣй раненъ и обращается въ бѣгство (8).—Дивно спасается отъ преслѣдующихъ его непріятелей (9).—Въ два дня достигаетъ Ахриды и тамъ дѣлаетъ распоряженія о защитѣ Диррахіа (10).

Книга V. Диррахій сдается Роберту; Алексѣй собираетъ своихъ въ Діаволисъ; для приготовленія войска, приказываетъ, какимъ бы то ни было образомъ, достать денегъ (1).—Исаакъ Севастократоръ, созвавъ соборъ, требуетъ, чтобы употреблены были для общественной пользы священные сосуды, въ которыхъ не настоитъ надобности; отсюда ненависть халкидонскаго епископа Льва къ императору (2).—Робертъ, узнавъ, что Генрихъ, подстрекаемый Алексѣемъ, намѣренъ напасть на Лонгобардію, оставляетъ въ Диррахіѣ Боэмунда, а самъ воз-

вращается въ Италію; вмѣстѣ съ папою идетъ противъ Генриха, который, услышавъ, что Алексѣй разбитъ, уходитъ домой (3).—Между тѣмъ Боэмундъ, продолжая въ Иллирикѣ войну, беретъ Янину и дважды разбиваетъ Римлянъ (4).—Алексѣй, возвратившись въ столицу, призываетъ на помощь Турковъ; Боэмундъ осаждаетъ Лариссу, которую мужественно защищаетъ Левъ Кефала; императоръ приходитъ на помощь (5).—Придумавъ хитрое движеніе, онъ опустошаетъ непріятельскій лагерь (6).—Но на другой день, по неблагоразумію Михаила Дуки, дѣло пошло не такъ хорошо; Боэмундовы графы, увлеченные Алексѣемъ, заставляютъ Боэмунда отступить въ Авлонъ (7).—Императоръ возвращается въ Константинополь; Церковь возмущается заблужденіями Іоанна Итала: происхожденіе его, занятія, нравы (8).—По повелѣнію царя онъ подвергается анаѣемъ и раскаявается (9).

Книга VI. Алексѣй овладѣваетъ Касторіею и изгоняетъ изъ ней Вріеннія (1).—Манихеи уловляются хитростію (2).—Возвратившись въ столицу, царь созываетъ совѣтъ и очищаетъ себя отъ поношенія въ ограбленіи церковей (3).—Открытіе заговора; Манихей Травль, ненавистникъ Алексѣя, убѣгаетъ и занимаетъ Велиатову (4).—Возвращеніе Роберта въ Иллирикъ; призванные Алексѣемъ Венеціане сражаются съ Латинянами то удачно, то нѣтъ (5).—По смерти Роберта, Норманны возвращаются въ Апулію (6).—Предсказаніе астролога Сиаа о смерти Роберта; эпизодъ о гороскопіи (7).—Въ тоже время рождается Анна Комнина; ее въ привѣтствіяхъ провозглашаютъ вмѣстѣ съ сыномъ Михаила Константиномъ, пока мать не родила сына, котораго рожденіе обрадовало всѣхъ (8).—Солиманъ овладѣваетъ Антиохіею и тотъ

часть подавляется Тутусомъ; великій султанъ, боясь Тутуса, домогается родственной связи съ Алексѣемъ; Алексѣй, пользуясь вѣроломствомъ Сіаія, возвращаетъ Синочь и другіе города (9). — Никейскій сатрапъ Апелхасимъ дѣлаетъ набѣгъ на Виоинію; но побѣжденный царемъ, ищетъ его дружбы (10). — При осадѣ Никеи полководцемъ султана Просухомъ, Алексѣй помогаетъ Апелхасиму и освобождаетъ городъ отъ осады (11). — Султанъ посылаетъ противъ Апелхасима другаго полководца Пузана и вмѣстѣ даетъ ему письмо съ новымъ предложеніемъ родственной связи; убіеніе Апелхасима; Алексѣй, не смотря на отвращеніе свое отъ этого союза, пишетъ однакожъ султану вѣжливо; между тѣмъ Тутусъ подсылаетъ къ султану двѣнадцать хасіевъ и убиваетъ его; Паргіарухъ отмщаетъ за смерть отца; тогда какъ Алексѣй обирался возвратить Никею, султаномъ ея дѣлается Кличестланъ и противодѣйствуетъ его намѣренію (12). — Алексѣй принуждаетъ къ сдачѣ Элхана, занимавшагося грабительствомъ въ поморьѣ Аполлоніи (13). — Начало скиѣской войны; Пакуріанъ и Врана поражаются Скиѣама; вмѣсто ихъ Алексѣй посылаетъ Татикія, который ведетъ дѣло осторожно (14).

Книга VII. Скиѣы или Пачинаки, подъ предводительствомъ Челгуя, дѣлаютъ набѣгъ на Харіуполь, но побѣждаются Римлянами (1). — Однакожъ продолжаютъ нападать на римскіе предѣлы; походъ царя противъ нихъ; Алексѣй, при переговорахъ съ Скиѣама, пользуется предварительнымъ знаніемъ о приближающемся солнечномъ затмѣніи (2). — Пораженіе Римлянъ при Дристрѣ, гдѣ едва спасается и самъ Алексѣй (3). — Дивное спасеніе Палеолога (4). — Скиѣы, по поводу раздѣла добычи, осаждаются въ Озолимиѣ Команами (5). — По удале-

ни Комановъ, Скиѣ, не смотря на заключенный съ Римлянами миръ, простирають набѣгъ до Кипселлы; потомъ снова вступаютъ въ мирныя условія и отступаютъ къ Таврокому (6). — Отсюда слѣдующею весною проникають до Харіуполя; гибель трехъ сотъ архонтопуловъ сильно огорчаетъ Алексѣя; Татикій мститъ врагамъ (7). — Въ то время смиренскій эмиръ Чаха, кроме Клазомены, Фокеи и Митилены, овладѣваетъ Хиосомъ; этотъ островъ, осажденный Константиномъ Далассенскимъ, наконецъ сдается Римлянамъ (8). — Скиѣ при Русѣ, по измѣнѣ Неанца, сильно поражаютъ Римлянъ (9). — Немного спустя Алексѣй, не смотря на мучившую его лихорадку, обращаетъ ихъ въ бѣгство (10). — Римскій лагерь переносится къ Чурулу; Скиѣ осаждаютъ тамъ царя; но онъ остроумною хитростію прогоняетъ Скиѣовъ и возвращается въ Константинополь (11).

Книга VIII. Императоръ сражается съ Пачинаками при Хировакхѣ (1). — Одержавъ побѣду, онъ возвращается въ столицу (2). — Но когда непріатели стали дѣлать набѣги до самаго города, — идетъ въ Энъ (3). — Становится лагеремъ у Левунія (4). При помощи пришедшихъ Комановъ, Пачинаки истребляются (5). — Команы тайно уходятъ; Алексѣй возвращается въ столицу (6). — Аріевъ и Убертопулъ подвергаются наказанію за измѣну; правитель Диррахія Іоаннъ Комнинъ задумываетъ отложеніе (7). — Но по ходатайству Исаака, освобождается отъ вины (8). — Заговоръ Григорія Гавры (9).

Книга IX. Обезопасивъ имперію отъ набѣговъ со стороны Далмаціи, Алексѣй посылаетъ Іоанна Дуку противъ Чахи; Митилена, Самось и другіе острова возвращаются (1). — Отложеніе Карика и Рапсомата (2). —

Когда Чаха сталъ снова готовиться къ войнѣ, султанъ Кличестланъ, котораго царь призывалъ къ себѣ на помощь, пронзаетъ его мечемъ во время обѣда (3). — Правитель Далмаціи Волканъ опустошаетъ сопредѣльные владѣнія Римлянъ и прогоняетъ Іоанна Комнина (4). — Противъ Волкана идетъ Алексѣй; открывается заговоръ Никифора Діогена (5). — Его происхожденіе, намѣренія, качества (6). — Онъ не признается въ злодѣйскихъ замыслахъ (7). — Вынуждается къ тому пытками (8). — Созывается военный совѣтъ; Никифоръ и Кекавменъ Катакалонъ, неизвѣстно, по волѣ ли Алексѣя, лишаются глазъ (9). — Волканъ проситъ мира и даетъ заложниковъ; Никифоръ не оставляетъ своихъ замысловъ, а Алексѣй не перестаетъ жалѣть о немъ (10).

СОКРАЩЕННОЕ СКАЗАНИЕ

О дѣлахъ господина царя Алексѣя Комнина, составленное, съ Божіею помощію, дочерію его господнею Анною порфирородною царевною, которая сама назвала свое сочиненіе Алексіадою.

1, Такущее и всегда неудержимо какъ-то движущееся время увлекаетъ и уноситъ всякое бытіе и погружаетъ въ бездну неизвѣстности. Тамъ скрываетъ оно дѣла и недостойныя, тамъ—и великія, достойныя памяти; тайныя, какъ въ трагедіи, выводитъ наружу, а явныя прячетъ. Но слово исторіи бываетъ сильнѣйшимъ оплотомъ противъ теченія времени: оно нѣкоторымъ образомъ останавливаетъ неудержимое его стремленіе и все въ немъ происходящее,—все, что перенято, удерживаетъ, связываетъ и не допускаетъ до гибели въ пропасти забвенія. Размысливъ объ этомъ, я Анна, дочь царственныхъ лицъ, Алексѣя и Ирины, рожденная и воспитанная въ порфирѣ, не незнакома съ науками (¹) глубоко изучившая греческій языкъ,

(¹) Зонара о Никифорѣ Вріеннѣ и жевѣ его Аліѣ говоритъ такъ: «занимался науками и мужъ; но жена его не только не меньше, а еще больше, чѣмъ онъ. Она получила воспитаніе ученое, говорила

не безъ ревности занимавшаяся риторикою, перечитавшая искусства Аристотеля, разговоры Платона, и укрѣпившая умъ четверицею ⁽¹⁾ наукъ (надобно же было прослѣдить это, и дѣло здѣсь не въ хвастовствѣ: все сіе даровали мнѣ природа и стремленіе къ знаніямъ; а между тѣмъ и Богъ покровительствовалъ мнѣ, и время помогало), рѣшилась въ этомъ моемъ сочиненіи рассказать о дѣлахъ моего отца, которые не заслужили того, чтобы слѣдовало молчать о нихъ и предоставить имъ увлекаться потокомъ времени какбы въ морѣ забвенія,—о дѣлахъ, которые совершилъ онъ, какъ держа въ своихъ рукахъ скипетръ, такъ и прежде, когда еще не носилъ діадимы и служилъ другимъ царямъ.

2. Впрочемъ, я приступаю къ этому не съ тою цѣлію, чтобы показать опытъ моихъ успѣховъ въ словесности, а для того, чтобы столь важный предметъ не остался въ потомствѣ безъ свидѣтельства, потому что и величайшія дѣла, если бы они не были сохранены и преданы памяти посредствомъ слова, исчезли бы во мракѣ

языкомъ чисто аттическимъ, имѣла умъ, настроенный для высшихъ созерцаній. Способности ея были остры, прилеженіе постоянное, она любила дѣлать время съ книгами и учеными людьми, съ которыми бесѣдовала внимательно».

(1) Здѣсь писательница разумеетъ математическую четверицу наукъ, то есть астрологию, геометрію, арифметику и музыку. Объ этой четверицѣ говоритъ Игнатій діаконъ въ Жизни св. Никифора патріарха константинопольскаго Cap. 18. Сія науки у древнихъ Грековъ означаемы были именемъ τὰν μαθημάτων Gell. Lib 1. c. 9. Отсюда произошло названіе: litterae quadriviales, прилагавшееся къ наукамъ математическимъ. Hugo Flaviniac, Abb. An. DCCLIII. Къ этому quadriviumъ въ энциклопедіи воспитанія прилагалось trivium, то есть грамматика, риторика и діалектика. Wibertus in eone IX. PP.

молчанія. Мой отецъ, какъ показали самыя событія, умѣлъ и управлять, и повиноваться, сколько должно, правителямъ. Но рѣшаясь описывать его дѣла, я боюсь подвергнуться подозрѣнію и осужденію, какъ бы то есть, кто не подумалъ, что, рассказывая о своемъ отцѣ, я буду свое хвалить, и всей моей исторіи, когда бы я стала удивляться его дѣламъ, не принялъ за ложь или просто за похвальное слово. А если бы и отецъ позволилъ, и дѣло потребовало невыгодно отозваться о какомъ-нибудь его поступкѣ, имѣя въ виду не лице его, а природу вещей, опять боюсь, какъ бы насмѣшники не сравнили меня съ Хамомъ сыномъ Ноя... всѣ ⁽¹⁾ для всего; ибо по зависти и ненависти, не видя ни въ чемъ хорошаго, они, какъ говоритъ Омиръ, обвиняютъ и невиннаго. Между тѣмъ кто вступаетъ на поприще историка, тотъ долженъ забыть и о благорасположеніи, и о ненависти, и часто превозноситъ величайшими похвалами враговъ, когда требуютъ того дѣла, часто также обличать и людей приближеннѣйшихъ, когда указываютъ на то ошибки въ исполненіи дѣлъ. Носему историку не надобно затрудняться ни въ порицаніи друзей, ни въ одобреніи враговъ. И я прошу быть спокойными тѣхъ и другихъ, и укоряемыхъ нами и довольныхъ нашимъ словомъ, свидѣтельствуя о нихъ и о дѣлахъ ихъ на основаніи самыхъ дѣлъ и лицъ, видѣвшихъ

(1) Текстъ подлинника здѣсь испорченъ и очевидно неполонъ. По гречески стоитъ такъ: *εποχ... αλμ... ἀπαντες πρὸς ἀπαντα*. Эти неполныя сѣченныя слова привести въ правильный контекстъ я не могу.

эти дѣла, ибо самовидцами ихъ были то отцы, то дѣды живущихъ нынѣ людей.

3. Особенно же по слѣдующей причинѣ предприняла я описать дѣла моего отца. Мужемъ моимъ, законно со мною сочетавшимся, былъ Кесарь Никифоръ, изъ рода Вріенніевъ, чело-вѣкъ, далеко превосходившій сверстниковъ и преимуществами красоты, и высотой ума, и точнымъ знаніемъ наукъ. Посмотрѣть ли на него или послушать его, онъ былъ чудо. Но чтобы наше слово не сбивалось съ пути, будемъ держаться послѣдовательности. Итакъ, бывъ отличнѣе всѣхъ, Кесарь помогалъ брату моему самодержцу Іоанну въ войнѣ какъ противъ другихъ варваровъ, такъ и противъ... ⁽¹⁾ (непріятеля), владѣвшаго Антиохіею. Но и среди трудовъ и подвиговъ, не бросая занятій словесныхъ, онъ писалъ замѣчательныя и достопамятныя сочиненія, особенно же по приказанію царицы, рѣшился описывать все, относящееся къ римскому самодержцу Алексѣю, моему отцу, и въ книгахъ излагать дѣла его царствованія, когда только хоть на минуту умолкнетъ стукъ браннаго оружія и дастъ ему досугъ приложить сколько нибудь трудовъ къ словеснымъ занятіямъ. Въ то время онъ дѣйствительно приступилъ къ сочиненію и, по повелѣнію также нашей государыни, возведши повѣствованіе къ высшей эпохѣ, началъ его отъ римскаго самодержца Діо-

(¹) Здѣсь опять пропускъ. Впрочемъ логическій смыслъ рѣчи виденъ и недостающее легко можетъ быть дополнено.

гена и дошелъ до того, кого избралъ своимъ предметомъ; ибо когда Діогенъ процвѣталъ, мой отецъ былъ еще отрокомъ, а до того времени даже не вступилъ еще и въ отроческій возрастъ и не сдѣлалъ ничего, что было бы достойно описанія, развѣ кто за предметъ похвалы захотѣлъ бы брать и дѣтскія его игры. Такова-то была цѣль Кесаря, какъ это показываетъ самое его сочиненіе. Однакожъ надежда его не сбылась; онъ не кончилъ всей исторіи, но, доведши рассказъ до временъ самодержца Никифора Вотаниата, пересталъ описывать дальнѣйшее, потому что идти въ описаніи далѣе не позволило ему время, а чрезъ то и повредилъ описываемымъ событіямъ, и лишилъ удовольствія читателей. Поэтому я рѣшилась сама описать все, что сдѣлано моимъ отцемъ, чтобы такія дѣла не погибли для потомства. Какъ были складны, сколько имѣли въ себѣ пріятности рассказы Кесаря, знаютъ всѣ, встрѣчавшіеся съ его сочиненіями. Но доведши ихъ до того времени, о которомъ я сказала, изложивъ свое сочиненіе вполовину и принеся его намъ изъ-за границы, онъ вмѣстѣ съ нимъ, увы, принесъ и смертельную болѣзнь, которую получилъ частію отъ безконечныхъ неудовольствій; частію отъ непрестанныхъ тревогъ войны, частію отъ невыразимой заботы о насъ; ибо и забота его не оставляла, и труды не прерывались. Кромѣ того приготавливали ему смертельный ядъ равнымъ образомъ неблагопріятная погода и вредное ея вліяніе на здоровье. Отъ насъ, не смотря на

свою болѣзнь, онъ отправился съ войскомъ въ Сирію и Киликію; потомъ оттуда Сирія передала его больного Киликіянамъ, Киликіяне—Памфилійцамъ, Памфилійцы—Лидянамъ, Лидія—Вионніи, Вионнія—столицѣ городовъ и намъ, —передала, когда отъ сильнаго страданія уже распухъ его животъ. Подвергшись столь великой болѣзни, онъ хотѣлъ—было однакожь съ горемъ пополамъ высказать, что съ нимъ случилось, но частію отъ боли не могъ, частію не допустила его я, чтобы отъ разказа не открылась его рана.

4. Переносясь мыслію ⁽¹⁾ въ то время, я чувствую, что душа моя объемлется мракомъ, а глаза орошаются слезами. О, какого римская имперія лишилась въ немъ совѣтника! Сколько приобрѣлъ онъ опытности и какъ былъ отчетливъ въ дѣлахъ государственныхъ, сколько имѣлъ онъ познаній въ наукахъ и сколько различной мудрости относительно чужихъ дворовъ и нашего! Какая прелесть разливалась по членамъ его тѣла! Осанка его, какъ иные говорили, была не только царская, но еще лучше—божественная. Итакъ порфирныя пелены не оградили меня отъ многихъ бѣдствій; я и въ нихъ, такъ сказать, подвергалась несчастнымъ случаямъ. Конечно, нельзя не почитать улыбавшимся мнѣ счастіемъ, что родительница моя и родитель были самодержцы; но прочее, увы,

(1) По гречески стоитъ: ἐγὼ δὲ ἐνταῦθα.... μένη; надобно читать, можетъ быть: τῇ γυνάμει μου γενομένη.

волнисто и возмутительно. Орфей своимъ пѣніемъ двигалъ камни, деревья и совершенно бездушную природу; игрокъ на флейтѣ Тимофеей, заигравъ нѣкогда предъ Александромъ военную пѣсню, тотчасъ возбудилъ Македонянина схватить оружіе и мечъ: повѣсть же обо мнѣ способна возбудить слушателя не къ мѣстному какому движению и не къ оружію или битвѣ, а къ слезамъ, и породить скорбь не только въ чувствующей, но и въ безчувственной природѣ. А что касается до скорби о Кесарѣ и о неожиданной его смерти, то она поразила даже и мою душу и нанесла ей глубокую рану. Такъ что прежде испытанныя мною бѣдствія, въ сравненіи съ этимъ необъятнымъ бѣдствіемъ, по истинѣ значили тоже, что значить росинка въ сравненіи съ цѣлымъ Атлантическимъ моремъ, либо съ водами Адриатики; или лучше сказать, тѣ служили, какъ видно, только предтечами этого,—тогда обдавало меня только дымомъ нынѣшняго пещнаго огня и жаромъ нынѣшняго невыразимаго пламени,—этого ежедневнаго и невообразимаго горящаго костра. О, огонь, пепеляющій безъ горючаго матеріала,—огонь тайно пламенѣющій и жгущій, но не сожигающій, изсушающій сердце и показывающій видъ, будто мы не сохнемъ, тогда какъ жгучесть его проникаетъ до костей и мозговъ, до сокрушенія нашей души! Но я чувствую, что увлеклась отъ своего предмета; предо мною стоитъ Кесарь, и плачь мой о Кесарѣ оказался плачемъ слишкомъ долгимъ. Итакъ отерши слезы съ очей и собравшись съ ду-

хомъ послѣ скорби, пойду впередъ и, какъ въ трагедіи, буду вдвойнѣ плакать, то есть въ несчастіи вспоминать о несчастіи. Вѣдь выведши наружу дѣла такого и столь великаго царя, надобно будетъ вспоминать и о дивныхъ его доблестяхъ, и онѣ опять исторгнутъ у меня горячайшія слезы и заставятъ меня проливать ихъ вмѣстѣ со всею вселенною; потому что воспоминаніе о немъ и описываніе его царствованія для меня будетъ причиною плача, а для другихъ поводомъ къ воспоминанію о потерѣ. Итакъ надобно приступить къ исторіи моего отца и начать ее съ того, съ чего будетъ лучше; а лучше будетъ — съ того, отъ чего разсказъ сдѣлается яснѣе и послѣдовательнѣе.

.

КНИГА I.

1. Царь Алексѣй, мой отецъ, еще до принятія царскаго скипетра, сдѣлалъ много пользы римской имперіи; потому что еще при Романѣ Діогенѣ началъ военное свое поприще и между сверстниками являлся человѣкомъ удивительнымъ, воиномъ, любившимъ опасности. Бывъ тогда четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже хотѣлъ вступить въ войско царя Діогена, который велъ тягчающую войну съ Персами, и этимъ самымъ рвеніемъ грозилъ варварамъ,

что, когда наступитъ время схватиться съ ними, онъ обагрить свой мечъ ихъ кровію. Такъ воинственъ былъ этотъ юноша. Однакожъ въ то время самодержецъ Діогенъ не позволилъ ему слѣдовать за собою; потому что мать его была жертвою сильнѣйшей скорби: она оплакивала тогда смерть старшаго своего сына Мануила, человѣка, совершившаго для римской имперіи великіе и славные подвиги,—и чтобы не оставить ея безутѣшною въ тѣ минуты, когда одного сына она еще не знала, гдѣ похоронить, а другаго посылала на войну и боялась, какъ бы не случилось съ нимъ чего-нибудь бѣдственнаго, и какъ бы не остаться ей въ неизвѣстности даже о томъ, гдѣ онъ падетъ, принудилъ отрока Алексѣя возвратиться къ матери. Итакъ въ то время онъ, хотя и противъ своей воли, долженъ былъ разстаться съ соратниками; за то время послѣдующее открыло ему обширнѣйшее поприще для доблестныхъ подвиговъ. Сколь мужественъ былъ Алексѣй, это показали дѣла его противъ Урзелія ⁽¹⁾, когда по низложеніи царя Діогена, вступилъ на престолъ Михаилъ Дука. Этотъ Кельтъ Урзелій прежде сражался въ рядахъ римскаго войска, но, возгордившись удачами, собралъ около себя толпу, и составивъ значительное войско изъ людей, пришедшихъ частію оттуда же, откуда былъ самъ, частію изъ другихъ различныхъ земель, своевольно сдѣлался сильнымъ тиранномъ. И тогда какъ владычество Рим-

(1) Объ Урзеліѣ См. Врѣнна. Кн. II.

лянъ было уже многократно потрясено, когда и безъ того пересиливали ихъ Турки и неслись имъ въ глаза, какъ песокъ изъ—подъ ногъ; въ то самое время и онъ напалъ на римскую имперію. Имѣя и вообще душу властолюбивую, а когда дѣла имперіи начали клониться къ упадку, еще сильнѣе устремившись къ безусловной тиранніи, онъ опустошилъ почти всѣ восточныя области. Вести съ нимъ войну посылаемы были многіе, прославившіеся своимъ мужествомъ и многократно показывавшіе опыты воинскихъ доблестей въ сраженіяхъ; но онъ являлся выше обширной ихъ опытности и либо самъ нападалъ на нихъ, обращалъ въ бѣгство и, какъ ураганъ, устремлялся на противустоявшія ему войка, либо кромѣ того призывалъ еще на помощь Турковъ. Стремительность его была неудержима, такъ что онъ захватывалъ нѣкоторыхъ очень знатныхъ вождей и преслѣдовалъ ихъ фаланги. Въ то время отецъ мой Алексѣй служилъ подъ начальствомъ своего брата и находился въ войскѣ непосредственно при немъ; а ему ввѣрены были всѣ войска восточнаго и западнаго набора: когда же римскія дѣла пришли въ затруднительныя обстоятельства, и этотъ варваръ разилъ все, какъ громъ; тогда въ достойнаго ему противоборника придумали избрать этого славнаго Алексѣя, и царь Михайлъ объявилъ его самовластнымъ военачальникомъ. Вооружившись всею силою ума, военачальнической и воинской опытности, которую пріобрѣлъ въ непродолжительное время (римскимъ

военачальникамъ казалось, что этотъ человекъ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и внимательностію ко всему возшелъ на крайнюю высоту воинской опытности, подобно тѣмъ Римлянамъ—Эмилию и Сципіону, или Карвагенцу Аннибалу, хотя былъ еще очень молодъ и едва, какъ говорится, имѣлъ пушокъ на бородѣ) Алексѣй взялъ того наводнявшаго римскіе предѣлы Урзелія и не потребовалъ много дней для водворенія спокойствія на Востокѣ; потому что быстро усматривалъ, что полезно было дѣлать, и еще быстрее исполнялъ усмотрѣнное. А каковымъ образомъ взялъ онъ Урзелія, о томъ подробно говорить и Кесарь во второй книгѣ своей исторіи, скажемъ и мы, сколько требуетъ того наше повѣствованіе.

2. Не задолго предъ тѣмъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ Востока пришелъ варваръ Тутахъ ⁽¹⁾ съ сильнѣйшимъ войскомъ и опустошилъ предѣлы римской имперіи. Урзелій, часто тѣснимый Стратопедархомъ, и терявшій одну за другою крѣпости, не смотря на многочисленность своего мужественнаго и прекрасно вооруженнаго войска, въ воинской изворотливости былъ далеко ниже отца моего Алексѣя и потому считалъ нужнымъ пока прибѣгнуть къ Тутаху. Лишившись наконецъ всѣхъ способовъ къ войнѣ, онъ вступаетъ въ сношенія съ нимъ, дружится и упрашиваетъ его помогать себѣ. Но Стратопедархъ Алексѣй противодѣйствуетъ ему .

⁽¹⁾ О Тутахъ см. Вріенн. Кн. II, 17.

въ этомъ отношеніи и, тоже немедленно сблизившись ⁽¹⁾ съ варваромъ, словами, подарками, хитростію и всѣми способами привлекаетъ его на свою сторону; ибо былъ находчивѣе всѣхъ и умѣлъ выдти изъ самыхъ безвыходныхъ обстоятельствъ. Сильнѣйшимъ способомъ для расположенія къ себѣ Тутаха были, коротко сказать, слѣдующія слова: «Твой Султанъ и мой царь друзья между собою, говорилъ Алексѣй; а этотъ варваръ Урзелій простираетъ вражескія руки на того и другаго и страшно противостоитъ обоимъ: онъ нападаетъ и на послѣдняго и всегда по немногу отдѣляетъ какую-нибудь часть отъ римскихъ владѣній, отнимаетъ и у Персовъ, что только можетъ отнять у нихъ. Онъ ко всему приступаетъ искусно. Теперь старается помрачить меня твоею силою, но потомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оставивъ меня, какъ для него уже безопаснаго, опять обратится и подниметъ руки на тебя. Но если ты сколько-нибудь вѣришь мнѣ, то, когда онъ снова придетъ къ вамъ, возьми его и за большія деньги пришли его къ намъ въ узахъ. Отъ этого, говоритъ, ты будешь имѣть тройкую пользу: во-первыхъ, получишь такую сумму денегъ, какой прежде никто не получалъ; во-вто-

(1) Алексѣю хорошо были извѣстны нравы Турковъ. На нихъ всегда сильно дѣйствовали деньги и подарки Leo Aug. in Tact. cap. 18 § 48 говоритъ: племя турецкое всегда безпокойно, скрытно, недружелюбно и невѣрно, жадно до денегъ и презираетъ клятву. Поэтому у Грековъ вошло въ пословицу: *Τουρκον εἶδες, ἄσπρα εἶλες καὶ ἄλλον εἶδες, καὶ ἄλλα εἶλες*. Hermodorus Rhogius.

рыхъ, пріобрѣтешь благоволеніе самодержца; въ-третьихъ, и султанъ весьма обрадуется, что уничтоженъ такой врагъ, поднимавшій руки на обѣ стороны—на Римлянъ и на Турковъ».—Отправивъ съ этимъ посла къ вышеупомянутому Тутаху и вмѣстѣ съ нимъ поручителей изъ знаменитыхъ лицъ, что сумма денегъ въ условленное время будетъ выплачена, отецъ мой и тогдашній вождь римскаго войска убѣдилъ окружавшихъ Тутаха задержать Урзелія. Это скоро было сдѣлано, и Урзелій отправленъ въ Амасію къ Стратопедарху. Но высылка денегъ оттуда замедлилась; потому что самъ Стратопедархъ не могъ уплатить ихъ, а царь и не думалъ о томъ,—и все сіе не отъ того, чтобы, какъ говорить трагедія, дѣло шло нерадиво, а отъ того, что денегъ ни у кого не было. Между тѣмъ Тутахъ настаивалъ и требовалъ либѣ условленной суммы денегъ, либѣ возвращенія того, кто купленъ, и позволенія идти ему туда, откуда онъ былъ взятъ. Не зная, гдѣ взять выкупную сумму, Алексѣй размышлялъ цѣлую ночь и наконецъ придумалъ набрать денегъ взаимобразно у жителей Амасіи ⁽¹⁾. По наступленіи дня, сколь ни трудно было это, созвалъ онъ всѣхъ, особенно же старшинъ и людей богатыхъ деньгами. Смотри особенно на этихъ, онъ говорилъ: «знаете всѣ вы, какъ этотъ варваръ поступалъ со

(1) Амасія—городъ галатійскаго Понта въ Каппадокіи, о которомъ кромѣ Птолемея и Страбона, называющаго Амасію отечественнымъ своимъ городомъ, говоритъ Eustathius Presb. in vit. S. Euthymii Patr. CP. Cap. 37. 39.

всѣми городами Арменіи ⁽¹⁾, сколько разорилъ мѣстечекъ, сколько людей злодѣйски подвергъ невыносимымъ бѣдствіямъ, сколько вытребовалъ отъ васъ денегъ. Но теперь, если хотите, настало время избавиться вамъ отъ причиняемыхъ имъ злодѣяній, то есть, теперь не надобно выпускать его изъ рукъ, когда, какъ видите, онъ, конечно, по волѣ Божіей и нашему старанію, стоитъ предъ нами въ узахъ. Однакожь схватившій его Тутыхъ требуетъ отъ насъ выкупа; а мы въ деньгахъ имѣемъ крайній недостатокъ, потому что, находясь на чужбинѣ и уже давно ведя войну съ варварами, истратили, что имѣли. Если бы царь былъ не такъ далеко, или варваръ давалъ срокъ терпѣть, — я не замедлилъ бы принести оттуда выкупъ. Но такъ какъ вы сами знаете, что ничего такого сдѣлать невозможно, то должно вамъ сложиться и приготовить выкупъ — съ тѣмъ, что вы чрезъ меня получите отъ царя все, сколько доставите». — Сказалъ онъ это, — и предложеніе его тотчасъ было отвергнуто, произошелъ сильнѣйшій шумъ, Амасійцы возмутились; потому что къ гнѣву и шуму возбуждали ихъ нѣкоторые

(1) Во времена Юстиніана Каппадокія дѣлилась на три части: на средиземную, верхнюю и нижнюю. Средиземная называлась харсіанскою — отъ нѣкаго правителя Харсіа; верхняя граничила съ Ликаонією и Тавромъ (Каппадокія меньшая); а нижняя, прилегавшая къ Евксинскому Понту, именовалась армянскою, потому что была погранична съ Арменією. Анна говоритъ здѣсь объ этой послѣдней части Каппадокіи, а не объ Арменіи въ собственномъ смыслѣ, ибо Амасія была городомъ не Арменіи, но первымъ изъ семи городовъ армянской Каппадокіи; Constant. Porphyg. lib. de administr. imp. c. 7 et lib. 1. de Thematibus cap. 2.

злодѣи, раздуватели мятежей, умѣвшіе подстрекать народъ къ бунту. И такъ поднялся громкій шумъ; одни хотѣли спасти Урзелія и возбуждали чернь подать ему помощь; другіе волновались (ибо такова бываетъ нестройность толпы) и намѣрены были, отнявъ Урзелія, освободить его отъ оковъ. Видя неистовство многочисленнаго народа, стратопедархъ понялъ крайнюю стѣсненность своихъ обстоятельствъ, однакожь не упалъ духомъ, но ободрившись, подаль рукою знакъ къ молчанію, и потомъ, едва кое-какъ успокоивъ чернь, обратился съ своимъ словомъ къ ней, и сказалъ: «мнѣ пришлось удивляться, Амасійцы, какъ это вы не понимаете злого умысла людей, обманывающихъ васъ, — тѣхъ людей, которые личное свое спасеніе покупаютъ вашею кровію и всегда причиняютъ вамъ величайшій вредъ; ибо какую пользу получаете вы отъ Урзелиевой тиранніи, кромѣ убійствъ, ослѣпленій, отсѣченія членовъ? Эти, возбуждающіе васъ къ волненію, служа варвару, и собственность свою сохранили неприкосновенною, да опять прильнули и къ царскимъ подаркамъ, хвастаясь тѣмъ, что не предали варвару ни васъ, ни города Амасіи; а о васъ никогда не говорили ни одного слова. Для того-то и хотятъ они поддержать тираннію, чтобы, льстя тиранну благопріятными надеждами, сохранить свою собственность неприкосновенною, а у царя опять выпросить себѣ почести и подарки; когда же произойдетъ какое безпокойство, — они снова выйдутъ изъ воды сухими

и гнѣвъ царя направлять противъ васъ. И такъ, если вы сколько-нибудь вѣрите мнѣ, оставьте въ добромъ здоровьѣ тѣхъ, которые теперь возбуждаютъ васъ къ мятежу. Ступай каждый изъ васъ домой, да размысли о сказанномъ, и тогда узнаете, кто совѣтуетъ вамъ дѣло полезное».

3. Выслушавъ эти слова, они, какъ будто бы марка перевернулась ⁽¹⁾, тотчасъ измѣнили свой образъ мыслей и разошлись по домамъ. А стратопедархъ, зная, что народъ во время сильнаго движенія обыкновенно бываетъ перемѣнчивъ въ своихъ мысляхъ, особенно когда люди злорадные подстрекаютъ его, и боясь, какъ бы чрезъ ночь, надумавшись самъ съ собою, не собрался онъ и, выведши Урзелия изъ темницы, не снялъ съ него оковъ, такъ какъ войска было мало, чтобы противустать ему, придумалъ нѣкую паламидовскую ⁽²⁾ хитрость. Онъ показываетъ видъ что хочетъ ослѣпить Урзелия, и вотъ кладутъ его на землю, палачъ прикладываетъ желѣзо, а тотъ испускаетъ болѣзненные стоны и рыкаетъ, какъ левъ. Всѣ наружныя дѣйствія означали лишеніе глазъ; приказано было самому Урзелию казаться ослѣпляемымъ, кричать и вопить; а тотъ, кто какъ будто исторгалъ у него глаза, долженъ былъ на него лежащаго смот-

(1) Марка перевернулась—*ἡστράχη μεταπίπτουτος*, —пословица, означающая быстрый, нечаянный поворотъ обстоятельствъ. Въ этомъ смыслѣ она встрѣчается въ Платоновомъ Федрѣ, у Эвнэпія, Максима и другихъ греческихъ писателей.

(2) Паламидъ былъ одинъ изъ греческихъ вождей во время троийской войны, превосходившій хитростію самаго Улисса. Поэтому его имя вошло въ пословицу и означало величайшаго хитреца. Hoffm. Lex.

рѣть злобно и дѣлать все съ неистовствомъ, старательно притворяясь ослѣпляющимъ. Такимъ образомъ неослѣпляемый былъ ослѣпляемъ, а народъ шумѣлъ и повсюду громко разносилъ вѣсть объ ослѣпленіи Урзелія. Это, какъ будто на сценѣ выполненное, дѣйствіе побудило весь народъ, и мѣстный и окрестный, будто пчель, составить складчину. Весь этотъ вымысль былъ произведенъ Алексѣевымъ умомъ съ тою цѣлю, чтобы Амасійцы, прежде досадовавшіе на выдачу денегъ и злоумышлявшіе исторгнуть Урзелія изъ рукъ Алексѣя, моего отца, наконецъ поняли, что то злоумышленіе не принесетъ имъ никакой пользы, и немедленно обратились къ совѣту Стратопедарха, котораго они прежде не принимали, а чрезъ то какъ снискали бы его дружбу, такъ и избѣгли бы гнѣва царскаго. Овладевъ такимъ образомъ Урзелиемъ, достославный военачальникъ держалъ его, какъ льва въ клѣткѣ, съ повязками на глазахъ, какбы свидѣтельствовавшими о его ослѣпленіи. Но того, что онъ сдѣлалъ, было ему недостаточно: украсившись великою славою, не уклонился онъ и отъ другихъ подвиговъ; напротивъ покорилъ много и прочихъ городовъ и крѣпостей, и привелъ подъ власть царя всѣ, которыя во времена Урзелія коварно отложились отъ него. Затѣмъ, предпринимая оттуда обратный путь, направился онъ прямо къ царской столицѣ. Прибывъ въ прародительскій ⁽¹⁾ го-

(1) Разумѣется Кастамонъ въ западной см. Вріенн. кн. II, 26.

родъ и тамъ, послѣ тяжкихъ трудовъ, давъ небольшой отдыхъ себѣ и всему войску, онъ показалъ такое же оптическое дѣло съ Урзелиемъ, какое Иракль съ женою Адмета, Алцестою. Племянникъ царствовавшего прежде Іоанна Комнина и сынъ сестры Алексѣева отца, Докіанъ ⁽¹⁾ (это былъ человѣкъ знаменитый и по роду, и по сану), видя, что Урзелия носящаго знаки ослѣпленія водятъ за руку, сталъ глубоко скорбѣть и плакать о немъ, укорялъ военачальника въ жестокости и бранилъ его, что онъ лишилъ глазъ такого знаменитаго мужа, такого великодушнаго человѣка, поистинѣ героя, котораго надлежало бы избавить отъ наказанія. Но Алексѣй отвѣчалъ: «о причинѣ его ослѣпленія ты тотчасъ услышишь, любезный мой»,—и потомъ вскорѣ, введши въ комнату его и Урзелия, открылъ лице послѣдняго и указалъ на искрившіеся огнемъ глаза его. Увидѣвъ это, Докіанъ былъ пораженъ, изумился и не могъ сказать ни слова при видѣ такого чуда. Онъ даже дотрогивался до глазъ руками, не сонъ ли, то есть, видитъ, или не волшебное ли это обаяніе, либо какой нибудь подобный прежнему обманъ. Но наконецъ увѣрившись въ человѣколюбіи своего брата къ этому человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавъ о его искусствѣ, весьма обрадовался, сталъ обнимать его, многократно цѣловалъ въ лице и изумленіе свое измѣнилъ на

(1) Θεοδωρὸς Δοκίανος, см. хронологическую таблицу Комниныхъ.

удовольствіе. Тоже выразили и окружавшіе царя Михаила, и самъ царь, и всѣ прочіе.

4. Оттуда опять, самодержецъ Никифоръ, державшій уже тогда скипетръ римской имперіи, посылаетъ Алексѣя на Западъ, противъ Никифора Вріеннія, который всколебалъ весь Западъ и, возложивъ на себя діадиму, объявилъ себя римскимъ царемъ; ибо какъ скоро самодержецъ Михаилъ Дука сошелъ съ престола и, вмѣсто царскихъ украшеній и порфиры, возложилъ на себя архіепископскій подиръ ⁽¹⁾ и нарамникъ,—вступившій на царскій престолъ Вонтаніатъ и женившійся, какъ ниже будетъ сказано съ большею ясностію, на царицѣ Маріи, началъ управлять дѣлами царства. Между тѣмъ Никифоръ Вріенній, облеченный царемъ Михаиломъ въ достоинство Дукса Диррахіи ⁽²⁾, началъ царствовать еще до воцаренія Никифора и задумалъ отложиться отъ Михаила. Чѣмъ и какъ это открылось,—разсказывать намъ нѣтъ надобности; потому что сочиненіе Кесаря уже показало причину его отложенія: но что выступивъ оттуда — изъ города Диррахія — какбы изъ

(1) Михаилъ Дука, отказавшись отъ престола, удалился въ студійскій монастырь, потомъ былъ епископомъ ефесскимъ, а наконецъ возвратился въ Константинополь и дожилъ свой вѣкъ въ монастырѣ Мануила. См. Zonar., Scylitz., Glycas etc.

(2) Диррахія была область римской имперіи на восточномъ берегу Адріатическаго моря, съ главнымъ городомъ Диррахіемъ, и управлялась Дуксами. Первымъ Дуксомъ Диррахіи былъ Никифоръ Вріенній въ царствованіе Михаила Дуки. Потомъ этотъ дукатъ находился подъ управленіемъ Висилакія, позднѣе же подъ властію Мономахата и сына Севастократорова, Іоанна Комнина. Затѣмъ Дуксами Диррахіи были уже лица изъ франкскаго племени, Carol. du Fresne ad h. l.

основнаго пункта, Никифоръ Вріенній пришелъ и подчинилъ себѣ весь Западъ, и какимъ образомъ наконецъ самъ былъ взятъ, о томъ краткій разсказъ весьма нуженъ. Того, кто желаетъ знать подробности этой исторіи, мы отсылаемъ къ Кесарю. По его словамъ, Никифоръ Вріенній былъ отличный воинъ, происходилъ отъ знаменитаго рода, украшался высокимъ ростомъ и благообразіемъ лица, превосходилъ своихъ сверстниковъ вѣскостію ума и силою мышцъ; это былъ человѣкъ, достойный царства, и имѣлъ такой даръ убѣждать и всѣхъ привлекать къ себѣ съ перваго взгляда и разговора, что всѣ вообще—и военные и частные люди отдавали ему первенство и считали его достойнымъ царствовать надъ всѣмъ Востокомъ и Западомъ. И дѣйствительно, всѣ города, куда онъ приходилъ, принимали его съ отверстыми объятіями и провожали отъ одного къ другому съ рукоплесканіемъ. Это испугало Вотаніата, привело въ уныніе его войско и поставило въ затруднительныя обстоятельства цѣлую имперію. Въ такихъ обстоятельствахъ Вотаніатъ рѣшился съ имѣвшимися на лицо войскомъ послать противъ Вріеннія моего отца, Алексѣя Комнина, недавно возведеннаго въ санъ Доместика школъ ⁽¹⁾. По обстоятельствамъ

(1) Восточная римская имперія, во времена упадка, раздѣлена была опять на восточную и западную относительно Константинополя. Каждая изъ этихъ частей подраздѣлялась потомъ на области или *тѣматы*, которыя управляемы были то Дуксами, то Консулами. Всѣ сии правители въ свою очередь состояли подъ властію двухъ Доместиковъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ управленіемъ областей восточныхъ, а другой—западныхъ. Завѣдываніе областями Востока лежало на Алексѣ Комнинѣ. Turgius l. 2 cap. 3. Впрочемъ см. Вріени. Предисл. стран. 9.

войеннымъ, римская имперія въ то время пришла въ крайне худое состояніе; потому что военныя силы Востока разсѣяны были, какая гдѣ; такъ какъ Турки всюду раздвинулись и держали въ осадѣ почти всѣ области между Эвксинскимъ Понтомъ и Геллеспонтъ, Эгейскимъ и Сирійскимъ морями и другими заливами, особенно же между тѣми, которые омываютъ Памфілію и Киликію и впадаютъ въ Египетское море. Тамъ расположены были отряды войскъ восточныхъ. А что касается до силъ западныхъ, то онѣ всѣ перешли къ Вріеннію; у царя же оставалось слишкомъ ограниченное и немногочисленное войско. Его составляли нѣкоторые Безсмертные ⁽¹⁾, недавно какъ-то научившіеся владѣть мечемъ и копьемъ, потомъ немногіе хоматинскіе ⁽²⁾ воины, да отрядъ Кельтовъ, которыхъ было тоже немного. Эти-то войска даны были моему отцу Алексѣю, да призваны союзники изъ Турковъ, и послѣдовало повелѣніе отъ царя выступить и сразиться съ Вріенніемъ; такъ что царь полагался не столько на это выступавшее войско, сколько на умъ вождя и могущество его въ бояхъ и войнахъ. Слыша, что непріятель идетъ скоро, Алексѣй снарядился самъ, снаря-

⁽¹⁾ О происхожденіи и устройствѣ этого войска см. Вріенн. стр. 127.

⁽²⁾ Хоматинскіе воины назывались по имени одной восточной области Хомы. Эта область находилась недалеко отъ фригійской Лаодикии, близъ истоковъ Меандра. Въ древности она называлась Ликиєю, и была погранична съ Памфілією и Тавромъ. Птоломей въ этомъ мѣстѣ полагаетъ и городъ Хому, о которомъ упоминалось на соборѣ ефесскомъ (part. 2, Act. 1.) и епископомъ котораго былъ Евдоксій. Carol. du. Fresne not.

диль также слѣдовавшихъ за собою и, не дождавшись союзниковъ, выступилъ изъ столицы; а пришедши во Фракію, расположился на рѣкѣ Алмирѣ лагеремъ, не укрѣпивъ его ни рвами, ни частоколомъ. Узнавъ, что Вріенній остановился на поляхъ Кадокта, онъ желалъ, чтобы обѣ арміи, и его и непріятельская, находились на значительномъ разстояніи, потому что не могъ лицомъ къ лицу противустать Вріеннію безъ того, чтобы не обнаружить недостаточность своихъ силъ и не дать замѣтить врагу, каково его войско. Онъ долженъ былъ съ немногими вступить въ сраженіе противъ многихъ, съ неопытными—противъ опытнѣйшихъ, и потому, оставивъ открытую храбрость и явное нападеніе, старался похитить побѣду.

Б. Такъ какъ теперь обоихъ мужественныхъ вождей, Вріеннія и моего отца Алексѣя Комнина (ибо ни въ мужествѣ, ни въ опытности, одинъ другому не уступалъ, одинъ другаго былъ не меньше), повѣсть поставила въ войну; то показавъ расположеніе ихъ фалангъ и боевыхъ линій, слѣдуетъ посмотреть на судьбу войны. Оба эти мужи были прекрасны и благородны, оба силою рукъ и опытностію выравнивались, какбы на вѣсахъ. Поэтому надобно намъ видѣть, отъ чего произошелъ перевѣсъ судьбы. Вріенній, твердо полагаясь на военныя силы, имѣлъ на своей сторонѣ и опытность, и благоустройство войска; а Алексѣй на войско возлагалъ небольшую, слишкомъ слабую надежду, за то превосходилъ своего противника силою искусства и воин-

скою хитростію. Когда оба военачальника увидѣли, что уже время вступить въ сраженіе,—Вріенній, узнавъ, что Алексѣй Комнинъ стоитъ лагеремъ при Каловріи ⁽¹⁾ и преграждаетъ ему путь, повелъ противъ него свое войско въ слѣдующемъ порядкѣ. Онъ расположилъ его на двухъ флангахъ—правомъ и лѣвомъ: правымъ командовалъ родной братъ его Іоаннъ, и оно состояло изъ пяти тысячъ Италіянцевъ и изъ отряда Маниакова ⁽²⁾, также изъ ѳессалійскихъ всадниковъ и значительной части дружины ⁽³⁾; другимъ—лѣвымъ крыломъ управлялъ Тарханіотянинъ Катакалонъ, и его составляли вооруженные Македоняне и Ѳракіяне въ числѣ трехъ тысячъ человекъ; самъ же Вріенній занималъ средину фаланги, составленную также изъ отборныхъ Македонянъ, Ѳракіянъ и всякихъ правительственныхъ лицъ. Всѣ они ѣхали на ѳессалійскихъ коняхъ и были покрыты желѣзными

⁽¹⁾ Каловрію не должно смѣшивать съ островомъ Калавріею, которая иначе называлась Сидрою. Каловрія, по Зонарѣ и Скилицу, было небольшое мѣстечко, получившее это имя отъ обилія источниковъ хорошей воды.

⁽²⁾ Это былъ отрядъ Георгія Маниака, котораго царь Василій послалъ въ Италію или Калабрію, съ цѣлію, при помощи Норманновъ, напасть на Сицилійцевъ, и который потомъ, въ царствованіе Мономаха, задумалъ отложиться, но въ сраженіи при Стробѣ былъ разбитъ. О немъ пишутъ Зонара, Скилицъ, Глика и др.

⁽³⁾ Дружиною—*itairia* у византійскихъ Римлянъ называлось войско, выставленное тою или другою общиною. Слѣдовательно дружина тогда была тоже, что нынѣ войско ополченное или милиція. Впрочемъ Скилицъ (in Michaele Balbo) полагаетъ, что подъ именемъ дружины понимаема была также когорта, служившая въ царскомъ дворцѣ, слѣдовательно соотвѣтствовала значенію царской стражи—лейбгвардіи. А Пахимеръ L. 4. cap. 29 говоритъ, что должность дружины была во дворцѣ ἐπὶ τῷ δὲ ἐσαγωγῇ, то есть принимать и вводить приходящихъ.

латами, а на головахъ ихъ блистали шлемы; кони ихъ поднимались на-дыбы, щиты издавали звуки; сильный блескъ ихъ вооруженія и шлемовъ былъ поразителенъ и возбуждалъ страхъ. Въ срединѣ же войска скакалъ Вріенній, какъ какой-нибудь Марсъ или гигантъ, возвышавшійся своею головою надъ всѣми прочими на пѣлый локоть; это былъ предметъ, возбуждавшій въ зрителяхъ удивленіе и ужасъ. Въ всего этого строя, на разстояніи почти двухъ стадій, шло нѣсколько союзныхъ Скиѳовъ, имѣвшихъ варварское вооруженіе. Приказано было, чтобы они, какъ скоро откроется сраженіе и загремитъ воинская труба, тотчасъ устремились и напали на тылъ непріятелей и поражали ихъ тучею своихъ стрѣлъ, между тѣмъ какъ прочія войска, тѣсно сомкнувши свои щиты, пойдутъ на нихъ со всею силою. Такъ распорядился своимъ войскомъ Вріенній. Отецъ же мой, Алексѣй Комнинъ, осмотрѣвъ положеніе мѣстности, одну часть своего войска поставилъ въ углубленіяхъ, а другую противъ фронта непріятелей. Потомъ, устроивъ обѣ, и скрытую и стоявшую на виду, и воодушевивъ своими словами,—возбудивъ къ мужеству каждаго воина, скрытому отряду внушилъ, чтобы онъ, какъ скоро очутится въ тылу непріятелей, нечаянно напалъ на нихъ и со всею стремительностію и силою ударилъ на правое ихъ крыло, а такъ называемыхъ Безсмертныхъ и нѣкоторыхъ Кельтовъ удержалъ при себѣ подъ собственною командою. Что же касается до Хоматинцевъ и

Турковъ, то, начальникомъ надъ ними поставивъ Катакалона, онъ приказалъ ему все свое вниманіе обращать на Скифовъ и отражать ихъ набѣги. Таковы были его распоряженія. И такъ, когда войско Вріеннія поравнялось съ тѣми мѣстными углубленіями, отецъ мой Алексѣй тотчасъ подалъ знакъ,—и бывшій въ засадѣ отрядъ, выскочивъ съ крикомъ и воплемъ, нечаяннымъ нападеніемъ смѣшалъ непріятелей, поражалъ и убивалъ всѣхъ встрѣчавшихся, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но вышеупомянутый родной братъ главнокомандующаго, Іоаннъ Вріенній, съ стремительною силою и гнѣвомъ поворотивъ поводьями коня, однимъ ударомъ низвергъ шедшаго впередъ безсмертнаго воина и, остановивъ поколебавшуюся фалангу, отразилъ непріятелей. Тогда Безсмертные безъ оглядки и безъ порядка побѣжали назадъ и были убиваемы преслѣдовавшими ихъ воинами. Между тѣмъ отецъ мой, врубившись въ средину непріятелей и мужественно подвизаясь противъ нихъ, поколебалъ уже и ту часть непріятельскаго войска, на которую нападалъ, потому что поражалъ и тотчасъ низвергалъ всякаго, кто съ нимъ встрѣчался, и пока надѣялся, что вѣкоторые слѣдуютъ за нимъ и защищаютъ его, не прекращалъ своего подвига. Но какъ скоро замѣтилъ, что его фаланга разорвана и большею частію уже разсѣяна, то собравъ смѣлѣйшихъ (а такихъ оказалось всего шесть человѣкъ), хотѣлъ приблизиться къ Вріеннію, и съ обнаженными мечами безстыдно напасть на него,

хотя бы вмѣстѣ съ нимъ надлежало умереть и самому ему. Однакожъ одинъ воинъ Θεодотъ, человѣкъ, съ дѣтства служившій моему отцу, показалъ ему прямую безразсудность такого предпріятія и удержалъ отъ исполненія его. И такъ, обратившись къ противоположному образу мыслей, Алексѣй постарался по немногу выйдти изъ среды Вріенніева войска, собралъ и остановилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ изъ числа разсѣявшихся, и опять принялся за дѣло. Но еще не успѣлъ отецъ мой выйдти оттуда, какъ Скиѣы, поднявъ великій крикъ и вопль, поколебали окружавшихъ Катакалона Хоматинцевъ, прогнали ихъ и, легко обративъ въ бѣгство, тотчасъ направились къ грабежу, а потомъ поскакали восвояси. Такой былъ у нихъ обычай;— не совсѣмъ еще поразивъ прѣтивника и не упрочивъ за собою перевѣса битвы, они портили побѣду грабежемъ. Опасаясь, какъ бы не потерпѣть отъ нихъ чего худаго, задняя стража Вріенніева войска, гдѣ помѣщались всѣ व्यюки, смѣшалась съ боевыми линіями и, постоянно тѣснясь въ средину ихъ со всѣмъ, что избѣгло скиѣскихъ рукъ, произвела въ нихъ немалый безпорядокъ и перепутала военныя знамена. Въ это время отецъ мой Алексѣй, остававшійся, какъ выше сказано, въ толпѣ непріятелей, рыща по войску Вріенніа, увидѣлъ, что одинъ изъ царскихъ конюшихъ ведетъ Вріенніева коня (1), красовавшагося пурпурою попо-

(1) За царями въ ихъ походахъ конюхи обыкновенно водили подъ уздцы запасныхъ, или, лучше сказать, парадныхъ ихъ коней въ цар-

ною и вызолоченною збруею и что близъ него бѣгутъ служители, несущіе большія сабли⁽¹⁾, съ которыми они обыкновенно сопровождали царей. Увидѣвъ это, онъ покрываетъ свое лице висѣвшимъ на его шлемѣ наличникомъ и, съ упомянутыми выше шестью человѣками сильно напавъ на эту толпу, низвергаетъ конюшаго, беретъ царскаго коня, захватываетъ сабли и скрытно уходитъ изъ среды войска. Находясь наконецъ внѣ опасности, онъ этого златоуздаго коня и носимыя по обѣимъ сторонамъ царя сабли выслалъ съ глашатаемъ, приказавъ ему скакать по всему войску и громко кричать, что Вріенній палъ. Такимъ способомъ Великій Доместикъ школь, отецъ мой, отсюда собралъ много разсѣявшихся воиновъ и сдѣлалъ ихъ готовыми къ новому нападенію на непріятеля, а другихъ самъ возбудилъ къ мужеству. Остановившись безъ трепета, гдѣ кто былъ, и оглянувшись назадъ, они сильно поражены были тѣмъ, что сверхъ чаянія увидѣли. Съ ними произошло нѣчто необыкновенное. Головы коней, на которыхъ они скакали, обращены были впередъ,

ской збруѣ. Эти кони у Грековъ назывались *surtoi*, а у Римлянъ *dextrarii*. Такого Вріенниева коня увидѣлъ теперь Алексѣй. Codin, de offic. Cap. 5 et 7. Jacobus Cardinalis lib. 2. de coron. Bonifacii VIII cap. 9.

(1) Большія сабли—*ρομφαίαις*. У Кодина онѣ называются *хонтѣриа*, или *дѣрата хеρισомѣнов ѣхонтѣ ѣѣлов*, Ann. lib. 3 *ἁρπυρόπλα δέματα*. Но по Панию, *romphaea est gladius ex utraque parte acutus, quam vulgo spatam dicunt*. Такія сабли или шпаги (*spatas*) въ торжественныхъ выходахъ царя носили по сторонамъ его четыре почетнѣйшихъ сановника, которые поэтому у Кодина называются *ρομφαιοκότορες*. Cap. 17 et. 54. Corippus L. 3.

а лица ихъ самихъ смотрѣли назадъ, и не показывали они желанія ни ѣхать далѣе, ни воротиться, но стояли какъ оглушенные и пришли въ недоумѣніе отъ того, что произошло. Скиѣы, помня о возвратѣ и удаленіи домой, и не думали болѣе преслѣдовать ихъ, но находились вдали отъ обоихъ войскъ и блуждали съ своею добычею. Крикъ глашатая, что Вріеній взятъ и убитъ, мало по малу ободрилъ трусовъ и бѣглецовъ,—и эта вѣсть была въ самомъ дѣлѣ вѣроятна, потому что вездѣ показываемъ былъ конь съ царскими украшеніями и саблями, которыя ясно свидѣтельствовали, что охранявшійся ими Вріеній сдѣлался жертвою непріятельской руки.

6. Потомъ счастье послало и слѣдующій случай. Къ Доместику школъ Алексѣю присоединился отрядъ союзныхъ Турковъ. Узнавъ, что сраженіе остановилось, Турки хотѣли видѣть, гдѣ находится непріятель,—и Алексѣй Комнинъ, мой отецъ, взошедши съ ними на одинъ холмъ, указалъ имъ рукою на непріятельское войско, какбы съ сторожевой башни. Непріатели были въ слѣдующемъ состояніи. Они шли смѣшанно, безъ всякаго строя; какъ одержавшіе уже побѣду, все презирали и почитали себя внѣ опасности. Особенно же обезпечивало ихъ то, что, во время происшедшаго бѣгства, слѣдовавшіе за моимъ отцемъ Франки перешли на сторону Вріеннія. Сопедши съ коней, они по отечественному своему обычаю, подавали ему правыя руки ⁽¹⁾ въ знакъ вѣрности, а между

(1) Здѣсь Анна говоритъ объ отечественномъ обычаѣ Франковъ—въ

тѣмъ другіе со всѣхъ сторонъ сходились и смотрѣли на это событіе. Тогда пронеслась по всему войску молва, что Франки, оставивъ своего вождя Алексѣя, присоединились къ непріятелямъ. Итакъ замѣтивъ, что непріатели идутъ смѣшанно, отецъ мой и недавно пришедшіе Турки раздѣлили войско на три отряда и два изъ нихъ помѣстили въ засадахъ, а третьему приказали идти противъ непріателей, и все это распоряженіе относимо было къ моему отцу Алексѣю. Турки, то есть, не нападаютъ всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ строемъ, фалангами, но отдѣльными отрядами, находящимися въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Каждый изъ такихъ отрядовъ долженъ быстро нестись на непріателей и бросать въ нихъ тучи стрѣлъ. Съ этими отрядами шелъ и мой отецъ Алексѣй со всѣмъ войскомъ, какое могъ въ короткое время составить изъ разсѣявшихся воиновъ. Здѣсь одинъ изъ окружавшихъ Алексѣя Безсмертныхъ, человекъ рѣшительный и смѣлый, погнавъ своего коня и выскочивъ впередъ другихъ, понесся съ опущенными удилами прямо на Вріеннія и весьма сильно ударилъ его копьемъ въ грудь. Но тотъ,

знакъ вѣрности подавать правую руку. Подаваніе руки было у нихъ въ одномъ случаѣ одностороннее, когда подданные, либо вассалы подавали руку своему государю, выражая этимъ ему свою преданность; Auctor Vitae Ludov. Pii An. LCCCXXXVII Regino et Annal. Franc. Fuld. An. DCCCLXXXIV et DCCCLXXXIX; въ другомъ взаимное, когда свидѣтельствовали свою вѣрность другъ другу люди независимые или равные Will Tug. I. 19. с. 16. Отсюда у Гинкмара слово: правая рука, употребляется вмѣсто союза. De ord. palat. cap. 30. Перебѣжавшіе къ Вріеннію Франки подавали ему правую руку въ этомъ послѣднемъ значеніи.

гнѣвно извлекши изъ ноженъ мечъ, прежде чѣмъ копье успѣло далеко вонзиться, тотчасъ перерубилъ его и, ударивъ ранившаго въ ключицу, нанесъ ударъ всему его плечу и отсѣкъ его руку вмѣстѣ съ панциремъ. Между тѣмъ Турки, слѣдуя одинъ за другимъ, покрывали непріятельское войско тучами стрѣлъ. Окружавшіе Вріеннія какъ ни поражены были такою нечаянностію, однакожъ, собравшись наконецъ и построившись, стали выдерживать тяжесть битвы и возбуждали другъ друга къ мужеству. Впрочемъ Турки и мой отецъ не долго противустояли непріателямъ, но скоро притворились обратившимися въ бѣгство, увлекая ихъ ю немногу за собою и наводя на засады. Когда же поравнялись они съ первою засадою, вдругъ повернулись назадъ и стали противъ враговъ лицомъ къ лицу. Тутъ, по данному знаку, бывшіе въ засадѣ тотчасъ повыскакали, кто откуда, какъ осы, и громкимъ крикомъ и воплемъ, непрерывною стрѣльбою изъ луковъ, заставили воиновъ Вріеннія затыкать уши и отъ тучи падавшихъ со всѣхъ сторонъ стрѣлъ закрывать глаза. Въ эту минуту Вріенніево войско не могло уже держаться (ибо каждый воинъ и каждая лошадь были ранены) и, склонивъ знамена къ бѣгству, подставляло свой тылъ подъ удары противниковъ. Но Вріенній, сколь ни утомленъ былъ сраженіемъ, въ которомъ сильно отражали его нападенія, все еще показывалъ мужество и бодрость, и то билъ наступающихъ, обращаясь во всѣ стороны, то ловко и мужественно прикрывалъ бѣ-

гущихъ. Вмѣстѣ съ нимъ съ обѣихъ сторонъ подвизались его братъ и сынъ, и геройскіе подвиги ихъ въ то время казались непріателямъ чудесными. Наконецъ конь Вріеннія усталъ и не могъ ни убѣгать, ни преслѣдовать (потому что отъ непрестаннаго рысканья взадъ и впередъ едва переводилъ дыханіе), и Вріенній, затянувъ его уздою, сталъ, какъ благородный боецъ, готовый принимать нападенія, и вызывалъ противъ себя двухъ мужественныхъ Турковъ. Одинъ изъ нихъ ударилъ его копьемъ, но, не успѣвъ нанести ему тяжелой раны, самъ получилъ отъ его руки рану тяжелѣйшую; ибо Вріенній своимъ мечемъ отрубилъ ему руку, которая упала на землю вмѣстѣ съ копьемъ. Другой же соскочивъ съ своего коня, какъ тигръ, бросился на коня Вріенніева ухватился за его бедро и, крѣпко держась за него, старался взлѣзть на спину. Вріенній, какъ звѣрь, оборотившись, хотѣлъ проколоть его мечемъ; но это дѣло ему не удавалось, потому что Турокъ всегда прятался за спиною и избѣгалъ пораженія. Когда наконецъ правая рука Вріеннія отказывалась махать попусту; тогда этотъ боецъ, отчаявшись въ успѣхѣ, вскакалъ въ средину непріательскаго войска и сдался. Взявъ его и вмѣняя это въ величайшую себѣ честь, воины повели его къ Алексію Комнину, который, стоя недалеко отъ того мѣста, гдѣ взять былъ Вріенній, распоряжался варварскою и своею фалангами и возбуждалъ ихъ къ сраженію. О взятіи этого мужа они сперва возвѣстили чрезъ нѣкоторыхъ гла-

шатаевъ, а потомъ и самого его представили военачальнику, какъ зрѣлище, страшное и въ сраженіи, и въ плѣнѣ. Такимъ образомъ захвативъ въ свои руки Вріеннія силою оружія, Алексѣй Комнинъ послалъ его къ царю Вотаниату, а глазъ его этотъ человѣкъ вовсе не трогалъ; ибо не таковъ былъ Комнинъ, чтобы нападать на противустоявшихъ ему людей, послѣ взятія ихъ, напротивъ самое взятіе врага онъ почиталъ уже достаточнымъ ему наказаніемъ. Въ этомъ случаѣ съ его стороны проявлялись только чело-вѣколюбіе, привѣтливость и великое уваженіе, что выразилъ онъ и Вріеннію; ибо взявъ его и совершивъ съ нимъ уже довольно длинный путь, Алексѣй, по прибытіи... ⁽¹⁾ (въ какое-то мѣсто), желалъ облегчить скорбь своего плѣнника добрыми надеждами и сказалъ ему: «сойдемъ съ коней и сядемъ немного отдохнуть». Но этотъ, испугавшись опасности, которая грозила его жизни, походилъ на помѣшаннаго и не чувствовалъ нужды въ отдыхѣ. Да и чего можно было ожидать отъ человѣка, отчаявшагося сохранить жизнь? Однакожъ онъ тотчасъ послушался военачальника; ибо если и рабъ легко слушается всякаго приказанія, то тѣмъ болѣе плѣнникъ. Итакъ вожди сошли съ коней, и Алексѣй тотчасъ легъ на зеленой травѣ, какъ на постелѣ, а Вріенній склонилъ свою голову на пень высокаго дуба: первый заснулъ, а послѣдній, какъ

⁽¹⁾ Здѣсь собственное имя мѣста, въ которое Алексѣй прибылъ съ Вріенніемъ, въ греческомъ подлинникѣ пропущено.

говорится въ одномъ сладенькомъ стихотвореніи, не предавался глубокому сну, но, смотря во всё глаза и видя, что на вѣтвяхъ виситъ мечъ, а вокругъ себя никого не видя, пробуждается отъ своего унынія, берется за умъ и хочетъ убить моего отца. И это намѣреніе вѣроятно исполнилось бы, если бы не воспрепятствовала вышняя божественная сила, смягчившая жестокость Вріенніева чувства и расположившая его къ кротости относительно военачальника. Я часто сама слыхала, какъ онъ рассказывалъ объ этомъ. Отсюда, кто хочетъ, можетъ заключить, что Богъ хранилъ Комнина, какъ сокровище, для высшаго званія, съ цѣлію возстановить чрезъ него скипетръ римской имперіи. Если же послѣ того съ Вріенніемъ произошло нѣчто непріятное, то причина была въ окружающихъ царя лицахъ, а мой отецъ въ этомъ невиненъ.

7. Такъ совершился походъ противъ Вріеннія. Но отцу моему, великому Доместику, Алексѣю предстоялъ впереди не покой, а за однимъ подвигомъ—другой подвигъ. Одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ Вотаниату варваровъ, Вориллъ, выѣхавъ изъ города, встрѣтилъ моего отца, великаго Доместика и, взявъ изъ его рукъ Вріеннія, сдѣлалъ съ нимъ то, что сдѣлалъ, а отцу моему именемъ царя приказалъ идти на Васибеки (1), который тоже возложилъ на себя

(1) Никифоръ Васибеки, саномъ Магистръ и Протопроедръ (Вріен. стр. 90), сперва былъ Дуксомъ Θεοδοσιополя потомъ, послѣ Вріеннія,

царскую діадиму и, послѣ Вріеннія, неудержимо волновалъ Западъ. Этотъ Васиlaki былъ одинъ изъ мужей весьма удивительныхъ по мужеству, твердости духа, смѣлости и силѣ. Притомъ онъ имѣлъ душу властолюбивую, захватилъ себѣ высшія почести, и одни почетные титулы ложно приписывалъ себѣ, а другихъ домогался. Когда Вріенній былъ низложенъ, этотъ въ качествѣ его преемника, вступилъ во всѣ права его тираниіи и, начавъ съ Эпидамна—митрополиі Илирика, прошелъ до столицы Ѳессалиі. На этомъ пути онъ все опрокидывалъ, самъ себя объявлялъ и провозглашалъ царемъ и присоединялъ къ себѣ Вріенніево, по произволу блуждавшее войско. Онъ былъ также человѣкъ удивительный и по высотѣ роста, и по силѣ мышцъ, и по пріятности лица, чѣмъ тотъ дикій и воинственный народъ особенно увлекается; ибо онъ не смотритъ на душу и не обращаетъ вниманія на добродѣтель, но знаетъ только тѣлесныя совершенства,—удивляется дерзости, силѣ, быстротѣ, росту, и эти одни почитаетъ достойными порфиры и діадимы. Впрочемъ Васиlaki и по душевнымъ качествамъ былъ не неблагороденъ, имѣлъ душу мужественную и неустрашимую. Вообще въ стремленіяхъ и взглядѣ его проявлялось что-то властительское. Голосъ у него былъ громовый, такъ что приводилъ въ страхъ цѣлое войско; а крикомъ своимъ онъ могъ обуздать дерзость всякой души. Его слово равно

Дуксомъ Дипрахіи. Zonar. Scylit. Glyc. См. Вріен. стр. 33—35. 99. 103. et al.

было непреодолимо, направлялось ли оно къ возбужденію война сражаться, или къ обращенію его въ бѣгство. Владѣя такими преимуществами, этотъ человекъ собралъ около себя не-оборимое войско и, какъ мы сказали, занялъ столицу Фессаліи. Итакъ, намѣреваясь вступить съ нимъ въ войну, какъ съ Тифономъ или стору-кимъ Гигантомъ, отецъ мой Алексѣй Комниъ долженъ былъ воспользоваться всею силою воинскаго своего искусства и призвать на помощь все свое мужество, чтобы противустать достойному себя непріятелю. Еще не страши съ себя пыли послѣ перваго подвига, еще не смывши прежней крови съ меча и рукъ, онъ, какъ грозный левъ, идетъ на этого вооруженнаго клыками и раздраженнаго имъ кабана, Васи-лаки, и достигаетъ рѣки Вардарія, ⁽¹⁾ которую этимъ именемъ называли туземцы и которая течетъ издалека—отъ предѣловъ Мизіи и, миновавъ многія мѣста, разграничиваетъ страны, съ востока прилежащія къ Верріи ⁽²⁾, а съ запада къ Фессалоникъ, и впадаетъ въ сѣверное наше море.

⁽¹⁾ Вардарій, или Вардара, извѣстная рѣка въ Македоніи, впадающая въ термекскій заливъ и въ древности называвшаяся Аксіемъ. Писатели часто упоминаютъ о ней. Theophilact. epist. 53, Acropol. Greg. Lib. 8, Zonar. in Bulgaroctono. Codin. de Offic. c. 3 etc.

⁽²⁾ Географы упоминаютъ о трехъ городахъ этого имени. Одну Веррію полагаютъ въ Сиріи, у Анны и Киннама она называется Χαλέπ, нынѣ Алеппо; другую — во Фракіи между мизійскимъ Никополемъ и еракійскимъ Филиппополемъ, при подошвѣ горы Бермисъ; третью въ Македоніи, о которой говоритъ Constant. Porphyrog. l. 2, de Themat. и которую Кедринъ называетъ Иринополемъ, такъ какъ она построена императрицею Ириною. Здѣсь разумѣется послѣдняя Car. du Fresne ad h. l.

Величайшія рѣки имѣютъ такое свойство, что, когда, чрезъ наносы, на одномъ мѣстѣ скопляется много земли, онѣ текутъ сообразно съ наклоненіемъ плоскости и смѣняютъ свое ложе,—прежнее оставляютъ сухимъ, безъ воды, а протекаемое ими новое обильно наполняютъ водою. Видя эти два ложа—старое, тянущееся въ видѣ сухаго рва, и новое, по которому течетъ рѣка, сообразительнѣйшій военачальникъ Алексѣй, отецъ мой, пришелъ къ мысли, что съ одной стороны, обезопасить его теченіе рѣки, а съ другой, охранить прежнее ложе, отъ сильнаго стремленія воды, образовавшееся въ самодѣльный ровъ, и потому расположился лагеремъ на пространствѣ между сими ложами, отстоявшими одно отъ другаго не больше, какъ на двѣ или на три стадіи. Здѣсь тотчасъ же было объявлено всѣмъ воннамъ, чтобы днемъ они отдыхали и укрѣпляли свое тѣло сномъ, а конямъ задали достаточно корму; ибо съ наступленіемъ вечера придется имъ бодрствовать и ожидать отъ непріятеля чего-нибудь нечаяннаго. А такъ распорядился отецъ мой, думаю, потому, что тѣмъ вечеромъ предвидѣлъ опасность со стороны непріятелей; ибо ожидать отъ нихъ нападенія могъ онъ, бывъ наученъ либо многократными опытами, либо какими-нибудь иными соображеніями. Впрочемъ его предсказаніе простиралось не на отдаленное время, и не то, чтобы, ограничившись предъузываніемъ, онъ не дѣлалъ надлежащихъ распоряженій; нѣтъ, вышедши изъ палатки, онъ взялъ все войско съ

оружіемъ, конями и всѣми принадлежностями, и вывелъ его изъ лагеря; въ палаткѣ же, равно какъ по всему лагерю, приказалъ засвѣтить огонь и ввѣрилъ ее со всѣми бывшими въ ней съѣстными припасами и другими потребностями приближенному къ себѣ Іоанникию, издавна избравшему монашескій родъ жизни. Отошедши съ вооруженнымъ войскомъ довольно далеко, онъ ждалъ, что будетъ, и поступилъ такимъ образомъ для того, чтобы Васиlaki, видя вездѣ горящіе огни и освѣщенную лампадою палатку моего отца, подумалъ, что онъ въ ней спитъ, и что слѣдовательно тамъ легко захватить его и взять въ плѣнъ.

8. Догадка моего отца, Алексѣя, какъ мы сказали, была не пустая. Ведя многочисленное войско изъ конницы и пѣхоты, Васиlaki не замедлилъ подступить къ мнимому лагерю и, нашедши, что всѣ шалаши освѣщены были огнемъ, а въ палаткѣ военачальника сіяла лампада, изъ всѣхъ силъ съ страшнымъ воплемъ и ревомъ бросился къ ней. Но какъ того, кого чаялъ онъ пайти, нигдѣ не оказывалось, да и вовсе не видно было ни воина, ни военачальника, кромѣ оставленныхъ при лагерѣ ничтожныхъ наемныхъ слугъ; то онъ еще сильнѣе заревѣлъ: «гдѣ же картавый?»—выражая этимъ словомъ насмѣшку свою надъ великимъ Доместикомъ; ибо отецъ мой Алексѣй хотя вообще былъ рѣчистъ, такъ что въ его время не представлялось ритора, болѣе способнаго къ разсужденіямъ о предметахъ и къ доказыванію ихъ; однакожъ на буквѣ *ῥῶ* онъ немного спотыкался, и языкъ его, плавно

произносившій прочія стихіи слова, выговаривалъ ее неясно. Итакъ Васиlaki съ досадою кричалъ, разыскивалъ, все переворачивалъ—и сундуки, и складныя стулья, и сосуды, и даже самую кровать моего отца, не спрятался ли военачальникъ гдѣ-нибудь; потомъ быстро взглянулъ на монаха, такъ называемаго Іоаннікія. Мать Алексѣя старалась, чтобы онъ во всѣхъ своихъ походахъ имѣлъ въ своей палаткѣ одного изъ почетнѣйшихъ монаховъ, и этотъ внимательный сынъ покоренъ былъ материнскому желанію не только въ дѣтствѣ, но и въ юношескомъ возрастѣ—до тѣхъ поръ, пока не вступилъ въ бракъ. Пересмотрѣвъ въ палаткѣ всякую всячину и, какъ у Аристофана ⁽¹⁾, не переставая рыться во мракѣ, Васиlaki наконецъ спросилъ о Іоаннікіи Доместикъ. Когда же этотъ увѣрилъ его, что Алексѣй со всѣмъ своимъ войскомъ за нѣсколько предъ тѣмъ часовъ вышелъ изъ лагеря, онъ увидѣлъ себя жестоко обманутымъ и, отказавшись отъ всего, долго кричалъ, пока не заревѣлъ: «воины! мы обмануты; непріятель внѣ лагеря». Но еще не кончилъ онъ этихъ словъ, какъ вдругъ, навстрѣчу выступившему изъ лагеря войску Васиlaki, является отецъ мой Алексѣй Комницъ, быстро прискакавшій съ немногими впередъ своего войска. Видя, что кто-то устрояетъ непріятельскую фалангу (ибо многіе изъ воиновъ Васиlake-

(1) Указывается на слова Аристофана въ его Облакахъ: *ἔντοι δ' ἔρεβδιγῶσιν ὑπὸ τὸν Τάρταρον*.

выхъ, предавшись грабительству и ища добычи,—это была преднамѣренная хитрость моего отца,—еще не успѣли сойтись и стать въ ряды, чрезъ что великій Доместикъ нанесъ имъ величайшее пораженіе), и такъ, видя что кто-то устанавливаетъ фалангу, и либо по росту устанавливавшего, либо по блеску его оружія (ибо въ вооруженіи его отражался свѣтъ звѣздъ) заключая, что то-самъ Васиlaki, Алексѣй схватывается съ нимъ и сильно ударяетъ его по рукъ. Рука вмѣстѣ съ мечемъ тотчасъ упала на землю, и это поразило фалангу великимъ страхомъ. Однакожъ то былъ не Васиlaki, а одинъ изъ благороднѣйшихъ вождей, нисколько не уступавшій въ мужествѣ самому Васиlaki. Потомъ Алексѣй сильно полетѣлъ на непріятелей, билъ ихъ стрѣлами и ранилъ копьями, устрашалъ ихъ крикомъ, воплемъ и темнотою ночи, для вѣрной побѣды бралъ въ расчетъ и мѣсто, и время, и средства, и сверхъ того ловко пользовался твердостію ума и ясностію мысли, вездѣ предупреждалъ бѣжавшаго туда и сюда непріятеля, и различалъ врага отъ друга. Одинъ Каппадокіянинъ, по прозванію Гулій, вѣрный слуга моего отца, человекъ съ рукою крѣпкою, съ духомъ въ сраженіи неудержимымъ, увидѣвъ и несомнѣнно узнавъ Васиlaki, ударилъ его по шлему, но потерпѣлъ тоже, что Менелай въ сраженіи съ Парисомъ; то есть, клинокъ его меча разлетѣлся въ дребезги и упалъ, въ рукъ же осталась одна рукоять. Увидѣвъ это, военачальникъ тотчасъ сталъ бранить его, что

онъ не умѣеть держать меча, и называлъ его малодушнымъ; но воинъ, показавъ ему оставшуюся у него рукоять, расположилъ великаго Доместика къ большей кротости. Тогда же и одинъ Македонянинъ, по имени Петръ, по прозванію Торникій ⁽¹⁾, ворвавшись въ средину непріятелей, убилъ многихъ изъ нихъ; а фаланга между тѣмъ шла, не зная, что дѣлается, ибо сражаясь во мракѣ ночи, воины не въ состояніи были видѣть все происходящее. Тѣмъ временемъ Комнинъ наступалъ на неразорванную еще часть непріятельской фаланги и билъ всѣхъ встрѣчавшихся, но потомъ обернулся опять къ своимъ и, желая скорѣе разсѣять державшійся въ строю отрядъ Василадельскаго войска, поскакалъ къ бывшимъ назади своимъ воинамъ и убѣждалъ ихъ не медлить, но слѣдовать за нимъ и скорѣе идти къ указанному имъ мѣсту. Въ эту минуту одинъ изъ подчиненныхъ Доместикъ Кельтовъ, воинъ, чтобы въ короткихъ словахъ высказать все, благородный и исполненный мужества, какъ Марсъ, видя, что мой отецъ только что выѣхалъ изъ среды непріятельской толпы съ обнаженнымъ мечемъ, еще дымившимся кровію, и принявъ его за одного изъ непріятелей, вдругъ напалъ на него и ударилъ его копьемъ въ грудь съ такою силою, что, конечно, вышибъ бы военачальника изъ сѣдла,

(1) Этотъ Торникій происходилъ отъ того Торникія, который въ царствованіе Василія и Константина былъ Префектомъ Италіи. Carol. du Fresne ad h. l.

еслибы онъ сидѣлъ на немъ не такъ крѣпко, не назвалъ напавшаго по имени и не погрозился отрубить ему мечемъ голову. Впрочемъ извинившись незнаніемъ, темнотою ночи и безпорядочною свалкою сраженія, Кельтъ остался въ живыхъ.

9. Таково было ночное дѣло Доместика школъ, совершенное имъ съ немногими воинами. Потомъ, какъ скоро начало разсвѣтать и солнце выглянуло изъ-за горизонта,—начальники Василадельскихъ фалангъ поспѣшили всѣми мѣрами собрать своихъ людей, занимавшихся грабежемъ и неучаствовавшихъ въ сраженіи. Но къ тому же времени и великій Доместикъ, установивъ свое войско, снова пошелъ противъ Василадель. Воины Доместика, увидѣвъ, что нѣкоторые изъ непріятелей удалились отъ своей фаланги, быстро понеслись на нихъ, обратили ихъ въ бѣгство и иныхъ, взявъ въ плѣнъ, привели къ Алексѣю. Между тѣмъ братъ Василадель Мануиль, взбѣжавъ на одинъ холмъ и стараясь ободрить свое войско, громко кричалъ: «этотъ день и побѣда принадлежатъ Василадель». Тутъ нѣкто, по имени Василій, а по прозванію Куртикій, знакомецъ и пріятель того Никифора Врѣннія, о которомъ было говорено, человекъ въ сраженіи неустойчивый, выскочивъ изъ Комнинова строя, взбѣжалъ на холмъ. Тогда братъ Василадель Мануиль, исторгнувъ свой мечъ изъ ноженъ, опустилъ поводья и помчался на него изо всей силы; но Куртикій, схвативъ не мечъ, а висѣвшую у его сѣдла палицу, ударилъ ею

Мавуила по плему и, сбивъ его съ коня, приволокъ къ моему отцу связаннымъ, какъ добычу. Послѣ всего этого остальное Василадельское войско, увидѣвъ наступающія колонны Комнина, недолго противустояло имъ и бросилось бѣжать. Василеди побѣждалъ первый, а Алексѣй Комнинъ преслѣдовалъ его. Когда же достигли они Фессалоники, — Фессалоникійцы Василеди приняли въ городъ, а предъ военачальникомъ вдругъ затворили ворота. Но отецъ мой не отступилъ: онъ и не снималъ латъ, и не оставлялъ шлема, и не облегчалъ своихъ плечей отъ щита, и не бросалъ меча, но ставъ лагеремъ, грозилъ городу взятіемъ стѣнъ и совершеннымъ опустошеніемъ. Стараясь сохранить Василеди, онъ чрезъ спутника своего монаха Іоаннікія (а это былъ такой человѣкъ, котораго добродѣтели всѣ прославляли) предлагалъ ему миръ и ручался, что онъ не потерпитъ ничего худого, если сдастъ и себя, и городъ. Но Василеди не вѣрилъ; а Фессалоникійцы, боясь, какъ бы городъ, бывъ взятъ, не испыталъ бѣдствій, открыли Комнину входъ въ него. Тогда Василеди, узнавъ о поступкѣ народа, ушелъ въ Акрополь и сталъ оттуда нападать на городъ. Не оставлялъ онъ борьбы и оружія, не смотря на увѣренія Доместика, что онъ не потерпитъ ничего жестокаго. И въ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя тѣснили его, былъ онъ очень мужественъ, и никакъ не хотѣлъ отказаться отъ своего мужества, пока жители Акрополя и всѣ стражи не изгнали его оттуда силою, противъ

воли, и не выдали великому Доместику. Тогда Алексѣй, пославъ къ царю извѣстіе о взятіи Васи-
силаки, самъ нѣсколько дней оставался еще въ
Фессалоникѣхъ и, возстановивъ въ ней порядокъ,
торжественно возвратился въ Константинополь.
Посланные отъ царя, встрѣтивъ моего отца
между Филиппами и Амфиполемъ и предста-
вивъ ему письменное царское повелѣніе, взяли
у него Василаду и, отведши его въ одно мѣстечко,
называемое Хлемпиною, тамъ, близъ источника,
выкололи ему глаза. Съ того времени тотъ ис-
точникъ и до сихъ поръ называется Василадіе-
вымъ. Это былъ третій подвигъ великаго Але-
ксѣя, какбы какого Геркулеса, прежде чѣмъ
онъ вступилъ на престолъ; ибо тотъ не погрѣ-
шилъ бы противъ истины, кто этого Васи-
лаки назвалъ бы эримантскимъ кабаномъ, а му-
жественнаго моего отца Алексѣя—Геркулесомъ.
Вотъ стяжанія и дѣла, пріобрѣтенныя Алексѣ-
емъ Комнинымъ до его воцаренія. Въ награду
за все сіе онъ получилъ отъ самодержца санъ
Севаста и провозглашенъ въ Сенатъ Севастомъ.

10. Мнѣ кажется, что какъ подверженныя
порчѣ тѣла получаютъ болѣзни либо отъ внѣш-
нихъ причинъ, либо причины болѣзней раз-
виваются въ нихъ сами собою, и часто явля-
ются горячки то отъ нехорошей погоды, то отъ
извѣстныхъ свойствъ пищи, а иногда отъ пор-
чи соковъ: такъ и римскую имперію въ тѣ вре-
мена поражало зло, причиняя ей смертоносныя
язвы, то чрезъ упомянутыхъ выше Урзелиевъ,
Василадіевъ и разныхъ другихъ домашнихъ ис-

кателей тиранніи, то чрезъ пришедшихъ отъ-
инуды тиранновъ, и вносило въ нее неотразимыя
бѣдствія, неисцѣлимые болѣзни. Къ числу по-
слѣднихъ надобно отнести и того властолюбца и
гордеца, извѣстнаго Роберта ⁽¹⁾, котораго по-
родила Нормандія, а выкормилъ и воспиталъ
всевозможный развратъ. Римская имперія на-
влекла на себя такого врага, подавъ ему по-
водъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ чрезъ чуж-
доплеменный, варварскій и вовсе неприличнѣй-
шій намъ бракъ, особенно же чрезъ неблагоразу-
міе царствовавшего тогда Михаила, продол-
жившаго родовую цѣнь дома Дуковъ. Если и
придется мнѣ затронуть кого-нибудь изъ кров-
ныхъ моихъ родственниковъ (ибо и мой родъ,
по матери, происходитъ изъ того же дома), то
пусть не гнѣваются на меня; ибо я рѣшилась обо
всемъ писать правду и хочу вывести наружу
всеобщее порицаніе, взводимое на ту династію.
Вышеупомянутый самодержецъ Михаилъ Дука
обручилъ своего сына Константина съ дочерью
⁽²⁾ того варвара,—и отсюда возгорѣлась война.
Объ этомъ сынъ царя, Константинъ, о супру-

⁽¹⁾ Робертъ Нормандецъ, князь Апуліи.

⁽²⁾ По свидѣтельству Скилицы, эта дочь Роберта привезена была въ Константинополь и, получивъ имя Елены, обручена съ сыномъ Михаила, Константиномъ. Однакожъ предполагаемый бракъ не состоялся во-первыхъ по несовершеннолѣтію Константина, во-вторыхъ потому, что Вотаниатъ, вступивъ на престолъ, отпустилъ Елену къ ея отцу. Но Gaufr. Malaterra Lib. 3. c. 13 пишетъ, что она содержалась въ Константинополѣ подъ крѣпкою стражею, *ne forte, si alicui potenti nuberet, quia haereditali imperatori semel in Palatio coronata fuerat, ab ipso cui nuberat, aliquid haereditas per ipsam in Palatio proclamaretur.*

жескихъ его отношенійхъ и совершенно варварскомъ бракѣ, о томъ, какъ этотъ человѣкъ былъ красивъ и высокъ ростомъ, какія имѣлъ способности и отъ кого наследовалъ ихъ,—мы скажемъ въ свое время, когда немного послѣ разсказа объ этомъ бракѣ и пораженіи всей варварской силы, всѣхъ норманнскихъ тирановъ, которыхъ неблагоразуміе Михаила вооружило противъ римской имперіи, я буду оплакивать и свою собственную судьбу. Сперва надобно мнѣ своимъ словомъ взойти выше и разсказать объ этомъ Робертѣ, изъ какого былъ онъ рода, какое было его званіе, на какую степень могущества возвело его стеченіе обстоятельствъ, особенно же, — чтобы выразиться языкомъ благочестія,—чего достигнуть позволилъ ему Промыслъ, уступая злонравнымъ его стремленіямъ и ухищреніямъ. Этотъ Робертъ родомъ былъ Нормандецъ, по состоянію человѣкъ незначительный ⁽¹⁾, но съ замыслами

(1) Ниже Анна о его состояніи говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *ἐξ ἀφανούς πάνυ τυχῆς περιφανῆς; ἀπὸ ἐσχάτης πενίας καὶ τυχῆς ἀφανούς.* А Іоаннъ Бомптонъ свидѣтельствуетъ о немъ такъ: *iste Robertus licet probus et de familia regis (Wilhelmi Rudolphi Angl. regis), pauper tamen erat et nullam ditandi gratiam apud regem illum potuit invenire.* Напротивъ Otho Frisingensis (lib. I. de Gestis Frider. cap. 3) пишетъ: *Robertus iste ex mediocri stirpe in Normannia ex eorum ordine, quos Uavassores vulgo illi dicere solent, in plaga, quam Constantiam indigenae vocant, editus.* У него же читаемъ (lib. 6. cap. 33): *ea tempestate Normannorum gens inquietissima, Roberto Guiscardo duce, humilis conditionis viro, sed strenuissimo, Apuliam invadit.* Одерикъ же (lib. 3) говоритъ: *Hic Tancredi de Altagilla, mediocris cujusdam viri filius fuit.* Мѣстечко Альтавила, откуда происходилъ Робертъ, было въ той части Франціи, которая называлась сперва Нейстріею, а потомъ Нормандіею, и получила это имя отъ сѣверныхъ Норманновъ, которымъ Карлъ Простой отдалъ эту страну для поселенія. *Malaterra lib. 1. cap. 40.*

властолюбивыми, съ душою коварнѣйшею ⁽¹⁾, съ рукою мужественною, весьма сильнымъ домогательствомъ богатства и имущества людей знатныхъ, упорный въ исполненіи своихъ намѣреній и неудержимо стремившійся къ своей цѣли. А ростомъ былъ онъ такъ высокъ, что превышалъ самыхъ высокихъ; цвѣтъ кожи имѣлъ огненный, волосы рыжіе, въ плечахъ былъ широкъ, а глаза его такъ сіяли, что будто искрился въ нихъ огонь. Для него было удобно—и развить, когда требовалось, всю громадность своего тѣла, и сжать его въ тѣснѣйшій объемъ, чтобъ дать ему форму скромную. Это былъ, какъ я часто слыхала отъ многихъ, мужчина съ головы до ногъ весьма стройный. Что же касается до его голоса, то объ Ахиллесѣ Омиръ писалъ, что, когда онъ говорилъ, другимъ представлялось, будто слышать шумъ многихъ людей, а этотъ своимъ крикомъ обращалъ, говорятъ, въ бѣгство многія міриады. Бывъ такимъ и по своему званію, и по природѣ, и по душѣ, онъ, конечно, не могъ служить и подчиняться кому-нибудь. Таковы вообще бываютъ, говорятъ, великія природы, возвысившіяся изъ низкаго званія.

(1) О коварствѣ Роберта свидѣтельствуетъ даже данное ему прозвание Guiscard. Говорятъ, что оно приложено было къ Роберту роднымъ его братомъ Умфридомъ, княземъ Апуліи, именно для означенія вертлявости и хитрости его нрава. Іоаннъ Туремейскій говоритъ, что у Норманновъ людей осторожныхъ и хитрыхъ и въ его время называли Guiscards. *Cognomen Guiscardus erat, quia calliditatis non Cicero tantae fuit, aut versutus Ulysses. Guillelmus Apuliensis lib. 2 Rer. Norman.*

11. Имѣя такія свойства и не могши никому подчиняться, этотъ человѣкъ вышелъ изъ Нормандіи съ нѣсколькими всадниками, изъ которыхъ всего пять было на коняхъ и тридцать человѣкъ пѣшихъ. Вышедши изъ отечества, блуждалъ онъ по возвышеннымъ мѣстамъ, ущельямъ и горамъ Лонгобардіи и, командуя разбойническою шайкою ⁽¹⁾, нападалъ на путешественниковъ и отнималъ у нихъ то коней, то вещи, то оружіе. Итакъ первый путь его жизни облитъ былъ кровію и оскверненъ многими убійствами. Проживая въ разныхъ углахъ Лонгобардіи ⁽²⁾, онъ не укрылся отъ Вильгельма Маскабелы, который въ то время былъ правителемъ большей части прилежавшихъ къ Лонгобардіи земель и, получая оттуда нескудные годовые доходы, содержалъ значительное войско и былъ замѣчательнымъ военачальникомъ. Освѣдомившись о Робертѣ, каковъ онъ въ томъ и другомъ отношеніи—по душѣ и по тѣлу, Маскабела имѣлъ неблагоразуміе пригласить къ себѣ этого человѣка и, ⁽³⁾ обручивъ съ нимъ одну изъ

(1) Это сказаніе Анны подтверждаетъ Philippus Mouskes: puis ala tant par le Pais, qu' en Pule vint, si fu routiers, et tint sergens et cavaliers.

(2) Подъ именемъ Лонгобардіи нѣкогда разумѣли всю Италію. Charla Caroli M—pro divisione imperii: *Italiam vero, quae et Longobardia dicitur*, etc. Потомъ Греки Лонгобардіею стали называть ту часть Италиі, которая оставалась подъ властію Восточной Имперіи, то есть Калабрию и Апулію, какъ это видимъ у Константина Порфирор. lib. 2 de The matibus c. 11. По новѣйшимъ же географамъ, Лонгобардія есть Лигурія и Эмилія. Albert Mussatus lib. 6 de Gest. Henrici VII. cap. 14.

(3) Робертъ вступилъ въ этотъ бракъ послѣ перваго брака съ Алберадюю, которую прогналъ, или, по словамъ Скилицы, умертвилъ, и отъ которой родился Боэмундъ. Вторая жена его была, говорятъ, дочь

своихъ дочерей, совершилъ бракъ, потому что удивлялся и природнымъ его дарованіямъ, и воинской опытности. Однакожъ вышло не такъ хорошо, какъ онъ думалъ, ибо какбы въ приданое долженъ былъ отдать ему и городъ, и все другое, чего тотъ хотѣлъ. Возымѣвъ неудовольствіе на своего тестя, Робертъ затѣялъ противъ него возмущеніе; впрочемъ сперва притворился доброжелательнымъ и усиливалъ свое войско,—устроилъ конницу, удвоилъ пѣхоту, и тогда уже подъ маскою доброжелательства сталъ мало по малу обнаруживать свое злонаправіе. Онъ ни одинъ день не упускалъ поводовъ дѣлать и принимать обиды, и придумывалъ всевозможные случаи, отъ которыхъ обыкновенно возникаютъ распри, враждебныя столкновенія и войны. Но такъ какъ упомянутый Вильгельмъ Маскабела далеко превосходилъ его и богатствомъ, и военными силами; то Робертъ, считая невозможнымъ вступить съ нимъ въ открытую войну, задумалъ употребить противъ него коварство. Продолжая въ отношеніи къ тестю показывать притворное благорасположеніе и раскаяніе, онъ искапываетъ Маскабелѣ страшную и неисходную бездну, — хочетъ захватить его города и сдѣлаться владѣльцемъ всѣхъ его доходовъ. Прежде всего онъ заговариваетъ о мирѣ и проситъ чрезъ по-

салерискаго князя Ганмара (Malaterr. lib. 1. с. 30. Leo IX PP. in. epist.), Этого Ганмара Анна называетъ Маскабелою. Имя его дочери, по словамъ Guill. Apul. lib. 2, было Сигельганта, или просто Ганта. Malaterra Lib. 1 с. 3.

сла личнаго объясненія съ Маскабелою. Сильно любя свою дочь, Маскабела охотно принимаетъ предлагаемый Робертомъ миръ и назначаетъ близкое время для совѣщанія. А Робертъ извѣщаетъ его о мѣстѣ, куда должны они придти для договоровъ и постановленія обоюдныхъ условій. Были два пригорка, равно возвышавшіеся надъ долиною и стоявшіе прямо одинъ противъ другаго. Между ними простиралась болотистая мѣстность, заросшая деревьями и разными кустарниками. Тамъ страшный этотъ Робертъ поставилъ въ засадѣ четыре человека вооруженныхъ и сильныхъ, приказавъ имъ, чтобы они смотрѣли въ оба и, какъ скоро схватится онъ съ Маскабелою, тотчасъ, нисколько не медля, бѣжали къ нему. Предъуготовивъ это, коварнѣйшій тотъ Робертъ оставилъ пригорокъ, на который самъ же предварительно указалъ, какъ на мѣсто переговоровъ съ Маскабелою, и занялъ, будто бы принадлежащій себѣ, другой, куда привелъ съ собою пятнадцать всадниковъ и около пятидесяти шести пѣшихъ воиновъ и, построивъ ихъ въ томъ мѣстѣ, почетнѣйшимъ изъ нихъ открылъ свое намѣреніе, а одному приказалъ нести свое оружіе, щитъ, шлемъ и саблю, чтобы чрезъ это можно было скорѣе вооружиться, четверемъ же, стоявшимъ въ засадѣ, внушилъ, чтобы они, замѣтивъ его битву съ Маскабелою, скорѣе бѣжали къ нему. Въ условленный день Вильгельмъ пошелъ на то высокое мѣсто, на которое предварительно указалъ ему Робертъ, съ намѣреніемъ заключить

съ нимъ условія. Видя, что онъ приближается, этотъ послѣдній выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ на конѣ, привѣтствовалъ его и принялъ весьма дружелюбно. Оба они остановились на склонѣ приторка, немного ниже его вершины, и начали говорить о томъ, что намѣревались сдѣлать. Страшный тотъ Робертъ, цѣпляя слово за словомъ, оттягивалъ время и потомъ сказалъ Вильгельму: «какъ бы не устать намъ, сидя на коняхъ? Не лучше ли сойти и спокойно говорить, о чемъ слѣдуетъ, сидя на землѣ»? Простодушный Маскабела, не подозревая коварства и умышляемаго зла, соглашается и, видя, что Робертъ сошелъ съ коня, спѣшилъ и самъ и, подпершись локтемъ о землю, опять началъ разговаривать. Робертъ признавалъ себя рабомъ Маскабелы, увѣрялъ его въ своей преданности, называлъ его своимъ благодѣтелемъ и господиномъ. Сопутники Маскабелы, видя, что они сошли съ коней и снова вступили въ разговоръ, и чувствуя утомленіе частію отъ солнечнаго зноя, частію отъ неимѣнія пищи и питья (ибо было лѣто, когда лучи солнца обыкновенно ударяютъ въ темя), а жаръ въ то время былъ невыносимый, тоже сошли съ коней и, привязавъ ихъ поводьями къ древеснымъ вѣтвямъ, сами легли на землю и прохлаждались въ тѣни, распространяемой конями и деревьями, иные же изъ нихъ даже поѣхали домой. Такъ поступили эти. Но ужасный по всему Робертъ, предъустроивъ все это, вдругъ нападаетъ на Маскабелу и, крокій взглядъ измѣнивъ въ свирѣпый, под-

нимасть на него убійственную руку. Тутъ оба они схватываются между собою, оба тянутъ другъ друга и оба катятся по наклонности пригорка. Увидѣвъ это, тѣ четыре человѣка, поставленные въ засадѣ, выскочили изъ болота и, подбѣжавъ къ Вильгельму, связали его по рукамъ и ногамъ и побѣжали къ стоявшимъ на другомъ пригоркѣ всадникамъ Роберта, тогда какъ эти и сами уже ѣхали къ нимъ рысью по наклонной плоскости. Но за бѣжавшими гнались всадники Вильгельма; по этому Робертъ, сѣвъ на коня, надѣвъ на голову шлемъ, взявъ копьё, грозно потрясая имъ и оградивъ себя щитомъ, обернулся и такъ ударилъ копьёмъ одного изъ Вильгельмовыхъ воиновъ, что отъ его удара онъ тутъ же испустилъ духъ. Этимъ удержалъ онъ стремленіе всадниковъ тестя и воспрепятствовалъ имъ подать помощь (ибо прочіе, видя надъ головами у себя спускающихся всадниковъ Роберта и находя, что они пользуются выгодною мѣстности, тотчасъ дали тыль). Когда же стремленіе всадниковъ Маскабелы было удержано и отбито Робертомъ,—Маскабелу, какъ узника и плѣнника, повели въ тотъ самый замокъ, который былъ подаренъ Роберту, при обрученіи его съ дочерью Маскабелы, а съ этого времени содержалъ въ себѣ собственнаго своего господина, какъ городъ сторожевой, вѣроятно отсюда получившій значеніе замка (*φρούριον*). Не худо будетъ рассказать и о жестокости Роберта. Какъ скоро овладѣлъ онъ Маскабелою, прежде всего повиыдергалъ у него

зубы, требуя за каждый изъ нихъ большой суммы монетъ и допрашивая, гдѣ найти ихъ. Онъ не переставалъ дѣлать это, пока не взялъ всего, пока вмѣстѣ съ зубами не захватилъ и денегъ; послѣ же того обратилъ вниманіе на глаза Вильгельма и, позавидовавъ его способности зрѣнія, отнялъ у него зрѣніе.

12. И такъ, сдѣлавшись обладателемъ всего, Робертъ ежедневно возрасталъ въ своихъ силахъ и, располагаясь тиранствовать, присоединялъ къ городамъ города, къ деньгамъ деньги. Въ короткое время, достигнувъ высоты княжескаго достоинства ⁽¹⁾, сталъ онъ называться Дуксомъ всей Лонгобардіи. Это возбудило противъ него всеобщую ненависть. Но, какъ человѣкъ умный, онъ въ иное время противопоставлялъ противникамъ лесть, въ иное подарки, и такимъ образомъ укрощалъ волненіе народа и искусно умѣрялъ ненависть своихъ вельможъ; а иногда брался за оружіе,—и захватилъ всю власть надъ Лонгобардіею и пограничными областями. Стремясь всегда къ высшему владычеству, Робертъ наконецъ возмечталъ даже о римской имперіи—по тому, какъ я сказала, поводу, что вступилъ въ сватовство съ самодержцемъ Михаиломъ, а чрезъ сватовство затѣялъ съ нимъ войну. Мы уже прежде сказали, что самодержецъ Михаилъ, не знаю какъ-то, за своего сына Константина сосваталъ

⁽¹⁾ Книжеское достоинство, или имя Дукса Лонгобардіи, Робертъ получилъ отъ папы Николая въ 1060 году, о чемъ свидѣтельствуеъ папа Григорій VII lib. 2 ep. 9. lib. 8 ep. 1. Malaterra lib. 1. cap. 23. 36.

дочь этого тиранна, которую звали Еленою. Вспоминая о томъ юношѣ, я снова волну мое сердце возмущаю умъ, но разсказъ о немъ откладываю до другаго, болѣе приличнаго, времени. Объ одномъ только не могу не сказать, хотя и не ко времени, что тотъ юноша былъ образцовое произведеніе природы и рукъ Божіихъ, былъ, по правдѣ сказать, сокровище, которымъ можно гордиться. Стоило только взглянуть на него, и всякій сказалъ бы, что это—отрасль отъ баснословнаго у Эллиновъ золотаго вѣка. Такъ удивительна была его красота! При воспоминаніи объ этомъ юношѣ чрезъ столько лѣтъ, глаза мои все еще наполняются слезами. Однакожъ я удерживаюсь отъ слезъ и берегу ихъ для такихъ мѣстъ, гдѣ онъ будутъ болѣе кстати, чтобы, въ историческія сказанія привнося личные мои напѣвы, не произвести въ исторіи смѣшенія. Этотъ юноша, о которомъ мы и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ упоминали, по времени рожденія былъ старше насъ, такъ что прежде, чѣмъ мы узрѣли свѣтъ солнца ⁽¹⁾, онъ считался уже женихомъ дочери Роберта Елены,—женихомъ чистымъ и непорочнымъ; написаны были и брачныя условія касательно приданаго, хотя и не въ законной формѣ, а только въ видѣ обѣщанія, потому что юноша не достигъ еще совершеннолѣтія. Впрочемъ этотъ бракъ, вмѣстѣ съ вступленіемъ

(1) Константинъ былъ обрученъ съ Еленою въ царствованіе Михаила; а Анна родилась тогда, когда отецъ ея Алексѣй вступилъ на престолъ уже послѣ Вотаниата.

на престолъ царя Никифора Вотаниата, разстроился. Но я уклонилась отъ своего предмета, и возвращаюсь къ тому, съ чего уклонилась. Тотъ Робертъ, изъ незнатнаго состоянія сдѣлавшись знатнымъ и окруживъ себя великими военными силами, забралъ себѣ въ голову быть еще римскимъ самодержцемъ и выдумалъ благовидный предлогъ къ неудовольствію на Римлянъ и къ войнѣ съ ними. Объ этомъ предлогѣ разсказывали двояко. Повсюду ходившая молва дошла и до моего слуха, что какой-то монахъ, по имени Ректоръ ⁽¹⁾, принявъ на себя лице царя Михаила, пришелъ къ этому Роберту и, прикинувшись его сватомъ, оплакивалъ предъ нимъ свою участь. Извѣстно, что Михаилъ, принявъ скипетръ римской имперіи послѣ Діогена, занималъ престолъ не долго и, лишенный власти возставшимъ на него Вотаниатомъ, вступилъ въ монашескую жизнь, а потомъ возложилъ на себя архіерейскій подиръ, тіару и, если угодно, омофоръ. Къ этому расположенъ онъ былъ Кесаремъ Іоанномъ ⁽²⁾, дядею своимъ по отцу, который, зная легкомысліе тогдашняго правите-

(1) Объ этомъ Ректорѣ разсказываетъ также папа Григорій VIII lib. 8, с. 6. Malaterra lib. 3. cap. 13. Guillelm. Apul. lib. 4. Order. Vitalis lib. 11. говоритъ, что тотъ мнимый Михаилъ, котораго онъ называетъ сыномъ Діогена, сопутствовалъ Бозмунду и былъ съ нимъ въ Галліи въ 1106 году, гдѣ жаловался на царя Алексѣя, что онъ отнялъ у него корону, и возбуждалъ противъ него Франковъ. Впрочемъ фамилія Ректоровъ въ Константинополѣ, по словамъ того же писателя (lib. 7. p. 640. 641), была весьма знаменита. Зонара и Левъ Грамматикъ упоминаютъ объ Іоаннѣ Ректорѣ, котораго царь Александръ сдѣлалъ воспитателемъ племянника своего Константина Порфиророднаго.

(2) См. Вріени. стр. 119.

ля, боялся, какъ бы племянникъ его не потерпѣлъ чего-нибудь худшаго. И такъ тотъ упомянутый монахъ Ректоръ, или лучше сказать *Rector*, то есть дерзновеннѣйшій возбудитель мятежей, принявъ на себя притворно лицо Михаила, приходитъ къ Роберту, какбы къ своему свату, жалуется ему на причиненныя себѣ несправедливости, что, то есть, онъ лишенъ царскаго престола и долженъ былъ вступить въ то состояніе, въ которомъ Робертъ теперь его видитъ, и потому просить у варвара защиты. Вотъ, говорить, и прекрасная твоя отроковица, невѣста моего сына, Елена ⁽¹⁾, остается безъ покровительства, какбы вдовою еще до брака вотъ и сынъ мой Константинъ, и царица Марія могли спастись, кричить, не иначе, какъ противъ воли уступивъ тираннству Вотаниата. Говоря такимъ образомъ, онъ раздражилъ гнѣвъ варвара и возбудилъ его къ войнѣ противъ Римлянъ. Такой рассказъ дошелъ до моего слуха, и я не считаю чудомъ, что нѣкоторые люди низкіе принимаютъ на себя видъ людей знат-

⁽¹⁾ Елена, какъ было выше замѣчено, содержалась Вотаниатомъ подъ стражею, но впоследствии отпущена была къ отцу. Однакожъ этотъ отпускъ случился уже гораздо позднѣе. Вотъ что говоритъ Ордерикъ *lib. 7. Filias quoque Uiscardi prefatus Herus (Alexius), ac si ipse genuisset eas, amavit blanditer et pie tractavit et fere xx annis in deliciis educavit. Officium illarum erat mane, dum imperator de suo stratu surrexisset manusque suas ablueret, mappulam et pectinem eburucum afferre et barbam imperatoris pectere. Nobiles puellae facili gratoque servitio a liberali principe deputatae sunt, quae post longum tempus Rogerio Comiti Siciliae, Augusto favente, ut amico redditae sunt.* Другая дочь Роберта, бывшая въ Константинополѣ вмѣстѣ съ Еленою и съ нею отпущенная къ Роберту, была вѣроятно Мабилія, вышедшая замужъ уже по смерти отца. *Carol. du Fresne ad h. l.*

ныхъ и благородныхъ. Но съ другой стороны дошелъ до меня другой, болѣе вѣроятный слухъ, что никакой монахъ не прикидывался царемъ Михаиломъ, и не такое что-то возбудило Роберта къ войнѣ противъ Римлянъ, но все это поддѣлалъ самъ хитрѣйшій варваръ. Дѣло происходило, говорятъ, слѣдующимъ образомъ. Этотъ величайшій лукавецъ Робертъ, задумавъ войну противъ Римлянъ, издавна приготовлялся къ ней, но всегда встрѣчалъ препятствія со стороны нѣкоторыхъ своихъ графовъ и самой своей жены Гаиты, которые говорили ему, что онъ начинаетъ войну несправедливую и возстаетъ противъ христіанъ, а потому многократно удерживалъ свое стремленіе. Но наконецъ, желая найти благовидный предлогъ къ войнѣ, онъ посылаетъ нѣкоторыхъ людей къ Кротону и, открывъ имъ тайное свое намѣреніе, приказываетъ слѣдующее. Если они отыщутъ какого-нибудь монаха, который согласился бы оттуда переѣхать сюда для поклоненія храму покровителей Рима, верховныхъ Апостоловъ, и который по виду казался бы несовсѣмъ неблагороднымъ; то должны угодливо принять его и дружелюбно привезть къ нему. Посланные, дѣйствительно, нашли вышеупомянутаго Ректора, человѣка хитраго и въ лукавствѣ непобѣдимаго, и Роберту, жившему тогда въ Салернѣ, написали письмо, что «сюда прибылъ, лишенный царскаго престола, родственникъ твой Михаилъ, съ намѣреніемъ просить твоей помощи»; ибо такъ написать къ себѣ приказалъ имъ Робертъ. Взявъ въ руки это письмо,

онъ тотчасъ пошелъ и прочиталъ его женѣ, потомъ созвалъ всѣхъ своихъ графовъ и тоже показалъ имъ полученное письмо, чтобы уже никто не препятствовалъ ему, такъ какъ причина къ войнѣ была справедлива. Когда всѣ одобрили намѣреніе Роберта, онъ призвалъ къ себѣ того монаха и вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Вслѣдствіе сей бесѣды разыгралъ онъ всю эту драму, какбы на сценѣ, — что, то есть, тотъ монахъ былъ царь Михаилъ, что онъ низведенъ съ престола, что тираннъ Вотаніатъ отнялъ у него жену, сына и все прочее, что несправедливо и вопреки всякому праву заставили его, вмѣсто царскихъ украшеній и діадимы, возложить на себя монашескую одежду, и что «теперь онъ пришелъ къ нимъ, говоритъ, какъ проситель». Опубликовавъ это, Робертъ, ради предположеннаго брака, обѣщалъ возвратить тому монаху царскую корону и ежедневно обходилъ съ нимъ, будто съ царемъ Михаиломъ, — удостоивалъ его предсѣдательства, уступалъ ему высшій престолъ и преимущественную почесть, въ разныя времена придумывалъ разныя рѣчи, — то высказывалъ, какъ жаль ему своей дочери, то выражалъ сожалѣніе о сватѣ, въ какія бѣдственныя поставленъ онъ обстоятельства, то подстрекалъ и возбуждалъ окружавшихъ себя варваровъ къ войнѣ и краснорѣчиво обѣщалъ, что изъ римской имперіи они вынесутъ кучи золота. Такимъ образомъ, поднявъ носъ всѣмъ — и богатымъ и бѣднымъ, онъ выступилъ изъ Лонгобардіи, или, лучше, всю ее увлекъ за собою и

перешелъ въ Салернъ, митрополію Мелфы ⁽¹⁾, гдѣ, хорошо устроивъ дѣла относительно про- чихъ своихъ дочерей, началъ готовиться къ вой- нѣ. А дочерей было у него двѣ ⁽²⁾; ибо третья оставалась въ столицѣ и была несчастна со вре- мени обрученія; потому что тотъ юноша, съ са- маго начала еще несовершеннолѣтній, съ отвра- щеніемъ убѣгалъ отъ этого брака, какъ дѣти убѣгаютъ отъ масокъ. Изъ тѣхъ же двухъ од- ну обручилъ онъ съ сыномъ графа барцинон- скаго Раймундомъ, а другую сочеталъ бракомъ съ знаменитымъ также графомъ Эвбуломъ ⁽³⁾. На эти сдѣлки смотрѣлъ Робертъ не независимо также и отъ своей личной пользы; потому что отовсюду сзывалъ и собиралъ себѣ войска, вы- могая ихъ то родствомъ, то сватовствомъ, то властью, то другими многообразными спосо- бами, какихъ и не представилъ бы.

13. Между тѣмъ случилось нѣчто такое, что стоитъ разсказа; ибо и это послужило къ сла- вѣ и счастію Роберта. Къ весьма благопріят- ному для варвара теченію обстоятельствъ я от- ношу то, что и всѣ правители Запада удержи-

⁽¹⁾ Первою резиденціею Норманновъ въ Апуліи была не Мелфа, а Амалфа, и этотъ именно городъ разумѣтъ здѣсь Анна. По показанію Вильг. Тирск. (lib. 18. cap. 4), онъ лежитъ между моремъ и высочай- шими горами, имѣя съ востока весьма крѣпкій городъ Салернъ, а съ запада Суррентъ и Неаполь.

⁽²⁾ По свидѣтельству Вильгельма Гемстицкаго, передаваемому Фи- липпомъ Муске (Hist. Franc.), у Роберта было три сына и пять дочерей, изъ которыхъ старшая Елена обручена была за Константина Дуку Порфиророднаго.

⁽³⁾ Евбулъ Comte de Roncy въ галльской Кампаніи, сынъ Гильдуина графа de Arcies et de Ramerat. Carol. du Fresne ad h. l.

вались отъ нападенія на него; такъ что судьба содѣйствовала ему со всѣхъ сторонъ, возвышала его тираннію и все совершала къ его пользѣ. Вотъ римскій папа ⁽¹⁾ (это власть сильная и огражденная различными войсками) поссорился съ алеманскимъ королемъ ⁽²⁾ Генрихомъ и захотѣлъ въ союзники себѣ привлечь Роберта, который сдѣлался уже славнымъ и достигъ великой власти. А раздоръ между королемъ и папою состоялъ въ слѣдующемъ. Папа обвинялъ короля Генриха въ томъ, что онъ раздавалъ церкви ⁽³⁾ не даромъ, а за подарки и ввѣрялъ архіерейство людямъ недостойнымъ, и за такія вины преслѣдовалъ его. Напротивъ король объявлялъ папу тиранномъ; потому что онъ захватилъ апостольскій престолъ безъ его воли, обходился съ нимъ безстыдно, употреблялъ противъ него дерзкія выраженія и говорилъ, что если онъ не оставитъ предсѣдательства самъ

⁽¹⁾ Григорій VII.

⁽²⁾ Германскаго императора Генриха IV Анна называетъ королемъ — ῥήγας Ἀλαμανίας — конечно потому, что геральдика въ то время еще не установила яснаго понятія объ этихъ титулахъ. Впрочемъ Вильгельмъ Тирскій говоритъ (lib. 16, c. 24): *molestè siquidem ferunt, quod eorum (Theutonicorum) rex Romanorum se dicit imperatorem: in hoc enim suo detrāhi videtur imperatori, quem ipsi monarcham, id est singularem principem omnibus dicunt, tanquam Romanorum unicum et solum imperatorem.*

⁽³⁾ То есть, церковныя должности и іерархическія степени. Писатели того вѣка говорятъ, что Григорій отказалъ Генриху въ принятіи св. Таинъ за то, что онъ давалъ инвеституры на церковныя степени людямъ недостойнымъ, и притомъ за деньги. Генрихъ и самъ говоритъ въ письмѣ Григорію, которое помѣщено въ *Chronic. apud Hugon. Abbat. Flavianicensem*: *Non solum enim nos res ecclesiasticas invasimus, verum quoque indignis quibuslibet et simoniacato felle amaricatis, et non per ostium sed aliunde ingredientibus ecclesias ipsas vendidimus, et non eas, ut oportuit, defendimus.* Wilhel. Tyr. lib. 1, cap. 13.

собою, то будетъ изгнанъ съ безчестіемъ. Выслушавъ эти слова, папа тотчасъ отмстилъ посла: во-первыхъ, безчеловѣчно высѣкъ ихъ, потомъ остригъ имъ головы и сбрилъ бороды, первыя ножницами, а послѣднія—бритвою, и, причинивъ имъ другія поноснѣйшія и варварскія оскорбленія, отпустилъ ихъ. Сказала бы я и о самомъ родѣ этихъ оскорбленій, еслибы не удерживалъ меня стыдъ, свойственный женщинамъ и царевнамъ. Это, совершенное папою дѣло, было недостойно не только архіерея, но и вообще человѣка, носящаго имя христіанское. Для меня отвратительна даже варварская эта мысль, не только самое дѣло. Я загрязнила бы свое перо и бумагу, если бы стала подробно описывать поступокъ папы. Чтобы представить, какъ велико было это варварское оскорбленіе, и какъ потокъ времени увлекаетъ человѣческіе нравы ко всевозможной злобѣ и дерзости, довольно сказать, что въ этомъ поступкѣ нѣтъ и малѣйшей черты, которую намъ можно было бы объявить и высказать. И это сдѣлалъ архіерей—Боже праведный!—это сдѣлалъ первосвященникъ, тотъ, который, какъ говорятъ и думаютъ Латиняне, предсѣдательствуетъ надъ всею вселенною! ибо и это также есть выраженіе ихъ высокоумія. Вѣдь когда царскій скипетръ, вмѣстѣ съ Сенатомъ и другими чинами, перенесенъ былъ оттуда сюда, въ здѣшній царственный нашъ городъ,—перенесенъ былъ также и іерархическій чинъ престоловъ. Съ того времени и цари предоставили первенство престолу константино-

польскому, а особенно халкидонскій Соборъ возвелъ его на первую степень, подчинивъ ему діоцезіи по всей землѣ. Нанесши такое оскорбленіе посламъ, папа нанесъ его, безъ сомнѣнія, тому, кто послалъ ихъ, и нанесъ не тѣмъ только, что наказалъ ихъ, но и тѣмъ, что былъ первымъ изобрѣтателемъ нѣкотораго новаго, причиненнаго имъ оскорбленія. Такимъ поступкомъ, какъ мнѣ кажется, выказалъ онъ крайнее презрѣніе къ королю и далъ понять, что чрезъ оскорбленныхъ этимъ способомъ пословъ онъ, будто полубогъ, говоритъ съ нимъ будто съ полуосломъ. Сдѣлавъ это и отославъ къ королю пословъ такъ, какъ я сказала, папа возбудилъ величайшую войну; а чтобы король не присоединился къ Роберту и отъ того не явился еще упорнѣйшимъ, поспѣшилъ вступить въ мирныя условія съ Робертомъ, хотя прежде и не имѣлъ къ нему дружескаго расположенія. Узнавъ, что Дуксъ Робертъ находится въ Салернѣ, папа выѣхалъ изъ Рима и прибылъ въ Беневентъ. Тамъ они сперва сносились чрезъ пословъ, а потомъ увидѣлись и бесѣдовали другъ съ другомъ лично. Одинъ вышелъ съ своимъ войскомъ изъ Беневента, а другой съ своимъ изъ Салерна, и, остановивъ войска въ порядочномъ разстояніи одно отъ другаго, оба эти мужа оставили свои дружины, сошлись вмѣстѣ и, давъ другъ другу увѣрительныя грамоты и клятвы, возвратились. А клятвы состояли въ томъ, что папа дастъ Роберту достоинство короля и, когда наступитъ пора, пришлетъ ему вспомогатель-

ное войско противъ Римлянъ; Дуксъ же клялся папѣ, что будетъ помогать ему, когда бы онъ ни потребовалъ его помощи. Однакожъ клятвы, данныя съ той и другой стороны, оказались пустыми: потому что папа, сильно раздраженный противъ короля, только и думалъ, что о войнѣ съ нимъ; а Дуксъ Робертъ пучилъ глаза на римскую имперію и, какъ дикій кабанъ, скрежесталъ на нее зубами и изошрялъ противъ нея свои мысли. И такъ клятвы остались только на словахъ. Варвары обыкновенно не медлятъ клясться другъ другу, за то тотчасъ же становятся и клятвопреступниками. Дуксъ Робертъ, поворотивъ коня, поспѣшилъ въ Салернъ, а тотъ, мерзкій папа (я не могу иначе называть его, представляя то сдѣланное посланъ безчеловѣчное оскорбленіе), тотъ проповѣдникъ мира и ученикъ Миротворца, преднося духовную благодать и евангельскій миръ, сталъ вооружать свои помыслы и руки къ междуусобной войнѣ. Онъ призывалъ къ себѣ Саксонцевъ и саксонскихъ правителей Лантульфа⁽¹⁾ и Велка⁽²⁾, и привлекъ на свою сторону многихъ другихъ мужей, давая имъ обѣщаніе, что сдѣлаетъ ихъ королями всего Запада. Ему легко было протягивать свою десницу для рукоположенія королей; онъ, какъ видно, не внималъ Павлу, который говоритъ: *руки скоро не*

(1) Лантульфомъ Анна называетъ шведскаго Дукса Рудольфа, котораго германскіе князья въ 1077 году избрали въ короли.

(2) Велкъ это—Дуксъ Баваріи Вельфонъ IV, съ особенною ревностію возбуждавшій саксонскую войну противъ Генриха IV. Bruno de bello saxo. p. 133.

возлагай ни на коюже, но и Дуксу Лонгобардиі предложилъ королевскія украшенія, и этимъ Саксонцамъ—королевскіе вѣнцы. Итакъ, когда собрались оба войска—войско алеманскаго короля Генриха и папино, и выстроились одно противъ другаго, роговидная труба тотчасъ подала знакъ: тутъ фаланги столкнулись, и какъ съ той, такъ и съ другой стороны произошла жестокая и продолжительная битва; ибо обѣ стороны сражались съ такимъ мужествомъ, и воины такъ терпѣливо принимали удары копій и стрѣлъ, что въ короткое время все поле сраженія наводнилось кровію убитыхъ, и оставшіеся воины дрались, плавая въ крови. Были тогда случаи, что иные спотыкались на мертвые тѣла и, упавъ, захлебывались въ рѣкѣ крови. Если въ этомъ сраженіи пало, какъ говорятъ, болѣе тридцати тысячъ воиновъ; то какими потоками должна была литься кровь и какое пространство земли долженствовало быть покрыто ею! Обѣ стороны въ свалкѣ имѣли, такъ сказать, равное число головъ, пока дѣйствіями Саксонцевъ распоряжался вождь Лантульфъ. Но какъ скоро онъ получилъ рану и тотчасъ же испустилъ духъ,—папская фаланга дрогнула и, давъ непріятелямъ тылъ, убѣжала не безъ крови, не безъ ранъ. Генрихъ преслѣдовалъ и поразжалъ бѣжавшихъ, и преслѣдованіе продолжалъ съ особенною смѣлостію послѣ того, какъ узналъ о паденіи Лантульфа и о томъ, что смерть его была дѣломъ непріятельской руки. Наконецъ онъ остановилъ однакожъ свое войско и при-

казалъ отдохнуть ему; а потомъ, снова вооружившись, предпринялъ походъ къ Риму, съ намѣреніемъ осадить его. Тутъ папа принимаетъ къ сердцу условія и клятвы Роберта и, отправивъ къ нему пословъ, убѣдительно проситъ его помощи. Но въ то же время присылаетъ къ нему посольство и Генрихъ, съ просьбою помочь ему въ нападеніи на древній Римъ. Тогда Робертъ хотѣлъ, кажется, посмѣяться надъ тѣмъ и другимъ. Королю отвѣчалъ онъ инымъ образомъ и неписьменно, а къ папѣ написалъ письмо, котораго содержаніе было слѣдующее. «Великому Архіерею и Господину моему Робертъ Дуксъ о Богѣ. Услышавъ о сдѣланномъ на тебя нападеніи со стороны враговъ, я не слишкомъ вѣрилъ этому слуху, ибо зналъ, что едва ли кто рѣшился бы поднять на тебя руки: кто протянетъ ихъ на такого отца, кроме сумасшедшаго? Но тебѣ извѣстно, что я готовлюсь къ сильнѣйшей войнѣ и противъ непобѣдимаго непріятеля. Враги, съ которыми предстоитъ мнѣ вести войну, суть Римляне, наполнившіе своими трофеями сушу и море. Впрочемъ я обязанъ быть тебѣ вѣрнымъ отъ глубины души и, когда придетъ пора, докажу тебѣ свою вѣрность». Такъ отдѣлался Робертъ отъ пословъ, чрезъ которыхъ обѣ стороны просили помощи: однихъ онъ отпустилъ съ этимъ письмомъ, а другихъ съ обязательными выраженіями.

14. Но не пропустимъ того, что сдѣлалъ онъ въ Лангобардіи, прежде чѣмъ перешелъ съ вой-

скомъ въ Авлонъ ⁽¹⁾. И всегда былъ онъ чело-
вѣкомъ властолюбивымъ и жестокимъ, а тогда
бѣшенствомъ походилъ на Ирода: ибо тогда не
довольно было ему вооружить людей военныхъ
и въ сраженіи опытныхъ; онъ набралъ еще вой-
ско новое, не щадя никакого возраста, со всей
Лонгобардіи и Ануліи созвалъ къ себѣ и вы-
жившихъ изъ дѣтъ, и еще не вступившихъ въ
совершеннолѣтіе; такъ что въ войскѣ его мож-
но было видѣть и дѣтей, и мальчиковъ, и жал-
кихъ стариковъ, которые не видывали оружія
и во снѣ, а тутъ были одѣты въ латы, держа-
ли щитъ, вовсе не умѣючи, невѣрно натяги-
вали лукъ и падали, когда надлежало идти. Это
было причиною непрерывнаго ропота во всей
Лонгобардіи; повсюду слышенъ былъ плачь муж-
чинъ и вой женщинъ, которымъ они дѣлились
съ своими родственниками; ибо одна оплакивала
небывавшаго на войнѣ мужа, другая—неопытна-
го въ воинскомъ дѣлѣ сына, а иная—земледѣль-
ца брата, на которомъ лежали и прочія домаш-
нія занятія. Это было, какъ я сказала, прямо
Иродовское, или еще больше, чѣмъ Иродовское
бѣшенство; ибо Иродъ неистовствовалъ только
противъ младенцевъ, а этотъ и противъ дѣтей,
и противъ стариковъ. Но сколь ни неспособ-
ны были, повидимому, эти люди къ воинскимъ
упражненіямъ, однакожъ онъ каждый день уп-

⁽¹⁾ Авлонъ—городъ македонской области. Constant. lib. 2, de Themat.
cap. 2. Malaterra—Avalon; Fulcherius Carnot lib. 2 cap. 36—Ualona;
Albertus Aq. lib. 2. cap. 18—Ueloua.

ражнялъ и выправлялъ тѣла новобранцевъ. Этимъ-то Робертъ занимался въ Салернѣ, прежде чѣмъ перешелъ въ Идрунтъ; ибо онъ впередъ послалъ туда весьма значительное войско, которое должно было тамъ ожидать его, пока онъ не устроитъ всего въ Лонгобардіи и не дастъ посылать надлежащихъ отвѣтовъ. Впрочемъ Робертъ весьма много склонялся на сторону папы, когда сыну своему Рожеру, котораго сдѣлалъ правителемъ всей Апуліи, и брату Борителю⁽¹⁾ отдалъ приказаніе, чтобы они, если римскій престолъ будетъ просить ихъ о помощи противъ короля Генриха, поспѣшно туда отправились и, какую можно, подали помощь. Младшаго же своего сына Боэмунда, который походилъ на отца по всему—и по дерзости, и по силѣ, и по мужеству, и по необузданности нрава (это былъ вполнѣ отпечатокъ отца и живое подобіе его природы), послалъ съ сильнѣйшемъ войскомъ къ нашимъ предѣламъ и приказалъ ему напасть на мѣста около Авлона. Этотъ тотчасъ понесся грозно, съ неудержимою стремительностію, какъ громовая стрѣла, и, охвативъ Канину⁽²⁾, Герикъ Авлонъ и окрестности ихъ, все бралъ и истреб-

(1) Борителъ—безъ сомнѣнія ошибочное чтеніе, вмѣсто Лорителъ. Лорителъ былъ братній племянникъ Гиссара; по сему вмѣсто *ἀδελφός*; у Анны надобно также читать *ἀδελφίδης*. О немъ упоминаетъ Ordericus Vitalis lib. 3 et. 7, какъ объ отличномъ военачальникѣ.

(2) Этотъ городъ лежалъ выше Авлона и нѣкогда былъ резиденціею Андроника Комнина. Laonicus lib. 3; ap. Malaterram. lib. 2. cap. 23 Canina. У Кантакузина принимается имя Canina въ множественномъ числѣ lib. 3. cap. 33. Впослѣдствіи Канина отложилась, взята была Робертомъ и до основанія разрушена. Carol. du Fresne ad. h. l.

длѣть огнемъ. Это былъ, поистинѣ, самый ѣдкій дымъ предъ огнемъ и начало предъ великою осадою. Можно бы также сказать, что отецъ и сынъ были тоже, что саранча и кобылка. Оставшееся отъ сына Раймунда, истреблялъ и пожиралъ Робертъ. Но мы пока еще подождемъ переправлять его въ Авлонъ; напередъ посмотримъ, что сдѣлалъ онъ на противоположномъ материкѣ.

15. Двинувшись оттуда, прибылъ онъ въ Идрунтъ и оставался тамъ нѣсколько дней, въ ожиданіи жены Гаиты (ибо и она раздѣляла походъ съ мужемъ и, въ вооруженіи, являлась женщиною страшною). Встрѣтивъ ее и принявъ въ объятія, онъ пошелъ оттуда и со всѣмъ войскомъ достигъ Брундузія. Брундузія есть весьма удобная гавань всей Япигіи. Остановившись тамъ, ждалъ онъ, пока соберется все его войско и придутъ всѣ корабли, какъ грузовые, такъ и длинные—военные; ибо оттуда думалъ открыть морской походъ. Между тѣмъ, находясь еще въ Салернѣ, отправилъ онъ одного изъ своихъ вельможъ, по имени Рауля ⁽¹⁾, посломъ къ царю Вотаниату, принявшему уже скипетръ послѣ самодержца Дуки, и тоже ждалъ отъ него отвѣта. Рауль былъ посланъ къ нему съ упрекомъ и съ объявленіемъ благовидныхъ по-

(1) Этотъ Рауль, или Радульфъ, посланникъ Роберта, вмѣстѣ съ братомъ своимъ перешелъ на сторону Алексѣя; отъ него-то получила свое начало знаменитая константинопольская фамилія Раулитовъ, о которой часто упоминаютъ Шахимеръ и прочіе византійскіе писатели. Petrus de Valle Epist. 2. pag. 97. Вліяніемъ Рауля и брата его Рожера Алексѣй воспользовался для удержанія опустошеній въ Далмаціи.

буждений къ предстоявшей войнѣ, что, то есть, Вотаниатъ, какъ сказано было прежде, у дочери Роберта, обрученной съ царемъ Константиномъ, отнялъ жениха, а самага Константина лишилъ царства, и что для отмщенія за такую обиду Робертъ приготовился къ войнѣ противъ Римлянъ. Вместе съ тѣмъ отправлены были нѣкоторые подарки и письмо съ предложеніемъ дружбы великому тогдашнему Доместику и начальнику западныхъ войскъ, то есть—отцу моему Алексѣю. Итакъ Робертъ жилъ въ Брундузіи и ждалъ отвѣта. Но когда войска еще не собрались и многіе корабли ⁽¹⁾ не были выведены въ море, возвратился изъ Византіи Рауль и не принесъ никакого отвѣта на посланныя съ нимъ угрозы. Это сильно раздражило варвара, — тѣмъ сильнѣе, что онъ коснулся такихъ основаній для веденія войны съ Римлянами, которыя свидѣтельствовали противъ него. И во-первыхъ, оказывалось, что слѣдовавшій за Робертомъ монахъ есть лицемѣръ, обманщикъ, лживо принявшій на себя лице самодержца Михаила, и что все, къ нему относящееся, есть выдумка. Рауль говорилъ, что самъ видѣлъ подлиннаго Михаила, что изгнанный съ престола находитъ въ столицѣ, одѣвается въ черное платье и живетъ въ монастырѣ, и что на низверженнаго царя онъ внимательно смотрѣлъ

(1) Робертъ переправился въ Иллирію далеко не со всѣми кораблями и не со всѣмъ войскомъ. Malaterra говоритъ, что въ этой экспедиціи было не больше пятнадцати кораблей и не больше тысячи трехъ сотъ вооруженныхъ воиновъ. Lib. 3 cap. 24—26.

собственными глазами. Потомъ онъ прибавилъ еще, что пришлось ему слышать, когда возвращался назадъ. Отецъ мой, овладѣвъ царствомъ, о чемъ я послѣ расскажу, согналъ Вотаниата съ престола и, призвавъ сына Дуки—того знаменитѣйшаго подъ солнцемъ Константина, снова передалъ ему царство. Услышавъ это на обратномъ пути, Рауль, полученнымъ извѣстіемъ старался остановить военныя приготовленія Роберта. «По какому законному праву, говорилъ онъ, будемъ мы вести войну противъ Алексѣя, когда Вотаниатъ, виновникъ обиды, лишившій дочь твою Елену римскаго скипетра, сдалъ свою власть? Вѣдь справедливость не позволяетъ за оскорбленія, нанесенныя намъ другими, идти войною на тѣхъ, которые не оскорбили насъ. А когда война не основывается на законной причинѣ, все убѣгаетъ изъ рукъ—и корабли, и оружіе, и воины, и всякія воинскія приготовленія». Эти слова еще болѣе разсердили Роберта; такъ что онъ грозился даже поднять руку на Рауля. Съ другой стороны и тотъ поддѣльный Дука, лжецарь Михаилъ, котораго мы называли Ректоромъ, досадовалъ, негодовалъ и, столь ясно обличенный въ томъ, что онъ—не царь Дука, а царь самозванецъ, не зналъ, какъ удержать свой гнѣвъ. Къ тому же, тиранъ злобился на Рауля и за то, что братъ его Рожеръ перебѣждалъ къ Римлянамъ и открывалъ имъ о всѣхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. По этой причинѣ онъ хотѣлъ сдѣлать Раулю зло и грозилъ ему смертію. Но Рауль нисколько не лѣнивъ былъ на побѣгъ, онъ тотъ-

часъ ушелъ къ Боэмунду и нашелъ у него безопасное пристанище. На убѣжавшаго къ Римлянамъ брата Раулева произносилъ кровавыя угрозы и Ректоръ; онъ сильно кричалъ, ударялъ себя рукою по голени и съ рѣшительностію говорилъ Роберту: «одного только требую,—чтобы, когда возвращу царство и сяду на престолъ, ты выдалъ мнѣ Рожера; я готовъ потерпѣть отъ Бога все, лишь бы только предать его жалкой смерти—тотчасъ распять среди города». Но при разсказѣ объ этомъ, мнѣ приходится смѣяться надъ тѣми людьми, надъ ихъ надменностію и легкомысліемъ, особенно же надъ ихъ хвастовствомъ—другъ предъ другомъ. Робертъ на того обманщика и плута имѣлъ причину смотрѣть, какъ на маску свата и царя, показывалъ его во всѣхъ городахъ и чрезъ него возбуждалъ къ возстанію тѣхъ гражданъ, къ которымъ приходилъ и которыхъ могъ убѣдить, имѣя въ мысли, какъ скоро война пойдетъ успѣшно и счастье будетъ благопріятствовать, прогнать его въ шею и проводить со смѣхомъ; потому что приманка послѣ ловли предается посмѣянію. Между тѣмъ тотъ монахъ питался лживыми надеждами,—не случится ли ему и въ самомъ дѣлѣ получить какую-нибудь власть, что нерѣдко бывасть сверхъ всякаго чаянія. Онъ даже твердо былъ увѣренъ, что будетъ царствовать; ибо римскій народъ и войско не согласятся, чтобы царемъ ихъ былъ варваръ Робертъ: посему Робертомъ пока пользовался онъ, только какъ орудіемъ для выполненія сво-

его предпріятія. Помышляя объ этомъ, я невольно улыбаюсь, и улыбка выступаетъ на мои уста, какъ свѣтъ лампы падаетъ на перо.

16. Итакъ притянувъ къ Брундузію всѣ свои силы—корабли и войска (кораблей собрано было до ста пятидесяти, а войскъ—до тридцати тысячъ, такъ что на каждомъ суднѣ находилось около двухъ сотъ воиновъ съ оружіемъ и конями), Робертъ распорядился такъ, чтобы и пѣхота его и конница были готовы, куда бы ни причалили, и намѣревался переплыть къ городу Эпидамну, который теперь привыкли мы называть Диррахіемъ. Ему думалось изъ Идрунта переехать къ Никополю ⁽¹⁾ и захватить Навпактъ со всѣми окружающими его мѣстечками и крѣпостями; но такъ какъ море между тѣми пунктами было гораздо шире, чѣмъ между Брундузіемъ и Диррахіемъ, то онъ предпочелъ переправиться лучше здѣсь, чѣмъ тамъ, предположивъ, что эта дорога для флота будетъ и короче, и легче. Притомъ время было уже зимнее, солнце склонялось къ сѣвернымъ кругамъ и, приблизившись къ созвѣздію козерога, уменьшило время дня. Итакъ, чтобы, отправившись изъ Идрунта при началѣ дня, не пришлось плыть ночью и подѣ-часъ бороться съ волнами, онъ рѣшился нестись на всѣхъ парусахъ изъ Брундузія въ Диррахію; ибо, по узкости Адриатическаго моря въ этомъ мѣстѣ, долгота пути здѣсь

⁽¹⁾ Никополь городъ въ Эпирѣ при устьѣ Амбракійскаго залива. Carol. du Fresne ad h. l.

не такъ велика. Не оставилъ онъ въ Италіи и сына своего Рожера, чего хотѣлъ прежде, когда назначалъ его правителемъ Апуліи; но, не знаю почему-то измѣнивъ свое распоряженіе, опять взялъ его себѣ въ спутники. Приплывъ въ Диррахій, послалъ онъ занять весьма крѣпкій городъ Корифонъ ⁽¹⁾ и другія наши крѣпости. Тогда ожидали, что, взявъ заложниковъ изъ Лонгобардіи и Апуліи и обложивъ всю страну денежною и матеріальною податью, онъ приступитъ къ Диррахію. А Дуксомъ всего Иллирика въ то время былъ Георгій Мономахъ ⁽²⁾, посланный туда самодержцемъ Вотаніатомъ. Отъ этого назначенія онъ сперва отказывался и не съ совершеннымъ послушаніемъ принималъ новую должность; но рабы самодержца варвары (это были Скиѣы Ворильтъ и Германъ) завидовали Мономаху и, всегда выдумывая на него что-нибудь ужасное, говорили о немъ самодержцу все, что хотѣли, и наконецъ воспламенили противъ него такой гнѣвъ въ сердцѣ царя, что однажды, обратившись къ царицѣ Маріи, онъ сказалъ: «я подозреваю, что Мономахъ есть врагъ римскаго правительства». Эти слова слышалъ Іоаннъ Аланъ, наилучшій другъ Мономаха, и, зная о ненависти къ нему Скиѣовъ и о частыхъ на него доносахъ, передалъ ему всѣ сло-

(1) Корифонъ—Κορυφῶν—крѣпость на островѣ Корциръ, нынѣшнемъ Корфу, получившая это названіе потому, что построена была на высочайшей скалѣ. Malaterra Lib. 3. cap. 24. Guillelmus Apuliensis lib. 4.

(2) Георгій Мономахъ былъ Дуксомъ Иллирика послѣ Никифора Василяки.

ва царя и, рассказавъ о подѣискахъ Скиѣскихъ, совѣтовалъ позаботиться о своей пользѣ. Тогда Мономахатъ, какъ человекъ умный, пришелъ къ царю и, смягчивъ его льстивыми словами, схватилъ себѣ службу въ Диррахіи. Итакъ простившись съ царемъ, чтобы ѣхать въ Эпидамнъ, и получивъ письменное повелѣніе вступить въ обязанности Дукса, онъ, побуждаемый къ скорѣйшему отъѣзду—особенно тѣми Скиѣами, Германомъ и Вориломъ, на другой день оставилъ царственный городъ и направился къ Эпидамну къ Иллиріи. Находясь уже почти около такъ называемой Пиги ⁽¹⁾, гдѣ сооруженъ Владычицѣ моей Дѣвѣ и Богоматери храмъ, изъ числа храмовъ византійскихъ самый славный, онъ встрѣтился съ своимъ отцомъ Алексѣемъ. Они увидѣли другъ друга, и Мономахатъ началъ жаловаться великому Доместику на свою судьбу, что вотъ ради его и ради дружбы къ нему онъ теперь ссылочный, что тѣ, всѣмъ завидующіе Скиѣы—Вориллъ и Германъ излили на него весь ядъ своей ненависти и благовидно удаляютъ его и отъ родныхъ, и изъ этого любезнѣйшаго города. Выказавъ ему подробно все, что тѣ рабы клеветали на него царю и что онъ терпѣлъ отъ нихъ, Мономахатъ ожидалъ величайшаго утѣшенія отъ Доместика Запада, такъ какъ онъ только могъ облегчить обремененную бѣдствіями ду-

(1) Здѣсь разумѣется знаменитѣйшій и прекраснѣйшій храмъ, построенный Юстиніаномъ у Золотыхъ Воротъ, при текущемъ тамъ источникѣ. Объ этомъ храмѣ говорятъ Procopius de aedif. Justin., Zonaras et Cedrenus in Justin. Monolog. Sirleri. IX.

шу его. Наконецъ примолвивъ, что Богъ отъ-
иститъ имъ за это, и попросивъ Алексѣя не за-
бывать его дружбы, онъ поѣхалъ въ Дирра-
хій, а этотъ возвратился въ столицу. Прибывъ
въ Диррахій и услышавъ о приготовленіи обо-
ихъ, то есть, о вооруженіи Роберта и возстаніи
Алексѣя, Мономахъ держалъ себя ровно и не
склонялся ни на которую сторону. Но наружно-
сти онъ былъ противникомъ тому и другому, но
за вѣшною и кажущеюся враждою скрывалъ
мысль болѣе глубокую. Великій Доместикъ на-
вѣщалъ его письмомъ о событіяхъ,—какъ угро-
жали ему лишеніемъ глазъ и какъ эта необхо-
димость и замышляемое тиранство заставили его
противустать тираннамъ. «Теперь онъ долженъ,
писалъ Алексѣй, возстать за своего друга и вы-
слать ему, сколько можно собрать, денегъ; ибо
деньги, говорить, нужны,—безъ нихъ не сдѣла-
ешь ничего надлежащаго». Однакожъ Монома-
хъ денегъ не выслалъ, но, обласкавъ пословъ,
вмѣсто денегъ далъ имъ письмо, въ которомъ
говорилось, что «онъ до нынѣ хранитъ старинную
дружбу къ Алексѣю и обѣщается хранить ее и
впредь; что же касается до требуемаго золота,
то самъ желалъ бы выслать его, сколько онъ
хочетъ, но удерживается по причинѣ справед-
ливой. Бывъ посланъ царемъ Вотаніатомъ и давъ
клятву служить ему вѣрно, я и тебѣ показался
бы, говорить, человекомъ нехорошимъ и неимѣ-
ющимъ преданности къ царямъ, если бы тот-
часъ послушался твоихъ приказаній. Пусть все-
вышній Промыслъ даруетъ тебѣ царство, и я,

бывъ прежде вѣрнымъ тебѣ другомъ, буду тогда вѣрнѣйшимъ твоимъ слугою». Но говоря это моему отцу и стараясь угодить какъ ему, такъ вмѣстѣ и Вотаѣату, Мономахатъ въ тоже время, только уже откровеннѣе, сносился и съ варваромъ Робертомъ, и стремился къ явному отложенію. За это я не могу не подвергать его сильному обвиненію. Такъ-то измѣнчивы, видно, человѣческіе нравы! Такъ-то, смотря по обстоятельствамъ, принимаютъ они различныя свойства! Всѣ такіе люди обществу не приносятъ пользы; они обезопасиваютъ только сами себя и думаютъ только о собственныхъ выгодахъ, хотя часто не достигаютъ ихъ. Но моя исторія уклонилась отъ главнаго своего пути. Сколь ни упрямя этотъ конь,—повернемъ его однакожь на прежнюю дорогу. Робертъ и прежде сильно порывался переправиться на нашу сторону и мечталъ о Диррахин, а тогда особенно воспламенился этимъ желаніемъ, трепеталъ руками и ногами, какъ бы скорѣй переплыть, торопилъ войско и возбуждалъ его поощрительными рѣчами. Подстроивъ это, Мономахатъ придумалъ обезопасить себя и съ другой стороны. Онъ посредствомъ писемъ пріобрѣлъ дружбу правителей Далмаціи, Бодина ⁽¹⁾ и Михайлы, и, предрасполо-

⁽¹⁾ Бодинъ прозывался Константиномъ и былъ царь Сербіи и Далмаціи, сынъ царя Михаила, или, какъ говоритъ Скилица и безымянный писатель исторіи Далмаціи, внукъ Михаила, родившійся отъ сына его Пріаслава. Въ то время Далмація управлялась многими монархами, изъ которыхъ два украшались именемъ царя. Одинъ изъ нихъ господствовалъ тогда надъ Сербією и назывался царемъ Сербіи, Диоклеи, Трикумъ, Далмаціи и Охлукумъ, какъ это видно изъ письма папы Иннокен-

живъ ихъ подарками, отворилъ себѣ много воротъ. Если, то есть, не посчастливится ему связь ни съ Робертомъ, ни съ Алексѣемъ, и оба они отвергнутъ его; то онъ тотчасъ уйдетъ въ Далмацію—къ Бодину и Михайлѣ, и останется у нихъ, какъ перебѣжчикъ. Когда Робертъ и Алексѣй окажутся его врагами и будутъ въ отношеніи къ нему непріязненны,—у него останется еще надежда съ одной стороны на Михайлу, съ другой на Бодина. Все это было такъ. Теперь время обратиться къ царствованію моего отца и рассказать, какимъ образомъ и по какому поводу вступилъ онъ на престолъ; ибо я предположила говорить не только о томъ, что сдѣлалъ онъ до царствованія, но и о томъ, что хорошаго или худаго совершилъ онъ на престолѣ, хотя бы на всѣхъ путяхъ, по которымъ мы поидемъ, намъ случилось видѣть и его паденія. Не хотѣлось бы мнѣ щадить и отца, если бы представилось что-нибудь, нехорошо имъ сдѣланное. Но чтобы не возбудить мысли, что тотъ, чьи дѣла мы описываемъ, все-таки отецъ, мы иное будемъ проходить молчаніемъ; ибо иначе въ обоихъ случаяхъ оскорбили бы истину. Имѣя въ виду эту цѣль, я, какъ многократно было уже говорено, избрала своимъ предметомъ исторію отца и царя. И такъ, оставивъ Роберта тамъ,

тія; а другой именовался царемъ Кроаціи и Далмаціи. Столицею перваго была Дюклея, а послѣдняго Салона. Первою Далмаціею въ вѣкъ Алексѣя управлялъ Бодинъ, а послѣднею Димитрій Санимиръ, которому папа Григорій VII далъ титулъ короля въ 1076 году. Carol du Fresne ad h. l.

куда привелъ его нашъ разсказъ, будемъ теперь слѣдовать за царемъ; а повѣствованіе о войнѣ и сраженіяхъ съ Робертомъ сохранимъ для другой книги.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Итакъ кто желаетъ знать, откуда происходилъ и какого рода былъ самодержецъ Алексѣй, того мы отсылаемъ къ сочиненіямъ моего Кесаря. Тамъ же можно почерпнуть свѣденія и о царѣ Никифорѣ Вотаниатѣ. Мануилъ, старшій братъ Исаака, Алексѣя и другихъ сыновей дѣда моего Іоанна Комнина, по опредѣленію царствовавшего предъ тѣмъ Романа Діогена, самовластно управлялъ всею Азіею; а на долю Исаака выпало быть Дуксомъ Антиохіи ⁽¹⁾. Оба они много воевали и сражались, и одержали много побѣдъ надъ непріятелями. Послѣ этихъ вождей, царствовавшій тогда Михаилъ Дука самовластнымъ военачальникомъ избралъ отца моего Алексѣя

⁽¹⁾ Митрополія Целесирии Антиохія въ первый разъ опустошена была персидскимъ царемъ Хозроемъ, потомъ въ царствованіе Ираклія завоевана Сарацинами; стараніями же Никифора Фоки вновь присоединена къ римской имперіи, и съ того времени управлялась Дуксами или князьями, до самаго вторженія Турковъ. Рядъ антиохійскихъ Дуксовъ длинень; предпослѣднимъ изъ нихъ былъ Исаакъ Комнинъ, а послѣднимъ Филаретъ Армянинъ, при которомъ Антиохія подпала подъ власть Турковъ.

и послалъ его противъ Урзелія. Потомъ царь Никифоръ, видя воинскія способности моего отца и слыша, какъ онъ геройствовалъ, когда былъ на Востокъ съ братомъ своимъ Исаакомъ, и не по лѣтамъ участвовалъ въ различныхъ битвахъ, равнымъ образомъ, какъ онъ, уничтоживъ Урзелія, принялъ его въ особенную любовь и любилъ не менѣе Исаака,—слыша все—это, Никифоръ обоихъ братьевъ прижималъ къ груди, весело смотрѣлъ на нихъ, а иногда удостоивалъ ихъ и своего стола. Это воспламенило ненависть къ нимъ двухъ вышеупомянутыхъ варваровъ, родомъ Славянъ, Ворила и Германа. Замѣчая, что царь благорасположенъ къ Комнинымъ и что, по временамъ бросаемыя въ нихъ стрѣлы ненависти не причиняютъ имъ язвъ, они мучились. У Алексѣя не было еще и пуха на бородѣ, какъ Вотаниатъ, видя успѣхи его во всемъ, назначилъ его самовластнымъ стратигомъ Запада и почтилъ саномъ Проедра ⁽¹⁾. Сколько трофеевъ воздвигъ Алексѣй на Западъ и сколько измѣнниковъ побѣдилъ и привелъ къ царю плѣнными, о томъ достаточно сказано прежде. Но это не нравилось ненавистникамъ и еще болѣе усиливало пламенѣвшую въ нихъ ненависть. Они то тихомолкомъ—про себя ворчали на Комниныхъ, то тайно, а иногда и явно говорили царю либо сами, либо черезъ другихъ и, пользуясь всѣми

(1) Санъ Проедра при византійскомъ дворѣ былъ весьма важенъ. По свидѣтельству Кедрина, онъ установленъ Никифоромъ Фокою. Проедрами въ Византіи назывались тайные совѣтники царя. Предсѣдатель ихъ носилъ имя Протопроедра См. Вріени. стр. 27.

средствами, всячески старались погубить ихъ. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Комнины сочли за нужное привлечь на свою сторону женскую половину двора, чтобы чрезъ нее снискать расположеніе къ себѣ царицы. Они были люди вкрадчивые, способные, какими бы то ни было средствами, смягчить и каменное сердце. Исаакъ скоро успѣлъ въ этомъ, такъ какъ, отличаясь словомъ и дѣломъ и во многомъ походя на моего отца, былъ принятъ въ родство съ царицею, чрезъ вступленіе въ бракъ съ ея племянницею ⁽¹⁾. Устроивъ же хорошо собственные свои дѣла, онъ сталъ потомъ заботиться и о братѣ и, сколько тотъ помогалъ ему вступить въ бракъ, столько этотъ старался теперь, чтобы и братъ былъ близокъ къ царицѣ. Говорятъ, что Орестъ и Пиладъ, бывъ друзьями, такъ взаимно себя любили, что во время сраженія ни который изъ нихъ не обращалъ вниманія на противустоявшихъ себѣ враговъ, а только защищалъ отъ нихъ друга и снѣвшигъ подставить грудь подъ направленное на него копье. То же можно было видѣть и въ этихъ. Надлежало ли отклонить опасности, оба брата старались предупредить другъ друга; требовалось ли, чтобы одинъ получилъ отличія, почести, вообще выгоды, это дѣло считалъ собственнымъ и другой; тоже—и на оборотъ. Такъ любили они другъ друга. Когда Промыслъ Божій устроилъ такимъ образомъ дѣла

(1) Съ ея племянницею Ἰθαδελφῆ; въ гешеланскомъ изданіи стоитъ ἀδελφῆ—съ ея сестрою, что подтверждаетъ и Зонара, у котораго жена Исаака Ирина называется сестрою царицы Маріи. См. табл. Комниныхъ.

Исаака, служащіе на женской половинѣ двора стали по Исаакову внушенію побуждать царицу къ усыновленію Алексѣя. Царица послушалась и, когда въ одинъ праздничный день оба брата находились въ царскихъ покояхъ, усыновила ⁽¹⁾ Алексѣя по установленному древлѣ обряду. Это въ послѣдствіи избавляю великаго Доместика западныхъ войскъ отъ большихъ безпокойствъ. Съ того времени оба они часто хаживали въ царскій дворецъ воздать царствующимъ особамъ надлежащія почести и, побывъ тамъ немного, удалялись къ царицѣ. Такія отношенія разжигали противъ нихъ еще большую ненависть. Комнины знали это отъ многихъ и, боясь, какъ бы не попасть въ сѣти враговъ и не остаться безпомощными, стали изыскивать способы для приведенія себя, при содѣйствіи Божіемъ, въ безопасное состояніе. Послѣ многократныхъ совѣтовъ съ матерью и по разсмотрѣніи различныхъ средствъ, они остановились на одной возможной для человѣка надеждѣ спасенія. Эта надежда состояла въ томъ, чтобы, воспользовавшись благовиднымъ предлогомъ, подойти къ царицѣ и высказать ей свою тайну; впрочемъ задуманное дѣло хранили строго и отнюдь никому не открывали его, опасаясь, какъ бы

(1) Обрядъ усыновленія совершался въ церкви, предъ священникомъ, и сопровождался былъ нарочито составленными на сей случай молитвами. При этомъ усыновляющій держалъ въ рукъ горящую свѣчу и покрывалъ усыновляемаго своимъ плащомъ. Такъ, по свидѣтельству Пахимера, Марія Кантакузина, по смерти мужа своего, болгарскаго царя Константина Чеха, усыновляла болгарскаго Деспота Венцеслава. Carol. du Fresn. ad h. l.

подобно рыбакамъ, не испугать добычи прежде времени. Сперва они задумали было бѣжать, но боялись объявить о томъ царю, чтобы она, по своей заботливости какъ о царѣ, такъ и объ этихъ людяхъ, не пересказала всего царю. Поэтому, оставивъ свой замысль, они обратились къ другому, ибо были способны пользоваться обстоятельствами.

2. Между тѣмъ царь, по старости ⁽¹⁾, не надѣясь имѣть дѣтей и боясь неизбежной смерти, сталъ думать о наслѣдникѣ. Въ то время жилъ нѣкто Синадинъ, происходившій съ Востока отъ знатнаго рода, человекъ съ красивымъ лицомъ, глубокимъ умомъ, сильною рукою; онъ былъ еще въ юношескомъ возрастѣ и притомъ состоялъ въ родствѣ съ царемъ. Его-то, преимущественно предъ другими, думалъ царь оставить преемникомъ царства, имѣя недоброе намѣреніе—передать ему власть, будто какое отеческое наслѣдіе. Можно было ему до конца (жизни) оставаться въ безопасности и вмѣстѣ совершить дѣло справедливое, оставивъ самодержавную власть сыну царицы Константину, какъ наслѣдство, принадлежащее ему отъ отца и дѣда; чрезъ это царица возымѣла бы къ нему еще болѣе довѣрія и благорасположенія: но старикъ забылся и, питая намѣреніе несправедливое и бесполезное, самъ сдѣлался виновни-

(1) Βωτανιάτῃς возшегъ на престолъ и женился на Маріи уже въ старости. Cinn. I. 1, de Nicephoro: ἀνδρὶ πόρρω τῆς ἡλικίας ἦκοντι, καὶ ἐπὶ δυσμαίεσι βίῃ γεγονότι. Вручен. ἀνὴρ συνετὸς μὲν τὰ πρῶτα καὶ ἰκανώτατος τῇ χειρὶ, γῆρα δ' ἄλλως καὶ χρόνῳ κατεργασμένος.

комъ павшихъ на его голову бѣдствій. Царица узнала о такомъ замыслѣ и опечалилась, ибо видѣла въ этомъ опасность для своего сына. Она была огорчена и никому не открывала своего огорченія; но это не утаилось отъ Комниныхъ. Нашедши удобный случай, котораго искали, они рѣшились подойти къ ней. Держать же бесѣду съ нею мать приказала Исааку въ присутствіи брата его Алексѣя. Когда Комнины пришли къ царицѣ, Исаакъ сказалъ ей: «госпожа! мы видимъ тебя вовсе не такою, какою ты была незадолго прѣжде; тебя озабочиваютъ и мучать тяжкія мысли. Неужели тебѣ недостаетъ человѣка, на котораго ты могла бы положиться и открыть ему тайну»? Но царица нехотѣла тогда же высказаться предъ ними, а только, глубоко вздохнувъ, сказала: «за чѣмъ спрашивать людей живущихъ на чужой сторонѣ?—и этого уже довольно, чтобы быть имъ печальными, а у меня, увы, что и чѣмъ смѣняется и чего еще, по видимому, должна я ожидать въ скорости»! Послѣ сего они отступили назадъ и не сказали больше ни слова, но, опустивъ глаза въ землю и сложивъ руки, немного постояли въ задумчивости и потомъ, сдѣлавъ обычный поклонъ, съ тревожнымъ чувствомъ удалились домой. Однакожь чрезъ нѣсколько времени Комнины опять пришли говорить съ царицею и, замѣтивъ, что она смотритъ на нихъ веселѣе, чѣмъ прежде, оба подошли къ ней и сказали: «ты наша госпожа, а мы преданнѣйшіе твои слуги, за твое царствованіе готовые потерпѣть все. Да не сму-

щаетъ тебя никакая мысль, и да не волнуетъ твоей души сомнѣніемъ!»! Этими словами высказавъ ей свою вѣрность и изгладивъ въ ней всякое къ себѣ подозрѣніе, они выразумѣли тайну. Какъ люди острые и провицательные, они способны были и въ не многихъ словахъ человека схватить глубоко сокрытую и пока еще затаенную мысль,—и тотчасъ, принявъ ея сторону, вызвались быть открыто преданными ей, общались усердно исполнять все, къ чему она призоветъ ихъ, показали готовность по-апостольски сорадоваться ей радующейся и соболѣзновать скорбящей, только бы она удостоила считать ихъ однородцами и друзьями, происходящими оттуда же, откуда сама, и прибавили одно—тотчасъ же открывать имъ, что враги будутъ доносить на нихъ ей или царю, чтобы въ противномъ случаѣ не попасть въ сѣти вражескія неожиданно. Объ этомъ просили они и ободрили ее надеждою, что съ Богомъ усердно подадутъ ей возможную помощь, такъ что, по ихъ старанію, сынъ ея Константинъ не лишится царства. Такую свою рѣшимость они пожелали даже утвердить клятвою; ибо, изъ опасенія стороннихъ глазъ, часто провождать имъ здѣсь время не слѣдовало. Такимъ образомъ эти люди облегчили тяжкую свою скорбь и ободрились. Съ той поры они веселѣе бесѣдовали съ царемъ, и оба, а особенно одинъ изъ нихъ, Алексѣй, умѣли ловко прикрывать маскою тайную свою мысль и созрѣвавшее въ глубинѣ души намѣреніе. Но такъ какъ зависть все

*

болѣе разгоралась, а между тѣмъ отъ нихъ, по прежнему условію, ничего не скрывалось, что на нихъ говорили царю; то узнали они, что два временщика—рабы намѣрены погубить ихъ, и потому стали ходить во дворецъ не вмѣстѣ, какъ бывало прежде, а попеременно. Это дѣлалось съ тою, мудро придуманною, пирамидовскою цѣлію, что если, по тайнымъ замысламъ этихъ двухъ временщиковъ—Скиѳовъ, одного изъ нихъ схватятъ, то другой убѣжитъ, и слѣдовательно не попадутъ они въ сѣти варваровъ оба вмѣстѣ. Такъ думали они; но обстоятельства расположились не по ихъ ожиданію. Они должны были предупредить своихъ злоумышленниковъ, чтобы имѣть надъ ними верхъ, какъ это со всею ясностію покажетъ нижеслѣдующій рассказъ.

3. Когда Турки взяли Кизикъ ⁽¹⁾, самодержецъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ призвалъ къ себѣ Алексѣя. А въ тотъ день во дворецъ приходилось быть Исааку. Увидѣвъ, что братъ его пришелъ вопреки условію, Исаакъ подошелъ къ нему и спросилъ, для чего онъ здѣсь. Тотъ сейчасъ сказалъ ему причину: «меня, говоритъ, призвалъ самодержецъ». Итакъ они вошли оба и сдѣлали обычный поклонъ. Тогда время было уже обѣденное,—и царь приказалъ имъ немного подождать, чтобы раздѣлить съ нимъ трапезу. За столъ сѣли они не рядомъ, но одинъ по

(1) Кизикъ—городъ на берегу Пропонтиды въ опскайскомъ округѣ. Въ царствованіе Копронима, какъ свидѣтельствуесть Кедринъ, онъ завоеванъ былъ Агарянами. Carol. du Fresne ad. h. l.

правую, а другой по лѣвую сторону, другъ противъ друга. Немного спустя они внимательно посмотрѣли на стоявшихъ вокругъ стола и замѣтили, что эти люди съ пасмурнымъ видомъ перешептываются между собою, а потому боясь, не замышляется ли противъ нихъ какое-нибудь зло и не близка ли уже опасность, стали тайно переглядываться другъ съ другомъ и не знали, что дѣлать. Но такъ какъ всѣ окружавшіе царя еще задолго задобрены были ласковыми ихъ рѣчами, знаками уваженія и разными способами привѣтливости, до того, что и самъ поваръ расположенъ былъ смотрѣть на нихъ весело; то одинъ изъ служителей Исаака Комнина, подошедши къ повару, сказалъ: «доложи моему господину о взятіи Кизика. Это извѣстіе получено отсюда чрезъ письмо». Поваръ, ставя кушанья на столъ, тотчасъ же тихо передалъ Исааку, что узналъ отъ слуги; а Исаакъ, немного наклонившись, далъ знать брату движеніемъ губъ о томъ, что было ему сказано. Алексѣй, какъ человѣкъ острый, пламеннѣе огня, тотчасъ схватилъ слово брата, и вслѣдствіе того оба они успокоились отъ ваволновавшей ихъ мысли. Теперь, пришедши въ себя, стали они думать о томъ, какъ отвѣчать, когда кто скажетъ имъ эту новость, и что приличнѣе посовѣтовать царю, если онъ потребуетъ отъ нихъ совѣта. Между тѣмъ какъ Комнины думали объ этомъ, царь, взглянувъ на нихъ, объявилъ имъ о взятіи Кизика, въ той мысли, что до нихъ еще не дошла эта вѣсть. А они, будучи готовы врачевать душу царя, обез-

покоиваемую опустошеніемъ городовъ, постарались укрѣпить упавшій духъ его и оживили его добрыми надеждами, ручаясь, что городъ легко можетъ быть возвращенъ. «Только да благоденствуетъ твое владычество, говорили они; а завоевателямъ города седмерицею отплатится за то, что ими сдѣлано». Эти слова тогда обрадовали царя, и онъ остальную часть дня послѣ обѣда провелъ беззаботно. Съ того времени Комнины старались чаще бывать во дворцѣ и еще болѣе ласкали окружающихъ царя, чтобы никакъ не представлять пищи злоумышленникамъ и никому не подавать повода къ ненависти, а напротивъ во всѣхъ возбуждать къ себѣ любовь и заставить всѣхъ думать и говорить въ свою пользу. Кромѣ того они заботливо усиливали расположеніе къ себѣ царицы Маріи и увѣряли ее, что исключительно на нее смотрять и ею дышать. Исаакъ, подъ предлогомъ родства, какъ мужъ ея племянницы, имѣлъ предъ нею особенное дерзновеніе; а мой отецъ, посѣщая ее и по праву близкаго родственника, а еще болѣе по силѣ знаменитаго усыновленія, не возбуждалъ ни въ комъ подозрѣнія и (такимъ образомъ) обуздывалъ ненависть своихъ злодѣевъ,—ибо ему не неизвѣстна была смертельная злоба тѣхъ варваровъ-рабовъ и крайнее легкомысліе царя. Да и не слѣдовало имъ терять расположенія царицы, чтобы не сдѣлаться добычею враговъ; ибо только умы легкомысленные бываютъ измѣнчивы и, подобно Еврипу, колеблются приливомъ и отливомъ мыслей.

4. Въ это время помянутые рабы, видя, что дѣло идетъ не согласно съ ихъ цѣлю, что погубить имъ такихъ людей не легко и что расположение къ нимъ царя со дня на день возрастаетъ, стали думать да передумывать, и наконецъ избрали другую дорогу. Какая же это была дорога?—Въ одну ночь призвать Комниныхъ безъ царскаго приказанія, низложить ихъ и подъ предлогомъ измышленной вины выколоть имъ глаза. Однакожъ это не скрылось отъ Комниныхъ: послѣ долгихъ разысканій, они узнали о приближающейся опасности и, находя, что единственною надеждою спасенія остается имъ отложеніе, побуждаемые крайнею необходимостію, прибѣгли къ этой мѣрѣ; ибо чего должно будетъ ожидать, когда раскаленное желѣзо коснется ихъ глазъ и лишитъ ихъ солнечнаго свѣта? И такъ они зародили и скрыли въ душахъ своихъ эту мысль. Вскорѣ потомъ приказано было Алексѣю вооружить часть войскъ, которая должна была идти противъ разорившихъ Кизикъ Агарянъ; ибо Алексѣй въ то время былъ Доместикомъ Запада. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ случаемъ, онъ призвалъ къ себѣ чрезъ письма именно тѣхъ войсковыхъ начальниковъ, съ ввѣренными имъ войсками, которые были къ нему расположены и всѣ они, двинувшись съ своихъ мѣстъ, поспѣшили къ великому городу. Въ это время нѣкто, по наущенію одного изъ рабовъ, по имени Ворила, спросилъ царя, по его ли приказанію великій Доместикъ собираетъ въ царственный городъ всѣ вой-

ска. Царь тотчасъ призвалъ Доместика и спросилъ, правда ли, что говорятъ о немъ. Онъ не запирался, что одна часть войска дѣйствительно собралась по его приказанію; но что все войско отовсюду собирается въ столицу,—это рѣшительно отвергалъ. «Разсѣянные вездѣ войска, говорилъ онъ, получивъ приказаніе, шли,—которое откуда. Видя такое движеніе ихъ изъ разныхъ частей римской имперіи, и обманываясь тѣмъ, что видѣли, иные приняли это за признакъ, что приказано собраться сюда всѣмъ войскамъ». Ворицъ много возражалъ противъ этихъ словъ; но Алексѣй преодолѣлъ его и имѣлъ на своей сторонѣ общее мнѣніе. Германъ же, какъ человѣкъ болѣе простой, не слишкомъ сильно нападалъ на Алексѣя. Такъ какъ и эти доносы на Доместика не возмутили души царя, то упомянутые рабы, избравъ случай и безопасное время (это было вечеромъ), рѣшились устроить Комнинымъ задуманныя козни. Рабская природа по отношенію къ господамъ вообще бываетъ непріязненна и, если не удастся ей что-нибудь противъ господъ; то, воспользовавшись силою, она становится несносною для равныхъ себѣ рабовъ. Что такой былъ нравъ и таково настроеніе помянутыхъ людей, Алексѣй Комнинъ зналъ по опыту. Они злились на Комниныхъ не за самодержца, а потому, что Ворицъ, какъ говорили, самъ домогался царства; Германъ же принималъ участіе въ его замыслахъ и помогалъ ему строить козни. Они сообщали другъ другу

свои мысли, вмѣстѣ заботились, чтобы затѣян-
ное дѣло совершилось по ихъ желанію, и нако-
нецъ стали уже явно высказывать то, о чемъ
прежде говорили сквозь зубы. Нѣкто, родомъ
Аланъ, чиномъ Магистръ ⁽¹⁾, человѣкъ весьма
близкій къ царю и служившій между домашни-
ми его людьми, услышавъ объ ихъ умыслѣ, въ
среднюю стражу ночи вышелъ изъ дворца и
пришелъ къ Комнинымъ съ намѣреніемъ раз-
сказать обо всемъ великому Доместикъ. Нѣко-
торые говорятъ, что отправленіе Магистра къ
Комнинымъ не со всѣмъ неизвѣстно было и ца-
рицѣ. Алексѣй ввелъ его къ матери и брату.
Выслушавъ отъ него страшную вѣсть, они со-
чли теперь необходимымъ обнаружить то, что
доселѣ скрывали, и съ помощію Божіей поза-
ботиться о своемъ спасеніи. Узнавъ, что войско
на третій день придетъ въ Цуруль (небольшой
городокъ на границахъ Тракіи), Доместикъ въ
первую стражу ночи пошелъ къ Пакуриану ⁽²⁾.
Это былъ человѣкъ, говоря словами поэта, ма-
лорослый, но воинственный, происходившій отъ
знатнаго рода армянскаго. Алексѣй рассказалъ
ему все,—какъ рабы злобствуютъ и ненавидятъ
ихъ, какъ давно питаютъ противъ нихъ свои

⁽¹⁾ Объ этомъ достоинствѣ или чинѣ см. Вріенн. кн. 1, гл. 13.

⁽²⁾ Этого Пакуриана надобно отличать отъ Пакуриана, великаго До-
местика. Здѣсь разумѣется Григорій Пакурианъ Севастъ, къ которому
написаны были и дошли до насъ два письма Теофилакта Болгарскаго,
7 и 23-е. Изъ надписанія перваго письма явствуетъ, что онъ женатъ
былъ на дочери великаго Друнгарія, то есть Никифора Комнина, Але-
ксѣева брата. О Пакурианѣ Доместикѣ, вѣроятно, отцѣ Григоріевомъ,
впослѣдствіи не разъ упоминаетъ Анна. Carol. du Fresne ad h. l.

замыслы и какъ задумали и уже собрались выколотъ имъ глаза, и прибавилъ, что этого не должно терпѣть рабски, но слѣдуетъ дѣйствовать мужественно и, еслибы понадобилось, лучше погибнуть; ибо такой только образъ дѣйствій свойственъ душамъ великимъ. Выслушавъ все и понявъ, что въ подобныхъ случаяхъ медленность непозволительна, что теперь надобно скорѣе приниматься за благороднѣйшее дѣло, Пакуріанъ сказалъ: «если завтра рано утромъ ты выйдешь отсюда, то и я послѣдую за тобою и буду усердно защищать тебя; а какъ скоро отложшишь свое намѣреніе, знай, что я самъ, нисколько не медля, пойду къ царю и расскажу ему о тебѣ и о твоихъ сподвижникахъ». Алексѣй отвѣчалъ: «вижу твое попеченіе о моемъ спасеніи и, замѣчая въ этомъ, конечно, дѣло Божіе, не отказываюсь отъ твоего совѣта; но для безопасности нужно намъ напередъ обязать другъ друга клятвою». Итакъ они клятвенно условились между собою въ томъ, что, если Богъ возведетъ Алексѣя на царскій престолъ, онъ дастъ Пакуріану санъ Доместика, которымъ облеченъ теперь самъ. Окончивъ дѣло съ Пакуріаномъ и выпедши отъ него, пошелъ онъ къ другому человѣку, Ариманію Убертопулу ⁽¹⁾, которому

(1) Константинъ, по прозванію Убертопулъ, то есть сынъ Уберта или Гумберта, помогшій Алексѣю овладѣть имперіей, былъ Кельтъ или Франкъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Анна (l. 4 et. 8) и Зонара (in. Alexio). Отецъ его Гумбертъ вѣроятно былъ сынъ Танкреда de Altavilla, брата Вискардова, о которомъ упоминаетъ Malaterra (l. 1. cap. 4). Танкредъ съ Норманнами, которыхъ Анна ниже называетъ Мавіакатами (l. 7), перешелъ въ Грецію и оказалъ услуги константинопольскимъ государямъ.

тоже объявилъ свое намѣреніе и, представивъ причину предположеннаго бѣгства, пригласилъ его къ содѣйствію. Ариманій тотчасъ далъ согласіе: «во мнѣ, сказалъ онъ, ты имѣешь человека, готоваго благодушно подвергаться за тебя опасности». Эти люди были расположены къ Алексѣю сколько по другимъ причинамъ, столько же и по тому, что мужествомъ и благоразуміемъ онъ превосходилъ всѣхъ. Кромѣ того Алексѣй былъ щедродателемъ, и рука его, больше чѣмъ чья другая, простиралась для раздачи подарковъ, хотя онъ и не слишкомъ славился богатствомъ. Его нельзя было отнести къ числу людей хищныхъ и жаждавшихъ обогащенія. О щедрости онъ обыкновенно судилъ не по величинѣ даваемой суммы, а по душевному расположенію дающаго. Можно быть щедрымъ, владея немногимъ и расточая, сколько позволяютъ средства: а кто имѣетъ и большое богатство, но зарываетъ его въ землю, или не удѣляетъ изъ него въ надлежащей мѣрѣ нуждающемуся; того, какъ втораго Креза или златолубиваго Мидаса, нисколько не погрѣшая противъ истины, можно назвать скрягою-скупцомъ или однимъ изъ тѣхъ, которые выколачиваютъ тминъ ⁽¹⁾. Итакъ упомянутые люди, изъ

(1) Тминъ древніе употребляли для приправы похлебки, чтобы сообщить ей хорошій вкусъ, подобно тому, какъ для той же цѣли употребляютъ гвоздику и корицу (Plin. l. 20. c. 12). Тмину приписывали хорошее дѣйствіе на жедудокъ; но кто пьетъ его, тотъ становится блѣденъ. Посему этимъ растеніемъ пользовались, прикидываясь больными. Бранчивою поговоркою *κομινωπρίστis*, выражали чрезвычайную скупость, *hominem impendio parvum et sordidum*. Aristot. lib. Moral.

давна зная, что Алексѣй украшается всѣми этими добродѣтелями, были довольны его намѣреніемъ провозгласить себя царемъ, и желали ему успѣха. Взявъ клятву и отъ Убертопула, Алексѣй поспѣшно отправился къ себѣ и обо всемъ сообщилъ своимъ домашнимъ. Была ночь сырнаго воскресенья, когда мой отецъ задумалъ это; а рано на слѣдующее утро онъ вышелъ съ своими изъ города. По сему случаю народъ, одобряя его за рѣшительность и благоразуміе, сплелъ ему пѣсенку изъ самыхъ его дѣлъ. Эта пѣсенка сложена была на простомъ нарѣчій, но превосходно выражала смыслъ предпріятія и позволяла угадывать какъ замысль его, такъ и устроенныя противъ него козни. Вотъ подлинныя ея слова: «въ сырную субботу ты понялъ это, любезный Алексѣй, а на другой день рано поутру я сказалъ: прекрасно, мой соколъ!» На языкѣ общеупотребительномъ она имѣетъ слѣдующій смыслъ: въ сырную субботу чудно открылась твоя проницательность, Алексѣй, и на другой день послѣ воскресенья, ты, какъ высокопарящій соколъ, улетѣлъ отъ злоумышлявшихъ противъ тебя варваровъ.

5. Мать Комниныхъ, Анна Далассенская ⁽¹⁾, успѣвшая устроить бракъ внука Вотаниатова съ дочерью старшаго изъ своихъ сыновей, Мануи-

4. См. *Adagia* Erasmi. 84. et Hoffman. Lexic. v. *Cuminum*. Справн. Исаимъ 28, 27.

⁽¹⁾ См. табл. Комниныхъ.

ла, опасаясь, какъ бы о затѣянномъ дѣлѣ не узналъ дядька ея зятя и не донесъ о немъ царю, придумываетъ слѣдующій превосходный планъ. Она приказываетъ всѣмъ собраться вечеромъ, чтобы отправиться на богомолье въ свѣтлыя Божія церкви; ибо у ней было въ обычаѣ посѣщать свѣтлыя храмы. Приказаніе исполнено. Всѣ по обыковенію явились, вывели лошадей изъ конюшенъ и дѣлали видъ, будто тщательно подвязываютъ приличныя женщинамъ сѣдла. Въ это время внукъ Вотаніата и его дядька спали въ особо отведенныхъ имъ покояхъ. Въ первую стражу Комнины заперли ворота и, располагаясь вооружиться и бѣжать изъ царствующаго города, отдали ключи (отъ воротъ) матери; заперли также и двери того дома, въ которомъ спалъ зять Анны по внуку, Вотаніатъ, хотя и не плотно притворили ихъ, чтобы не произвестъ шума и не разбудить спавшаго. Между тѣмъ какъ это происходило, прошла большая часть ночи. Наконецъ, пока еще не пропѣли первые пѣтухи, они отворили ворота, взяли съ собою мать, сестеръ, женъ и дѣтей, и вмѣстѣ со всѣми шли пѣшкомъ до Константиновской площади ⁽¹⁾; а здѣсь простившись съ

(¹) Константиновская площадь называлась по имени строителя ея Константина Великаго. Она находилась въ той части города, гдѣ прежде стояли стѣны и ворота древней Византіи, и была украшена портками, статуями и разными, отсюду свезенными, памятниками древности (Themist. orat. 17. Zosim. l. 2. Euseb. l. 3. de vita Constant. cap. 52.) называлась также и *πλαχὸν* по широкимъ камнямъ, которыми она была выслана и которые у Грековъ назывались *πλαχαι*. Carol. du Fresne ad h. l.

ними, быстро понеслись къ влахерискому дворцу ⁽¹⁾, прочія же проворно пошли къ храму великой Софіи. Послѣ нихъ проснулся дядька Востаніата и, узнавъ о случившемся, отправился за ними, съ фонаремъ въ рукахъ, и скоро настигъ ихъ, прежде чѣмъ они дошли до храма сорока Святыхъ ⁽²⁾. Увидѣвъ его, Анна Далассенская, мать тѣхъ отличныхъ дѣтей, тотчасъ сказала ему: «вотъ я узнала, что кто-то наговорилъ на насъ царю; поэтому теперь отправляюсь во святыя церкви, чтобы, по возможности, воспользоваться ихъ защитой, а оттуда на разсвѣ-

(1) Влахерискій дворецъ находился въ углу города, близъ пристани, а не при устьѣ Эвксинскаго Понта, какъ утверждаетъ Ламбецій. *In notis ad Willhard. № 83.* объ этомъ дворцѣ говорится такъ: *venientes ad urbem, Brachium S. Georgii ad dextram, et quemdam profluvium, qui de ipso procedens ad 4 fere millia tenditur, habens ad laevam ibi palatinum, quod dicitur Blacherna. Funditur quidem in humili, sed sumptu et arte, decente proceritate consurgit, et triplici confinio triplicem habitantibus jucunditatem afferens, mare, campos, urbemque visibus alternis despicit. Exterior ejus pulchritudo fere incomparabilis est. Interior vero, quidquid de illa dixerō, superabit. Auro depingitur undique, variisque coloribus, et marmore studioso artificio sternitur area, et nescio, quid ei plus conferat pretii, vel pulchritudinis, ars subtilis, vel pretiosa materia. Carol. du Fresne ad h. l.*

(2) Храмъ сорока святыхъ мучениковъ находился близъ Константиновыхъ термъ или теплицъ. Основанія его положены Тиверіемъ Августомъ и супругою его Анастасією; а окончилъ его строеніемъ Маврикій, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ Теофанъ, Кедринъ, Глика, Павелъ Діаконъ, Кодианъ и др. Упавшій отъ землетрясенія куполъ его возсоздалъ, по словамъ Скилицы, Василиемъ Порфиророднымъ. Потомъ заново перестроилъ его Андроникъ Комнинъ (*Nicetas l. 2*); а царь Іоаннъ Палеологъ раскопалъ его и изъ обломковъ воздвигъ близъ Золотыхъ Воротъ двѣ великолѣпныя башни. Въ александрійской же хроникѣ и у Никифора Грегоры говорится, что близъ храма 40 мучениковъ Фока воздвигъ колонну, на которой, въ царствованіе Иракліа, поставленъ былъ крестъ, который впоследствии упалъ отъ землетрясенія. *Carol. du Fresne ad h. l.*

тѣ пойду въ царскія налаты. Ступай же и ты (туда), чтобы привратники, предувѣдомленные тобою о нашемъ прибытіи, отворили намъ ворота». Дядька сейчасъ отправился, какъ было ему приказано; а тѣ поспѣшно отправились къ храму святителя Николая ⁽¹⁾, который и доннынѣ обыкновенно называютъ Просфигіономъ (прибѣжищемъ). Этотъ храмъ еще въ древности построенъ близъ великой церкви для спасенія обличенныхъ въ преступленіи, и составляетъ какбы нѣкую часть ея ⁽²⁾, нарочито, думаю, предназначенную древними къ тому, чтобы всякій, обличенный въ преступленіи, успѣвши войти въ нее, могъ избавиться отъ законнаго наказанія; ибо прежніе цари и кесари оказывали подданнымъ много милости. Сторожъ этого храма не тотчасъ отперъ имъ двери, но прежде спросилъ, кто онѣ и откуда. Одинъ изъ бывшихъ съ ними людей отвѣчалъ: «это—женщины съ Востока; истративъ все, что имъ необходимо и теперь рѣшившись отправиться домой, онѣ спѣшатъ поклониться» (св. мѣстамъ). Тотъ сейчасъ отперъ двери и дозволилъ

(¹) Храмъ святителя Николая находился близъ великой церкви, въ оградѣ большаго дворца, или въ смежности съ дворцомъ. Онъ построенъ былъ, по словамъ Скилицы, Василиемъ Македоняниномъ ἐν τῇ Βαρβαρᾷ (Pachym. I. 4. cap. 8), то есть въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ храмъ св. Варвары, противъ Акрополя. Codin. in Orig. p. 61. Былъ въ Константинополѣ и другой храмъ св. Николая, именно въ Влахернѣ, о которомъ упоминаетъ Анна въ кн. 10. Carol. du Fresne ad h. I.

(²) Храмъ св. Николая, по словамъ Анны, служившій прибѣжищемъ виновныхъ, составлялъ какбы пристройку великой церкви и назначенъ былъ именно для этой цѣли Юстиніаномъ. Constant. Porphyrogen. Nov. 12. Впрочемъ великая церковь пользовалась этимъ правомъ еще до Юстиніана, какъ свидѣлствуетъ Zozimus I. 5. См. Pachym. I. 3. cap. 24. Cantacuz. I. 1. cap. 12. I. 3. cap. 2. 50. 80. 88.

имъ войти. А царь на другой день, узнавъ о поступкахъ этихъ людей, созвалъ Сенатъ, говорилъ противъ нихъ, что слѣдовало, и упрекалъ Доместика. Потомъ послалъ онъ за женщинами Страворомана ⁽¹⁾, какъ его называли, и нѣкоего по прозвищу Евфиміана, и требовалъ ихъ во дворецъ. Но Далассенская отвѣчала имъ: «скажите самодержцу: мои дѣти—вѣрные рабы твоего царствованія, усердно служащіе тебѣ во всемъ; они не щадили ни душъ своихъ, ни тѣлъ, и всегда мужественно подвергались опасностямъ за твое величество. Но зависть, не перенося твоего благоволенія и расположенія къ нимъ, ежедневно готовила имъ великую опасность, такъ что даже задумала выколоть у нихъ глаза. Свѣдавъ объ этомъ и не снося такой незаслуженной напасти, они удалились изъ города не какъ измѣнники, а какъ вѣрные рабы, желающіе въ одно и тоже время и избѣжать грозящей бѣды, и вмѣстѣ, доведши до свѣденія твоего величества то, что злоумышляли противъ нихъ, испросить царской твоей защиты». Но тѣ весьма настоятельно звали ее (къ царю). Посему разгнѣвавшись на нихъ, эта женщина говоритъ имъ: «позвольте же мнѣ войти въ церковь Божію для поклоненія; вѣдь не прилично той, которая поспѣшала къ вратамъ ея, не войти въ нихъ и

(1) Стравороманъ чиномъ былъ великій Этеріархъ, или начальникъ римской дружины, отправлявшійся въ качествѣ посла отъ Вотианата къ Алексѣю и происходившій изъ фригійскаго города Пентаполя. Никифоръ Вріенній почитаетъ его родственникомъ Вотианата. Carol. du Fresne ad h. l.

не воспользоваться заступленіемъ всепречистой Владычицы и Богоматери предъ Богомъ и душею царя». Уваживъ благословную просьбу этой женщины, послы дозволили ей войти (въ храмъ). Медленно переступая ногами, какъ и слѣдовало женщинѣ, удрученной печалію и старостію, или лучше-притворявшейся удрученною, она приблизилась къ самому всходу предъ святымъ олтаремъ ⁽¹⁾, сдѣлала два колѣнопреклоненія, а при третьемъ поверглась ницъ и, крѣпко ухватившись за святія врата, вскричала: «если только не отсѣкутъ у меня рукъ, я не выйду изъ священнаго храма, пока не получу отъ царя креста, какъ залога спасенія». Стравороманъ вынулъ нагрудный крестъ ⁽²⁾, который носилъ на себѣ и подалъ (его Аннѣ). «Не отъ васъ я прошу ручательства, сказала она, но домогаюсь упомяну-

⁽¹⁾ Православные храмы дѣлились на три части: первая называлась τὸ βῆμα, вторая ναὸς, а третья ἁρῶν. Βῆμα олтарь была священнѣйшая часть храма, назначенная для возношенія жертвы и отъ прочихъ частей отдѣлявшаяся завѣсою и рѣшеткою; ναὸς или хоръ отдѣлялся также рѣшеткою и служилъ священнодѣйствующимъ мѣстомъ для священныхъ пѣснопѣній; ἁρῶν давалъ помѣщеніе приходившимъ въ храмъ мірянамъ. Эта часть получила такое названіе отъ своей четверугольной и продолговатой фигуры, тогда какъ ναὸς имѣлъ фигуру овальную или круглую, и иначе назывался *προεβυτήριον*. Carol. du Fresne ad h. l.

⁽²⁾ Нагрудными крестами назывались тѣ, которые носимы были православными христіанами на груди подъ одежду. Они верѣдко содержали въ себѣ останки святыхъ и висѣли на цѣпочкахъ. Anastas. Biblioth. ad Act. 5 octavae Synodi. Объ этомъ обычаѣ см. Greitzer T. 1. de S. Cruce l. 2 cap. 27. Такіе кресты носимы были въ свидѣтельство вѣры и для сохраненія себя отъ случайныхъ опасностей. Nicetas Paphlago in Vita S. Ignatii Patr. C. P. VIII Syn. C. P. Act. 5. Synodus. Ephes. can. 22 Act. 8. etc. При договорахъ христіане въ знакъ вѣрности такими крестами верѣдко обмѣнивались. Pachumer. l. 1. cap. 31.

той защиты отъ самаго царя. Не этотъ, даваемый тобою, малой величины крестикъ могу я принять, а такой, который имѣлъ бы приличную величину». (Она требовала этого, чтобы крестъ въ отношеніи къ ней былъ явнымъ знакомъ клятвы; ибо обѣщаніе, даваемое при небольшомъ крестѣ, вѣроятно, для многихъ осталось бы неизвѣстнымъ). «И такъ я призываю на себя его судъ и милость; подите, возвѣстите ему». А невѣстка ея, что за Исаакомъ (она тоже поспѣшила войти въ церковь, какъ скоро отворены были врата для утренняго пѣснопѣнія), снявъ лежавшее на ея лицѣ покрывало, сказала имъ: «она, если ей угодно, пусть идетъ; а мы безъ ручательства въ безопасности не выйдемъ изъ храма, хотя бы пришлось намъ и умереть». Итакъ, видя упорство этихъ женщинъ и замѣчая, что онѣ еще самовластнѣе обращаются съ ними, чѣмъ прежде, посланные побоялись, какъ бы не произошло шума, и потому пошли донести обо всемъ царю. Царь, добрый по природѣ, ктому же убѣжденный словами той женщины, посылаетъ ей требуемый крестъ и даетъ полное обезпеченіе. Онъ приказываетъ, по выходѣ ея изъ святой Божіей церкви, заключить ее вмѣстѣ съ дочерьми и невѣстками въ лежащій близъ Сидиры (¹)

(¹) Сидиру Скилица помѣщаетъ въ южной части города (in Leone Philosofo): ἐγίνετο δὲ ἐμπρησμός κατὰ τὸ μεσημβρινόν μέρος τῆς πόλεως, ἐν τῇ λεγομένῃ Σιδιρᾷ. Что такое была Сидира? Можно догадываться, что этимъ именемъ назывался одинъ изъ царскихъ дворцовъ, Азта, построенный Василиемъ. Древняя замѣтка у Мартина Крузія I. 3 Tugsoeg. pag. 190. 275 говорить: ἡ βίβλος αὐτῆς τῆς μονῆς τοῦ προδρόμου τῆς κειμένης ἐγγύστα τοῦ Ἀετῖα, ἐρχαῖκή δὲ τῇ μονῇ κλησις Πέτρα. Нѣ-

петрейскій женскій монастырь ⁽¹⁾; вызываетъ и сваху ея, жену Кесаря Іоанна, которая имѣла достоинство Протовестиаріи ⁽²⁾ и находилась во влахернскомъ храмѣ ⁽³⁾, построенномъ во имя Владычицы нашей Богоматери, повелѣвъ ей жить также въ упомянутомъ монастырѣ петрейскомъ; приказываетъ оставить неприкосновенными ихъ погреба, житницы и всѣ кладовыя. Обѣ эти женщины, живя въ упомянутомъ мѣстѣ, каждый день

которые думаютъ, что Аэта называлась Сидирою потому, что тамъ еще до Константина ковали желѣзную монету. По крайней мѣрѣ еще Аристофанъ ἐν Νεύλαις говорилъ, что Византіицы купятъ желѣзную монету; Схолиастъ подтверждаетъ это даже авторитетомъ Платона: χαλεπῶς ἂν δικάσαι μὲν ἐν Βυζαντίοις ὅτι σιδιρέοισι νομίσμασι χρῶνται.

(1) Петрейскій монастырь получилъ это названіе отъ мѣста, именовавшагося въ древности *Πέτρα*, и извѣстенъ былъ до построенія Византіи Константиномъ, какъ говорить, на основаніи словъ Діонисія Византіискаго, Петръ Гиллій (l. 2 de Bosph. Thrac. cap. 2). Этотъ монастырь находился у приморскихъ стѣнъ города при заливѣ Сиценскомъ (Nisetas in Alex. Comn. l. 3 cap. 10): οἱ μὲν τὰ πλῆθι φέροντες ἔχσαν κατέναντι τῶν Πετρίων. Впрочемъ Петріономъ назывался не просто монастырь, а извѣстное мѣсто, занятое различными зданіями и многими монастырями; потому что у Скилицы, на примѣръ, упоминается *παλάτιον τοῦ Πετρίου*, по словамъ Кодица (in Orig. Lambecianis, p. 37), построенный Петромъ Варетвіанскимъ Патрищемъ, также *ἡλὶς τοῦ προφῆτου κατὰ τὸ Πετρίον ναὸς* (Constant. in Basilio cap. 54), храмъ св. Евѳиміи, который у Кодица называется *Πέτρα*. По преимуществу же петрейскимъ монастыремъ именовался монастырь Іоанна Крестителя (Ducas cap. 39, Codinus de offic. Aulae CP-nae cap. 15 p. 11. 13) Эта обитель была женская, что видно изъ словъ Анны, Скилицы и Зонары.

(2) То есть была жена Протовестиарія (Meursius). Впрочемъ Анна говоритъ, что при особѣ царицы также были штатъ чиновиницъ. Подъ властію Протовестиарія была, кажется, *ζωνή*, которой должность состояла въ подпоясываніи царицы. Codinus in Orig. CP.: *ὁμοίως καὶ αἱ ζωναὶ ἐξώνυσον τὴν δέσποιναν*. Такогоже рода прислужницы были *οἰατρίκες*, лица *à cubiculo*, *à veste*, *à mundo muliebri*.

(3) Влахернскій храмъ въ честь Богородицы, по свидѣтельству писателей, построенъ супругою Марціана Августою Пульхерією. Carol. du Fresne ad h. l.

утромъ подходили къ стражамъ и спрашивали ихъ, не слышали-ль они чего-нибудь объ ихъ дѣтяхъ; и тѣ изъ стражей, которые были съ ними откровеннѣе, рассказывали имъ все слышанное. Ктому же Протовестіарія, выражавшая свою щедрость и рукою и сердцемъ, чтобы расположить къ себѣ караульныхъ, дозволила имъ изъ ея кушаньевъ брать для своего употребленія, сколько имъ угодно; потому что приносить заключеннымъ все потребное не запрещалось. Отъ этого стражи извѣщали ихъ еще охотнѣе и, пока передавали имъ все, отъ нихъ не скрыто было ничто.

6. Это-то происходило съ женщинами. Между тѣмъ Комнины, пришедши къ воротамъ, ведущимъ въ влахернское укрѣпленіе, сломали замки и открыли себѣ входъ въ царскія конюшни. Тамъ изъ числа принадлежащихъ царю лошадей нѣкоторыхъ они оставили, отрубивъ имъ напередъ заднія ноги по самыя бедра, а другихъ, которыя казались имъ пригоднѣе, захватили съ собой и поспѣшно поѣхали въ ближайшій къ столицѣ монастырь, называвшійся Космидіономъ ⁽¹⁾. Здѣсь, нашедши упомянутую Протовестіарію,—я рассказываю это мимоходомъ, чтобы мое повѣствованіе было яснѣе,—прежде чѣмъ она была позвана къ царю, какъ сказано объ этомъ выше, они простились съ нею и, отправляясь оттуда, уговаривали Георгія Палеолога ⁽²⁾ при-

⁽¹⁾ Космидіономъ называлась обитель во имя Космы и Даміана, находившаяся внѣ города. О ней подробнѣе см. Willhard. № 86.

⁽²⁾ Георгій Палеологъ былъ сынъ Никифора Палеолога, о которомъ

соединиться къ нимъ и отправиться вмѣстѣ съ ними; впрочемъ еще не открывали этому человеку своихъ плановъ, потому что расположеніе его къ себѣ почитали подозрительнымъ: такъ какъ отецъ его пользовался особенною благосклонностію царя, то разоблачать предъ нимъ задуманное предпріятіе было небезопасно. Сначала Палеологъ оказался несговорчивымъ, много возражалъ имъ, упрекалъ ихъ за такой умыселъ и за то, что, по пословицѣ, взявшись за заднюю мысль, они приглашаютъ и его. Но когда и Протовестіарія, теща Палеолога, начала сильно настаивать на томъ, чтобы онъ согласился съ ними и стала грозить ему бѣдствіями,—онъ сдѣлался мягче. Палеологъ между прочимъ беспокоился о женщинахъ—о своей женѣ Аннѣ и тещѣ Маріи, которая корень своего рода имѣла въ Болгаріи и такъ привлекала своею красотою и стройностію частей и членовъ тѣла, что въ то время не представлялось ни одной женщины прекраснѣе ея. Поэтому въ отношеніи къ ней не безъ заботы были и Палеологъ и Алексѣй. Послѣдній имѣлъ мысль взять этихъ женщинъ оттуда и отвезть въ какую-нибудь крѣпость, а Палеологъ желалъ помѣститъ ихъ въ храмъ влахернской Богоматери. Мнѣніе Георгія одержало верхъ. Итакъ они немедленно пошли съ ними, и ввѣрили ихъ Непорочной Матери Вседержащаго Слова; а сами, воротившись

упоминають Вріенній I. 3 п. 13, Склица р. 834. и Анна р. 48. 49. Къ этому Георгію Палеологу писалъ посланіе Теофилактъ архієпископъ болгарскій. Epist. 33 и 70.

опять туда, откуда вышли, стали думать, что имъ теперь дѣлать. Тогда Палеологъ сказалъ: «вамъ надобно отправляться, а я скоро догоню васъ, только соберу принадлежащія мнѣ вещи»; ибо все находившееся тамъ его имущество заключалось въ движимости. Итакъ тѣ, нисколько не медля, предприняли предстоявшее себѣ путешествіе; а этотъ, сложивъ на монастырскихъ выючныхъ животныхъ все, что у него было, послѣдовалъ за ними. Прибывши въ Цурулъ (это ѳракійское селеніе существуетъ доселѣ), всѣ они благополучно соединились съ пришедшимъ туда, по распоряженію Доместика, войскомъ. Тамъ признали они нужнымъ о случившемся съ ними извѣстить Кесаря Іоанна Дуку, проживавшаго въ своихъ меровундскихъ ⁽¹⁾ владѣніяхъ, и съ этимъ дѣломъ послали вѣстника. Посланный для сей цѣли, прибывъ туда около разсвѣта, остановился при входѣ въ деревню и спрашивалъ Кесаря. Внукъ послѣдняго Іоаннъ, бывшій тогда еще дитятею, не достигшимъ и отроческаго возраста, и потому безотлучно находившійся при Кесарѣ, увидѣвъ посланнаго, побѣждалъ рысью и, разбудивъ спавшаго Кесаря, объявилъ ему о дѣлѣ Комниновъ. Кесарь, вдругъ пораженный этимъ слухомъ, схватилъ мальчика за волосы и, запретивъ ему болтать вздоръ, прогналъ его. Но тотъ, немного спустя, опять входитъ и прино-

(¹) Вѣроятно это были владѣнія Меровея, который былъ консуломъ вмѣстѣ съ Граціаномъ Августомъ въ 377 году по Р. Х., а потомъ съ Сатурниномъ въ 382. Былъ также Мервей, родомъ Испанецъ, зять консула Астерія, о которомъ говоритъ въ своей хроникѣ Идацій.

ситъ тоже извѣстіе, присовокупивъ и слова Комниновъ, какія приказано было передать ему. Въ этихъ словахъ было довольно остроумія; ими загадочно давалось знать о дѣлѣ Алексѣя: «мы, сказано было, изготовили очень хорошее блюдо, и не безъ приправы; если ты хочешь принять участіе въ нашемъ пирѣ, поспѣшай, какъ можно скорѣе, раздѣлить его съ нами». Тогда, приподнявшись и опершись на правую руку, Кесарь велѣлъ ввести къ себѣ посланнаго. Какъ скоро посланный разсказалъ ему все о Комниновыхъ,—Кесарь воскликнулъ: «бѣда мнѣ», и тотчасъ закрылъ глаза руками, а потомъ, немного спустя, сталъ вертѣть свои усы, какбы въ головѣ его толпилось много думъ, и порѣшилъ на одномъ—послѣдовать и самому за ними. И такъ потребовалъ онъ тотчасъ конюховъ, сѣлъ на коня и понесся по дорогѣ, ведущей къ Комнинымъ. На пути, встрѣтившись съ однимъ Византійцемъ, который везъ довольно большой мѣшокъ золота и направлялся къ столицѣ, спросилъ его—словами изъ Гомера: *τις πόθεν ἐκ ἀνδρῶν* «что ты за человѣкъ и откуда»? И узнавъ, что онъ везетъ много золота, сборъ какихъ-то податей, и долженъ доставить это въ царскую опочивальню ⁽¹⁾, сталъ принуждать его ночевать съ нимъ и увѣрялъ, что по наступленіи

(1) Царская опочивальня, *κοιτὼν*: подъ этимъ словомъ здѣсь разумѣется комната, въ которой складывались царскія сокровища и царская казна. Vita Lud. Pii An. DCCCXL. Ockam cap. quid sit scasarium. Histor. Archiep. Bremens. An. MCLV. У Римлянъ слово: *κοιτὼν*, въ этомъ значеніи замѣнялось словомъ *camera* казначейская; отсюда *camerarius* казначей.

дня онъ можетъ идти, куда угодно. Византіецъ упорствовалъ и начиналъ досадовать; но Кесарь продолжалъ еще сильнѣе уговаривать и убѣждать его своими словами; потому что былъ весьма рѣчистъ, силенъ мыслями и увлекателенъ языкомъ, какъ второй Эсхинъ или Демосѣенъ. И такъ, взявъ его съ собою, остановился онъ съ нимъ въ одномъ домѣ, обошелся самымъ дружескимъ образомъ, удостоилъ его своей трапезы и, доставивъ ему хорошій ночлегъ, удержалъ его при себѣ. Наконецъ поутру, когда солнце показалось на восточномъ горизонтѣ, Византіецъ, положивъ сѣдла на лошадей, хотѣлъ тотчасъ отправиться въ Византію. Видя это, Кесарь говоритъ ему: «полно, поѣзжай вмѣстѣ съ нами». Но тотъ, не зная даже, куда это велятъ ему ѣхать, больше же всего не угадывая причины, по которой удостоиваютъ его такого радушія, опять сталъ отказываться и начиналъ уже подозрѣвать Кесаря по поводу такихъ ласкъ его. Однакомъ Кесарь продолжалъ уговаривать Византійца, и такъ какъ этотъ не слушался, то первый, перемѣнивъ тонъ, сталъ ему грозить, если онъ не исполнитъ того, что приказываютъ. Когда же тотъ не хотѣлъ повиноваться, Кесарь велѣлъ все у него бывшее переложить на собственныхъ своихъ выючныхъ животныхъ и отправиться въ подлежащій путь, а тому далъ волю идти, куда хочетъ. Но Византіецъ рѣшительно отказался отъ намѣренія ѣхать во дворецъ, ибо боялся быть взятымъ подъ стражу, еслибы къ управляющимъ царскою опо-

чивальней явился съ пустыми руками. Не хотѣлъ онъ также и бѣжать, ибо по случаю возстанія Комниныхъ, которое сдѣлалось уже извѣстнымъ, въ имперіи произошли замѣшательства и безпорядки, а потому противъ воли присталъ къ Кесарю. Въ то время по счастливому стеченію обстоятельствъ произошло слѣдующее. Предиринявъ путь, Кесарь случайно встрѣтилъ Турковъ, переправлявшихся чрезъ рѣку, по имени Эвръ ⁽¹⁾. Тотчасъ осадивъ коня, онъ спросилъ ихъ, откуда они и куда ѣдутъ, и тутъ же обѣщалъ имъ дать много денегъ и оказать всякаго рода услуги, если они вмѣстѣ съ нимъ отправятся къ Комнину. Стали договариваться. Кесарь, желая, чтобы условія были тверды, потребовалъ отъ ихъ вождей клятвы. Вожди по обычаю своей страны тотчасъ поклялись, обѣщаясь весьма усердно помогать Комнину. И такъ, взявъ съ собой и Турковъ, Кесарь отправился къ Комнинымъ. Эти, завидѣвъ его издалика и сильно обрадовавшись новой добычѣ, особенно мой отецъ Алексѣй, отъ радости не знали, что и дѣлать. Алексѣй вышелъ навстрѣчу Кесарю и, обнявши его, поздоровался съ нимъ. Что же потомъ? По предложенію и настоянію Кесаря, они направились по дорогѣ, ведущей къ столицѣ. Всѣ городскіе и сельскіе жители сами собой подходили къ Алексѣю и провозглашали его царемъ, исключая только жителей Орестиады ⁽²⁾, кото-

(¹) Эвръ или Гебръ—рѣка во Фракіи, нынѣ называется Марицею. *Carol. du Fresne ad h. l.*

(²) Орестиадою называется адрианопольскій округъ; потому что Адриа-

рыс издавна были нерасположены къ нему за то, что онъ взялъ Вріеннія, и держались стороны Вотаніата. И такъ, вступивъ въ Аѳиру ⁽¹⁾ и тамъ переночевавъ, на другой день они пошли далѣе и, занявъ Схизы ⁽²⁾ — (ѳракійское также селеніе), стали тамъ лагеремъ.

7. Вниманіе всѣхъ было напряжено, всѣ ожидали, что будетъ, и провозглашеннымъ на царство желали видѣть того, кого чаяли. Большая часть расположена была вручить власть Алексѣю, однакожъ и державшіеся стороны Исаака не падали духомъ, но по возможности тянули къ себѣ всѣхъ. Казалось, дѣло было несогласимое, когда одни желали того, а другіе другого кормчаго на кораблѣ имперіи. Вышли на сцену тогда и близкіе къ Алексѣю по родству—упомянутый выше Кесарь Іоаннъ Дука, мужъ искусный въ совѣтахъ и распорядительный въ дѣлахъ, котораго и я застала въ живыхъ и немного видѣла, внуки его Михаилъ и Іоаннъ, равно какъ и зять ихъ по сестрѣ, Георгій Налеологъ. Эти люди находились при Комниныхъ, хлопотали, мысли каждаго направляли въ пользу своего предпріятія, напрягали, какъ говорится, всѣ силы, и искусно пустили въ ходъ всѣ пружины дѣла, чтобы

пополъ прежде именовался Орестомъ, такъ какъ былъ построенъ Орестомъ. Hoffman. lex. v Oresta.

⁽¹⁾ Аѳира, главный городъ округа на рѣкѣ того же имени, текущей во ѳракіи и впадающей въ Пропонтиду близъ Селимврии. Hoffman. lex. ad h. v.

⁽²⁾ Это селеніе, находившееся во ѳракіи, не должно смѣшивать съ городомъ Схизою, лежавшимъ въ Виѳиніи, о которомъ Анна говоритъ ниже.

провозглашенъ былъ Алексѣй. Поэтому всѣ стали переходить на ихъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ число приверженцевъ Исааковыхъ уменьшалось: ибо гдѣ былъ Кесарь Іоаннъ, тамъ прекословіе казалось ни отъ кого невозможнымъ; потому что никто не могъ съ нимъ равняться ни силою ума, ни величественностію тѣла, ни видомъ, приличнымъ властителю. Чего не дѣлали Дуки? Чего не говорили они? Какого блага не обѣщали и воинскимъ чинамъ, и рядовымъ въ войскѣ, если Алексѣй взойдетъ на царскій престолъ? Они говорили: «(Алексѣй) наградитъ васъ величайшими дарами и почестями, кого какъ слѣдуетъ, а не какъ случится, что дѣлаютъ вожди невѣжественные и неопытные; потому что вашъ Стратопедархъ уже давно на службѣ, имѣетъ санъ великаго Доместика Запада, участвовалъ въ вашихъ походахъ, мужественно сражался съ вами въ засадныхъ и строевыхъ отрядахъ, не щадилъ для спасенія васъ ни своего тѣла, ни членовъ, ни самой жизни; много разъ вмѣстѣ съ вами переходилъ горы и равнины, знакомъ съ тягостями битвъ, и хорошо знаетъ всѣхъ васъ вообще и cadaго порознь; самъ любимецъ Арея, высоко цѣнить онъ и храбрыхъ воиновъ». Вотъ что говорили Дуки. Между тѣмъ Алексѣй показывалъ великое уваженіе къ Исааку и во всемъ отдавалъ ему первенство—частію по братской къ нему любви, а еще больше (надобно признаться) потому, что къ Алексѣю стекалось все войско и спѣшило ввѣрить ему царство, тогда какъ къ сторонѣ Исаака не присоединялось изъ

него нисколько. И такъ, имѣя въ своихъ рукахъ власть и силу и видя, что дѣло идетъ согласно съ его надеждами, Алексѣй утѣшалъ брата мечтою царства: не теряя самъ ничего, если всѣмъ войскомъ будетъ возведенъ на высшую степень государственнаго величія, онъ ласкалъ брата словами и дѣлалъ видъ, будто готовъ уступить ему державу. Между тѣмъ время шло; вокругъ палатки вождя собралось все войско, настали минуты всеобщаго ожиданія и каждый желалъ, чтобы исполнились его надежды. Наконецъ Исаакъ всталъ съ своего мѣста и, взявъ красныя туфли, старался надѣть ихъ на ноги брата; когдаже этотъ многократно отказывался, тотъ примолвилъ: «позволь,—Богъ хочетъ возвратить нашему роду престолъ чрезъ тебя». И припомнилъ слова, изреченныя ему нѣкогда кѣмъ-то, явившимся у Карпіанъ, когда оба брата возвращались домой изъ царскихъ палатъ. Въ бытность ихъ тамъ встрѣтился съ ними какой-то мужъ. Если это былъ не кто-нибудь выше обыкновеннаго человѣка, то человѣкъ, правду сказать, прозрѣвавшій будущее. По виду казался онъ священникомъ, съ обнаженною головою, сѣдыми волосами, косматою бородою. Подходя къ нимъ, онъ ухватился за ногу Алексѣя и, бывъ пѣшимъ, притянулъ къ себѣ всадника, а потомъ изрекъ ему на ухо слова изъ Давидова псалма: «наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды», и къ сему прибавилъ: «самодержецъ Алексѣй»! Сказавъ это какбы пророчески, онъ исчезъ. Алексѣй не могъ схватить

его; смотрѣлъ кругомъ, не увидить ли гдѣ, а потомъ пустилъ коня во весь опоръ, не настигнетъ ли прорицателя, чтобы точнѣе узнать, кто онъ и откуда. Но видѣніе скрылось совершенно. Когда онъ воротился, братъ Исаакъ долго выпрашивалъ его о явившемся и убѣждалъ открыть тайну: Алексѣй, не смотря на настойчивость Исаака, сначала, казалось, не соглашался, но потомъ объявилъ сказанныя ему таинственные слова. Самъ онъ, наружно и въ разговорѣ съ братомъ, сказанное признавалъ, конечно, выдумкой и называлъ обманомъ; однакожъ, представляя въ умѣ явившагося ему священнолѣпнаго мужа, не могъ не уподоблять его сыну грома Богослову. Видя, что предреченіе упомянутого старца и то, что выражено имъ на словахъ, теперь оправдывается самымъ дѣломъ, Исаакъ сталъ еще сильнѣе настаивать и убѣждать Алексѣя надѣтъ багряныя туфли,—тѣмъ болѣе, что къ нему же направлялось и пламенное желаніе всего войска. Итакъ начались поздравленія ⁽⁴⁾ прежде всего со стороны Дукъ, которые принимали этого мужа и по другимъ причинамъ, да и потому, что ихъ родственница Ирина, моя мать, была законною супругою моего отца. Вмѣстѣ съ ними тоже самое охотно сдѣлали и тѣ, которые приходились имъ въ кровномъ родствѣ; а когда приступило къ по-

⁽⁴⁾ Поздравленія при возшествіи византійскихъ царей на престолъ совершались въ формѣ восклицаній и благожеланій. При этомъ желали царямъ преимущественно многолѣтія — *πολυχρόνιον*. Odo de Diogilo l. 3.

здравленію и войско, восклицанія поднимались къ самому небу. При этомъ замѣтно было странное явленіе,—что и тѣ, которые прежде расходились въ мнѣніяхъ и готовы были скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ своихъ желаній, въ одинъ мигъ пришли къ единодушію, такъ что и подозрѣвать было невозможно, будто между ними когда-нибудь проявлялось несогласіе. Тогда какъ это происходило, пронесся слухъ о Меллисинѣ ⁽¹⁾, что онъ, съ достаточнымъ числомъ войска прибывъ въ Дамалисъ ⁽²⁾, провозгласилъ себя тамъ царемъ и уже облекся въ порфиру; но здѣсь не тотчасъ повѣрили этимъ словамъ. А Меллисинъ, въ свою очередь узнавъ о предпріятіи Комниныхъ, тотчасъ отправилъ къ нимъ пословъ. Послы прибыли и вручили Алексѣю письмо слѣдующаго содержанія: «Меня и находящееся подъ моимъ начальствомъ войско Богъ сохранилъ невредимымъ до самого Дамалиса. Между тѣмъ я узналъ, что случилось съ вами и какъ вы, промысленіемъ Божиимъ избавившись отъ злоумышленія тѣхъ рабовъ и отъ страшныхъ козней ихъ противъ васъ, позаботились о своемъ спасеніи. Но такъ какъ и я, изволеніемъ Божиимъ, ближній вашъ, и породственной связи, и по образу мыслей, и по неразрывному къ вамъ расположенію, не усту-

(1) Здѣсь разумѣется Никифоръ Меллисинскій, женатый на родной сестрѣ Алексѣя Комнина, Евдокіи. О его возстаніи подробно говоритъ Вріенній, стр. 20. 28. 111. 149.

(2) Дамалисъ — городъ при Дарданелахъ, на мысѣ того же имени, — тамъ, гдѣ нынѣ Скутари.

паю никому изъ кровныхъ вашихъ родственниковъ, что извѣстно Судии всяческихъ Богу; то должно намъ, стремясь къ своей цѣли, съобща заботиться о безопасности и благонадежности своего положенія, чтобы не колебаться отъ всякаго вѣтра, но, хорошо управляя дѣлами царства, идти впередъ твердымъ шагомъ. А этого мы, безъ сомнѣнія, достигнемъ, если, при помощи Божіей, взявъ столицу, вы будете управлять Западомъ, а мнѣ въ удѣлъ уступите Востокъ, такъ какъ я уже ношу вѣнецъ, облеченъ въ порфиру и по обычаю царей провозглашенъ на царство, вмѣстѣ съ тѣмъ, который нареченъ изъ среды васъ, чтобы и торжественное привѣтствіе намъ было общее, и не смотря на раздѣльность мѣстъ и дѣлъ, обоими нами руководила одна и таже мысль. Если это такъ будетъ, оба мы весьма безмятежно станемъ управлять имперіею». Передавъ это, послы не вдругъ въ то же самое время получили отвѣтъ. На другой день Комнины, призвавъ ихъ, долго доказывали имъ невозможность исполнить предложеніе Мелиссина,—и свое мнѣніе обѣщали сообщить послѣ чрезъ Георгія, по прозванію Мангани, на котораго возложили и попеченіе о нихъ. Между тѣмъ не слишкомъ медлили они и осадой столицы, но пробовали, сколько было можно, метать стрѣлы въ ея стѣны, а на другой день призывали пословъ и сказали имъ свое мнѣніе. Оно состояло въ томъ, чтобы Мелиссина почтить саномъ Кесаря, удостоить его кесарскихъ украшеній, торжественныхъ привѣтствій и всего, что при-

лично этому сану, также дать ему важнѣйшій городъ въ Фессаліи, въ которомъ сооружаемъ былъ тогда превосходный храмъ во имя великомученика Димитрія ⁽¹⁾, коего честная гробница источаетъ муро, всегда подающее дивныя исцѣленія людямъ, приступающимъ къ нему съ вѣрою. Послы были недовольны этимъ рѣшеніемъ; но такъ какъ представленій ихъ не слушали, а между тѣмъ они видѣли, что дѣлаются большія приготовленія противъ города и что у Комниныхъ такое несмѣтное войско, времени же имъ остается немного: то боясь, какъ бы Комнины, по взятіи города, не сдѣлались еще самоувѣреннѣе и не отказали даже въ томъ, что обѣщаютъ теперь, стали просить о выдачѣ имъ договорной грамоты, скрѣпленной красною подписью ⁽²⁾ и золотою печатью. Новый царь Алексѣй согласился на это. Онъ тотчасъ призвалъ Георгія Мангани, который исполнялъ у него должность секретаря, и приказалъ ему приго-

⁽¹⁾ Городъ, который Комнины предлагали Никифору Мелиссинскому, вѣроятно, былъ Фессалоника (Monach. S. Mariani An. MCLXXXV); потому что въ этомъ именно городѣ находился великолѣпнѣйшій храмъ великомученика Димитрія, особенно уважаемый византійскими Греками. Anna l. 5. Nicet. in Jsaaco l. 1. № 5, и въ этомъ храмѣ почивали муроточивыя его мощи. Nicet. in Andronico l. 1 № 9. Scylitzes in Michaelē Paphlag. Acropol. cap. 45. etc.

⁽²⁾ Византійскіе цари подписывали свои грамоты обыкновенно киноварью. Manasses: *εν ῥουθῳις γραμμασι ἀπὸν ἐσχημίστο*. У него же встрѣчаемъ выраженіе: *γραφῇ ῥουθροτήμηντος*. Впрочемъ подпись дѣлаема была большею частію въ видѣ монограммы, то есть, буквы имени въ подписи сплетались и связывались такъ, что составляли одну загадочную фигуру, въ которой, по словамъ Симмаха (l. 2 epist. 12.) *nomen magis intelligi, quam legi promptum est*.

товить золотую грамоту. Георгій оттянулъ это дѣло на три дня и всякій разъ придумывалъ новую причину медленности,—то говорилъ, что, утомившись днемъ, въ ночное время не могъ окончить грамоты,—то увѣрялъ, что написанное сгорѣло ночью отъ упавшей искры. Выдумывая такіе и подобные предлоги, Мангани оправдывалъ свое прозваніе (*μαγαγευόμενος*—искусно обманывалъ), и то такъ, то иначе оттягивалъ это дѣло. Между тѣмъ Комнины, двинувшись оттуда, скоро заняли такъ называемыя Ареты. Это мѣсто лежитъ близъ города, возвышается надъ долиною, и тѣмъ, которые стоять внизу и смотрятъ на него, представляется въ видѣ холма, одною стороною склоняющагося къ морю, другою къ Византіи, а двумя остальными—къ сѣверу и югу. Оно со всѣхъ сторонъ обвѣвается вѣтромъ, изобилуетъ прозрачною, пріятною для питья и проточною водою, но все не осыняется растеніями и деревьями. Можно сказать, что этотъ холмъ обнаженъ какими-нибудь дровосѣками. Обративъ вниманіе на веселые виды этого мѣста и благорастворенный воздухъ, самодержецъ Романъ Діогенъ, для легкаго отдыха царей, построилъ тамъ красивыя и помѣстительныя зданія. Прибывъ туда, Комнины отрядили людей сдѣлать нападеніе на городскія стѣны, не посредствомъ осадныхъ машинъ или метательныхъ орудій, ибо и время не позволяло этого, а соединенными силами щитоносцевъ, стрѣлковъ, копьеносцевъ и латниковъ.

9. Видя съ одной стороны Комниныхъ съ столь

многочисленнымъ ополченіемъ, которое составилось изъ разнаго рода людей и уже близко приступало къ городскимъ воротамъ, а съ другой—**Никифора** Мелиссина, стоявшаго при **Дамалисѣ** не съ менышею силой и также помогавшагося царской власти, **Вотаниатъ** не зналъ, что и дѣлать. Ставъ отъ старости хладнокровнымъ и слишкомъ робкимъ, хотя въ молодости былъ весьма мужественъ, онъ не находилъ себя въ состояніи отразить ту и другую сторону и на столько лишь сохранялъ тогда присутствіе духа, на сколько оберегали его крѣпостныя стѣны, больше же склонялся къ мысли оставить престолъ. Поэтому жители были поражены страхомъ и тревожились; казалось, что все тотчасъ же будетъ взято (**Комниными**). Но самимъ **Комнинымъ** взятіе города представлялось труднымъ; ибо войско у нихъ было составлено изъ разнаго рода людей, чужестранцевъ и туземцевъ: а гдѣ толпа разнородна, тамъ бываетъ и различіе въ образѣ мыслей. И такъ, надѣвъ новыя туфли, **Алексѣй** видѣлъ, что городъ взять трудно и, подозрѣвая войско въ непостоянствѣ, ухватился за иную мысль,—вознамѣрился ласками и обѣщаніями склонить на свою сторону нѣкоторыхъ охранителей городскихъ стѣнъ и, вывѣдавъ образъ ихъ мыслей, взять такимъ способомъ городъ. Продумавъ объ этомъ цѣлую ночь, рано утромъ входитъ онъ въ палатку **Кесаря** и, сообщивъ ему свой планъ, проситъ его въ то же время отправиться вмѣстѣ съ нимъ для осмотра стѣнъ, зубцовъ и сторожеваго войска, (которое было изъ разныхъ обла-

стей), и для разузнанія, какъ можно взять городъ. Кесарь не охотно принималъ это приглашеніе, такъ какъ недавно еще надѣлъ на себя ⁽¹⁾ монашеское платье, и понимая, что стоящіе около стѣнъ и между зубцами будутъ надъ нимъ смѣяться, естественно отказывался отъ намѣренія подходить близко къ стѣнамъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Когда онъ принужденъ былъ слѣдовать за Алексѣемъ, тогда смотрѣвшіе на него со стѣнъ не задумывались поносить его именемъ аввы ⁽²⁾ съ какой-то оскорбительной прибавкой. Но Кесарь, нагнувъ свой кукуль и внутренно кипя гнѣвомъ, не думалъ ни о чемъ, а только держалъ въ умѣ подлежащую цѣль; ибо люди съ твердымъ характеромъ обыкновенно упорны бываютъ въ томъ, что избрали, и презираютъ вышнія случайности. Итакъ онъ сталъ спрашивать, что за люди охраняютъ тѣ или другія башни, и узнавъ, что вотъ здѣсь поставлены такъ называемые

(1) Побѣжденный и взятый въ плѣнъ Турками вмѣстѣ съ Урзелиемъ, Іоаннъ Дука Кесарь былъ выкупленъ племянникомъ своимъ Михаиломъ. Но когда везли его въ Константинополь, онъ, не переправившись еще черезъ Пропонтиду, изъ страха подвергнуться казни за домогательство верховной власти, снялъ съ себя платье мирянина и надѣлъ кукуль. Такъ разсказываетъ Вріенній и Зонара. Потомъ, когда Михаилъ сошелъ съ престола, Кесарь отвергъ монашескую рясу и жилъ, какъ частный человекъ, въ пригородномъ имѣніи, вдали отъ придворнаго шума. Поэтому-то теперь боялся онъ, что городская стража будетъ надъ нимъ смѣяться.

(2) Подъ именемъ аввы Греки разумѣли не аббата или игумена, но отца, то есть, съ этимъ словомъ соединяли значеніе еврейское; слѣдовательно Кесаря называли какбы отцемъ Іоанномъ. Carol. du Fresne ad h. l.

Безсмертные ⁽¹⁾ (это былъ особенно отличный отрядъ римскаго войска), тамъ Варяги ⁽²⁾ изъ Оулы (то есть—вооруженные сѣкирами варвары), въ другомъ мѣстѣ Немицы ⁽³⁾ (тоже народъ варварскій, издавна подвластный римскому государству), убѣждалъ Алексѣя не нападать ни на Варяговъ, ни на Безсмертныхъ; ибо первые, какъ туземные подданные царя, необходимо были къ нему весьма расположены и лучше отдали бы за него жизнь, чѣмъ согласились бы замыслить противъ него что—нибудь злое; а послѣдніе, носящіе мечи ⁽⁴⁾ на плечахъ, вѣрность

(1) Объ отрядѣ войска, который назывался Безсмертнымъ, см. Вріенн. стр. 127.

(2) Варяги, служившіе въ войскѣ византійскихъ царей и составлявшіе придворную ихъ стражу, по свидѣтельству Leon. Ost. l. 2 Chron. Cassin. с. 38, Анны и другихъ византійскихъ историковъ, были выходцы изъ Англіи. Но Ордерикъ доказывалъ, что Варягами здѣсь называются изгнанные изъ Англіи и пришедшіе служить византійскимъ царямъ Датчане. Тоже утверждаетъ Saxo Grammaticus. Carol. du Fresne ad. h. l.

(3) Что къ стражѣ византійскихъ царей присоединялись и Немицы, свидѣтельствуеъ Скилица въ Романѣ Діогенѣ. Немицевъ Зонара производитъ отъ Кельтовъ, подъ именемъ которыхъ разумѣются не только Галлы, но и Германцы. Немицами Леунклавій (ad Glucan) называетъ именно Германцевъ или Тевтоновъ, и говоритъ, что это имя носили они на славянскомъ языкѣ. Pand. Turg. с. 63.

(4) Никита говоритъ о Варягахъ: οἱ κατὰ μὲν τὸν ἐτεροστόμῳ πελάγεω ἀνέχουσι. Что у древнихъ между воинскими орудіями были сѣкиры или бердыши, подтверждаютъ всѣ тактики. Эти сѣкиры имѣли лезвіе иногда съ обѣихъ сторонъ; а иногда съ одной стороны было лезвіе, какъ у шпаги, а съ другой остріе, какъ у копья. Leo Tact. cap. 5 § 3. Другой родъ сѣкиры описывается у Льва cap. 6 § 25: τζιχούρια ἑτερα, ἔχοντα τὸ μὲν στόμα κοπτόν, τὸ δὲ ἑτερον στρογγύλον. Такую сѣкиру Греки называли ἡμιπέλεκκα, τὸ ἥμισυ τῆ πελέκειος, τὸ ἐκ τῆ ἐνὸς μόνον μέρους ἔχον ἀκμὴν, ὃ καὶ δεξτράλιον καλεῖται. У Датчанъ были сѣкиры односторонніи, то есть съ однимъ лезвіемъ; и они носили ихъ на лѣвомъ плечѣ. Объ этомъ свидѣтельствуеъ Willelmus Malmesbur. l. 2. de Gest. Angl. с. 12.

къ самодержцамъ и охраненіе ихъ тѣлъ наслѣдуютъ по преданію отъ отцовъ, какбы какой залогъ или жребій, и потому ненарушимо сохраняютъ преданность Вотаниату и не потерпятъ даже одного слова о предательствѣ. Но если онъ поиспытаетъ Немицовъ, то вѣроятно недалекъ будетъ отъ цѣли и найдетъ возможность пройти черезъ охраняемую ими башню. Алексѣй послушался Кесаря, и слова его принялъ, какбы божественное изреченіе. Чрезъ одного посланнаго онъ усердно просилъ вождя Немицовъ спуститься внизъ: тотъ спустился сверху, многое говорилъ и слушалъ, и скорѣ заключилъ условіе о сдачѣ города. Воинъ возвратился и принесъ это извѣстіе Алексѣю. Услышавъ о такой неожиданной новости, Алексѣй сильно обрадовался и приказалъ своему войску быть готовымъ садиться на коней.

10. Вмѣстѣ съ этимъ и послы Мелиссина весьма настоятельно требовали обѣщанной имъ золотой грамоты, и былъ отданъ приказъ Мангани тотчасъ принести ее; но Мангани отвѣчалъ, что золотая грамота у него уже написана, только затерялись — нужный для царской подписи сосудъ съ чернилами ⁽¹⁾ и трость для письма.

(1) То есть сосудъ, въ которомъ хранились красныя чернила, приготовленные изъ пурпуровой улитки или киноvari, — пурпуровая жидкость, которою цари подписывали грамоты и письма. Этотъ сосудъ сдѣланъ былъ изъ золота и украшенъ драгоценными камнями. Nicetas in Manuel. l. 3 № 4. Къ этому сосуду присоединялось *calamarium aureum margaritis et pretiosissimis gemmis insignitum*, Petr. Diacon. l. 4 Chron. Cassin c. 13. Такъ какъ эта перочница имѣла форму собачки, говоритъ Аламанъ, то она называлась также каникліемъ. См. Киннама стр. 203.

Это былъ человѣкъ скрытный, имѣлъ способность легко предугадывать будущее, извлекать пользу изъ прошедшаго, и вѣрно оцѣнивать настоящее, могъ искусно отлагать дѣло, на сколько хочетъ, и скрывать его, если ему угодно. Такъ и теперь, онъ откладывалъ выдачу золотой грамоты, имѣя намѣреніе поддерживать въ Мелиссинѣ мечтательную надежду; ибо боялся, какъ бы Мелиссинѣ, если ему будетъ послана скорѣе, чѣмъ слѣдуетъ, золотая грамота на достоинство Кесаря, не отказался быть Кесаремъ и, объявивъ себя настоящимъ царемъ, какъ уже и выразилъ это Комнинымъ, не рѣшился на какой-нибудь отважный поступокъ. Вотъ въ чемъ заключалась хитрость и лукавство Мангани, оттягивавшаго выдачу золотой кесарской грамоты. Между тѣмъ какъ дѣло шло такимъ образомъ и уже приближалось время вступленія въ городъ,—послы, догадываясь, что ихъ обманываютъ, стали еще настоятельнѣе требовать золотой грамоты. Но тутъ Комнины сказали имъ: «такъ какъ мы имѣемъ уже городъ въ своихъ рукахъ и идемъ, при помощи Божіей, овладѣть имъ; то вы ступайте и увѣдомьте объ этомъ повелителя и господина вашего. Когда же дѣло окончится согласно съ нашими надеждами, прибавили они, пусть онъ самъ прибудетъ къ намъ, и тогда мы все устроимъ согласно съ нашимъ и его желаніемъ». Это сказано было посламъ. Между тѣмъ Георгія Палеолога отправили къ вождю Немичовъ Гил-пакту—вывѣдать его мнѣніе и, если окажется,

что Гилпрактъ согласенъ пропустить ихъ, какъ общалъ Комнинымъ, то дать имъ условный знакъ, который увидѣвши, они поспѣшатъ приступомъ, а онъ, вошедши въ башню, немедленно отворить имъ ворота. Георгій весьма охотно принялъ приказаніе отправиться къ Гилпракту, такъ какъ былъ человѣкъ способный къ военнымъ дѣламъ и захватыванію городовъ, за что по справедливости могъ быть названъ «стѣновоителемъ» (τειχεσιπλάτης), какъ Омиръ называлъ Арея. Комнины же, вооружившись и искусно выстроивъ все войско, двинулись тихимъ шагомъ и отдѣльными отрядами къ городу. Когда наступилъ вечеръ, Георгій Палеологъ подошелъ къ стѣнѣ и, получивъ отъ Гилпракта условный знакъ, взошелъ, съ окружавшими его людьми, на башню. Между тѣмъ войско Алексѣя вскорѣ потомъ подошло къ стѣнамъ и, поставивъ частоколъ, прекрасно расположилось лагеремъ. Простоявъ здѣсь небольшую часть ночи, Комнины заняли сами средину фаланги вмѣстѣ съ отборными всадниками и лучшимъ войскомъ; потомъ поставили въ порядокъ легко вооруженныхъ и, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, къ утру остановились предъ самыми стѣнами. Войско имѣло боевой видъ, все покрыты были оружіемъ, чтобы навести страхъ на жителей города. Наконецъ, когда Палеологъ подалъ имъ сверху условный знакъ и отворилъ ворота, они вошли туда толпой, безъ воинскаго порядка, кому какъ случилось, и только держали въ рукахъ щиты, стрѣлы да копьѣ. Это былъ пя-

тый ⁽¹⁾ великій день, въ который мы совершаемъ и вмѣстѣ вкушаемъ таинственную пасху, четвертый индиктъ 6389 года мѣсяца апрѣля. Итакъ, все ополченіе, составленное изъ иноземнаго и туземнаго войска, сошедшее изъ своихъ и чужихъ странъ,—все это ополченіе, зная, что столица издавна изобилуетъ всякаго рода сокровищами и постоянно наполняется ими съ суши и моря, быстро вошло въ нее чрезъ Харсіевы ⁽²⁾ ворота и, разсѣявшись повсюду—по главнымъ улицамъ, перекресткамъ и переулкамъ, не щадило ни домовъ, ни церквей, ни даже самыхъ священныхъ олтарей, но выносило оттуда богатую добычу, и только удерживалось отъ убійствъ, а все прочее совершало дерзко и безстыдно. Всего же безстыднѣе было то, что подобныя дѣла позволяли себѣ и туземцы, какъ будто бы они, забывъ себя, перемѣнили свои нравы къ худшему и, не краснѣя, совершали тоже самое, что варвары.

11. Видя это, царь Никифоръ очень стѣснялся своими обстоятельствами. Съ запада столица его была осаждена войскомъ Алексѣя, а на востокъ стоялъ лагерь при Дамалисѣ Никифоръ Мелиссинъ. Не зная, что дѣлать въ такихъ обстоя-

⁽¹⁾ Константинополь взятъ былъ Алексѣемъ, по греческому лѣтосчисленію въ 6389 году отъ с. м. или въ 1081 отъ Р. Х. 6 индикта 1 апрѣля въ пятый день Свѣтлаго Праздника. Carol. du Fresn. ad h. l.

⁽²⁾ По свидѣтельству Кодина in Orig. С. Р. эти ворота получили имя отъ Харсіа, главы венеціанскихъ заговорщиковъ, который въ царствованіе Θεодосія Младшаго, возобновителя константинопольскихъ стѣнъ, принималъ особенное участіе въ построеніи ихъ. Carol. du Fresne ad h. l.

тельстввахъ, онъ предпочиталъ уступить престолъ лучше Мелиссину и, какъ скоро городъ взятъ былъ Комниными, призвалъ къ себѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ и приказалъ ему перевести Мелиссина на флотъ въ царскій дворецъ. Съ нимъ отправился также и одинъ Спатарій ⁽¹⁾, человекъ весьма воинственный. Но прежде чѣмъ успѣли эти слова осуществить самымъ дѣломъ, городъ былъ уже взятъ, и Палеологъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ, пустился пѣшкомъ къ морю. Нашедши тамъ лодку, онъ тотчасъ садится въ нее и велитъ гребцамъ править судно въ ту сторону, гдѣ обыкновенно пристаетъ флотъ. Когда они были уже близко къ противоположному берегу, Палеологъ увидѣлъ посылаемый Вотаніатомъ для перевозки Мелиссина флотъ со всѣмъ готовымъ, и на одномъ изъ военныхъ кораблей замѣтилъ Спатарія. Узнавъ его издалека, такъ какъ давно былъ съ нимъ въ дружбѣ, онъ подплылъ къ нему и послѣ обычнаго привѣтствія, спросивъ, откуда и куда идетъ, сталъ умолять его взять и себя. Но Спатарій, видя его съ мечемъ и щитомъ въ рукахъ, побоялся и сказалъ: «если бы ты не былъ такъ вооруженъ, я съ радостію принялъ бы

⁽¹⁾ Спатарій происходитъ отъ слова спата (σπάθι); а спатою назывался большой мечъ (отсюда вѣроятно—русское его названіе: шпага); Veget. I. 2 cap. 13. Спатаріями при константинопольскомъ дворѣ именовались тѣлохранители царя, и въ это званіе допускались только люди благородные. Отсюда—*generosi spatharii* (Aleuin. *epist.* III.), которыхъ цари часто отправляли отъ себя въ качествѣ посланниковъ. *Annal. Franc. An. DCCCII. DCCCXI* etc. Начальникомъ ихъ былъ Протоспатарій.

тебя». Тогда Палеологъ охотно согласился оставить и щитъ, и саблю, и шлемъ, лишь бы только онъ не отказался взять его съ собою. Видя же, что онъ въ самомъ дѣлѣ снялъ съ себя вооруженіе, Спатарій дозволилъ ему взойти на собственный свой корабль и, обнявшись съ нимъ, весело поздоровался. Тутъ Палеологъ, человѣкъ весьма рѣшительный, не медля ни минуты, взялся за дѣло. Удалившись на носъ корабля, началъ онъ уговаривать гребцовъ: «что вы дѣлаете?—говорилъ онъ, куда плывете, приготовляя на свою голову величайшую бѣду? Городъ, какъ вамъ извѣстно, взять; прежній великій Доместикъ теперь провозглашенъ царемъ; и вы видите его оруженосцевъ, слышите привѣтственные восклицанія, и уже никто другой не будетъ имѣть мѣста въ царскихъ чертогахъ. Хорошо Вотаніатъ, Комнины гораздо лучше; велико Вотаніатово войско, но наше гораздо многочисленнѣе. Итакъ не слѣдуетъ вамъ жертвовать своею жизнію, своими женами и дѣтьми, но, видя, что городъ уже занятъ, что все войско внутри его, и слыша, какъ при развѣвающихся знаменахъ, раздаются торжественныя восклицанія, и прежній великій Доместикъ, въ санѣ царя и съ знаками самодержавной власти, приближается къ дворцу, слѣдуетъ вамъ плыть назадъ, усилить сторону побѣдителя и присоединиться къ нему». Выслушавъ это, всѣ тѣ гребцы пристали къ его образу мыслей. Спатарій досадовалъ, но меченосецъ Георгій Палеологъ грозилъ связать его и спустить въ кубрикъ, либо даже бросить въ

море. Потомъ началъ онъ тотчасъ провозглашать Алексѣя, а за нимъ и гребцы. Что же касается до Спатарія, который все еще не согласился и досадовалъ; то Георгій заключилъ его въ оковы и положилъ въ кубрикъ, а немного отплывъ, взялъ опять свою саблю и щитъ и, въ такомъ видѣ прибывъ туда, гдѣ былъ флотъ, сдѣлалъ тамъ уже всеобщее провозглашеніе. Догнавъ же флотилію, посланную Вотаніатомъ для принятія и переправы Мелисина, онъ тотчасъ задержалъ ее и приказалъ матросамъ разснастить корабли; потомъ отплывъ оттуда вмѣстѣ съ флотомъ, занялъ акрополь ⁽¹⁾, и тамъ торжественно провозгласилъ Алексѣя. Здѣсь велѣлъ онъ гребцамъ перестать грести и стоять неподвижно, чтобы задерживать всѣхъ, кто хотѣлъ бы переправиться съ восточнаго берега. Спустя немного, увидѣвъ судно, направлявшееся къ большому дворцу ⁽²⁾, приказалъ онъ своимъ гребцамъ грести какъ можно сильнѣе, и настигъ его. Усмотрѣвъ же на немъ своего отца, онъ тотчасъ всталъ и, преклонивъ колѣна, отдалъ ему поклонъ. По тому не весело было встрѣтиться съ сыномъ, и не назвалъ онъ его

(1) Константинопольскій акрополь находился въ восточной части города, на первомъ холмѣ со стороны Скутари или Дамалискаго мыса, въ конечномъ углу столицы. По имени сооруженнаго тамъ храма во имя св. Димитрія, его называли также *Μεγαλοδμήτριον ἀκρόπολιν*. Ducas cap. 38. 39.

(2) Большой дворецъ—*μέγα παλάτιον* въ тѣ времена называвшійся *Κωνσταντινῶνον* (Odo de Diogilo l. 4. Vill. Tug. l. 20. cap. 23), стоялъ на берегу Пропонтиды, недалеко отъ акрополя и софійскаго храма. Ducange ad. h. l.

милымъ свѣтомъ, какъ нѣкогда Одиссей Иттакскій,—увидѣвъ Телемака. Въ Иттакѣ были и пиршество, и женихи, и ратоборство, и тетива, и стрѣла, и цѣломудренная Пенелопа—награда побѣдителю, и Телемакъ, пришедшій къ отцу на помощь, не какъ врагъ, а какъ сынъ. Напротивъ здѣсь война и битва, и оба (отецъ и сынъ) по образу мыслей находились во враждебномъ отношеніи другъ къ другу. И взаимныя ихъ отношенія не были тайною ни для котораго, хотя то, что было въ мысляхъ, и не перешло еще въ дѣло. Посему-то, назвавъ сына глупцомъ, отецъ спросилъ его: «что такое хочетъ онъ дѣлать»? А сынъ отвѣчалъ: «такъ какъ это спрашиваешь ты, мой отецъ, то—ничего». Но тотъ примолвилъ: «подожди немного; если царь послушаетъ меня, то скоро узнаешь». Потомъ упомянутый Никифоръ Палеологъ отправился во дворецъ и, увидѣвъ, что тамъ всѣ разсыпались и занимались грабежемъ имущества, подумалъ, что ихъ легко одолѣть, а потому просилъ Вотаниата дать ему Варяговъ съ острова Оулы, чтобы съ помощію ихъ выгнать Комниныхъ изъ города. Но Вотаниатъ, совершенно отчаявшись поправить свои дѣла, говорилъ, что не хочетъ междуусобной войны. «Если же ты согласенъ послушать меня, Никифоръ, продолжалъ онъ, то, такъ какъ Комнины уже въ городѣ, поди къ нимъ въ качествѣ посла, для переговоровъ о мирѣ». И Никифоръ, хотя неохотно, однакожъ пошелъ.

12. Вступивъ въ городъ, Комнины, ободренные уже успѣхомъ, остановились на площади свя-

таго великомученика Георгія, именуемаго Сикетомъ,—въ той мысли, чтобы сперва пойти къ своимъ матерямъ и сдѣлать имъ по обыкновенію, какой водится, поклонъ, а потомъ отправиться во дворецъ. Узнавъ объ этомъ, Кесарь послалъ къ нимъ одного изъ своихъ слугъ, чрезъ котораго стращалъ ихъ и сильно укорялъ за медленность. Когда же они шли около дома Ивирица ⁽¹⁾,—встрѣтилъ ихъ Никифоръ Палеологъ и сказалъ: «царь возвѣщаетъ вамъ слѣдующее: я уже старъ и одинокъ; не имѣю ни сына, ни брата, и никого изъ родственниковъ. Если ты хочешь (обратилъ онъ слово къ новообъявленному царю Алексѣю), будь моимъ нареченнымъ сыномъ. Я ни у кого изъ воиновъ не отниму тѣхъ наградъ, которыя ты далъ имъ, и не буду имѣть никакого участія въ царской твоей власти, я удовлетворюсь однимъ именемъ царя, обычнымъ привѣтствіемъ, пурпуровыми туфлями и покоемъ во дворцѣ; на тебѣ же исключительно будетъ лежать управленіе дѣлами царства». На это Комнины отвѣчали такими словами, которыя какъ будто выражали согласіе ихъ. Но Кесарь, услышавъ о томъ, поспѣшно отправился къ нимъ, чтобы пострашать ихъ и побудить идти во дворецъ. Когда вступилъ онъ пѣшкомъ въ лагерь Комниныхъ съ правой стороны, они вышли ему на встрѣчу и долго выслушивали его укоризны.

(1) Домъ Ивирица Кодианъ помѣщаетъ у акрополя: *ἔστι δὲ καὶ ὁ δίκος τῆς Γεωργίας, καὶ τῆς Ὁβριτικῆς, διὰπερ ἔχει ὁ Ἀκροπολίτης*. Тоже говоритъ и Скилица, упоминая о домѣ Грегори, по прозванію Иверица, и называя этого Грегору Магистромъ. Ducange ad. h. l.

Вступая въ лагерь, увидѣлъ онъ также и Никифора Палеолога, входившаго туда слѣва и спросилъ его: «ты что здѣсь? Какая цѣль твоего прихода, свать?»—«Кажется, я пришелъ для того, чтобъ ничего не сдѣлать, отвѣчалъ Никифоръ, а только представить предложеніе самодержца. Царь настаиваетъ на сохраненіи своихъ обѣщаній, будетъ считать Алексѣя сыномъ съ тѣмъ, чтобы онъ облеченъ былъ властію самодержца и управлялъ имперіею по своему произволу, а Вотаниатъ, какъ уже старецъ, имѣющій нужду въ покоѣ, пользовался бы именемъ царя, носилъ красныя туфли и новую порфиру, и имѣлъ помѣщеніе во дворцѣ». Но Кесарь, взглянувъ на него сердито и наморщивъ брови, сказалъ: «поди-доложи царю, что это было бы полезно до взятія города; а теперь предложеніе посольства во все неблаговременно. Какъ старецъ, пусть онъ сойдетъ съ престола и позаботится о своемъ спасеніи». Такъ говорилъ Кесарь. Между тѣмъ Ворицъ, узнавъ о вшествіи Комниныхъ въ городъ и о томъ, что войско ихъ, всюду разсѣявшись, занимается грабежемъ и все предалось собиранію добычи (а сами они остались только съ кровными родственниками, съ приближенными къ себѣ людьми и съ немногими чужеземцами), задумалъ противустать имъ и, такъ какъ войско было разсѣяно, надѣялся легко одолѣть ихъ. Итакъ собравъ воиновъ, носящихъ мечи на плечахъ, и всѣхъ происходящихъ изъ Хомы, онъ постепенно и весьма стройно расположилъ ихъ,—начиная отъ кон-

стантиновской площади до такъ называемаго Миліа (¹) и далѣе; и эти воины, сомкнувъ щиты и приготовившись къ битвѣ, стояли пока неподвижно. Исполнявшій тогда должность патріарха, мужъ поистинѣ нестяжательный и въ полномъ смыслѣ подвижникъ, подобный отцамъ, населявшимъ нѣкогда пустыни и горы, и удостоившійся божественной благодати предвѣденія, многое и многократно предрекавшій и никогда не ошибавшійся, но постоянно бывшій правиломъ и образомъ добродѣтели, — этотъ мужъ повидимому не вовсе не зналъ о томъ, что случилось съ Вотаніатомъ. По Божію ли вдохновенію, или вмѣстѣ и по убѣжденію Кесаря (ибо говорили и такъ), который съ патріархомъ, какъ съ человѣкомъ высокой добродѣтели, издавна былъ въ дружеской связи, онъ сталъ совѣтовать царю сойти съ царскаго престола: «не вступай, говорилъ онъ, въ междоусобную войну; не противься повелѣнію Божію. Не обливай города кровію христіанъ, но, уступивъ волѣ Божіей, сойди съ поприща». Царь послушался словъ архіерея. Боясь необузданности войска, онъ подпоясался и, отказавшись отъ престола, сошелъ въ великую церковь Божію; но взволнованный духомъ, и забывъ, что былъ облеченъ еще въ приличную царямъ одежду.

(¹) Миліемъ называлась одна изъ площадей Константинополя, на которой стояла миліарская колонна. Эта площадь находилась недалеко отъ такъ называемаго Августеона и отъ храма св. Софін. Nicet. in Alex. Man. F. cap. 6 et in Jsaac. et Alex. cap. 2. На миліевской площади выставлены были головы бунтовщиковъ. Theophanes, Nicephorus, Paulus Diac. et alii.

Тогда Ворилль, обратившись къ нему, схватилъ лежавшее на его шеѣ жемчужное ожерелье ⁽¹⁾ и, оторвавъ его отъ платья, насмѣшливо и съ злобною улыбкою сказалъ: «это поистинѣ принадлежитъ намъ». Вотаніатъ же, вошедши въ великій храмъ Божіей Премудрости, до времени оставался тамъ.

КНИГА III.

1. Между тѣмъ Комнины, занявъ дворецъ, немедленно посылаютъ къ Вотаніату зятя по своей двоюродной сестрѣ, Михаила, который въ послѣдствіи назывался Логоветомъ Секретовъ ⁽²⁾. Отправившись вмѣстѣ съ тогдашнимъ Эпар-

⁽¹⁾ Ожерельемъ *βραχιόνιον* здѣсь называется вѣроятно то самое царское украшеніе, которое Козинъ (Off. Aulae CP. cap. 6) означаетъ словомъ *καθημερινή*. Оно принадлежало къ ежедневному облаченію царя и отъ ожерельевъ, возлагавшихся при торжественныхъ выходахъ, отличалось, можетъ быть, только меньшею цѣнностію.

⁽²⁾ О должности Логовета вообще см. Вріен. стр. 52 пр. 2. Киннам. стр. 136. О значеніи же Логовета Секретовъ въ частности говоритъ Nicetas in Isaac. I. 3 cap. 8 по случаю описанія Θεодора Кастамониты, которому царь Исаакъ ввѣрилъ веденіе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ: *ὅν δ' οὗτος περὶ πραγμάτων ἐγχειρίσιν, καὶ μάλιστα περὶ τὰς δημοσίας συνεισφορὰς δεξιότητος, καὶ λόγων ποροτέρων μέτοχος, ὃν καὶ Λογοθέτην τῶν Σηκρέτων προβαλλόμενοι* etc. Изъ этихъ словъ Никиты видно, что достоинство Логовета Секретовъ дано было Кастамонитѣ, какъ челоуѣку искуснѣйшему и опытнѣйшему въ дѣлахъ финансовыхъ и въ сборѣ податей; ибо *δημόσιον* есть подать, а судебныя мѣста, въ которыхъ разбирались тяжбы о налогахъ и податяхъ, назывались *δημοσιακὰ Σηκρέτα*. Cedrenus.

хомъ (а это былъ Радинъ) ⁽¹⁾ Михаилъ посадилъ царя на одно небольшое судно, и отплылъ съ нимъ въ знаменитую перивлентскую обитель ⁽²⁾, гдѣ оба стали убѣждать его облечься въ монашескій образъ. Вотаніатъ откладывалъ было это дѣло до другаго времени; но они, боясь, какъ бы въ тогдашнихъ смутныхъ и неустроенныхъ обстоятельствахъ не произошло опять мятежа со стороны тѣхъ рабовъ и Хоматинцевъ, настоятельно совѣтывали ему постричься. Онъ уступаетъ имъ, и тогда же сподобляется ангельскаго образа. Какая судьба! То возноситъ она человѣка на высоту, когда захочетъ улыбнуться ему, возлагаетъ на него діадиму и обуваетъ въ пурпуровыя туфли; то, когда нахмуритъ брови, вмѣсто порфиры и царскихъ украшеній, одѣваетъ въ черныя лохмотья. Это случилось и съ царемъ Вотаніатомъ. На вопросъ одного изъ короткихъ съ нимъ людей,—легко ли переносить ему свое превращеніе, онъ отвѣчалъ: «томить меня только воздержаніе отъ мяса, а о прочемъ мало забочусь». Между тѣмъ царица вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ, котораго имѣла отъ царствовавшего предъ тѣмъ Михаила Дуки,

⁽¹⁾ Домъ Радиновъ былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ въ Константинополѣ. Scylitz. p. 723. Nicet. in Alex. Aug. L. 3. № 1.

⁽²⁾ Это былъ монастырь во имя Богородицы, созданный царемъ Романомъ Аргиромъ. Zonaras, Scylitzes, Glycas, Manasses. Онъ находился у приморской стѣны города, Gregoras l. 7., въ мѣстѣ, называемомъ Сигма. Scylitzes. Въ немъ сохранялись останки многихъ святыхъ, напр. глава св. Климента папы и мученика, которую Франки изъ Константинополя перенесли въ клонійскій монастырь, также мощи св. Павла первопустынника, которыхъ Іаковъ Ланцольскій въ 1240 году перенесъ въ венеціанскую церковь св. Юліана. Ducange ad h. l.

оставалась еще во дворцѣ, боясь, по выраженію поэта, за бѣлокурога Менелая. Безукоризненный предлогъ медлить тамъ она находила въ родствѣ, (хотя нѣкоторые, движимые завистью, подозрѣвали иное); потому что въ одномъ изъ Комниныхъ успѣла приобрѣсть себѣ зятя ⁽¹⁾, а въ другомъ усыновленника. И это устроить расположила ее не какая-либо неодобрительная причина, какую указывали многіе, и не то, будто бы она приманивала тѣхъ людей и была доступна для нихъ, а то, что она жила на чужбинѣ, не имѣла ни родственника, ни сочувствовавшаго себѣ челоуѣка, и рѣшительно ни одного соотечественника. Поэтому не хотѣла она выдти изъ дворца безъ пути, чтобы съ ея сыномъ не случилось чего худаго, если выйдетъ оттуда, не имѣя ручательства за его безопасность, что обыкновенно случается при смѣнѣ царей. Константинъ былъ еще слишкомъ малъ, — не имѣлъ и семи лѣтъ; однакожъ вообще отличался красотою и несравнимою пріятностію, не только въ словахъ, но, какъ впоследствии говорили жившіе тогда, и во всевозможныхъ движеніяхъ и пріемахъ, требуемыхъ играми (да не гнѣваются на меня, что я хвалю своихъ; — побуждаюсь къ тому существомъ самого дѣла). По цвѣту волосъ и лица, онъ былъ бѣлокуръ, бѣлъ какъ молоко, румянь, гдѣ нужно, и походилъ на выбиваю-

(¹) Исаакъ женатъ былъ не на дочери, а на родственницѣ Маріи: слѣдовательно слово *γερμῶρος* здѣсь надобно понимать въ смыслъ обширномъ, какъ оно перѣдко употребляется. Buddaeus. Arnold. Lubec. I. 2 cap. 41.

щійся изъ почки розанъ. Но глаза у него были не свѣтлые, а соколиные, и сіяли изъ-подъ бровей, будто изъ золотой оправы. Такая красота его доставляла разнообразное удовольствіе тѣмъ, кто смотрѣлъ на него, и казалась небесною, а не земною; увидѣвъ его, всякій сказалъ бы, что такимъ рисуютъ Эроса. Вотъ настоящая причина замедленія царицы во дворцѣ. Я и по природѣ не люблю выдумывать басни и небылицы, хотя это, знаю, нравится многимъ, особенно, когда ими овладѣваетъ зависть и злорадство, и не скоро поддамся лживымъ толкамъ большинства; да и внѣшнія мои обстоятельства могутъ ручаться за истину моихъ словъ въ этомъ отношеніи, ибо я съ дѣтства, не имѣя еще и осмѣлѣть, воспитывалась у царицы. Сильно любя меня, она открывала мнѣ всѣ свои тайны. Рѣчи и толки объ этомъ слышала я и отъ многихъ другихъ, которые понимали тогдашнія дѣла то такъ, то иначе, каждый по собственному расположенію души,—по пріязни или ненависти, какую кто имѣлъ къ царицѣ, и видѣла, что не всѣ въ этомъ отношеніи одного мнѣнія. Впрочемъ царица часто и сама говаривала, что случилось съ нею и въ какомъ она была страхѣ, особенно за сына, когда царь Никифоръ отказался отъ престола. Итакъ, по моему мнѣнію и по суду многихъ отличныхъ и любящихъ правду людей, Марію на короткое время удержала тогда во дворцѣ любовь къ сыну. Это я сказала о царицѣ Маріи. А отецъ мой Алексѣй, недавно принявшій скипетръ, по вступленіи во дворецъ, супругу

свою, имѣвшую тогда пятнадцатый годъ, съ сестрами, матерью и Кесаремъ, ея дѣдомъ по отцу, оставилъ въ нижнихъ палатахъ. Такъ привыкли называть ихъ по положенію мѣста. Самъ же съ братьями, матерью и близкими родственниками съ своей стороны, занялъ верхнія палаты ⁽¹⁾, называемыя также Вуклеономъ по слѣдующей причинѣ. Близъ стѣнъ этого дворца изъ тамошняго камня и мрамора съ давнихъ временъ выстроена пристань, на которой каменный левъ терзаетъ вола. Онъ держитъ это животное за рогъ и приналъ къ ему горлу такъ, что будто впился въ него. Отсюда и зданія на сушѣ, и самая пристань ⁽²⁾, — все то мѣсто названо Вуклеономъ.

2. И такъ, многіе, какъ сказано выше, смотря подозрительно на замедленіе царицы во дворцѣ, шушукались, что и нынѣшній владѣтель престола намѣренъ, видво, взять Марію за себя замужъ. Только Дуки ничего такого не представ-

⁽¹⁾ Эти палаты называются верхними потому, что построены были на холмѣ, достигавшемъ до самаго моря и поднимавшемся въ высоту на сто шаговъ. Gyllius l. 1 descript. CP. c. 7. Строителемъ ихъ почитаютъ Никифора Фоку. Rhamnusius. Зонара и Скилитца говорятъ, что онѣ построены съ чрезвычайными издержками и окружены стѣнами, такъ что образовали крѣпость. Ducange ad h. l.

⁽²⁾ Эта пристань, къ которой былъ сходъ изъ дворца, сперва называлась *новою*, также *Юліановою* отъ имени царя Юліана Отступника, который построилъ ее (Zozimus l. 3.), и Юстиніановою, потому что Юстиніанъ въ прилежащемъ къ ней дворцѣ жилъ еще до вступленія на престолъ. Alamannus. Домъ Юстиніана стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии построенъ былъ храмъ во имя Сергія и Вакха. Наконецъ Юстинъ Младшій, отмѣнивъ прежнія названія этой пристани, наименовалъ ее, по имени своей супруги, Софійевою пристанью. Zonaras, Cedrenus, Glycas, Codinus.

ляли (потому-что не были расположены дѣлать пустыя предположенія); они издавна знали о явной ненависти къ себѣ матери Комниныхъ, и потому, какъ я много разъ слышала, подозрѣвали ее и береглись. Да и Георгій Палеологъ, когда, прибывъ съ флотомъ и начавъ торжественное привѣтствіе, увидѣлъ, что выглядывавшіе сверху изъ-за Комниныхъ приказываютъ молчать, чтобы по крайней мѣрѣ въ торжественномъ привѣтствіи не поздравить вмѣстѣ съ Алексѣемъ и Ирину, вспыхнулъ отъ гнѣва, и, стоя внизу, сказалъ имъ: «не для васъ я принялъ на себя такой трудъ, а для той, которую вы называете Ириною», и тотчасъ приказалъ морскимъ силамъ привѣтствовать вмѣстѣ съ Алексѣемъ и Ириною. Это привело души Дукъ въ большое смущеніе, а пересудчикамъ подало матерію для порицанія царицы Маріи. Царь же Алексѣй не имѣлъ и въ мысли ничего такого (да и какъ могъ?). Принявъ управленіе надъ Римлянами, онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, тотчасъ ухватился за дѣла и началъ, такъ сказать, съ средоточія. Въ самомъ дѣлѣ, съ восходомъ солнца вступивъ во дворецъ, прежде чѣмъ успѣлъ онъ стряхнуть съ ногъ пыль и дать отдыхъ тѣлу, тотчасъ весь предался заботамъ о дѣлахъ воинскихъ. Почитая брата Исаака, какъ отца, онъ допустилъ его къ участию во всемъ, равно какъ и мать; это были люди въ правительственныхъ дѣлахъ проникательные, хотя послѣдняя имѣла достаточно ума и распорядительности не для одного управленія царствомъ,

но и для многого другаго. Самъ же онъ занялся дѣломъ, настоятельно необходимымъ, — весь остатокъ дня и всю ночь провелъ въ заботѣ о томъ, чтобы разсыпавшееся по Византіи и буйствовавшее войско безъ шума удержать отъ безчинія и возстановить общественное спокойствіе. Дерзости воиновъ боялся онъ и въ другомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что они собраны были изъ различныхъ народовъ: онъ опасался, какъ бы не вздумалось имъ затѣять что худое и противъ него. Между тѣмъ Кесарь Іоаннъ Дука, желая скорѣе отдѣлаться отъ царицы и выпроводить ее изъ дворца, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить во многихъ ложное подозрѣніе, съ одной стороны всячески поддѣлывался къ патріарху Космѣ и добивался того, чтобы онъ пришелъ къ одному образу мыслей съ ними, никакъ не уступая въ этомъ случаѣ рѣчамъ матери Комниныхъ, съ другой умно внушалъ царицѣ Маріи, чтобы она, вытребовавъ отъ самодержца грамоту, обезпечивающую безопасность ея самой и ея сына, удалась оттуда, и такимъ образомъ повторялъ въ себѣ случай съ Натрокомъ ⁽¹⁾. Онъ имѣлъ о ней попеченіе еще при сошествіи съ престола царя Михаила Дуки, ибо воцарившемуся послѣ него Никифору Вотаниату совѣтовалъ ⁽²⁾ соединиться съ нею бракомъ, представляя ему на видъ то, что

⁽¹⁾ Пословица, означавшая тѣхъ людей, которые отъ страха не смѣютъ оплакивать собственныя бѣдствія, но оплакиваютъ ихъ, плача о другихъ. Diogenian. cent. 7. Apostol. cent. 13. Встрѣчается и у Пахимера l. 12 cap. 13.

⁽²⁾ См. Вріенн. кн. 3 гл. 23.

она иностранка и не окружена толпою родственниковъ, изъ-за которыхъ царь могъ бы имѣть непріятности; ктому же указывалъ на ея родъ, много и часто хвалилъ тѣлесную ея красоту. И дѣйствительно, — она была высока и стройна, какъ кипарисъ, бѣла, какъ снѣгъ, имѣла лицо не совсѣмъ круглое, но цвѣтущее румянцемъ весенней розы. А блескъ ея глазъ? Кто опишетъ его? Бровь высокая и поражающая, глаза голубые. Рука живописца часто схватываетъ оттѣнки цвѣтовъ, которыми обыкновенно дарятъ насъ времена года; но красота царицы и сіяющая въ ней прелесть, привлекательность и пріятность ея права — выше описанія и искусства. Ни Апеллесъ, ни Фидій, да и никто изъ ваятелей не оставилъ по себѣ такого прекраснаго изображенія. Говорятъ, голова Горгоны взглядывавшихъ на нее людей обращала въ камни; а кому случалось увидѣть царицу во время ея прогулки или нечаянно встрѣтиться съ нею, тотъ поражаемъ былъ изумленіемъ и оставался какъ ошеломленный въ томъ положеніи, въ какомъ встрѣчалъ ее, будто при этомъ терялъ и душу и рассудокъ. Такой соразмѣрности членовъ и частей, такой гармоніи цѣлаго съ частями и частей съ цѣлымъ, конечно, никто никогда не видывалъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Это было живое изваяніе, плѣнявшее любителей прекраснаго, это былъ самъ Имерось ⁽¹⁾, жившій

(1) Имерось — тоже что Эросъ, олицетворенное вожделѣніе. Въ этомъ смыслѣ слово *Ἴμερος* употребляется и въ Платоновомъ *Федрѣ*.

тѣлесно въ земномъ нашемъ мірѣ. Воспользо-
вавшись въ то время такими качествами Маріи,
Кесарь смягчилъ и преклонилъ душу царя, хо-
тя многіе совѣтывали ему жениться на царицѣ
Евдокіи ⁽¹⁾, о которой иные потихоньку говори-
ли, что, желая снова царствовать, она письма-
ми привлекала къ себѣ Вотаніата, когда тотъ за-
нялъ уже Дамались и домогался престола. Впро-
чемъ другіе утверждали, что Евдокія хлопота-
ла не о себѣ, а о своей порфирородной Зоѣ ⁽²⁾,
и, быть можетъ, достигла бы своей цѣли, ес-
ли бы одинъ изъ прислужниковъ, евнухъ Левъ
Кидоніать, не уничтожилъ ее затѣи, наговоривъ
ей много страшныхъ вещей, которыя передавать
въ подробности не въ нашихъ правилахъ, по-
тому что мы по природѣ избѣгаемъ худыхъ отзы-
вовъ о людяхъ, тогда какъ составители подоб-
ныхъ басенъ о томъ только и заботятся. И такъ
Кесарь Іоаннъ въ то время обошелъ Вотаніата
и свое намѣреніе довелъ до конца, то есть, убѣ-
дилъ его обвѣнчаться съ царицею Маріею, какъ
это яснѣе показано въ прежней нашей рѣчи,
и чрезъ то помогъ ему получить у ней боль-
шой вѣсъ. Теперь же вотъ протекло уже нѣ-
сколько дней, а Комнины не хотятъ тотчасъ вы-
сылать ее изъ дворца, частію въ уваженіе мно-
гихъ благодарній, которыя она совершала во
все время своего царствованія, не менѣе также
и въ уваженіе короткихъ своихъ къ ней отно-

⁽¹⁾ То есть на Евдокіи Далассенской, вдовѣ царя Константина Ду-
ки, Seylitz. Zonar. Glyc.

⁽²⁾ Зоа, дочь царя Константина Дуки, родившаяся отъ Евдокіи.

шеній, по наружности основывавшихся на обоестороннемъ родствѣ съ нею. Отсюда появилось множество толковъ, въ которыхъ высказывались различныя догадки; при чемъ одни объясняли событія такъ, другіе иначе, смотря потому, расположеніе или ненависть кто питалъ къ Маріи, ибо привыкли судить о вещахъ по своему произволу, а не по тому, каковы онѣ дѣйствительно. Между тѣмъ Алексѣй вѣнчается на царство одинъ, рукою архіерея Космы; ибо по смерти святѣйшаго патріарха Іоанна Ксифилина ⁽¹⁾, случившейся на четвертомъ году царствованія Михаила Дуки и сына сего самодержца, Константина, втораго числа мѣсяца августа, тринадцатаго индикта, былъ рукоположенъ этотъ священногѣпный и полный святости мужъ. Дуковъ очень озабочивало то обстоятельство, что царица еще не была удостоена царскихъ украшеній; поэтому они настаивали, чтобы и Ирина украсилась вѣнцемъ. Былъ тогда одинъ монахъ, по имени Евстратій, по прозванію Гариды, близъ великой Божіей церкви выстроившій званія и прикидывавшійся добродѣтельнымъ. Онъ издавна по временамъ посѣщалъ мать Комнинныхъ и предсказывалъ ей царствованіе. А

(1) Іоаннъ Ксифилинъ, Трапезундецъ, дядя Іоанна Ксифилина, который въ царствованіе Михаила Дуки написалъ краткое повѣствованіе о Діонѣ. Онъ вступилъ на архипастырскій престолъ по смерти патріарха Константина Лихуды и считался мужемъ высоко добродѣтельнымъ и образованнѣйшимъ. Смерть его случилась 2 августа въ 1073 году 13 индикта. Патріархіею управлялъ онъ 11 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Послѣ него осталось нѣсколько Бесѣдъ, которыя изданы были Грегориомъ Т. 2 de sancta cruce.

она съ своей стороны, и безъ того любя монаховъ, этими же словами еще сильнѣе увлекаемая въ ихъ пользу, со дня на день показывала къ нему больше и больше довѣрія и даже задумала посадить его на патріаршемъ престолѣ великаго города. Ссылаясь на простоту и нераспорядительность тогдашняго архіерея, она убѣдила нѣкоторыхъ предложить ему, въ видѣ совѣта, отречься отъ престола, такъ какъ бы они совѣтывали это для его же пользы. Но такая затѣя не укрылась отъ святаго мужа и онъ въ заключеніе, клянясь своимъ именемъ, сказалъ имъ: «не будь я Косма, если сойду съ патріаршаго престола, не возложивъ моими руками вѣнца на Ирину». Возвратившись, они объявили государынѣ ⁽¹⁾, что оказалось,—(такъ называли ее уже всѣ, ибо этого хотѣлъ царь, любившій свою мать). Посему на седьмой день послѣ нареченія Алексѣя удостоена была того же и супруга его Ирина и получила вѣнецъ изъ рукъ патріарха Космы ⁽²⁾.

3. Фигуры обѣихъ царственныхъ особъ, Алексѣя и Ирины, неизобразимы и неподобны. Ни живописецъ не напишетъ такихъ, глядя на ори-

⁽¹⁾ Мать Алексѣя Ирину называли государынею *деспотину*. Это было почетнымъ названіемъ особъ царскаго дома. Selden. de Titulis honorariis 1 part. cap. 6 § 7. Такое же названіе царь Алексѣй усвоилъ и матери Аннѣ Далассенской, Zonar.,—вѣроятно по примѣру Константина Великаго, который свою мать Елену нарекъ не только госпожею, или государынею, но и Севастією Sozomenus l. 2 cap. 1.

⁽²⁾ Изъ этого видно, что мнѣніе Кантакузина (l. 1 cap. 41 l. 3 cap. 82), будто царицы коронуемы были короцованными уже супругами ихъ, царями, а не патріархомъ, тогда не имѣло силы.

гиналъ красоты, ни ваятель не обработаетъ такъ бездушнаго вещества, хотя бы для подражанія этимъ изваяніямъ природы,—разумѣю нововѣнчанныхъ самодержцевъ,—онъ имѣлъ предъ глазами произведенія извѣстнаго Поликлета. Алексѣй отъ земли поднимался не очень высоко, но отличался соразмѣрною съ ростомъ полнотою. Впрочемъ, стоя, онъ не возбуждалъ особеннаго удивленія, но когда садился на царскій престолъ и бросалъ изъ глазъ страшный блескъ, тогда казался молніею, тогда и отъ его лица и отъ всего тѣла лился необоримый свѣтъ. Черныя брови дугою огибали глаза, изъ подъ бровей выглядывали они и дико, и вмѣстѣ кротко; такъ что отъ бросаемыхъ взоровъ, отъ ясности чела, отъ важности ланитъ и набѣгающаго на нихъ румянца, зрители чувствовали и страхъ, и смѣлость. Ширина плечъ, крѣпость мышцъ и выдающаяся впередъ грудь,—все вообще было въ немъ геройское, все такое, что возбуждало въ другихъ и удивленіе, и удовольствіе. Въ этомъ человѣкѣ въ тоже самое время поражали—съ одной стороны красота и пріятность, съ другой важность и недоступность. Когда онъ вступалъ въ разговоръ и приводилъ въ движеніе языкъ, тогда невольно представлялось, что его устами движетъ пламенное краснорѣчіе Демосфена. Потокѣмъ доказательствъ онъ увлекалъ всякій слухъ и всякую душу, былъ неизобразимъ и неодолимъ, какъ на словахъ, такъ и въ бою,—какъ въ метаніи коня, такъ и въ безвредныхъ увеселеніяхъ. А царица и мать моя Ирида въ то

время была еще очень молода, ей не исполнилось и пятнадцати лѣтъ. Она была дочь Андроника ⁽¹⁾, старшаго сына Кесарева, происходила изъ рода знаменитаго, и возводила родословную линію къ извѣстнымъ Андроникамъ и Константинамъ Дукамъ. Она поднималась, будто прямой и вѣчно-зеленѣющій отростокъ, симметрически расширяясь и утончаясь въ каждомъ своемъ членѣ, въ каждой части. Любо было смотрѣть на нее, любо было и слушать ее;—и дѣйствительно, какъ для зрѣнія, такъ и для слуха она была предметомъ, которымъ чувство не могло насытиться. Ея лице отбрасывало отъ себя свѣтъ луны, и не представляло ни совершеннаго круга, какъ у женщинъ ассирійскихъ, ни удлиннялось, какъ у Скиѣянокъ, но лишь нѣсколько уклонялось отъ правильной круговой линіи. По щекамъ ея разстился цвѣтушій лугъ и даже издали манилъ розами. Голубые ея глаза возбуждали вмѣстѣ и удовольствіе и страхъ, такъ что пріятностію и красотою ихъ она привлекала къ себѣ взоры, а страхомъ заставляла ихъ смежаться,—и не могли они ни смотрѣть прямо, ни закрываться. Я не знаю, существовала ли изобрѣтенная древними поэтами и писателями Аѳина; но знаю, что это—миѳъ, всѣмъ извѣстный и всюду повторяемый. Итакъ если бы кто сказалъ, что эта царица есть та самая Аѳина, которая въ тогдашнія времена явилась людямъ

(¹) Это былъ тотъ Андроникъ, который сражался съ Романомъ Діогеномъ, взялъ его въ плѣнъ и допустилъ выколотъ ему глаза. См. Вріенн. стр. 47—49. 30. Zonar. Scylitz. Manass. Glys.

или ниспала съ неба въ небесномъ лучѣ и неприступномъ блескѣ; то не погрѣшилъ бы противъ справедливости. И что всего удивительнѣе,—это—черта, которой не найдешь въ другой женщинѣ: она однимъ взглядомъ смущала самыхъ дерзкихъ мушницъ, и сообщала бодрость испуганнымъ. Уста ея большею частію были сжаты и представляли ее молчащею: тогда она казалась поистинѣ живымъ изваяніемъ красоты и одушевленною колонною—въ образцѣ гармоническаго сочетанія линій. Рѣчь ея весьма прилично сопровождалась движеніями руки, обнаженной до соединенія кисти съ слѣдующею частію; персты и форма ея рукъ были, можно сказать, произведеніемъ художника, выточеннымъ изъ слоновой кости; а зрачки ея глазъ походили на тихое море, отражающее со дна цвѣтъ лазури. Около же зрачковъ блестяли бѣлки глазъ, и все это смотрѣвшимъ доставляло несравнимое ни съ чѣмъ наслажденіе и невыразимое удовольствіе. Такова была наружность Ирины и Алексѣя. Дядя мой Исаакъ и ростомъ походилъ на брата, да и всѣмъ другимъ немного отличался отъ него. Лицемъ онъ былъ блѣдноватъ, бороду имѣлъ не очень густую, и на щекахъ она была рѣже, чѣмъ у брата. Оба эти братья, если не много стекалось у нихъ государственныхъ работъ, любили ходить на охоту, хотя съ большимъ удовольствіемъ занимались воинскими, чѣмъ охотничьими дѣлами. Въ стычкахъ съ непріятелями Исаакъ, даже тогда, когда самъ командовалъ войскомъ, никому не давалъ забѣгать впередъ се-

бя, но лишь только засматривалъ непріятельскій строй, бросалъ всѣхъ другихъ и, какъ молнія, летѣлъ на враговъ и быстро разсѣкалъ Фалангу. Отъ этого, схватываясь въ Азіи съ Агарянами, онъ не разъ попадалъ въ плѣнъ. То только и достойно упрека въ воинскихъ подвигахъ моего дяди, что въ стычкахъ онъ былъ неудержимъ.

4. Никифору Мелиссинскому, по обѣщанію, слѣдовало получить санъ Кесаря; но и Исаака, какъ перваго изъ братьевъ по возрасту, надлежало также почтить высимъ достоинствомъ (каковаго, кромѣ Кесаря, не было); поэтому царь Алексѣй придумалъ и усвоилъ брату новое названіе Севастократора, составивъ его изъ Севаста и Автократора,—какъ-бы, то есть, представлялъ его вторымъ царемъ, и возвышалъ надъ Кесаремъ, которому въ торжественныхъ привѣтствіяхъ назначалось уже третье мѣсто послѣ самодержца. Кромѣ того Севастократору и Кесарю велѣлъ онъ въ торжественные дни украшаться вѣнцами, которые однакожъ, по цѣнности, должны были быть далеко ниже діадимы, вѣнчавшей его самого. Царская діадима окружаетъ голову въ видѣ полушарія: она со всѣхъ сторонъ украшена жемчугомъ и дорогими камнями, изъ которыхъ одни лежатъ на ней, а другіе свѣшены; потому-что на вискахъ справа и слѣва спускаются нитки жемчуга и камней и ударяются о щеки. Это-то и есть отличіе собственно царской одежды. Напротивъ вѣнцы Севастократоровъ и Кесарей только по мѣс-

тамъ украшаются жемчугомъ и камнями, и сверху не имѣютъ полушарія. Въ то же время и Тарронитянинъ ⁽¹⁾, зять царя по сестрѣ, почетенъ былъ саномъ Протосеваста и Протовестиарія ⁽²⁾, а спустя немного объявленъ даже Паниперсевастомъ ⁽³⁾ и сталъ засѣдать наравнѣ съ Кесаремъ. Сверхъ того и братъ его Адрианъ удостоенъ почетнѣйшаго званія ⁽⁴⁾ Протосеваста; а Никифоръ, младшій изъ братьевъ, возведенъ въ достоинство великаго Друнгарія ⁽⁵⁾ флота и поставленъ на степени Севастовъ. Эти титулы выдумалъ мой отецъ, частию, какъ сказа-

⁽¹⁾ Сравни. Codin. de Officiis cap. 2 №, 8. Михаилъ Тарронитскій имѣлъ въ супружествѣ старшую сестру Алексѣя, см. табл. Комнивыхъ, также Вріенн. стр. 20.

⁽²⁾ Протовестиаріемъ при дворѣ византійскихъ царей назывался сановникъ, начальствовавшій надъ Вестиаріями, или лицами, которыя заведывали гардеробомъ царя. Санъ Протовестиарія былъ весьма важенъ, Codin. l. 2; такъ что Михаилъ Палеологъ облекъ имъ племянника своего Михаила Трахоніатскаго. Hoffmann. lex.

⁽³⁾ См. Вріенн, свѣд. о Вріенн. II пр. 1.

⁽⁴⁾ Протосевасть—важнѣйшій санъ при дворѣ византійскихъ царей, которымъ облакаемы были царскія дѣти и родственники. Онъ въ первый разъ введенъ Алексѣемъ Комнинымъ и данъ брату его Адриану. Анна. Zonaras. На латинскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ему comes palatinus или primus comes. Codin. de Offic. Aulae. Constantinopolit. Hoffmann. Lexic.

⁽⁵⁾ Друнгарій—начальникъ друнга; а друнгъ есть грековарварское—δρῦγος—отрядъ воиновъ. Это слово первоначально прилагалось къ когортамъ варваровъ (Vid. Vospic. in Probo, Veget. de re milit. l. 3 cap. 16), а потомъ введено было и въ терминологию греческой тактики, и означало нѣсколько военныхъ начальниковъ, подчиненныхъ Друнгарію. По Леуноклавію, друнгъ долженствовало быть не менѣе 1000 и не болѣе 4000 человекъ. Великій Друнгарій въ константинопольской имперіи имѣлъ двойное значеніе—былъ либо главою придворной стражи (biglae) и подчинялся великому Доместику, либо главнымъ начальникомъ флота (classis), и находился подъ властію великаго Дукса. Hoffmann. Lexic.

но выше, составивъ ихъ вновь, а частію давъ иное значеніе прежнимъ. Паниперсевасть, Севастократоръ и близкіе къ нимъ, составлены; а достоинство Севаста, кажется, принято въ иномъ значеніи. Севастами нѣкогда назывались исключительно цари и имя Севаста относилось собственно къ царю. Алексѣй же въ первый разъ перенесъ это достоинство на подданныхъ. Кто способенъ удивляться человѣку, умѣющему царствованіе возводить на степень знанія и какой-нибудь высочайшей философіи, какъ искусство искусствъ и науку наукъ; тотъ удивился бы и моему отцу, будто какому ученому или зодчему, введшему въ царство и новыя должности, и новыя названія. Не одни передовые въ словесныхъ наукахъ для ясности придумывали такія названія; и этотъ главный знатокъ въ управленіи царствомъ, Алексѣй, направляя все къ государственному благу, часто дѣлалъ нововведенія и въ распредѣленіи должностей, и въ значеніи именъ. Между тѣмъ священнолѣпный тотъ патріархъ Косма ⁽¹⁾, о которомъ упомянуто было прежде, чрезъ нѣсколько дней по поминовеніи Іерарха Іоанна Богослова, совершивъ богослуженіе въ храмѣ Евдомскомъ ⁽²⁾, построенномъ во имя сказаннаго святаго, оставляетъ свое мѣсто и, послѣ пяти лѣтъ и шести мѣсяцовъ управ-

(1) Косма, управлявшій патріархіею пять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, оставилъ свой престолъ потому, что видѣлъ безпорядки въ государственной администраціи. Онъ сошелъ съ престола въ 1081 году 8 мая, въ праздникъ Евангелиста Іоанна Богослова. *Ducange ad h. l.*

(2) Евдомскій храмъ во имя Евангелиста Іоанна Богослова, по свѣдѣтельству Кодина (*in Orig. Lambecianis*), построенъ Константиномъ В.

ленія патріаршимъ престоломъ отказавшись отъ должности патріарха, удаляется въ обитель Каллія ⁽¹⁾. Послѣ него кормило патріаршества беретъ въ свои руки вышеупомянутый скопецъ Евстаѳій Гарида. Что же касается до сына царицы Маріи, порфиророднаго Константина, то, по сошествіи съ престола отца своего Михаила Дуки, онъ добровольно снялъ красныя туфли и обулся въ простыя, черныя. Никифоръ Вотаніатъ, принявъ скипетръ послѣ отца Константинова, Дуки, хотя и велѣлъ ему снять черную обувь и обуваться въ цвѣтную изъ шолковой матеріи, ибо уважалъ этого молодаго человѣка и цѣнилъ въ немъ какъ красоту, такъ и родъ; однакожъ ему какъ будто завидно было, что у Константина обувь горитъ сплошь пурпуромъ, и потому дозволилъ онъ только разцвѣтить ее по мѣстамъ. Но, послѣ нареченія Алексѣя Комнина, царица и мать его Марія, склонившись на представленія Кесаря, обратилась къ самодержцу съ просьбою—дать ей скрѣпленное красными чернилами и золотою печатью письменное ручательство въ томъ, что ее и сына ея не только не тронутъ, но что послѣдній сверхъ того будетъ соцарствовать Алексею обуваться въ красныя туфли, возлагать на себя вѣнецъ и провозглашаться вмѣстѣ съ нимъ, какъ царь. И въ этой просьбѣ ей не отказано: она получила хрисовуль, утверждавшій всѣ ея желанія. И такъ, снявъ съ него тогда шелковыя туфли,

(1) Объ обители Каллія греческіе историки ничего не говорятъ. Вѣроятно, это была та самая, которую возобновилъ константинопольскій патріархъ Антоній. Niceph. Gregoras, in illius Vita.

въ которыя онъ обувался, дали ему сплошныя красныя, хотя впрочемъ въ дарственныхъ грамотахъ и хрисовулахъ онъ подписывался красными чернилами послѣ царя Алексѣя и въ торжественныхъ выходахъ, возложивъ на себя царскую тиару, слѣдовалъ позади его. Говорили даже, что царица, еще до возстанія Комниныхъ, заключила эти условія и требовала, чтобы такъ было поступлено съ ея сыномъ. Послѣ сего она съ подобающею честію выходитъ изъ дворца, чтобы поселиться въ палатахъ близъ обители великомученика Георгія, построенной царемъ Константиномъ Мономахомъ и въ просторѣчїи доннынѣ называющейся Манганою ⁽¹⁾. Въ эту обитель сопровождалъ ее Севастократоръ Исаакъ.

5. Такъ поступили Комнины съ царицей Маріей. Между тѣмъ самодержецъ, съ дѣтства получившій хорошее воспитаніе и, согласно съ внушеніями матери, глубоко укоренившій въ своемъ сердцѣ страхъ Божій, болѣлъ душою за грабежъ, которому, при его вступленіи въ столицу, подверглись всѣ ея жители. Въ самомъ дѣлѣ, несознательность и молчаніе ума, заставляющее забыть свой долгъ и располагающее къ возмущенію, ведетъ человека къ безчувственности, если событія нисколько не тревожатъ его. Напротивъ погрѣшающій, когда онъ принадлежитъ къ числу людей осмотрительныхъ и благоразумныхъ, тотчасъ пробуждаетъ въ душѣ страхъ Божій, сильно безпокоится и боится,—

⁽¹⁾ По свидѣтельству Склапцы манганскій дворецъ построенъ Василиемъ Македоняниномъ.

особенно, если совершилъ дѣло великое и достигъ высокаго положенія въ обществѣ. Его тревожитъ опасеніе, какъ бы, поступая неблагоразумно, самонадѣянно и дерзко, не накликать на себя гнѣва Божія и, низвергшись съ высоты власти, не лишиться того, чего онъ сталъ было обладателемъ. Это самое случилось нѣкогда и съ Сауломъ. За высокомеріе сего царя Богъ раздѣляя раздѣлилъ его царство. Тревожась такими мыслями и боля душею, какъ бы тотчасъ же не постигло его Божіе наказаніе, — ибо все зло, произведенное въ цѣломъ городѣ каждымъ изъ воиновъ, сколько ни разлилось этой сволочи по столицѣ, приписывалъ себѣ, какъ бы имъ самимъ произведены всѣ тѣ страшныя бѣдствія, — Алексѣй, весьма естественно терзался и сокрушался, и, при мысли о постигшемъ тогда столицу неописанномъ несчастіи, считалъ за ничто и царствованіе, и державу, и порфиру, и украшенную камнями діадиму, и унизанную золотомъ и жемчугомъ одежду. Дѣйствительно, тяготѣвшихъ надъ нею въ то время ужасовъ не опишетъ никто, еслибы и хотѣлъ. Въ эту годину и святилища, и храмы, и общественныя зданія, и частныя дома, — все и всѣми было расхищаемо; слухъ каждаго былъ поражаемъ выходившими со всѣхъ сторонъ воплями и криками; иной, видя это, сказалъ бы, что случилось землетрясеніе. Приводя себѣ все сіе на мысль, Алексѣй страдалъ душею, разрывался отъ горя и не находилъ ничего, чѣмъ бы облегчить тяжесть своей скорби. Это былъ человекъ,

*

чрезвычайно скоро приходившій къ сознанію дурнаго своего поступка. Хотя онъ зналъ, что происшествія, отъ которыхъ городъ страдалъ, были дѣломъ чужихъ рукъ и чужой воли, однакожъ вполнѣ сознавалъ и то, что поводъ и начало къ этой бѣдѣ подалъ онъ самъ. А ему опять поводъ къ возмущенію подали вышесказанные рабы. Принимая же всю вину на себя, самъ онъ старался и уврачевать рану. И лишь послѣ такого врачеванія и такого очищенія, намѣревался приняться за государственныя дѣла, приступить къ надлежащимъ распоряженіямъ относительно войска и веденія войнъ. И такъ, онъ приходитъ къ матери, сообщаетъ ей похвальную свою скорбь и ищетъ способа облегчить и освободить себя отъ угрызенія совѣсти. Мать поцѣловала его и съ любовію выслушала его слова. И такъ, посовѣтовавшись, они призываютъ патріарха Косму, который тогда еще не отказался отъ престола, и нѣсколькихъ лицъ изъ священнаго Синода ⁽¹⁾ и монашескаго чина. Къ нимъ приступаетъ царь, какъ виновный, какъ подсудимый, какъ человѣкъ незначительный равный всякому подвластному, ожидающему себя приговора, какой произнесетъ ему судилище. Алексѣй излагаетъ имъ все, не опуская ни перваго шага, ни предварительныхъ соображеній, ни са-

(1) Должности великой константинопольской церкви дѣлились тогда на девять пентадъ, первую пентаду составляли: великій экономъ, великій Сакелларій, великій Хартофилаксъ, Хартифилаксъ и Попечитель храма. Эти-то чины были главными совѣтниками патріарха и одни имѣли право засѣдать съ нимъ въ Синодѣ. Codinus.

маго дѣла, ни повода къ нему, но о всемъ вѣщаеъ со страхомъ и довѣрчивостію и, предавая себя на эпитиміи, горячо проситъ врачеванія. А тѣ не только его, но и происходившихъ съ нимъ отъ одной крови, и согласившихся на возмущеніе, подвергаютъ однимъ и тѣмъ же эпитиміямъ, назначивъ постъ, лежаніе на голой землѣ и соединенныя съ этимъ дѣла, необходимыя для умиловленія Бога. Принявъ эпитиміи, они охотно соблюдали ихъ. Даже и жены ихъ не хотѣли оставаться безъ эпитимій. Да и какъ могло быть иначе, когда онѣ любили мужей? Онѣ добровольно приняли на себя иго покаянія. Тогда-то увидѣли обильныя слезы и сокрушеніе царя,—сокрушеніе не укоризненное, не то, которое свидѣтельствуеъ о слабости души, но похвальное и доставляющее радость высшую и никогда непрекращающуюся. Самодержецъ былъ до того благочестивъ, что дѣлалъ еще больше: подъ царскую багряницу надѣвалъ рубище, прилегавшее къ самому тѣлу, и носилъ его въ продолженіе сорока дней и ночей. По ночамъ онъ ложился на голую землю, подкладывая подъ голову камень, и, по всей вѣроятности, плакалъ. Значитъ, чистыми уже руками принялся онъ за дѣла правленія.

6. Желая, чтобы мать предпочтительно предъ нимъ вращала кормило правленія, онъ хранилъ однакожъ свое желаніе пока втайнѣ, ибо опасался, какъ бы, узнавъ о такомъ замыслѣ, она не оставила царскихъ чертоговъ, такъ какъ ему было извѣстно ея расположеніе къ высшему

образу жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ни въ чемъ, даже случайно не дѣйствовалъ безъ ея совѣта, но имѣлъ ее участницею и помощницею во всѣхъ своихъ планахъ, однакожъ втягивалъ ее въ управленіе, какъ бы подползая подъ нее и ясно показывая, что безъ ея ума и соображеній государственныя дѣла пришли бы въ разстройство. Чрезъ это онъ все больше привязывалъ ее къ себѣ и уклонялъ отъ предположенной ею цѣли; ибо она видѣла уже предѣлъ своей жизни и подумывала о монастырѣ, въ которомъ бы могла съ спокойною душею провести остальное время жизни. Объ этомъ размышляла она и постоянно молилась, чтобы желаніе ея исполнилось. Но если она и имѣла такую мысль и всецѣло стремилась къ высшему образу жизни, все однакожъ была женщина чадолюбивая, больше чѣмъ какая другая, хотѣла, какъ бы то ни было, выдерживать вмѣстѣ съ сыномъ волненіе царствованія и, сколько можно, лучше править кормиломъ этого корабля, будетъ ли онъ плыть подъ попутнымъ вѣтромъ, или станетъ отвсюду обуреваться волнами,—хотѣла тѣмъ болѣе, что ея сынъ только что сѣлъ на кормѣ, только что взялся за руль и еще не успѣлъ свыкнуться съ моремъ, съ такими волнами и вѣтрами. Говоря это, я намекаю на многоразличныя и разнообразныя тревоги, соединенныя съ правленіемъ. И такъ, ее удерживала материнская любовь, и она правила вмѣстѣ съ сыномъ и царемъ, а иногда и одна принимала бразды правленія, и колесница власти катилась плавно и без-

ошибочно. Это не удивительно: съ одной стороны умъ ея былъ высокъ, помыслы по природѣ царскіе, нужны для поддерживанія престола; съ другой—ея желаніями двигала любовь къ Богу. Когда въ мѣсяцѣ августѣ того же индиктіона переправа Роберта вынудила Алексея выступить изъ города,—онъ, выводя на свѣтъ и осуществляя дѣломъ затаенную дотогѣ мысль, самовластное распоряженіе въ имперіи вручилъ матери,—только ей одной, и свое рѣшеніе обнародовалъ хрисовуломъ. Такъ какъ пишущему исторію слѣдуетъ передавать дѣла и распоряженія доблестныхъ людей не массою, но излагать и описывать ихъ, сколько можно подробнѣе; то и я содержаніе упомянутаго хрисовула хочу изложить такимъ же образомъ, оставивъ только прикрасы писателя. Этотъ хрисовулъ читается такъ: «нѣтъ ничего равнаго сочувствующей и чадолюбивой матери, нѣтъ охраны крѣпче,—предвидится ли какая опасность, угрожаетъ ли что иное непріязненное. Посовѣтуетъ ли она что,—совѣтъ будетъ надежный; помолится ли,—молитвы будутъ твердынею и непобѣдимыми стражами. Такою показывала себя на дѣлѣ царскому моему величеству съ самаго моего незрѣлаго возраста благочестивѣйшая мать моя и государыня, бывшая для меня всѣмъ—и родительницею, и кормилицею, и руководительницею. И тогда, какъ я былъ уже включенъ въ число сенаторовъ, она находилась при мнѣ, предупреждала меня материнскою любовію,—и довѣренность къ ней сына сохранилась во всей силѣ. Въ от-

дѣльныхъ нашихъ дѣлахъ была, можно сказать, одна душа, и это единство благодатию Христа прекрасно соблюлось до сихъ поръ. Мы не произносили этихъ холодныхъ словъ— «мое» или «твое». Всего же важнѣе то, что ея молитвы, всегда и во множествѣ возсылаемыя, дошли до слуха Господа и возвели насъ на настоящую высоту царствованія. Когда я принялъ царскій скипетръ,—она и тутъ не могла удержаться, чтобы не трудиться наравнѣ съ моимъ величествомъ и не заботиться объ общей пользѣ и общемъ благѣ. Но такъ какъ теперь мое величество готовится выйти съ помощію Божіею на враговъ Романіи, и для того, съ большими хлопотами, производитъ сборъ и распредѣленіе войска, а между тѣмъ не меньше надобно пещись также о дѣлахъ судебныхъ и гражданскихъ; то мы нашли самое надежное огражденіе государственной власти въ томъ, чтобы управленіе всѣмъ возложить на благочестивѣйшую и высокопочтеннѣйшую мою мать. И такъ, мое величество настоящимъ хрисовуломъ положительно опредѣляетъ, чтобы все, что она, владѣя великою опытностію въ пренебрегаемыхъ ею впрочемъ дѣлахъ житейскихъ, письменно утвердить по представленіямъ какъ главнаго начальника секретаріатовъ ⁽¹⁾ или зависящихъ отъ

(1) Секретаріатовъ или министерствъ въ византійской имперіи того времени было четыре рода: секретаріатъ великаго Друнгарія, секретаріатъ лица, *προκαθημένον τῶν δημοσίων δικαστηρίων*, секретаріатъ той *πρωταρχίας*, секретаріатъ той *δικαιοσύνης*. Manuel. Comp. in Nov. Подъ этимъ разумѣются, по видимому, министерство военное, министерство податей и сборовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство юстиціи.

него чиновниковъ, такъ и другихъ лицъ, которые разбирають доносы, просьбы или тяжбы, при склонности народа къ тяжбамъ,—чтобы все то имѣло полную силу, и написанныя съ ея словъ распоряженія были принимаемы, какъ исходящія отъ милостивѣйшей власти моего величества. Какія ни выйдутъ отъ ней рѣшенія, или повелѣнія, письменныя или неписьменныя, основанныя на причинахъ, или неоснованныя, лишь бы скрѣплялись ея печатью съ изображеніемъ Преображенія и Успенія, они должны быть принимаемы за распоряженія моего величества. И не только въ предѣлахъ времени лица управляющаго секретаріатомъ, благочестивѣйшая мать моя будетъ имѣть царское полное властіе поступать, какъ ей заблагоразсудится, но и за предѣлами его, при передачѣ секретаріата или казенной службы, и при раздачѣ достоинствъ, должностей и недвижимыхъ имѣній. И кого она введетъ въ секретаріатъ или казенную службу и сдѣлаетъ преемникомъ другому, также кого удостоитъ почестей, будетъ ли онъ находиться на высшихъ степеняхъ, или на среднихъ, или на низшихъ; тотъ и въ послѣдующее время останется на своемъ мѣстѣ и будетъ неприкосновененъ. Равнымъ образомъ она имѣетъ несомнѣнное право увеличивать руги ⁽¹⁾ и дѣ-

(1) Ругами—*ρῦγαι* назывались назначавшіеся правительственнымъ лицамъ ежегодныя пенсіоны или аренды, соотвѣтственно чину и достоинству каждаго. Отсюда ниже выраженіе: *ἡ ρῦγα τῶν δοθέντων ἱεροσῶντων*, и въ книгѣ 6: *καὶ αὐτὸν τὸν Δούκα Βενετίας τῷ τῶν πρωτοβαρύνων ἀξίωματι, μετὰ τῆς ἀναλόγου ρόγης ἐτίμησεν*. Руги раздаваемы были

дать прибавки къ наградамъ, прощать такъ называемыя обычныя ⁽¹⁾ подати, уменьшать или даже совершенно отмѣнять жалованье: ⁽²⁾ вообще, ничто недолжно считаться неважнымъ, что ни повелѣвала бы она письменно, или устно. Ея слово и повелѣнія должны быть принимаемы за волю моего величества, и ни одно изъ нихъ да не отмѣняется, но да остается твердымъ и неизмѣннымъ на времена послѣдующія. И никто изъ служащихъ при ней, даже самъ, на то время. Логоветъ секретаріата, не долженъ ни теперь, ни послѣ прекословить ей и перевершать ея опредѣленія, основываются ли они на причинахъ или не основываются. Все, что ни утверждается этимъ хрисовуломъ, должно на всегда имѣть полную силу».

7. Таково было содержаніе хрисовула. Иной, пожалуй, удивится, что мой отецъ и самодер-

правителямъ и вельможамъ обыкновенно въ недѣлю Baiii. Luitprandus l. 6. Hist. cap. 6. Ругами назывались также ежегодные подарки войнамъ, Анастасій (Bibl. in S. Deusdedit. PP.) говоритъ: et data roga militibus, pax facta est in tota Italia. Ругою не рѣдко означается и жалованье: milites in roga imperatoris. Robert. Monach. l. 2. Baldric. Dolens. Raimund. de Agiles. Gregor. l. 2. Indict. 2 epist. 32. l. 7 Indict. 2. epist 130.

(¹) Обычныя подати—*τοὐκοῖαι* суть пошлыны или постоянные налоги, *salarium*, *παροχή*. Leo in Tact. cap. 19 § 18: ἡ τὸ διοκοῦν δῶρον παρὰ τῶν λαμβάνειν, ἡ τὰς λεγομένης συνήθειας. Въ этомъ же смыслѣ иногда употреблялось у Латинянъ слово *consuetudines*. Cassiod. l. 1. epist. 2. l. 3. epist. 23 l. 7. epist. 2 Turon. l. 9 cap. 30.

(²) Цари, по случаю большихъ военныхъ расходовъ, которыми обременялось государство, иногда допускали усъченіе (*σχιδευτρίδους*), или даже отсѣченіе (*ὑποσχιδευτρίδους*) жалованья. Такъ, самъ Алексѣй, по свѣдѣтельству Зонары, *παραίρων χρημάτων, τὰς τε τοῖς ἀξιωματικοῖς ἀντιδίδοντας ἀνέκαθεν ἐθνητίας ὁδοὺς ἐξέκοψε, καὶ τὰς τῶν συγγλητικῶν διπλὰς προτιγράψατο*. Пахимерь (l. 11. cap. 14) тоже рассказываетъ и объ Андроникѣ старшемъ.

жецъ оказалъ матери такую честь и предоставилъ ей все, а самъ, какбы выпустивъ изъ рукъ бразды правленія, рѣшился бѣжать за нею, тогда какъ она нѣкоторымъ образомъ ѣхала на царской колесницѣ, и удовольствовался однимъ именемъ царя, не смотря на то, что изъ юношескаго возраста перешелъ въ такой, въ которомъ люди, особенно съ подобнымъ характеромъ, бываютъ расположены къ любоначалию. Войны съ варварами и соединенные съ этимъ труды и подвиги онъ принялъ конечно на себя; но все управленіе дѣлами, попеченіе о гражданскихъ властяхъ, о сборѣ податей, о государственныхъ расходахъ ввѣрилъ матери. При этомъ, иной, можетъ быть, похвалить такое распоряженіе моего отца, ввѣрившаго управленіе царствомъ гинекею. Но еслибы кто зналъ мудрость этой женщины и то, какою отличалась она добродѣтелью, какимъ умомъ, и какъ была дѣятельна; то, оставивъ оужденіе, перешелъ бы къ удивленію. Моя бабушка была такъ ловка въ дѣлахъ и такъ способна устроить и устанавливать государственный порядокъ, что могла управлять не только римскимъ государствомъ, но и всякимъ царствомъ, гдѣ бы оно ни было въ подсолнечной. Она отличалась большою опытностію, знала свойства многихъ вещей, и то, какъ что начинается и къ чему клонится, что въ явленіяхъ слѣдуетъ уничтожать и что болѣе усиливать; она отличалась въ высшей степени находчивостію, умѣла вести дѣла осторожно, и была такова не по уму только, но и

мѣла и языкъ, соотвѣтствовавшій уму. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней видѣли убѣдительнѣйшаго оратора; она не была ни говорлива и растянута, ни прерывчива и кратка въ своей рѣчи, но, своевременно начавъ слово, своевременно и оканчивала его. На царскій престолъ возсѣла она, когда была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и когда умъ ея уже укрѣпился, пониманіе развилось и сопровождалось знаніемъ дѣлъ, отъ чего правительственныя соображенія и распоряженія получаютъ особенную прочность. Въ этомъ возрастѣ, естественно, и говорятъ умнѣе молодыхъ людей, скажемъ словами трагедіи, и дѣйствуютъ съ большею пользою. Впрочемъ и въпрежнее время, принадлежа еще къ кружку молодыхъ женщинъ, она была уже настоящимъ чудомъ, обнаруживала даже въ юномъ возрастѣ мудрость украшенной сѣдиною старости. Кто всматривался въ нее, тотъ въ самомъ взглядѣ ея замѣчалъ соединеніе добродѣтели съ важностію. Повторяю: мой отецъ, получивъ царскую власть, взялъ на себя только подвиги и тѣлесные труды, подъ наблюденіемъ матери; на нее же смотрѣлъ какъ на свою государыню и приказанія ея передавалъ и выполнялъ, будто рабъ. Царь любилъ ее чрезвычайно и находился въ полной зависимости отъ ея совѣтовъ (такова была любовь его къ матери); представлялъ изъ себя послушное орудіе ея языка, былъ проводникомъ звуковъ ея голоса и соизволялъ или не соизволялъ на все, на что соизволяла или не соизволяла она. Дѣло шло точно такъ. Онъ имѣлъ только видъ цар-

ской власти, а она — самую власть. Она издавала законы, двигала всѣмъ и управляла; а онъ письменныя и неписьменныя ея распоряженія запечатлѣвалъ одни подписью руки, другія живымъ голосомъ, и былъ для ней, такъ сказать, орудіемъ царствованія, а не царемъ. Онъ одобрялъ все, что присуждала и опредѣляла мать, и не только вполнѣ слушался ея, какъ матери, но и внималъ ей, какъ отлично знавшей искусство царствованія; ибо ему было совершенно извѣстно, что она стояла высоко во всѣхъ отношеніяхъ, и какъ своимъ умомъ, такъ и знаніемъ дѣла далеко опередила всѣхъ, жившихъ въ то время людей.

8. Таково было начало царствованія Алексѣя. Въ отношеніи къ тому времени, когда онъ совершенно отказался отъ управленія и предоставилъ его матери, иной могъ справедливо и не называть его самодержцемъ. Слѣдуя требованіямъ похвальныхъ словъ, другой при этомъ сталъ бы восхвалять отечество сей чудной матери и ея родъ, восходящій къ извѣстнымъ Адріанамъ Далассенскимъ ⁽¹⁾ и Харонамъ ⁽²⁾, и пустилъ бы слово по морю ихъ доблестей; но мнѣ, писателю исторіи, надлежитъ характеризовать

⁽¹⁾ Домъ Далассеновъ въ Константинополѣ былъ весьма знаменитъ. Къ нему принадлежалъ Константиновъ патрицій, котораго царь Константинъ, братъ Василія, опредѣлилъ слѣдовать своимъ наследникомъ, по который потомъ, за домогательство верховной власти, сосланъ былъ Михаиломъ Пафлагоняниномъ на островъ Протъ. Къ нему же причислялись Теофилъ и Романъ, тоже патриціи, братья Константина, Даміаны, Теофилакта и наконецъ Константинъ Фалассократоръ, какъ называлъ его Алексѣй. Ducange ad h. l.

⁽²⁾ О Харонѣ см. Вріенн. стр. 13.

ее не родомъ и происхожденіемъ, а добродѣтелью и всѣмъ тѣмъ, о чемъ разсказывать берется исторія. Итакъ возвращаясь къ ней опять, и должна сказать, что она составляла величайшую честь не женщинъ только, но и мужчинъ, и украшала собою вообще человѣческую природу; а придворный гинекей, совершенно развратившійся съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный Мономахъ облекся царскою властію, и предававшійся безумнымъ наслажденіямъ плотской любви ⁽¹⁾ до самаго царствованія моего отца, преобразовала въ лучшее состояніе и довела его до похвальнаго приличія. Тогда въ царскихъ покояхъ можно было видѣть похвальную чинность; ибо она назначила часы для священныхъ пѣснопѣній, установила время и для обѣда, и для пріема государственныхъ чиновъ, и сама для всѣхъ служила примѣромъ и правиломъ, такъ что царскіе покои стали походить на священныя келіи монастырей. Такова была эта необыкновенная и поистиннѣ святая женщина. Воздержаніемъ она столько превосходила издавна прославленныхъ женщинъ, о которыхъ такъ много говорятъ, сколько солнце превосходитъ звѣздъ. А ея милосердіе къ бѣднымъ и щедрость

(1) Августа Мономаха писатели вообще порицаютъ за распутную жизнь. Онъ, еще при жизни порфирородной супруги своей Зои, дочери царя Константина, не только ввелъ въ гинекей одну женщину изъ благородной фамиліи Склеровъ, но дошелъ даже до такого безумія, что наименовалъ ее Августою и, въ жилище ей назначивъ дворецъ, въ виду всего народа возсѣдалъ среди Зои и наложницы. Съ такимъ же безстыдствомъ, по смерти Зои, принялъ онъ и другую женщину, дочь какого-то аланскаго князя, и тоже назвалъ ее Августою. Zonaras pag. 207.

къ нуждающимся какъ и изобразить? Домъ ея былъ общимъ пристанищемъ и для бѣдныхъ ея родственниковъ, и для чужестранцевъ. Преимущественно же уважала она и приглашала къ своему столу священниковъ и монаховъ, и никто не видалъ, чтобы за ея трапезою не было монашествующихъ. Состояніе ея права выражалось внѣшностію, она была чтима Ангелами и страшна самимъ демонамъ; что же касается до людей, то неразсудительнымъ и пристрастившимся къ удовольствіямъ казался невыносимымъ даже взглядъ ея, а съ людьми воздержными была она кротка и обходительна. Она знала мѣру самоуничиженія и важности, такъ что ни самоуничиженіе ея не казалось дикимъ и нелюдимымъ, ни мягкость—распущенною и выходящею изъ границъ, и я думаю, что такое благоприличіе въ ней опредѣлялось вліяніемъ ея челоуѣколюбія на величіе ея души. При своей настроенности къ размышленію, она постоянно приходила къ новымъ и новымъ предположеніямъ, которыя не только не были опасны для общаго блага, какъ нѣкоторые ворчали, но еще оказывались спасительными и клонились къ тому, чтобы распавшееся уже царство привести въ цѣлость и, сколько можно, возстановить прішедшія въ крайній упадокъ общественныя дѣла. Впрочемъ, занимаясь управленіемъ государственныхъ дѣлъ, она чрезъ это отнюдь не упускала изъ виду и приличествующей монахамъ жизни. Напротивъ, большую часть ночи проводила она въ священныхъ и ѣсноуѣніяхъ, въ напряженной мо-

литвѣ, и бодрствованіи, подѣ утро же, а иногда и со вторыхъ нѣтуховъ ⁽¹⁾ принималась за общественныя дѣла, и то опредѣляла на мѣста судей, торѣшала просьбы просителей, имѣя у себя подѣ рукою по секретаріатскимъ дѣламъ Григорія Гинесія. Если бы какой ораторъ захотѣлъ сдѣлать это содержаніемъ похвальнаго слова; то кого изъ извѣстныхъ въ древности по добродѣтели и знаменитыхъ людей того и другаго пола не затмилъ бы онъ, превознося похваляемую посредствомъ эпихиремъ, энтимемъ и сравненій, какъ это бываетъ въ обычаѣ у составляющихъ похвальныя слова? Но исторія не даетъ такой свободы историку. Посему когда, говоря объ этой царицѣ, мы великія дѣла ея описываемъ коротко, — пусть за такой разсказъ не порицаетъ насъ никто, знающій о ея добродѣтели, о безмѣрныхъ ея достоинствахъ, о ея проницательности во всѣхъ обстоятельствахъ и о благородствѣ ея мыслей. Однакожъ возвратимся къ тому, отъ чего, заговоривъ о ней, мы нѣсколько уклонились. И такъ, управляя, какъ мы сказали, царствомъ, она не цѣлый день посвящала мірскимъ заботамъ, но бывала также и на положенныхъ по уставу службахъ въ святомъ храмѣ мученицы Фек-

(1) По свидѣтельству Макробія l. 1. Saturn. и Ценсорина. de die natali cap. 24. Римляне гражданскій день считали съ полночи, такъ что первую часть ночи называли полночью (*media nox*), вторую — пѣніемъ нѣтуховъ (*gallicinium*), третью — тишиною (*conticinium*), четвертую — разсвѣтомъ (*diluculum*). Другіе дѣлили ночь на семь частей. *Ioannes de Janua* говоритъ: *prima pars noctis dicitur ut crepusculum, secunda conticinium, tertia gallicinium, quarta intempestum* (время воздушной перемѣны), *quinta iterum gallicinium, sexta matutinum, septima diluculum.*

лы, ⁽¹⁾ который выстроилъ деверь ся самодержецъ Исаакъ Комнинъ по слѣдующему случаю. Нѣкогда предводители Даковъ не захотѣли долѣе соблюдать издавна постановленныхъ съ Римлянами условій, но вѣроломно нарушили ихъ; а какъ скоро стало это извѣстно и Савроматамъ ⁽²⁾, которыхъ древніе называли Мидійцами, то и Савроматы не остались спокойными въ своихъ предѣлахъ (они населяли земли, отдѣляемыя отъ римскаго государства Истромъ), но, поднявшись міромъ, выбрались на нашу землю. Причиною же ихъ переселенія была непримиримая вражда ихъ съ Готами, которые, бывъ сопредѣльны съ ними, производили у нихъ разбои. Посему, выбравъ время, когда Истръ окристаллизовался отъ холода, Савроматы переправились къ намъ по этой рѣкѣ, какъ по сушѣ, налегли всѣмъ народомъ на наши границы, и стали страшно грабить прилежащія къ нимъ города и села. Услышавъ объ этомъ царь Исаакъ счелъ

⁽¹⁾ Въ Константинополѣ и его предмѣстіяхъ насчитываютъ четыре храма во имя св. Ѳеклы. Первый, по словамъ Кодина (*de Orig. C. P.*), построенъ былъ Константиномъ В. на такъ называемомъ Контаріѣ и сперва посвященъ Богородицѣ, а потомъ Юстиномъ Куропалатомъ переименованъ въ храмъ св. Ѳеклы; другой, какъ говоритъ Проконій (*l. 1. de Aedif. Justin.*) сооруженъ былъ Юстиніаномъ при кератинскихъ воротахъ города; третій по хроникѣ Никифора (*in Catal. Patriarch. et in Novella Justiniani 139*), находился близъ Галаты; а четвертый созданъ Исаакомъ Комнинымъ по тому случаю, о которомъ здѣсь упоминаетъ Анна, и мѣсто его было въ оградѣ влахерискаго дворца. По свидѣтельству Зонары, этотъ послѣдній храмъ, построенный Исаакомъ довольно скупо, впоследствии перестроенъ сыномъ Алексѣя Іоанномъ и посвященъ Спасителю Иисусу Христу. *Car. du Fresne ad h. l.*

⁽²⁾ Зонара и Скилица этихъ Савромаговъ называютъ Венграми.

нужнымъ отправиться въ Тріадицу ⁽¹⁾. Такъ какъ онъ еще прежде остановилъ покушеніе восточныхъ варваровъ; то и это дѣло ему не стоило хлопотъ. Собравъ все войско, пошелъ онъ ведшимъ туда путемъ, съ намѣреніемъ отогнать, этихъ приплецовъ отъ римскихъ предѣловъ; а по пришествіи на мѣсто поставилъ войско въ боевой порядокъ и повелъ его въ сраженіе. Видя это, варвары тотчасъ раздѣлились въ своихъ мысляхъ. Но онъ, не слишкомъ довѣряя имъ, устремился съ сильною фалангою на сильнѣйшую и отважнѣйшую часть ихъ, сблизился съ ними и, какъ собою такъ и своимъ войскомъ, изумилъ ихъ. На него, какбы на громовержца, они не смѣли и взглянуть; глядя же на неразрывно сомкнутые ряды его воиновъ, сами разсѣивались. Впрочемъ, нѣсколько отступивъ, они на третій день объявили было ему о сраженіи, но тутъ же, оставивъ палатки, бросились бѣжать. Прибывъ на то мѣсто, гдѣ стояли они лагеремъ, Исаакъ разрылъ ихъ палатки и, взявъ найденную добычу, съ трофеями отправился въ обратный путь. Но, когда прибылъ онъ къ предмѣстію Ловица ⁽²⁾, его застигъ проливной дождь и не-своевременный снѣгъ; это случилось 24 сентября,—въ тотъ день, въ который совершается память великомученицы Феклы. Рѣки поднялись

⁽¹⁾ Тріадица—древняя Сардика, городъ еракійскій, либо, какъ нѣкоторые говорятъ, илирійскій или дакійскій, извѣстный по сардикскому Собору. См. Nicet. in Manuele l. 3 N 1.

⁽²⁾ Ловицъ—крѣпость въ Мизіи. Zonar. Scylitz. Glyc. Nicet. in. Isaac. Aug. L. 2 № 1.

и выступили изъ береговъ, такъ что вся равнина, гдѣ стояли царскій шатеръ и войско, казалась моремъ. Отъ этого все, необходимое для продовольствія, было унесено потоками и мгновенно исчезло; а люди и скотъ кочевѣли отъ холода. Ктому же небо ревѣло громами, а частыя молніи, не прерывавшіяся почти никакимъ промежуткомъ, какъ будто грозили зажечь всю окружающую землю. Видя это, царь не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, когда буря поутихла и когда весьма многіе, унесенные страшными потоками ручьевъ, уже погибли, онъ выходитъ съ военачальниками и, подошедши съ ними подъ одно фиговое дерево, останавливается. Но, услышавъ величайшій гулъ и трескъ, повидимому выходившій изъ подъ этого дерева, и опасаясь, какъ бы, при сильнѣйшемъ тогда дуновеніи вѣтровъ, оно отъ напора ихъ не повалилось, отступилъ на такое разстояніе, на которомъ дерево, повалившись, не могло бы раздавить его, и онѣмѣлъ отъ ужаса. Вдругъ оно, какъ будто по условленному знаку, исторгается съ корнемъ, и разстигается по землѣ. Царь стоялъ и чудился Божію о немъ промышленію. Потомъ, узнавъ о затѣвавшемся на Востокѣ возмущеніи ⁽¹⁾, онъ возвратился домой, и тогда-то построилъ великолѣпный храмъ во имя великомученицы Феклы, великолѣпно и щедро украсилъ его, покрылъ превосходною живописью и, сдѣлавъ въ него вклады, какіе прилично дѣлать христіанамъ, всегда

⁽¹⁾ Скилица замѣчаетъ, что слухъ объ этомъ былъ ложень.

слушать въ немъ священныя славословія. Такъ-то созданъ былъ упомянутый выше святой храмъ во имя великомученицы Ѳеклы, въ которомъ, какъ сказано, царица и мать самодержца Алексѣя совершала частыя моленія. Нѣкоторое время и я видала ее и удивлялась ей. Выше сказанное—не хвастовство; это знаютъ всѣ и, если угодно, засвидѣтельствуютъ, какъ скоро захотятъ открыть истину безпристрастно. Если бы я намѣревалась написать похвальное слово, а не исторію; то повѣствованію объ этомъ дала бы обширнѣйшій объемъ, какъ уже замѣчено мною прежде. Теперь же считаю нужнымъ опять обратиться къ тому, что было предположено.

9. Царь Алексѣй замѣчалъ, что царство его находится какбы въ предсмертной агоніи; потому что на Востокъ страшно грабили Турки, а западныя области сильно страдали отъ Роберта, который употреблялъ всѣ силы для введенія пришедшаго къ нему самозванца Михаила во дворецъ римскихъ государей. Впрочемъ этотъ самозванецъ служилъ только, мнѣ кажется, предлогомъ; поджигало же его и вовсе не давало ему покоя властолюбіе. Подъ личиною Патрокла нашедши монаха Михаила, Робертъ искру властолюбія раздулъ въ большой пламень и сталъ страшно вооружаться противъ римскаго государства,—заготовилъ дромоны ⁽¹⁾, диремы, триремы, собиралъ изъ приморскихъ мѣстъ сермоны ⁽²⁾ и множество другихъ перевозныхъ ко-

(1) О дромонахъ см. Вріенн. стр. 17. примѣч. 1.

(2) Этотъ видъ кораблей и отличительные признаки ихъ остаются неизвѣстными.

раблеѣ, равно какъ и на сушѣ въ помощь себѣ въ предстоящей войнѣ снаряжалъ великія силы. Посему этотъ доблестный юноша находился въ крайнемъ затрудненіи и, не зная, куда обратиться, потому что непріатели какъ будто наперерывъ добивались войны съ нимъ, скорбѣлъ и сокрушался. Римская имперія не имѣла тогда ни достаточно войска, ибо его считалось не больше трехъ сотъ человѣкъ, да и тѣ были изъ Хомы, люди вовсе безъ мужества и опытности въ войнѣ (къ этому войску присоединялся еще немногочисленный отрядъ наемныхъ варваровъ, имѣвшихъ обыкновеніе носить на правомъ плечѣ сѣкиру);—ни достаточно денегъ въ царскихъ казначействахъ, чтобы за нихъ можно было пайти вспомогательное войско въ чужихъ земляхъ. Царствовавшіе до него, относительно веденія войны и содержанія войскъ, распоряжались весьма неискусно и всѣ дѣла Римлянъ довели до крайняго положенія. Я слышала и отъ самихъ воиновъ и отъ нѣкоторыхъ стариковъ, что ни одинъ изъ городовъ никогда не бывалъ въ такомъ жалкомъ состояніи. И такъ, трудны были обстоятельства самодержца; его душа расторгалась многоразличными заботами. Однакожъ, бывъ мужественъ и неустрашимъ и снискавъ въ воинскихъ дѣлахъ большую опытность, онъ надѣялся опять вывести царство изъ волнистаго моря затруднительныхъ обстоятельствъ и ввести его въ безопасную пристань и съ Божіею помощію точно такъ уничтожить враговъ, какъ разсынаются волны, ударяясь о скалы.

Ему представлялось нужнымъ поспѣшно созвать всѣхъ восточныхъ топарховъ, которые занимали крѣпости и города и мужественно противостояли Туркамъ. И вотъ онъ ко всѣмъ имъ немедленно пишетъ отдѣльные письма, и къ Даватину, тогдашнему намѣстнику понтійской Иракліи и Пафлагоніи, и къ Вурцѣ, топарху Каппадокіи и Хома (¹), и къ прочимъ правителямъ, съ одной стороны объявляя, что съ нимъ случилось и какъ, дивно спасшись отъ явной опасности, онъ, по волѣ Промысла, взошелъ на высоту самодержавія, съ другой приказывая, чтобы они, достаточно позаботившись о своихъ областяхъ и обезопасивъ ихъ надлежащимъ количествомъ воиновъ, съ остальными прибыли въ Константинополь, и кромѣ того привели съ собою свѣжее, вновь набранное, войско, какое можно будетъ составить. Потомъ счелъ онъ нужнымъ, по возможности, обезопасить себя и противъ Роберта, и порывавшихся къ нему военачальниковъ и графовъ отклонить отъ ихъ намѣренія. Еще до взятія столицы, отправилъ онъ посла къ Мономахату и чрезъ это посольство во первыхъ звалъ его къ себѣ на помощь, во-вторыхъ просилъ у него денегъ; но посланный возвратился съ однимъ письмомъ,

(¹) Хома была не что иное, какъ та часть Азіи, которую древніе называли Ликією, и которая была погранична съ Памфилією и Тавромъ. Птоломей въ этой самой части Азіи помѣщаетъ и городъ Хому, о которомъ упоминается въ актахъ ефесскаго Собора (part. 2 Act. 1) и въ которомъ былъ тогда епископомъ Евдоксій. Итакъ войско *ἐκ τῆς Χώμας*, подъ предводительствомъ Вурцы, помогало Алексію, какъ союзнику, либо, можетъ быть, какъ своему государю. Carol. du Fresne ad h. l.

которое, какъ мы прежде сказали, наполнено было извиненіями, выражавшими ту мысль, что, пока царствуетъ Вотаніатъ, онъ помогать Алексѣю не можетъ. Прочитавъ это письмо и испугавшись, какъ бы Мономахатъ, узнавъ о низверженіи Вотаніата, не присоединился къ Роберту, царь совсѣмъ было упалъ духомъ. Поэтому, онъ призвалъ къ себѣ свояка ⁽¹⁾ Георгія Палеолога и послалъ его въ Диррахій (это городъ иллирійскій), наказавъ ему употребить въ дѣло все, чтобы только безъ боя выпроводить оттуда Мономахата (ибо для изгнанія его силою не было достаточнаго войска), и, сколько можно, противустать коварнымъ затѣямъ Роберта. Кромѣ того велѣлъ онъ устроить по новому способу бойницы на стѣнахъ города, то есть, множество бревенъ наверху оставить непригвожденными, чтобы, когда вздумается Латинянамъ взлезать на нихъ по лѣстницамъ, они опрокидывались и вмѣстѣ съ ними падали на-земь. Много убѣждалъ онъ письмами и правителей приморскихъ городовъ и самихъ островитянъ, чтобы они не упадали духомъ и не опускали рукъ, но, въ ожиданіи Роберта, бодрствовали, мужались и укрѣплялись; въ противномъ случаѣ, онъ, при первомъ же нападеніи, овладѣетъ приморскими городами и самими островами, и впослѣдствіи римскому царству надѣлаетъ хлопотъ.

(¹) Алексѣй и Георгій Палеологъ женаты были на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Андроника Дуки, — Алексѣй на Ирмѣ, а Георгій на Аннѣ. См. *Harmeropol. l. 4. tit. 6 § 14.*

10. Такъ-то царь распорядился относительно Иллирика и, какъ видно, хорошо оградилъ земли, лежавшія передъ глазами и у ногъ Роберта; но онъ не забылъ и земель, находившихся въ тылу его. Сперва послалъ онъ грамоту къ вождю Лонгобардовъ Герману ⁽¹⁾, потомъ къ римскому папѣ, затѣмъ къ архіепископу Капуи Ербію ⁽²⁾, также къ князьямъ и ко всѣмъ вождямъ странъ кельтическихъ и, расплачивая ихъ къ себѣ порядочными подарками и обѣщаніемъ большихъ—какъ подарковъ, такъ и достоинствъ, подстрекалъ ихъ ко враждѣ противъ Роберта. Носему одни изъ нихъ тотчасъ же отказались отъ дружбы съ Робертомъ, другіе обѣщали тоже, если скоро получатъ больше. Притомъ зная, что король Алеманіи преимущественно предъ всѣми можетъ сдѣлать съ Робертомъ все, что захочетъ, онъ не одинъ разъ посылалъ къ нему грамоты, въ которыхъ сладкими рѣчами и всевозможными обѣщаніями привлекалъ его на свою сторону, и когда увидѣлъ, что онъ склоняется на убѣжденія и обѣщаетъ поступать согласно съ его желаніемъ,—послалъ къ нему Хиросфакта съ другимъ письмомъ, слѣдующаго содержанія. «Благоденствіе твоего могущества и умноженіе твоихъ успѣховъ составляетъ для нашего величе-

(1) Здѣсь говорится о графѣ Германѣ, братѣ Абагелардовомъ, который въ то время былъ въ войнѣ съ Робертомъ и лишился имъ владѣній и имущества. Приведенный въ такое состояніе, онъ вмѣстѣ съ братомъ отправился въ Константинополь къ Алексію и получилъ отъ него префектуру въ Далмаціи. Guillelmus Apul. l. 4. Malaterr. l. 3 cap. 3, 6.

(2) Тому самому, о которомъ упоминаетъ Григорій VII PP. l. 9 epist. 23. Leo Ost. l. 3. Chronic. Cass. cap. 41.

ства предметъ молитвъ, высокоблагороднѣйшій и поистинѣ христіаннѣйшій братъ. Да и какъ можно, при благочестіи нашего величества, не молиться намъ о томъ, что для тебя лучше и полезнѣе, когда наше благочестіе увѣрено въ твоёмъ? Вѣдь настоящая братская твоя пріязнь и расположеніе къ нашему величеству и согласіе твое принять на себя труды противъ того коварнаго человѣка, чтобы его, разбойника, злодѣя, врага Божія и христіанскаго, достойно наказать за его безсовѣстность, показываютъ великую благонамѣренность души твоей, и это дѣло служить явнымъ доказательствомъ, что ты разсуждаешь по-божьему. Что же касается до нашего величества, то въ другихъ отношеніяхъ наше положеніе хорошо; насъ немножко тревожатъ и смущаютъ только волны, поднятыя замыслами Роберта. Впрочемъ, если должно сколько-нибудь вѣрить Богу и Его праведнымъ судамъ,—скоро послѣдуетъ гибель этого несправедливѣйшаго человѣка. Богъ, безъ сомнѣнія, не попуститъ, чтобы жезлъ грѣшниковъ долго тяготѣлъ на его наслѣдѣи.—То, что наше величество обѣщало послать твоему могуществу, именно сто сорокъ четыре тысячи монетъ и сто кусковъ пурпуровой краски, чрезъ Протопроед-ра и высшаго сановника Константина, согласно съ желаніемъ вѣрнѣйшаго и благороднѣйшаго твоего графа Булхарда, теперь же посылается. Упомянутая сумма состоитъ изъ чека-ненаго серебра и романатовъ ⁽¹⁾ стараго каче-

⁽¹⁾ Романатъ—золотая монета Романа Диогена, съ его изображеніемъ.

ства. А когда твое благородство дастъ клятву,— будутъ посланы и остальные двѣсти шестнадцать тысячъ монетъ, равно какъ и руга даннымъ двадцати чинамъ, какъ скоро вступишь въ Лонгобардію, отошлется чрезъ вѣрнѣйшаго твоей власти Багеларда ⁽¹⁾. Какимъ образомъ должна быть совершена клятва, было и прежде объяснено твоему благородству; изложить это еще яснѣе и Протопроедръ, великій сановникъ Константинъ, который получилъ отъ меня наставленіе относительно каждаго пункта, которые имѣютъ быть рассмотрѣны и будущею твоею клятвою утверждены. Когда между моимъ величествомъ и посланными отъ твоего благородства сановниками происходило соглашеніе,— были упомянуты нѣкоторые весьма важные пункты; но такъ какъ довѣренные твоего благородства сказали, что относительно сихъ пунктовъ они не имѣютъ приказанія, то мое величество и не настаивало, чтобы они дали въ этомъ клятву. И такъ, клятва да будетъ совершена твоимъ благородствомъ такъ, какъ утвердилъ ее клятвенно предъ моимъ величествомъ вѣрный твой Албертъ, съ присоединеніемъ необходимой прибавки, которой желаетъ наше самодер-

Булла папы Анаклета въ хроникѣ беневентскаго монастыря св. Софіи говоритъ: *aliosque fideles nostros benigne convenimus, quatenus quadringentos romanatos, quos eis Potiferia accommodaverat, nobis persolverent.*

(1) Абагелардъ, сынъ Гумфреда, лишенный наслѣдства дядею Робертомъ Вискардомъ, сперва приходитъ къ салернскому князю Гизульфъ и пристаетъ къ его партіи, вооружившейся противъ Роберта (1073 г.) Но когда Гизульфъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній, удаляется съ братомъ своимъ Германомъ въ Константинополь и тамъ въ качествѣ ссыльнаго умираетъ. *Malaterra.*

жавіе. Замедленіе вѣрнѣйшаго и благороднѣйшаго твоего графа Булхарда произошло отъ моего величества: мнѣ хотѣлось, чтобы онъ посмотрѣлъ на любезнѣйшаго моего племянника, сына вельможнѣйшаго Севастократора и возлюбленнаго брата моего величества,—хотѣлось, чтобы, возвратившись, рассказалъ онъ тебѣ о зрѣлости смысла въ этомъ дитяти, не смотря на ранній его возрастъ. Внѣшнія и тѣлесныя его достоинства моимъ величествомъ ставятся на второмъ мѣстѣ, хотя и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ преимущество. Твой посолъ расскажетъ тебѣ, что видѣлъ онъ въ дитяти, пока проживалъ въ столицѣ, и о чемъ иногда говорилъ съ нимъ. А такъ какъ Богъ еще не далъ моему величеству наслѣдника, и этотъ любезнѣйшій племянникъ занимаетъ для меня мѣсто роднаго сына; то, если Богу будетъ угодно, ничто не помѣшаетъ намъ соединиться посредствомъ родственной крови, дружелюбно быть расположенными другъ къ другу, какъ христіанамъ, и считать себя своими людьми, какъ родственникамъ, чтобы такимъ образомъ, подкрѣпляя другъ друга, мы могли, съ Божіею помощію, быть страшны противникамъ. Въ настоящее время мы въ знакъ уваженія посылаемъ твоему благородству золотой, украшенный жемчугомъ, грудной крестъ, раззолоченный ковчежець, скрывающій внутри частицы святыхъ, которыхъ имена можно узнать по приложенной къ каждой частицѣ бу-мажкѣ, сардониковую чашу и хрустальный стаканъ, звѣздовидную, обвитую золотомъ сѣкиру

и нѣсколько баѣзаму. Да продлитъ Богъ жизнь твою, да расширить предѣлы твоей власти и да положить всѣхъ противниковъ твоихъ въ посрамленіе и попраніе. Миръ да будетъ въ царствѣ твоёмъ, и да сіяетъ ясно солнце надъ всей подвластной тебѣ землей, да исчезнутъ предъ тобою всѣ враги твои, да будетъ дарована тебѣ отъ Бога необоримая сила за то, что ты любилъ истинное Его имя и вооружаешь руку на Его враговъ».

11. Устроивъ такимъ образомъ дѣла на Западѣ, Алексѣй сталъ готовиться противъ настоящей и вблизи грозившей ему опасности; оставаясь еще въ столицѣ, онъ придумывалъ, какіе бы найти способы противустать врагамъ, которые были у него передъ глазами. Видѣлъ онъ, что безбожнѣйшіе Турки, какъ было выше замѣчено, вселяются около Пропонтиды, — что Салиманъ ⁽¹⁾, владѣвшій всѣмъ Востокомъ и имѣвшій жительство въ Никеѣ (гдѣ былъ и султаніатъ, по нашему царскій дворецъ), часто высылаетъ ихъ на грабежъ и расхищаетъ все; лежащее въ окружности Визоніи и Финіи, — что они дѣлаютъ нападеныя и набѣги до самаго Босфора, называемаго нынѣ Дамалисомъ, уносятъ много добычи и едва не перебираются за самое море, — и что Византіицы, смотря, какъ они безстрашно проживаютъ въ прибрежныхъ мѣстечкахъ и храмахъ, откуда ихъ никто не прогоняетъ, постоянно находятся въ трепетѣ, и не

⁽¹⁾ См. табл. иконійскихъ султановъ. Сравни. Alb. Aq. 1 2 сар. 21. Fulcher. l. 1 сар. 3. Tyr. l. 3 сар. 1.

знаютъ, что дѣлать. — Видѣль это царь, и перебиралъ въ головѣ множество плановъ, смѣнялъ ихъ одинъ другимъ и, дошедши наконецъ до того, который представлялся наилучшимъ, приступилъ, по возможности, къ выполнению его. Изъ недавно поступившихъ на службу Римлянъ и изъ нѣсколькихъ Хоматинцевъ избралъ онъ десятиначальниковъ ⁽¹⁾ и посадилъ эти войска на небольшія суда, — одни изъ нихъ были легко вооружены и имѣли только стрѣлы и щиты, а другіе, умѣли сражаться въ латахъ, въ шлемѣ, съ щитомъ и копьемъ въ рукѣ. Этими войскамъ царь приказалъ ночью пристать къ морскимъ берегамъ, скрытно выбраться на сушу и напасть на безбожныхъ, — если же увидятъ, что враги превосходятъ ихъ числомъ, тотчасъ каждому воротиться назадъ, откуда кто вышелъ. Притомъ зная, что эти люди вовсе неопытны въ войнѣ, онъ приказалъ внушать гребцамъ, чтобы они гребли безъ шума и вмѣстѣ наблюдали, не присматриваютъ ли за ними варвары изъ горныхъ разсѣлинъ. Это приказаніе исполнено было войсками въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и варвары отъ приморскихъ селеній мало по малу удалились во внутренность страны. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ приказалъ посланнымъ зажать мѣстечки и зданія, которыя прежде занимаемы были

⁽¹⁾ Греки того времени раздѣляли свое войско *εις τάγματα, ἡροὶν τὰ λευκίμινι βασιδὰ διόφρα*, то есть на когорты или полки, которые называли также бандами. Когорты подраздѣлялись *εις δεκάδας* или декуріи, а декуріи на контуберніи, состоявшія изъ пяти человѣкъ. Leon. Tact. in. cap. 4 § 2. 6.

Турками, и ночевать въ нихъ, при первыхъ же лучахъ солнца, когда случится непріателямъ выдти для фуражировки или по другой какой надобности, кучей напасть на нихъ и, если хоть немного одолбютъ, довольствоваться этимъ, сколько бы малъ успѣхъ ни былъ, чтобы, ища большаго, не подвергнуться опасности и чрезъ то не придать смѣлости врагамъ, но тотчасъ возвращаться и оставаться внутри крѣпостей. Эта мѣра вскорѣ заставила варваровъ уйти еще далѣе. Тогда самодержецъ ободрился и приказалъ служившимъ до тѣхъ поръ въ пѣхотѣ садиться на коней, учиться владѣть копьемъ и разными путями, какъ можно чаще, дѣлать нападенія на непріателей; и эти нападенія производились уже не ночью и не украдкой, а при бѣломъ днѣ. Въ это время бывшіе дотолѣ десятиначальниками сдѣланы пятидесятина начальниками, и выходившіе сперва на непріателей пѣшими, по ночамъ и съ большимъ страхомъ, теперь стали налегать на нихъ съ наступленіемъ утра и смѣло схватывались съ ними въ открытой борьбѣ, когда солнце являлось на самой срединѣ неба. Такимъ образомъ дѣло пошло впередъ, и въ римскомъ царствѣ мало по малу снова заблестала потухавшая искра могущества. Комнинъ прогналъ Турковъ не только далеко отъ Босфора и прилегавшихъ къ морю селеній, но и отъ предѣловъ всей Віиніи, Финіи и Никомидіи, и заставилъ Султана усердно просить мира. А такъ какъ въ это время многіе увѣряли его, что Робертъ неудержимо стремится къ войнѣ и съ без-

численными силами спѣшить пристать къ берегамъ Лонгобардіи, то онъ охотно принялъ предложеніе о мирѣ. Если и Ираклу нельзя было бороться съ двумя, какъ говоритъ приточное слово; то тѣмъ менѣе достаточенъ былъ для этого юный вождь, только что принявшій подъ свою власть разстроенное царство, которое задолго мало по малу истощалось и доведено было до послѣдней крайности, и въ которомъ не имѣлось ни войскъ, ни денегъ; потому что все это было растрчено прежде, безъ всякой пользы. Вотъ почему, не смотря на то, что Турки разными способами были выгнаны изъ Дамалиса и приморскихъ мѣстъ, и прислали ему дары, онъ вынужденъ былъ согласиться на мирныя предложенія. Назначивъ границу турецкихъ владѣній такъ называемую рѣку Драконъ ⁽¹⁾, Алексѣй потребовалъ, чтобы Турки не переходили чрезъ нее и въ предѣлы Виѣиніи не вторгались.

12. Такъ улажены были дѣла на Востокѣ. Между тѣмъ Палеологъ, прибывъ въ Диррахій, отправилъ къ Алексѣю гонца съ извѣстіемъ, что Мономахъ, узнавъ о цѣли его прибытія, поспѣшно удалился къ Бодину и Михаилу, ибо боялся слѣдствій своего отказа и отосланія съ пусты-

(1) О рѣкѣ Драконъ древніе географы не упоминаютъ. Вѣроятно впрочемъ, что она текла въ Виѣиніи, потому что власть Турковъ въ то время не простиралась только на Виѣинію. Можно полагать и такъ, что Дракономъ здѣсь называется Оронтъ, до котораго, по договору Алексѣя съ Солиманомъ, Турки должны были отступить. А Оронтъ, по свидѣтельству Евстація, дѣйствительно назывался Дракономъ. Ad. Dionisii *περίηγουσιν* vers. 919.

ми руками того посла, котораго Алексѣй, предъ открытіемъ затѣвавшагося возмущенія, прислалъ къ нему съ письмомъ, и чрезъ котораго просилъ у него денегъ, хотя теперь за выше-сказанную вину онъ ничего не готовилъ ему, кромѣ лишенія власти. Узнавъ это о Мономахатѣ, самодержецъ посылаетъ ему хрисовуль и тѣмъ даруетъ ему полную безопасность. Взявъ въ руки хрисовуль, Мономахатъ возвращается во дворецъ. Между тѣмъ Робертъ прибылъ въ Идрунтъ и, всю свою власть надъ самою Лонгобардіею передавъ сыну Рожеру, отправился оттуда и вошелъ въ брундузійскую гавань, гдѣ, узнавъ о прибытіи Палеолога въ Диррахій, немедленно построилъ на большихъ судахъ деревянныя башни, и обтянулъ ихъ сыромятными кожами. Потомъ старательно снабдивъ корабли всѣмъ необходимымъ для осады стѣнъ, равно какъ взведши на дромоны лошадей и вооруженныхъ всадниковъ и быстро собравъ отсюду военныя потребности, приступилъ къ переправѣ. Онъ имѣлъ въ виду тотчасъ, по прибытіи къ Диррахію, окружить его осадными машинами съ моря и суши, чтобы, поразивъ ужасомъ засѣвшихъ внутри и отсюду обступивъ ихъ, съ перваго же разу взять городъ. Въ самомъ дѣлѣ, велико было смятеніе, объявившее островитянъ и береговыхъ жителей Диррахіа, когда они узнали о его намѣреніи. Наконецъ все снаряженіе выполнено по желанію Роберта, и онъ, снявшись съ якорей и расположивъ дромоны, триремы и моноремы воен-

нымъ строемъ, какой устанавливають опытные моряки; въ порядкѣ пустился въ море. При попутномъ вѣтрѣ достигъ онъ берега, на которомъ стоитъ Авлонъ и, плывя вдоль его, прибылъ къ Вотренту ⁽¹⁾. Здѣсь соединившись съ сыномъ своимъ Боэмундомъ, который успѣлъ опередить его и, при первомъ приступѣ, овладѣть Авлономъ, онъ раздѣлилъ войско на двѣ части, и одну удержалъ при себѣ, въ намѣреніи сдѣлать приступъ къ Диррахію съ моря, а другую отдалъ подъ начальство Боэмунда, который долженъ былъ подойти къ этому городу съ суши. Но когда, миновавъ Корфу, шелъ онъ по направленію къ Диррахію, у такъ называемаго мыса Глоссы ⁽²⁾ вдругъ застигла его ужаснѣйшая буря. Сильная вьюга и вѣтры, сорвавшись съ горъ, глубоко взбороздили море, волны съ ревомъ поднимались одна за другою, весла гребцовъ ломались, паруса отъ вѣтра разрывались въ клочки, мачты трещали и падали на палубу и суда вмѣстѣ съ людьми погружались въ море, не смотря на то, что время было лѣтнее; ибо солнце, миновавъ уже Рака, спѣшило ко Льву,—когда появляется, говорятъ, созвѣздіе пса. Всѣ отъ страха пришли въ смятеніе и, не имѣя силъ противустоять столькимъ врагамъ, не знали, что и дѣлать. Поднялся страшный шумъ, вопили,

⁽¹⁾ Вотрентъ или Вутротъ, городъ въ Эпирѣ, по которому именуется дутротскій заливъ. Объ этомъ походѣ Вискарда подробно говоритъ Вильгельмъ. Apul. l. 4.

⁽²⁾ Здѣсь надобно разумѣть вѣроятно мысъ диррахійскій, нынѣ называемый Capo di Durazzo, или ближайшій къ нему Capo de Redoni. Ducange ad h. l.

плакали, молились, призывали Бога Спасителя, и давали обѣты, если увидятъ сушу. Однакожъ буря не утихала, какъ будто Богъ гнѣвался на неудержимую и непомѣрную заносчивость Роберта и уже по первому шагу давалъ предвидѣть неблагополучный исходъ дѣла. И такъ, одни суда потонули вмѣстѣ съ пловцами, другія были брошены на берегъ и разбились. Между тѣмъ кожи, которыми обшиты были башни, отъ дождя растянулись, гвозди изъ своихъ мѣстъ повыскакали, и повисшія отъ того кожи, перетягивая эти деревянные башни на бокъ, опрокидывали ихъ и топили вмѣстѣ съ кораблями. Судно, на которомъ находился Робертъ, было почти разбито и едва уцѣлѣло; уцѣлѣли также, сверхъ чаянія, и нѣкоторыя изъ транспортныхъ судовъ съ пловцами. Многіе корабли моремъ выброшены были на берегъ; немало разбросано было по песку мѣшковъ съ деньгами и нѣкоторыхъ другихъ вещей, которыя моряки Роберта везли съ собою. Спасшіеся погребали мертвыхъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, отчего распространялось большое зловоніе; потому что нелегко было имъ скоро похоронить съ удобствами такое множество труповъ. А такъ какъ въ это время погибли и всѣ сѣстные припасы, то и спасшіеся должны были бы умереть отъ голода, если бы находившіяся у береговъ нивы, поля и сады не были обременены плодами. Смыслъ этого понятенъ былъ всѣмъ людямъ здравомыслящимъ, но Роберта не устрашило такое событіе; онъ былъ человѣкъ от-

важный и молился о продолженіи жизни, думаю, на столько, на сколько могъ бы сражаться съ тѣми, съ кѣмъ хотѣлъ. Поэтому ничто случившееся не отклонило его отъ предполагаемой дѣли. Соединивъ сдѣшшихся (ибо нѣкоторые не оборимую сидю Божіею искищены были отъ опасности), онъ прожилъ семь дней въ Главиницѣ ⁽¹⁾, чтобы и самому укрѣпиться въ силахъ, и дать отдыхъ спасшимся отъ волнъ морскихъ, а между тѣмъ надѣялся, что скоро придутъ къ нему и тѣ, которые оставлены имъ въ Брундузіѣ и въ другихъ мѣстахъ, и которыхъ прибытія поджидалъ онъ на корабляхъ, да и тѣ, которые незадолго отправились сухимъ путемъ, то есть тяжело вооруженная конница и пѣхота, и легко вооруженное его войско. Собравъ, дѣйствительно, всѣхъ по сушѣ и по морю, онъ со всѣми своими силами прибылъ на равнины Илирика. При немъ находился въ то время и тотъ Латинянинъ, который рассказывалъ мнѣ это и который, по его словамъ, былъ посломъ при Робертѣ отъ барскаго епископа ⁽²⁾ и раздѣлялъ съ нимъ тягости сего похода. Они разбили палатки внутри разрушенныхъ стѣнъ города, въ древности называвшагося Эпидамномъ ⁽³⁾, и рас-

(1) Главиница, въ древности называвшаяся Акрокеравніею, была епископскимъ и по достоинству вторымъ городомъ послѣ Диррахія. Ducange ad h. l.

(2) Этотъ барскій епископъ былъ Урсонъ, свѣтникъ Вискардова сына, часто упоминаемый Иоанномъ архидіакономъ in Tractatu de invent. S. Sabini. apud Baron. An. MХCI № 13.

(3) Объ Эпидамнѣ, его происхожденіи и мѣстности см. Thucyd. l. 1. Appian. l. 2 de bello civili. Xiphilinus in Pompejo Mela cap. 3.

положили войска по отрядамъ. Здѣсь нѣкогда эпирскій царь Пирръ соединился съ Тарентинцами и вступилъ въ тяжкую войну съ Римлянами въ Апуліи. Нослѣ претерпѣннаго имъ рѣшительнаго пораженія, когда всѣ его воины сдѣлались добычею меча, этотъ городъ совсѣмъ опустѣлъ. Но въ послѣдующія времена, какъ говорятъ Греки и свидѣлствуютъ высѣченныя на городскихъ памятникахъ надписи, онъ возстановленъ былъ Амфіономъ и Зиономъ въ тотъ видъ, въ какомъ находится теперь, и тогда же переименованъ въ Диррахій. Это историческое замѣчаніе объ Эпидамнѣ мы дѣлаемъ мимоходомъ, и здѣсь оканчиваемъ третью книгу. О дальнѣйшемъ же будемъ рассказывать вслѣдъ за этою.

КНИГА IV.

1. И такъ, Робертъ семнадцатаго числа мѣсяца іюня, четвертаго индиктіона, расположился лагеремъ на сушѣ съ несчетнымъ множествомъ конницы и пѣхоты, и страшно было смотрѣть какъ на видъ его войскъ, такъ и на стратегическое ихъ расположеніе; потому что его армія отъ прибытія отрядовъ со всѣхъ сторонъ опять увеличилась. Да и моремъ тоже собирались его моряки на корабляхъ разнаго

рода, наполненныхъ другими войсками, въ морскихъ сраженіяхъ весьма опытными. Тогда жители Диррахіа, осажденные съ той и другой стороны—то есть съ суши и съ моря, при видѣ многочисленныхъ силъ Роберта, превышавшихъ всякое счисленіе, поражены были великимъ страхомъ. Но Георгій Палеологъ, какъ человекъ мужественный, изучившій всякое стратегическое дѣло и выдержавшій на Востокъ безчисленное множество битвъ, въ которыхъ всякій разъ оставался побѣдителемъ, безтрепетно укрѣплялъ городъ, по наставленіямъ самодержца, устраивалъ зубцы, устанавливалъ по стѣнамъ камнеметныя машины, ободрялъ упавшихъ въ духъ воиновъ и на всемъ протяженіи стѣнъ размѣщалъ соглядатаевъ, да и самъ каждую ночь и каждый день обходилъ городъ и сторожившимъ приказывалъ бодрствовать. Въ тоже время увѣдомлялъ онъ письмами самодержца о прибытіи Роберта и о томъ, что онъ прибылъ къ Диррахію съ намѣреніемъ взять этотъ городъ. Между тѣмъ запершіеся, смотря на осадныя вѣт города машины и на деревянную огромной величины башню, которая возвышалась надъ самыми стѣнами Диррахіа и отсюда обтянута была сыромятными кожами, а на вершинѣ ея помѣщались камнеметныя орудія, видя также, что окружность стѣнъ съ вѣншей стороны полагалась лагеремъ, что къ Роберту отовсюду стекаются союзники, что лежащіе въ окрестности города опустошаются набѣгами и что по этому вражескія землянки съ каждымъ днемъ

становятся многочисленнѣе, трепетали отъ страха, ибо понимали намѣреніе Дукса Роберта, понимали, то есть, что онъ занялъ иллирійскую равнину не съ тѣмъ, чтобы, какъ всюду разглашалось, опустошить города и селенія и потомъ, собравъ съ нихъ большую добычу, возвратиться въ Апулію, но чтобы овладѣть римскимъ царствомъ и съ этою цѣлію для перваго, какъ говорится, опыта взять Диррахій. При такомъ настроеніи мыслей Палеологъ велѣлъ сверху спросить Роберта, для чего онъ прибылъ, и тотъ отвѣчалъ: «я хочу изгнаннаго изъ царства свойственника моего Михаила возстановить въ принадлежащемъ ему достоинствѣ, потребовать удовлетворенія за нанесенныя ему обиды и вообще отмстить за него!» На это сказали ему: «если мы, взглянувъ на Михаила, узнаемъ его, то немедленно преклонимся предъ нимъ, и сдадимъ городъ». Услышавъ это, Робертъ тотчасъ приказалъ, чтобы Михаилъ былъ великолѣпно одѣтъ и показанъ жителямъ города. По силѣ этого приказанія воины ведутъ его съ великою пышностію и съ музыкою на всевозможныхъ музыкальныхъ инструментахъ и кимвалахъ и показываютъ. Но лишь только жители города взглянули на него, какъ зашумѣли тысячею ругательствъ, утверждая, что они вовсе не знаютъ этого человѣка. Однакожъ Робертъ не обратилъ на это вниманія и не оставлялъ начатаго дѣла. А между тѣмъ, пока находившіеся внутри разговаривали съ бывшими внѣ, нѣкоторые, тайно вырвавшись изъ города, вступили

въ бой съ Латинянами и, нанеши имъ нѣсколь-
ко вреда, тотчасъ ушли въ Диррахій. Впро-
чемъ мнѣнія о монахѣ, который слѣдовалъ за
Робертомъ, были различны. Одни разглашали,
что это конюхъ царя Михаила Дуки; другіе
утверждали, что это самъ самодержецъ Михаилъ,
свойственникъ того варвара, который изъ-за
него и поднялъ, какъ говорили, такую войну;
нѣкоторые же настаивали, что это дѣло имъ
совершенно извѣстно, какъ одна выдумка Ро-
берта. Михаилъ, говорили они, не перебѣгалъ
къ Роберту; но Робертъ, испытавъ крайнюю
бѣдность и произшедши изъ незнатнаго состо-
янія, умѣлъ природными своими дарованіями
и силою ума сдѣлаться, какъ выше сказано,
обладателемъ всѣхъ лонгобардскихъ городовъ
и селеній, даже самой Апуліи, и потомъ вскорѣ
захотѣвъ большаго, что обыкновенно бываетъ
свойственно душамъ не насытымъ, счелъ нуж-
нымъ покуситься на овладѣніе городами, ле-
жащими въ Илирикѣ и, если дѣла пойдутъ
успѣшно, устремиться далѣе; ибо каждый жад-
ный до пріобрѣтеній, только бы ему начать,
ничѣмъ не отличается отъ антонова огня, ко-
торый, какъ скоро приразится къ тѣлу, не
останавливается до тѣхъ поръ, пока, не пробѣ-
жить по всѣмъ его частямъ и не истребить
его всецѣло.

2. Между тѣмъ Палеологъ своими письмами
извѣщалъ самодержца о всѣмъ тогдашнихъ со-
бытіяхъ, что Робертъ, пустившись въ море въ
іюнѣ мѣсяцѣ, какъ сказано выше, отъ сильной

бури потерпѣлъ кораблекрушеніе, и однакожъ, подвергшись такому гнѣву Божию, не остановился, но вмѣстѣ съ своими спутниками сразу взялъ Авлонъ, — что потомъ опять, подобно зимнимъ облакамъ, отсюду стеклись къ нему безчисленные силы, — и люди, болѣе другихъ легкомысленные, повѣривъ будто самозванецъ дѣйствительно есть царь Михаилъ, перешли къ Роберту. Слыша это, самодержецъ боялся важности такой затѣи. Предполагая, что находившіяся въ его распоряженіи войска не устоятъ даже и противъ самой незначительной части Робертовой арміи, онъ счелъ нужнымъ призвать съ Востока Турковъ и по этому предмету вступилъ въ сношеніе съ Султаномъ ⁽¹⁾. Кромѣ того приглашалъ онъ и Венеціанъ, склоняя ихъ на свою сторону обѣщаніями и дарами (отсюда, говорятъ, и произошелъ римскій обычай — конскія состязанія называть венеціанскимъ цвѣтомъ) ⁽²⁾, то есть одно обѣщаль, а другое тотчасъ же предлагалъ, если они согласятся вооружить морскія силы всей своей страны и поспѣшно отправить ихъ къ Диррахію, чтобы и этотъ городъ сохранить, и съ флотомъ Роберта вступить въ отважный бой. Въ случаѣ своего согласія на это, говорилъ царь, одержатъ ли они, при Божіей помощи, побѣду, или будутъ побѣждены

⁽¹⁾ Здѣсь разумѣется тотъ же Солиманъ, съ которымъ Алексѣй, какъ сказано выше, условливался о границахъ владѣній.

⁽²⁾ По свидѣтельству одного безымяннаго писателя, τὸ βενετὸν, ἀπὸ βενετίας ἀνδραγαθία, ἐν ᾗ γίνεται τὰ κυκλὰ χρώματα. см. Isidorum l. 19 Orig. cap. 17 Uegetium l. 3 cap. 7. Но какое отношеніе между соименнымъ Венеціи голубымъ цвѣтомъ и обѣщаніями Алексѣя, — рѣшить трудно.

(что иногда случается), все равно получают обѣщанное, какъ если бы и одолѣли. А чтобы какія-либо желанія ихъ не встрѣтили препятствія со стороны римскаго правительства, они будутъ уполномочены особо выданными хрисовулами. Услышавъ это, Венеціане немедленно потребовали чрезъ пословъ, чего хотѣли, и получили ручательство въ исполненіи обѣщаній. Тогда, снарядивъ флотъ изъ разнаго рода судовъ, они отправили его къ Диррахію въ совершенномъ порядкѣ. Отправившіеся, переплывъ большое пространство, прибыли къ храму, построенному во имя пречистой Богородицы на мѣстѣ, называемомъ Паллія, которое отъ Робертова лагеря, находившагося внѣ Диррахіа, отстоитъ приблизительно стадій на осьмнадцать. Увидѣвъ оттуда флотъ Роберта у Диррахіа, снабженный всѣми средствами для войны, они побоялись было вступать съ нимъ въ сраженіе; но Робертъ, узнавъ о ихъ прибытіи, посылаетъ къ нимъ съ флотомъ сына своего Боэмунда и требуетъ, чтобы они привѣтствовали царя Михаила и самаго Роберта. Тѣ отложили привѣтствіе до слѣдующаго дня; съ наступленіемъ же вечера, такъ какъ, при совершенной затиши, нельзя было имъ подойти къ берегу, стянули они и связали канатами самыя большія изъ своихъ судовъ и, образовавъ изъ нихъ искусственную среди моря пристань, построили на ихъ палубахъ деревянныя башни ⁽¹⁾, и канатами подняли

(1) Такіе корабли назывались укрѣпленными. Paulus Diac. l. 18 Hist. Misc. πλοῖα κατελλόμενα, Theophanes, а самыя укрѣпленія ξυλόκαστρα

на эти суда слѣдовавшіе за каждымъ изъ нихъ малые ботики; внутри же этихъ башенъ помѣстили вооруженныхъ людей и, разсѣкли толстыя бревна на части въ локоть длиною, вколотили въ нихъ желѣзныя остроконечія, и затѣмъ стали ожидать прибытія Франкскаго флота. Съ наступленіемъ дня, является Боэмундъ и требуетъ привѣтствія. Но тѣ стали въ глаза смѣяться ему. Не вынося этого, Боэмундъ первый устремился на нихъ, и пошелъ на самыя большіе корабли ихъ, а за нимъ двинулся и остальной флотъ. Тутъ произошло сильное сраженіе и, когда Боэмундъ сталъ ожесточеннѣе подступать къ Венеціанамъ, они, бросивъ сверху одно изъ сказанныхъ бревенъ, тотчасъ пробили тотъ самый корабль, на которомъ онъ находился. Пробитый корабль отъ хлынувшей въ него воды началъ тонуть, — и въ это время одни бросались съ корабля и, попадая туда, откуда убѣгали, погружались на дно, другіе вступали въ бой съ Венеціанами и падали отъ меча. Самъ же Боэмундъ, избѣгая явной опасности, прыжкомъ очутился на другомъ изъ своихъ судовъ. Ободренные этимъ, Венеціане схватились съ врагами еще отважнѣе и, обративъ ихъ въ совершенное бѣгство, преслѣдовали до Робертовой палатки. Потомъ выбрались они на берегъ, и вступили въ бой съ Робертомъ уже инымъ способомъ. Видя это, Палеологъ тоже вышелъ изъ крѣ-

Leo in Tact. cap. 19 § 7. Съ этихъ крѣпостей войны бросали въ неприятельскіе корабли стрѣлы и цѣлыя бревна; а сами оставались подъ прикрытіемъ.

пости Диррахія и вмѣстѣ съ Венеціанами ударилъ на Роберта. Произошла битва упорная и длилась до самаго лагеря Робертова, изъ котораго тогда многіе были выгнаны, а многіе сдѣлались жертвою мечей. Венеціане, захвативъ множество добычи, снова взошли на свои суда, а Палеологъ возвратился въ крѣпость. Отдохнувъ нѣсколько дней, Венеціане посылаютъ къ царю пословъ съ извѣстіемъ о случившемся. Царь принялъ ихъ благосклонно, какъ и слѣдовало, и, удостоивъ безчисленныхъ наградъ, отпустилъ; при чемъ послалъ онъ вмѣстѣ съ ними много денегъ Дуксу Венеціи ⁽¹⁾ и зависѣвшимъ отъ него начальникамъ.

3. Между тѣмъ Робертъ, какъ человекъ воинственный, считалъ нужнымъ не отказываться отъ войны, но упорно продолжать ее. Наступившая зима не позволяла ему вывести суда въ море; а съ другой стороны, шедшіе къ нему изъ Лонгобардіи корабли и везшіе оттуда продовольствіе задерживаемы были римскимъ и венеціанскимъ флотомъ, который старательно отрѣзывалъ имъ соединеніе съ Робертомъ. Когда же наступила весна ⁽²⁾ и морское волненіе успокоилось,—прежде всего снялись съ якорей Венеціане и устремились на Роберта; а потомъ присоединился къ нимъ съ римскимъ флотомъ

⁽¹⁾ Въ то время Дуксомъ Венеціи былъ Доминикъ Сильвій, подъ статуею котораго, по случаю этой побѣды, была слѣдующая надпись:

Obsesso repuli Guiscardum Marte Robertum

Dyrrachio, hinc dominum me vocat praesul Alexis.

⁽²⁾ То есть весна 1092 года.

и Морицъ (¹). Тогда произошло жесточайшее сраженіе, и воины Роберта дали тылъ. Вслѣдствіе сего Робертъ счелъ нужнымъ весь свой флотъ стянуть къ берегу; а между тѣмъ островитяне, жители приморскихъ крѣпостей и другихъ городовъ, доставлявшіе Роберту подати, ободрившись тѣмъ, что съ нимъ случилось, и узнавъ о его пораженіи на морѣ, неохотно стали подчиняться налогамъ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ вести войну съ большею энергіею и биться какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Но дѣло шло не по его желанію; боясь кораблекрушенія,—потому что въ то время дули сильные вѣтры,—онъ простоялъ безъ движенія два мѣсяца въ пристани Герихо, чтобы потомъ биться на сушѣ и на морѣ, и запасался необходимымъ для войны. Въ это время венеціанскій и римскій флоты, сколько было можно, сторожили переправу и, какъ скоро на морѣ хоть не много начиналъ дуть попутный вѣтеръ плавателямъ, тотчасъ преграждали путь шедшимъ къ Роберту кораблямъ. Воины его, расположенные по рѣкѣ Гликису, нелегко могли добывать продовольствіе и на сушѣ; потому что сидѣвшіе въ Диррахіѣ останавливали ихъ, когда они выходили изъ оконъ Роберта для сбора сѣна или другихъ припасовъ, такъ что имъ приходилось терпѣть голодъ. Притомъ сильно изнурялъ ихъ и непривычный климатъ того мѣста.

(¹) См. Визлг. Тирс. Арх. I. 4. Слѣдовательно во второй морской битвѣ Алексій, вопреки сказанію Петра Лукарда (Annal. Ragusin.), не участвовалъ, но во все это время находился въ Константинополь.

Поэтому въ теченіи трехъ мѣсяцевъ погибло ихъ, говорятъ, до десяти тысячъ человѣкъ. Та же болѣзнь постигла и Робертову конницу; множество народа погибло и въ ней. Между всадниками сдѣлались жертвою язвы и голода до пяти сотъ графовъ и военачальниковъ—людей сильнѣйшихъ, а низшихъ чиновъ безчисленное множество. Суда Робертовы, какъ сказано, введены были въ рѣку Гликисъ; но отъ недостатка воды эта рѣка обмелѣла, потому что зиму и слѣдовавшую за ней весну смѣнило жаркое лѣто,—и въ логовищѣ Гликиса вода почти совсѣмъ изсякла. Видя это, Робертъ пришелъ въ затруднительное состояніе и не зналъ, какъ опять спустить суда въ море. Но естественная его находчивость и сообразительность помогли ему: онъ приказалъ по ту и по другую сторону рѣки наколотить свай, густо связать ихъ хворостомъ, потомъ позади ихъ навалить срубленныхъ подъ корень огромныхъ деревьевъ, и сверху насыпать песку, чтобы воду сжать въ одно мѣсто и такимъ образомъ собрать ее въ одинъ протокъ, образуемый сваями. Тогда вода, возвышаясь понемногу, наполнила весь бассейнъ и достигла достаточной глубины, такъ что подняла лежавшіе дотолъ на землѣ корабли, и понесла ихъ своимъ теченіемъ. Отъ этого суда, получивъ ходъ, легко спустились въ море.

4. Узнавъ о дѣйствіяхъ Роберта, самодержецъ тотчасъ извѣстилъ письмомъ Пакуріана о неудержимомъ его стремленіи и о томъ, какъ онъ овладѣлъ Авлономъ, нисколько не озаботившись

ни бѣдствіями, случившимися съ нимъ на морѣ и на сушѣ, ни тѣмъ пораженіемъ, которое потерпѣлъ онъ, какъ говорится, на первомъ шагу; поэтому, писалъ Алексѣй, ты Пакуріанъ долженъ немедленно собрать свои силы и скорѣе соединиться со мною. Это приказывалъ онъ Пакуріану, а самъ тотчасъ въ мѣсяцѣ августѣ ⁽¹⁾, четвертаго индикта выступилъ изъ Константинополя, оставивъ въ столицѣ Исаака, чтобы онъ имѣлъ попеченіе о городскихъ дѣлахъ и, если со стороны враговъ послышатся возмутительныя рѣчи, какъ это обыкновенно бываетъ, не дозволялъ имъ распространяться, охранялъ царскій дворецъ и городъ, и вмѣстѣ успокоивалъ женщинъ, которыя такъ легко доступны печали. Что же касается до матери, то, я думаю, она не нуждалась ни въ какой помощи, потому что была весьма мужественна, и вообще ловка въ управленіи дѣлами. Получивъ письмо самодержца, Пакуріанъ назначилъ вторымъ по себѣ правителемъ Николая Врану, человѣка мужественнаго и въ воинскихъ дѣлахъ опытнѣйшаго, а самъ со всѣмъ войскомъ и знатнѣйшими людьми, немедленно выступивъ изъ Остеріады, спѣшилъ соединиться съ царемъ. Въ то же время и самодержецъ поставилъ все войско въ военное положеніе и, назначивъ военачальниками отрядовъ самыхъ мужественныхъ людей, приказалъ имъ, гдѣ позволитъ мѣсто, совершать походъ такъ, чтобы

(1) Слѣдовательно Алексѣй отправился съ войскомъ изъ Константинополя въ томъ же году, въ которомъ Робертъ прибылъ въ Иллирикъ. Ducange ad h. l.

всѣ, зная общее расположеніе арміи, и каждый въ ней свое мѣсто, во время самой битвы не допускали взаимнаго смѣшенія и безъ нужды не перемѣняли диспозиціи, какъ вздумается. Надъ отрядомъ экскубитовъ ⁽¹⁾ начальствовалъ Константинъ Опъ, надъ македонскимъ—Антиохъ, надъ ѳессальскимъ—Александръ Кавасила; а Татикій ⁽²⁾, въ то время великій Примикирій ⁽³⁾, командовалъ жившими около Ахриса ⁽⁴⁾ Турками: это

⁽¹⁾ Экскубитами назывались стражи и имѣли различное назначеніе, смотря по тому, что было частнымъ предметомъ экскубит. Подъ именемъ экскубитъ въ древности разумѣли пожарную команду, (Paulus 7 c. l. 1 de Offic. Praefecti vigil.) и стражу, охранявшую общество отъ мятежей (Virg. Aen. l. 9 v. 139). Впослѣдствіи экскубією стали называть наемную стражу тиранновъ, получавшую приказаніе захватывать общественное имущество, и раздѣляли ее на дневную и ночную. (Cuiropal. l. de Offic. Constant. p. 85. Jsid. Hispal. Etymol. l. 3. c. 3. Aurel. Cassiod. l. 11. ep. 19). Такая стража бывала и у древнихъ Грековъ. Спартанцы освобождали отца отъ должности экскубита, если у него было три сына. Экскубиты, обходя городъ ночью, звенѣли въ колокольчикъ и на звонъ его надлежало отвѣчать (Nadr. Iunius). Какъ при домахъ частныхъ лицъ ночью сидѣли привратники, такъ при царскихъ дворцахъ—экскубиты (Propert. l. 4. Fleg. 1 v. 145). Hoffman lex. v. Excubiae. Въ этомъ мѣстѣ Анна называетъ экскубитами или царскихъ тѣлохранителей, или передовую стражу войска.

⁽²⁾ Это былъ тотъ самый Татикій, великій Примикирій ахрисскихъ или вардаріотскихъ Турковъ, котораго по происхожденію Анна почитаетъ Сарациномъ и который былъ сверстникомъ и совоспитанникомъ Алексѣя (l. 4. № 20). Впослѣдствіи онъ посланъ былъ съ войскомъ сопровождать въ Іерусалимъ Готфрида и Франковъ. Albertus Aq. называетъ его Tatinum truncatae naris (l. 2 cap. 12. 37); Raymundus de Agiles—Tatic naribus truncus et omni virtute; Baldricus l. 11 Tatingus. Alii aliter.

⁽³⁾ О Примикиріѣ см. Комнина стр. 46. Этимъ именемъ называемъ былъ при константинопольскомъ дворѣ преимущественно префектъ союзныхъ Вардаріотянъ, или ахрисскихъ Турковъ, жившихъ по македонской рѣкѣ Вардарію. Codin. de Offic. cap. 5. № 54. А префектомъ ихъ тогда былъ Татикій, тоже ахрисскій Турокъ и Вардаріотъ.

⁽⁴⁾ Ахрисъ—митрополия македонской Болгаріи, πόλις ἀσπίριος ὑπὸ τῇ Περίαν τὸ δρος χεῖμένῃ. Cantacus. l. 2 cap. 20. Онъ стоялъ на высокомъ

былъ человѣкъ въ бояхъ мужественный и неустрашимый, хотя по своимъ предкамъ принадлежалъ и не къ свободному состоянію; потому что отецъ его, Сарацинъ, бывъ взятъ въ плѣнъ, достался по жребію моему дѣду по отцу—Іоанну Комнину. Военачальниками Манихеевъ ⁽¹⁾, которыхъ считалось до двухъ тысячъ восьми сотъ, были Ксанта и Кулеонъ, которые и сами держались той же ереси; всѣ эти люди были весьма воинственны, всегда готовы отвѣдать крови враговъ, если представлялся къ тому случай,—и кромѣ того упрямы и безстыдны. Надъ собственными же воинами царя, которыхъ обыкновенно называютъ вестіаритами ⁽²⁾ и надъ франк-

холмъ, близъ большого озера, изъ котораго съ сѣверной стороны вытекаетъ Дринъ или Дримонъ (Niceph. Call. I. 17 с. 28). и сперва назывался, какъ нѣкоторые думаютъ, Лихнидомъ, потомъ Верединою, а наконецъ получилъ имя Ахриса или Ахриды, и это названіе, по свидѣтельству Анны (I. 12 р. 294), давно было ему болгарскимъ царемъ Мокромъ. Ducange ad h. l.

(1) Подъ именемъ Манихеевъ или Павликианъ здѣсь разумѣются жители въ окрестностяхъ Филиппополя. Это были переселенцы изъ Арменіи и Азіи, которыхъ перевелъ во Фракію Константинъ Копронимъ. Теофанъ говоритъ также, что сирійскихъ еретиковъ, то есть Павликианъ, переселялъ во Фракію и Левъ сынъ Копронима. О филиппопольскихъ Манихеехъ упоминаетъ и Скилица (р. 866). Carol. du Fresne ad h. l.

(2) Вестіариты—одно ли и тоже съ Вестіаріями? Справедливо, что дѣло Вестіаріевъ состояло въ завѣдываніи царскимъ гардеробомъ; тѣмъ же дѣломъ занимались и Вестіариты. У Кедрина (An. XXII Justiniani) читаемъ: *προχόνον γενομένη ἐν τῷ ἐρδόμενῳ, ἀπόλεσαν οἱ Βεστιαρίται τὸ πένθος τῆ Βασιλείας*. Но въ этомъ мѣстѣ Теофанъ употребляетъ слово *οἱ Βεστιαρίται*, нерѣдко встрѣчающееся въ древнихъ надписяхъ. Подъ именемъ Вестіаритовъ Анна, повидимому, разумѣетъ придворныхъ служителей *δικοιότερες*, которыхъ Франки называли тогда *familiares*, либо даже людей благородныхъ, избранныхъ изъ царскаго дома, и завѣдывавшихъ одеждою царя. Объ этой должности упоминаетъ Пахимеръ (I. 1. сар. 20, I. 6. сар. 19, I. 9. сар. 8). Что же касается до Вестіа-

скими отрядами начальствовали Панукомитъ и Константинъ Убертопулъ, получившій это прозваніе отъ своего рода. Распредѣливъ такимъ образомъ войска, царь выступилъ со всѣми имъ противъ Роберта. Встрѣтившись съ однимъ человѣкомъ, который шелъ оттуда, и освѣдомившись о томъ, что дѣлается въ Диррахіѣ, онъ опредѣленно узналъ слѣдующее: «Робертъ придвинулъ къ стѣнамъ всѣ нужныя для осады города орудія; а Георгій Палеологъ, день и ночь противустоявшій общему дѣйствію машинъ и всѣмъ ухищреніямъ враговъ, наконецъ ослабѣлъ и, отворивъ ворота, вышелъ изъ города и далъ Роберту жестокое сраженіе. Въ этомъ сраженіи онъ былъ тяжело раненъ въ разныхъ мѣстахъ тѣла, и особенно стрѣлою около виска. Усиливаясь извлечь ее и не могли, призвалъ онъ одного врача и извлекъ верхнюю ея часть, то есть наконечникъ, въ который вставляются перья, а осталая часть осталась въ ранѣ. Перевязавъ голову, какъ позволяло время, онъ опять ринулся въ средину враговъ, сражался до поздняго вечера и стоялъ непоколебимо». Услышавъ это и узнавъ, что ему нужна скорая помощь, царь ускорилъ свой походъ. Достигнувъ Фессалоники, онъ отъ многихъ еще подробнѣе освѣдомился о дѣйствіяхъ Роберта, что, то есть, Робертъ, совсѣмъ приготовился и, собравъ какъ храбрыхъ воиновъ, такъ и большое количество матеріаловъ на рав-

рѣвъ, токъ нимъ прилагалось это названіе, кажется, какъ достоинство или почетный титулъ. Anastas. in Vitis PP. Edit. Reg. p. 114, 213, 249, 283, 285, 292.

нину близъ Диррахіа, обвелъ то мѣсто оградою на такомъ разстояніи отъ стѣнъ города, какое можетъ пролетѣть стрѣла, значительную же часть своихъ силъ помѣстилъ около горъ, долинъ и холмовъ. Отъ многихъ слышалъ также царь и объ усердіи Палеолога, что, то есть, Палеологъ, намѣренъ былъ сжечь приготовленную Робертомъ башню и, заготовивъ на стѣнахъ нефти, смолы, сухихъ дровъ и камнеметныхъ орудій, ожидалъ только сраженія. Ожидая Роберта на слѣдующій день, онъ поставилъ предварительно приготовленную имъ внутри деревянную башню прямо противъ той, которая должна была придвинуться къ стѣнамъ отвиѣ, и всю ночь испытывалъ дѣйствіе лежавшаго на ней бруса, который надлежало направить противъ дверей внѣшней башни, и наблюдалъ, легко ли онъ движется и можетъ ли, ударяя прямо въ двери, помѣшать имъ свободно отворяться. Увидѣвъ, что брусъ приводится въ движеніе свободно и дѣло удалось, онъ уже смѣло ожидалъ предстоящаго сраженія. На другой день Робертъ велѣлъ всѣмъ вооружиться и ввелъ въ башню около пяти сотъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ въ полномъ вооруженіи. Башня была придвинута къ стѣнѣ, и воины хотѣли уже отворить верхнюю дверь, чтобы, употребивъ ее вмѣсто моста, войти въ крѣпость. Но Палеологъ, при помощи заранѣе приготовленныхъ машинъ и многихъ храбрыхъ воиновъ, приведши въ движеніе бывший на внутренней башнѣ огромный брусъ, сдѣлалъ машину Роберта недействительною; потому что брусъ никакъ

не позволялъ непріателямъ отворить дверь своей башни. Послѣ сего онъ ни на одно мгновѣніе не переставалъ поражать ударами стоявшихъ на башнѣ Кельтовъ, и они, не вынося его ударовъ, начали прятаться внутрь ея. Тутъ приказалъ онъ зажечь эту башню и еще не успѣлъ отдать приказаніе, какъ она уже пылала. Тогда бывшіе на верху башни стали бросаться на землю, а находившіеся въ нижней ея части, отворивъ нижнюю дверь, убѣгали. Видя ихъ бѣгство, Палеологъ черезъ дверь въ стѣнѣ крѣпости вывелъ мужественныхъ воиновъ въ полномъ вооруженіи, а другихъ выслалъ съ топорами, чтобы изрубить ими деревянную башню. И это не удалось ему: верхнюю часть башни онъ сожегъ, а нижнюю совершенно разрушилъ ломами.

5. Передававшій это прибавилъ, что Робертъ снова сѣгнѣшить устроить башню, подобную прежней, и для осады Диррахіа приготовляетъ машины. Изъ этого царь увидѣлъ, что находящимся въ Диррахіѣ нужна скорая помощь, и, приведши въ порядокъ свои силы, двинулся къ Диррахію. Прибывъ сюда, онъ окопался рвомъ, поставилъ войска близъ рѣки, называемой Харзанисомъ ⁽¹⁾, и тотчасъ черезъ пословъ спросилъ Роберта, для чего онъ пришелъ, и какое его намѣреніе. Отсюда онъ отправился къ храму, воздвигнутому во имя величайшаго во іерархахъ

(1) Рѣка Харзанисъ въ древности, если не ошибаюсь, называлась Паніасомъ. Она при Диррахіѣ раздѣляется на два рукава, изъ которыхъ одинъ сохраняетъ имя Арзенты. Carol. du Fresne. ad h. l.

Николая, отстоящему отъ Диррахіа на четыре стадіи, и осмотрѣлъ мѣстоположеніе, чтобы нанередъ занять удобнѣйшее мѣсто для помѣщенія фалангъ во время битвы. Тогда былъ нятнадцатый день мѣсяца октября. По той мѣстности тянулся горный хребетъ, простиравшійся отъ Далмаціи до моря, и оканчивавшійся мысомъ, подобнымъ полуострову. На этомъ-то мысѣ и построены былъ упомянутый храмъ. Покатость хребта, постоянно склоняясь, соединялась съ диррахійскою долиною; по лѣвую ея сторону находилось море, а по правую высокая, нависшая надъ нею гора. Приведши сюда все войско и поставивъ здѣсь лагерь, онъ звалъ къ себѣ и Георгіа Палеолога. Но, пріобрѣтши съ давняго времени опытность въ военныхъ дѣлахъ, Георгій не нашелъ этого полезнымъ и, отказавшись выйти изъ крѣпости, причину своего отказа объяснилъ царю. Когда же царь опять звалъ его съ большею настойчивостью, онъ отвѣчалъ: «мнѣ кажется весьма гибельнымъ выйти изъ осаждаемой крѣпости, и, если я не увижу перстня съ твоей царской руки, то не выйду». Перстень былъ посланъ, и онъ, взявъ на него, отправился къ царю на военныхъ судахъ. Увидѣвшись съ Георгіемъ, царь сталъ спрашивать его о дѣйствіяхъ Роберта. Когда же Георгій объяснилъ все, онъ спросилъ, должно ли отваживаться на войну съ Робертомъ. Палеологъ отвѣчалъ отрицательно; да и другіе, долговременными трудами пріобрѣтшіе опытность въ военныхъ дѣлахъ, настоятельно

сопротивлялись этому, советуя постоянно стараться посредством легких нападений отвратить Роберта, не позволяя его людям выходить из лагерь для фуражировки, или грабежа, это же приказать дѣлать и Вадиму и Далматамъ, и прочимъ воеводамъ близлежащихъ мѣстъ, и утверждали, что такимъ образомъ Робертъ будетъ легко побѣжденъ. Но большая часть бывшихъ въ войскѣ молодыхъ людей желала войны, и пособоенно Констанцій Порфирородный, Никифоръ Синадитъ, начальникъ Варяговъ Набитъ, и даже сыновья прежде царствовавшего Романа Диогена—Левъ и Никифоръ ⁽¹⁾. Въ это время возвратились и отправленные къ Роберту послы и устно передали царю его отвѣтъ. «Я, говорилъ онъ, выступилъ вовсе не противъ твоего величества, но болѣе для того, чтобы отмстить за обиду, нанесенную моему свату. И если ты хочешь мира со мной, то и я желаю того же, лишь-бы ты согласился исполнить то, что объявлять тебѣ мои послы». Но такъ какъ онъ требовалъ совершенно невозможнаго и вреднаго для римскаго царства, хотя и обѣщалъ, что если получить требуемое, то и самую Лонгобардію признаетъ какбы даромъ царя, и будетъ помогать ему, когда въ томъ окажется нужда (а это было притворство, чтобы показать видъ просьбы, будто онъ

(1) Романъ Диогенъ отъ царицы Евдокіи имѣлъ двухъ сыновей: первый былъ Левъ Диогенъ, женившійся на сестрѣ царя Алексѣя, Θεοδορῆς; другой Никифоръ Диогенъ, котораго Алексѣй обличилъ въ заговоръ и ослѣпилъ. Anna I. 9. Zonaras p. 238 см. Врѣни: кн.1. № 29.

самъ желаетъ мира, и, между тѣмъ предлагая невыполнимое и получивъ отказъ, вступить въ войну, и потомъ причину войны сложить на римскаго царя); то и не хотѣли склониться на примиреніе. Итакъ, потребовавъ невозможнаго и не получивъ согласія, Робертъ созвалъ всѣхъ графовъ и сказалъ имъ: «вы знаете объ обидѣ, какая нанесена моему свату царемъ Никифоромъ Вотаниатомъ, и о безчестіи, какое потеряла моя дочь Елена, изгнанная съ нимъ изъ царства. Не снося этого, мы вышли изъ своей страны противъ Вотаниата, чтобы отмстить за нихъ. Но онъ лишился власти, и теперь царствуетъ молодой, мужественный воинъ, имѣющій опытность въ воинскомъ искусствѣ выше своихъ лѣтъ. Поэтому мы не должны начинать съ нимъ войны, какъ понало; ибо гдѣ многоначаліе, тамъ и смѣшеніе, тамъ во множествѣ властвующихъ проявляется различный образъ мыслей. Итакъ на всѣхъ насъ лежитъ обязанность повиноваться кому-нибудь одному между нами; а этотъ одинъ съ своей стороны долженъ спрашивать совѣта у всѣхъ, не дѣйствуя безпечно, по собственнымъ мыслямъ, какъ случится; прочіе же обязаны съ прямою высказывать ему свои мнѣнія, слѣдуя вмѣстѣ и волѣ избраннаго. И вотъ я первый готовъ повиноваться тому, кого выберете всѣ вы». Графы похвалили его совѣтъ и, сказавъ, что Робертъ говоритъ хорошо, съ общаго согласія предоставили первенство ему. Онъ, какбы не желая этого, отказывался отъ такой чести. Но они съ своей стороны еще бо-

лѣе настаивали и просили. Тогда, показывая видъ, что уступаетъ только ихъ убѣжденіямъ,— хотя издавна стремился къ этому,—онъ началъ плодить слова, ловко соединялъ причины съ причинами и, между тѣмъ какъ никто не проникалъ въ его душу, повидимому противъ воли шелъ къ тому, чего на самомъ дѣлѣ желалъ страстно. Наконецъ онъ сказалъ имъ: «прислушайтесь къ моему мнѣнію, графы и прочее войско. Такъ какъ мы, оставивъ отечественныя свои области, пришли сюда, и намъ предстоитъ битва съ царемъ мужественнѣйшимъ, который хотя недавно принялъ кормило царства, но уже и при прежнихъ царяхъ побѣдилъ многихъ враговъ и къ этимъ царямъ плѣнниками привелъ величайшихъ мятежниковъ; то намъ къ этой борьбѣ должно приложить всю душу. И если Богъ даруетъ намъ побѣду, то мы уже не будемъ нуждаться въ деньгахъ. По сему намъ должно съечь всю рухлядь, а грузовыя суда ⁽¹⁾ просверлить и потопить, и начать войну такъ, какбы только родились и хотимъ умереть». На это всѣ согласились.

6. Таковы были мысли и намѣренія Роберта. Но мысли и намѣренія самодержца были еще хитрѣе и остроумнѣе. Впрочемъ оба вождя удерживали войска отъ столкновений, пока дѣлали

⁽¹⁾ Тоже самое рассказываетъ и Malaterra (l. 3 cap. 27): *Dux vero videns belli certamen imminere. ut suis omnem spem fugae auferendo ad defensionem sui ardentius inflammaret, naves suas a mari projectas omnes combussit, ne forte cum acrius praelium nostris immineret, timidi certamen declinado, spe transmeandi, illorsum transfugerent.*

соображенія касательно управленія и начальствованія войскомъ, чтобы потомъ управлять и начальствовать съ знаніемъ дѣла. Самодержецъ намѣревался напасть на лагерь Роберта съ двухъ сторонъ, притомъ внезапно, въ ночное время, — и для того приказалъ всему иво-земному войску, прошедши морскимъ берегомъ, устремиться на непріятелей сзади и, для избѣжанія подозрѣнія, требовалъ, чтобы оно сдѣлало большой обходъ. Самъ же онъ хотѣлъ напасть на Роберта спереди, какъ скоро узнаетъ, что посланные воины достигли мѣста своего назначенія. Оставивъ палатки пустыми и перешедши ночью черезъ мѣсть (тогда былъ осмнадцатый день истекавшаго мѣсяца октября, пятаго индикта), онъ прибылъ со всемъ войскомъ къ приморскому храму, построенному въ древности во имя мученика Феодора. Здѣсь, посвятивъ всю ночь умиловленію Бога, они причастились пречистыхъ божественныхъ тѣлъ. Между тѣмъ Робертъ, построивъ свои фаланги, самъ держалъ центръ арміи; крыло со стороны моря ввѣрилъ графу Амикету ⁽¹⁾ (этотъ графъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ, отличался мужествомъ, силою и умомъ); а другое — сыну своему Боэмунду, по прозванію Саниску. Узнавъ объ этомъ и хорошо умѣя въ мгновеніе ока угадывать, что полезно сдѣлать, самодержецъ перемѣнилъ

(1) О графѣ Амикетѣ упоминаетъ также безымянный писатель Барской хроники MLXVIII. Амикетъ былъ, повидимому тотъ самый, котораго Вильгельмъ Апул. неоднократно называетъ Amicus Comes. Carol. du Fresne ad h. l.

свой планъ сообразно съ обстоятельствами и поставилъ свои войска на склонѣ горы около моря. Но раздѣленіе войска уже произошло; ибо онъ не остановилъ варваровъ, шедшихъ къ палаткамъ Роберта, чтобы сдѣлать на нихъ нападеніе, а только удержалъ воиновъ, носившихъ на плечахъ обоюдоострые мечи и состоявшихъ подъ начальствомъ Набита, приказавъ имъ сойти съ коней и идти впередъ другъ за другомъ на маломъ разстояніи. Всѣ эти воины имѣли щиты. Потомъ, раздѣливъ прочее войско на фаланги, самъ онъ взялъ въ управленіе центръ арміи, а справа и слѣва поставилъ начальниками фалангъ Никифора Мелиссинскаго и великаго Доместика, по имени Пакуріана. Средину между его фалангою и спѣшившимися варварами занимали воины искусные въ стрѣльбѣ, и ихъ напередъ хотѣлъ онъ послать противъ Роберта, приказавъ Набиту, чтобы его отрядъ, сдѣлавъ нападеніе на Кельтовъ и возвращаясь опять, тотчасъ разошелся на обѣ стороны и далъ имъ мѣсто, а потомъ снова соединился и сомкнулъ щиты. Распорядившись такимъ образомъ относительно всего войска, самъ онъ пошелъ по берегу противъ передней части кельтскихъ отрядовъ, а посланные варвары, прошедши пространство, лежащее близъ моря, когда и бывшіе внутри Диррахія, по приказанію самодержца отворили ворота, тотчасъ напали на кельтскія палатки. Между тѣмъ вожди шли другъ противъ друга. Робертъ выслалъ нѣсколько отборныхъ всадниковъ и приказалъ имъ начать

битву, если только успѣютъ выманить кого-нибудь изъ римскаго войска. Царя это не затруднило: онъ противопоставилъ имъ значительный отрядъ пращниковъ. Тѣ и другіе обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами; и такъ какъ Робертъ понемногу приближался, и разстояніе между ними все болѣе стѣнялось, то изъ фаланги Амикета выступили впередъ пѣшіе и конные и напали на одно крыло Набитова отряда. Это крыло встрѣтило ихъ мужественно, и тѣ трусы бросились бѣжать,—ибо не всѣ были строевые,—и вбѣжавши въ море по шею, старались подойти къ кораблямъ римскаго и венеціанскаго флота, чтобы найти тамъ спасеніе, однакожъ не были приняты ими. Тогда Гаита ⁽¹⁾, какъ говоритъ молва, наложница Роберта, послѣдовавшая за нимъ на войну, другая Паллада, хотя и не Аѳина, увидѣвъ бѣгущихъ, устремила на нихъ строгій взглядъ и громко закричала, только что не произнося на своемъ языкѣ Омирова стиха: «долго ли будете вы бѣжать? Остановитесь, будьте мужами». Но видя, что они все еще бѣгутъ, она взяла длинное копьѣ и во весь опоръ пустилась за бѣглецами. Замѣтивъ ее и пришедши въ себя, они снова вступили въ борьбу. Между тѣмъ бердышники и самъ военачальникъ ихъ Набитъ, по неопытности и горячности ускоривъ преслѣдованіе, удалились на значительное разстояніе отъ римскаго строя, потому что спѣшили

(1) Тоже рассказываетъ и Вильгельмъ Анул., что въ этомъ сраженіи участвовала жена Роберта, какъ Амазонка, и была ранена. Carol. du Fresne ad h. l.

противупоставить Кельтамъ равное мужество, такъ какъ они были не менѣ мужественны въ битвахъ и въ этомъ отношеніи не уступали имъ. Замѣтивъ, что бердышники уже утомились и запыхались, въ чемъ могли убѣдить и быстрота ихъ движенія, и разстояніе, и тяжесть оружія, Робертъ приказалъ одной части своей пѣхоты нанастъ на нихъ. И такъ какъ они устали, то и оказались слабѣ Кельтовъ. Тогда всѣ варвары пали, а которые изъ нихъ спаслись, тѣ убѣжали къ храму Архистратига Михаила (¹); и одни вошли въ храмъ въ такомъ количествѣ, какое онъ могъ только вмѣстить, другіе взошли на верхъ храма и думали тамъ найти спасеніе. Но Латиняне, подложивъ огня, сожгли ихъ всѣхъ, вмѣстѣ съ храмомъ. Впрочемъ остальная часть римской фаланги продолжала упорно сражаться съ ними. Поэтому Робертъ, какбы какой крылатый всадникъ, взявъ остальные свои силы, устремился на римскую фалангу и, прогнавъ ее, раздѣлилъ на многія части. Въ этой битвѣ одни изъ его противниковъ пали сражаясь, а другіе искали спасенія въ бѣгствѣ. Царь Алексѣй стоялъ, какъ неподвижная башня, хотя многихъ изъ числа бывшихъ съ нимъ мужей, отличавшихся и родомъ и воинскою опытностію, уже не существовало. Тутъ палъ Констанцій (¹), сынъ прежде царствовав-

(¹) По Малатеррѣ, это былъ вышеупомянутый храмъ Чудотворна Николая, а не Архистратига Михаила. Carol. du Fœsne ad h. l.

(²) То есть Констанцій Порфирородный, сынъ царя Константина Дуки отъ Евдокіи, братъ Михаила Параниація, думаю, тотъ самый, ко-

шаго Константина Дуки, родившійся не тогда, когда этотъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, но и рожденъ и воспитанъ въ порфирѣ, и въ тоже время удостоенъ отцемъ царскихъ украшеній; тутъ пали — и Никифоръ по имени, по прованію же Синадинъ, человѣкъ мужественный и красивѣйшій, въ сраженіи того дня хотѣвшій превзойти всѣхъ (съ нимъ часто говорилъ о бракѣ съ своею сестрою упомянутый уже Констанцій), — и отецъ Палеолога Никифоръ, и другіе люди знаменитые; Захарія получилъ смертельный ударъ въ грудь и тотчасъ послѣ удара испустилъ духъ; таже участь постигла и Аспіетѣ, и многихъ превосходныхъ воиновъ. До окончанія битвы, три знатныхъ Латинянина, одинъ упомянутый уже Амикетъ, другой — Петръ Алифскій ⁽¹⁾, какъ онъ самъ себя называлъ, и третій, который былъ ничѣмъ не хуже ихъ, увидѣвъ, что царь еще сопротивляется, вооружились длинными копьями и устремились на него во весь опоръ. Амикетъ не попалъ въ ца-

который у Зонары и Скилицы называется Константиномъ. Эти писатели доводятъ, что у Константина было шестеро дѣтей: три сына и столько же дочерей. Сыновья его Михаилъ и Андроникъ родились, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, а Константинъ — во время его царствованія. Этотъ послѣдній былъ посланъ Вотаниатомъ на Востокъ, для отраженія Турковъ, возмутилъ противъ него римское войско, и самъ облекся въ порфиру, но потомъ былъ выданъ Вотаниату и заточенъ въ монастырь; по смерти же этого государя возвратился къ прежнимъ должностямъ и въ сраженіи при Диррахіѣ былъ убитъ. Carol. du Fresne ad h. l.

(1) Этого Петра Алифскаго Ордерикъ (l. 7 p. 643) называетъ Francigena. Алифскимъ онъ названъ по имени одного замка въ викаріатствѣ баріолейскомъ, и былъ родственникомъ вышеупомянутаго Amici Comitit. Подробности см. Carol. du Fresne ad h. l.

ря, потому что конь его немного уклонился въ сторону; копье другого Кельта дарь отразилъ мечемъ и, напрягну руку, нанесъ ему такой ударъ въ ключицу, что отсккъ его руку отъ остальнаго тѣла; третій направилъ ударъ прямо ему въ лобъ, но царь, сохраняя твердость и спокойствіе духа и нисколько не смутившись, своимъ быстрымъ умомъ мгновенно сообразилъ, что надобно ему слѣдовать, и тотчасъ, какъ увидѣлъ направленный на себя ударъ, легъ навзничъ на спину коня. Поэтому острие копья только опаралось немного кожу его тѣла, запуталось въ верхушкѣ шлема и, разорвавъ у подбородка ремень, придерживавшій шлемъ, сбilo его на землю. Кельтъ устремился было на царя, думая, что низвергъ его съ коня, но онъ, тотчасъ выпрямившись, усѣлся крѣпко на сѣдлѣ и не оставилъ при этомъ никакого оружія. Въ правой рукѣ держалъ онъ обнаженный мечъ, окрашенный собственно кровью, голова у него была открыта, золотистые солнечнаго цвѣта волосы его ниспадали на глаза и беспокоили его, тѣмъ болѣе, что конь, горячася, выплевывая удила и содрогаясь, способствовалъ его локонамъ еще безпорядочнѣе раскидываться по лицу. Но оправившись, сколько могъ, онъ противостоялъ врагамъ. Между тѣмъ увидѣлъ онъ, что Турки предались бѣгству, и самъ Водинъ отступаетъ, не принимая участія въ сраженіи. Этотъ послѣдній вооружился и, поставивъ свое войско въ боевой порядокъ, велъ себя въ этотъ день такъ, какбы намѣревался помогать само-

держцу согласно съ бывшимъ между ними договоромъ; на самомъ же дѣлѣ, повидимому, ожидалъ, чтобы, если въ рѣшительную минуту узнаеть, что самодержецъ получить побѣду, и самому напасть на Кельтовъ, въ противномъ же случаѣ остаться спокойнымъ и возвратиться назадъ. Имѣя такой замысль, обнаружившійся тѣмъ, что произошло, и узнавъ, что Кельты совершенно одерживаютъ побѣду, онъ вовсе не принялъ участія въ битвѣ и поспѣшно возвратился домой. Видя это и замѣчая, что никто не помогаетъ ему, самодержецъ и самъ показаль тылъ врагамъ. Такимъ образомъ Латиняне обратили римское войско въ бѣгство.

7. Овладевъ храмомъ св. Николая, около котораго находилась и царская палатка, и весь обозъ римскаго войска, Робертъ послалъ—какихъ только имѣлъ—лучшихъ воиновъ преслѣдовать царя, а самъ оставался на томъ же мѣстѣ, мечта о взятіи самодержца въ плѣнъ. Такія—то мечты воспламеняли безмѣрное его тщеславіе. Воины весьма мужественно преслѣдовали царя до одного мѣста, которое туземцы называютъ Каки-Плевра. Положеніе этого мѣста таково: внизу течетъ рѣка, называемая Харзанисомъ, а сверху виситъ высокая скала. Между этою-то рѣкой и скалой они настигли его, нанесли ему нѣсколько ударовъ копьями по лѣвому боку (всѣхъ ихъ было девять человѣкъ) и заставили склониться на правую сторону. Быть можетъ, онъ и упалъ бы, если бы не поспѣшилъ опереться о землю мечемъ, который держалъ въ пра-

вой рукѣ; да и остріе шпоры на лѣвой ногѣ, вонзившись въ край сѣдла, называемый попоною, еще болѣе укрѣпило всадника въ сѣдлѣ; притомъ лѣвою рукою ухватился онъ за гриву коня и этимъ помогъ себѣ. Впрочемъ тутъ явилась ему на помощь божественная сила, и дивно спасла его отъ враговъ: по ея мановенію съ правой стороны показались другіе Кельты и направили противъ него копьа. Устремивъ концы копьевъ въ правый его бокъ, они внезапно выпрямили воина и посадили его на средину сѣдла. Это было необычайное чудо. Находившіеся на лѣвой сторонѣ старались низвергнуть его, а другіе, устремляя копьа въ правый бокъ, какъ бы сопротивляясь первымъ и противопоставляя копьа копьамъ, привели царя въ прямое положеніе. Крѣпко усявшись и сжавъ ногами коня и сѣдло, онъ тутъ показалъ свое мужество. Конь его, съ одной стороны весьма горячій и твердоногій, а съ другой очень привычный и приученный къ битвамъ (говорили, что Алексѣй взялъ его вмѣстѣ съ пурпуровою попоною у Вріеннія, когда послѣдній еще въ царствованіе Никифора Вотаниата во время битвъ попался ему въ плѣнъ), просто же сказать, вдохновенный божественнымъ Промысломъ, вдругъ бросается, летитъ по воздуху и становится на краю упомянутой скалы, будто крылатый, подобный въ баснѣ крылатому Пегасу (Вріенній называлъ этого коня Сгурицомъ) (1); такъ что коня вар-

(1) Такъ названъ былъ Вріеннѣвъ конь по его цвѣту, ибо у новѣйшихъ Грековъ *συγρος* значитъ темный или черный. Carol. du Fresn. ad h. l.

варовъ, пущенныя изъ рукъ, либо исчезали въ пустотѣ, либо вонзались въ части царской одежды и, оставшись здѣсь, неслись по воздуху вслѣдъ за конемъ. Прикасавшійся къ себѣ коня царь тотчасъ отскаки и, не позволяя душѣ ни смутиться среди такихъ опасностей, ни помрачиться въ мысляхъ, быстро соображалъ и чудесно ускользнулъ изъ среды ихъ. А Кельты стояли, разинувъ рты отъ изумленія предъ тѣмъ, что совершилось; да и стоило изумляться. Наконецъ, увидѣвъ, что царь обратился въ другую сторону, они опять погнались за нимъ. Тогда онъ, преслѣдовавшимъ его воинамъ долго показывавшій тылъ, вдругъ повернулъ коня и встрѣтившись съ однимъ изъ преслѣдователей, пронзилъ ему копьемъ грудь, такъ что воинъ тотчасъ же навзничь упалъ на землю. А царь опять-назадъ, и продолжалъ прежній путь. Тутъ встрѣтился онъ съ немалымъ числомъ Кельтовъ, которые впереди его преслѣдовали римскія силы. Увидѣвъ его издали, они остановились толпою, чтобы дать отдыхъ конямъ и вмѣстѣ взять его живымъ и привести къ Роберту, будто какую добычу. Убѣгая отъ заднихъ своихъ преслѣдователей и видя переднихъ, царь потерялъ было надежду спастись, но когда, собравшись съ духомъ, замѣтилъ посреди другихъ одного челоуѣка и, по блеску, издаваемому его одеждою и оружіемъ, заключилъ, что это—Робертъ, вдругъ далъ направленіе своему коню и устремился на него. Тоже сдѣлалъ съ своей стороны и этотъ челоуѣкъ и направилъ противъ него.

копье. Такимъ образомъ оба, выскочивъ на средину, напали другъ на друга. Самодержецъ первый протянулъ руку и ударилъ его копьемъ; оно тотчасъ черезъ грудь прошло въ спину, и варваръ тутъ же упалъ на землю и испустилъ дыханіе, потому что рана его была смертельна. Послѣ сего царь, разрѣзавъ фалангу, проскакалъ посреди ея и чрезъ убіеніе этого варвара, доставилъ себѣ безопасность. Увидѣвъ, что раненый упалъ на землю, Кельты окружили лежащаго, и занялись имъ. Да и задніе преслѣдователи царя, замѣтивъ это, сошли съ коней и, узнавъ мужа, завопили и предались скорби. Впрочемъ это былъ не Робертъ, а одинъ изъ знатныхъ людей, второй послѣ него. Между тѣмъ какъ они заняты были убитымъ, царь продолжалъ путь далѣе.

8. Но увлекшись содержаніемъ исторіи и необычайностію событій, я и забыла, что пишу о подвигахъ моего отца. Не желая сдѣлать повѣствованіе подозрительнымъ, я часто умалчиваю о нихъ, не исчисляю множества ихъ и не распространяюсь въ разсказѣ. О, если бы я была свободна и отрѣшена отъ этой привязанности къ отцу! Тогда какбы пожирая множество лежащаго мнѣ матеріала, я показала бы, какъ гибокъ мой языкъ и привыченъ къ изображенію доблестей! Но мое рвеніе сдерживается врожденною заботливостію, какъ бы не показалось многимъ, будто, говоря съ участіемъ о близкихъ мнѣ людяхъ, я подаю поводъ подозрѣвать себя въ баснословіи. Часто вспоминая объ

отцовскихъ подвигахъ, я изливала бы самую душу, и пересказывая, въ какихъ бывалъ онъ опасностяхъ, не пропустила бы ни одного случая безъ элегіи и слезъ. Но, чтобы не допустить какой риторской пышности въ этихъ частяхъ повѣствованія, я, будто безстрастный адамантъ или камень, прохожу молчаніемъ бѣдствія моего отца. Вѣдь и мнѣ, какъ тому Омирову юношѣ (ибо я не хуже того, который говоритъ: «клянусь не Зевсомъ, Агелай, а страданіями моего отца»), слѣдовало бы клясться ими, чтобы быть и называться отцелюбивою. Но привязанность къ отцу пусть останется мнѣ одной; пусть я одна буду удивляться ему и плакать: исторія пойдетъ своимъ порядкомъ. Послѣ того Кельты направили путь къ Роберту. Увидѣвъ, что они возвращаются съ пустыми руками, и узнавъ, что случилось съ ними, онъ сильно обвинялъ всѣхъ ихъ, а одному знатнѣйшему угрожалъ даже наказаніемъ, называя его трусомъ и невѣждою въ военныхъ дѣлахъ. Этотъ уже думалъ, что потерпитъ всѣ несчастія за то, что вслѣдъ за конемъ не вскочилъ на скалу, и либо не умертвилъ царя Алексѣя ударомъ, либо не взялъ его живымъ. Робертъ былъ съ одной стороны человѣкъ мужественнѣйшій и весьма любилъ опасности, но съ другой отличался крайнею жестокостью: ноздри его были, такъ сказать, налиты желчью, а седрце полно ярости и гнѣва; онъ поступалъ съ врагами такъ, что либо пронзалъ противника копьемъ, либо готовъ былъ умертвить себя, или, какъ говорятъ, пре-

рвать нить Миры (Шарки), безъ ея воли. Наконецъ тотъ воинъ, котораго обвинялъ Робертъ, весьма ясно разсказалъ о неприступности и крутизнѣ скалы, о томъ, что это мѣсто весьма высоко поднимается вверхъ, что скала обрывиста и скользка, что никому, ни пѣшему, ни конному нельзя взойти на нее безъ особенной Божіей помощи, и что не только человѣкъ, нападающій на врага или самъ подвергающійся его нападеніямъ, но и никто иной, даже не во время битвы, не можетъ взобраться на ту скалу. «А если, говорилъ онъ, ты не вѣришь мнѣ, то попытайся или самъ, или пусть попытается кто другой, смѣлѣйшій всадникъ, и онъ опытомъ удостовѣрится въ невозможности этого дѣла. Нускай кто очутится на этой скалѣ, не только безкрылый, но и крылатый,—тогда я готовъ подвергнуться всякому злу и быть обличеннымъ въ трусости». Высказавъ это съ изумленіемъ и жаромъ, варваръ укротилъ раздражительнаго Роберта и, потушивъ его гнѣвъ, въ немъ самомъ возбудилъ удивленіе. Между тѣмъ царь, совершивъ весь трудный путь по излучинамъ окрестныхъ горъ, въ два дня и двѣ ночи достигъ Ахриды. На этомъ пути, переправившись черезъ Харзанъ и промедливъ недолго у такъ называемой Вавагоры—самаго непроходимаго ущелья, не растерялся въ мысляхъ ни отъ пораженія, ни отъ другихъ тягостей войны, и не ослабѣлъ отъ боли, которую причиняла ему рана на лбу,—а только внутренно сгаралъ скорбію о падшихъ въ битвѣ и особенно о тѣхъ мужахъ, которые мужественно подвизались; боль-

ше же всего помышлялъ о городѣ Диррахіѣ, и безпокоился, что онъ остается безъ правителя, ибо Налеологъ послѣ жестокой битвы не могъ возвратиться въ него. Ноэтому онъ своими письмами, сколько могъ, укрѣплялъ жителей города, охраненіе Акрополя поручилъ знатнымъ Венеціанцамъ изъ тамошнихъ поселенцевъ, а весь остальной городъ ввѣрилъ Комискорту, происходившему изъ Арванянъ ⁽¹⁾.

КНИГА V.

1. Робертъ, совершенно обезпеченный, по овладѣніи всею добычею и царскою палаткою, торжествовалъ, надмѣвался и снова занялъ ту самую равнину, на которой прежде стоялъ, когда осаждалъ Диррахій. Немного отдохнувъ, онъ сталъ совѣтоваться, должно ли опять пытаться овладѣть этими стѣнами, или отложить осаду до слѣдующей весны, а теперь занять Главиницу ⁽²⁾ и Янину ⁽³⁾ и перезимовать тамъ, помѣ-

⁽¹⁾ Арваняне у Скилицы называются Арванитянами, а нынѣ Албанцами. Carol. du Fresne ad h. l.

⁽²⁾ Главиница упоминается также въ житіи св. Климента, у Теоф. архіеп.; но гдѣ былъ этотъ городъ и что на его мѣстѣ теперь, остается неизвѣстнымъ. Шаффарикъ Т. II. кн. 1 стр. 373.

⁽³⁾ Янина — городъ Акарнаніи или Этоліи, въ древности назывался Кассіопою; о немъ упоминаютъ Константинъ Порфирород. (in Basilio сар. 16), Кантакузинъ (I. 2 сар. 34.), Іоаннъ чтецъ (сар. 18.), Лаоникъ (I. 1), Григора и проч.

стивъ все войско въ долинахъ, лежащихъ выше диррахійской равнины. Жители же Диррахія, которые, какъ было сказано, состояли большею частію изъ мельфійскихъ и венеціанскихъ переселенцевъ, узнавъ о случившемся съ самодержцемъ, о такой сѣчѣ, объ избіеніи столькихъ мужей, объ удаленіи назадъ флотовъ и о томъ, что Робертъ на слѣдующую весну замышляетъ осаду, разсуждали между собою, что должно имъ дѣлать и какъ спастись, не подвергаясь снова прежнимъ бѣдствіямъ. Собравшись, они объявили каждый порознь свои мысли и, поспоривъ между собою, нашли выходъ изъ своего безысходнаго положенія въ томъ, чтобы покориться Роберту и сдать ему городъ. Подстрекаемые къ тому же и однимъ переселенцемъ ⁽¹⁾ изъ Мельфы, и повѣривъ его внушеніямъ, они отворили входы и позволили Роберту вступить въ городъ. Сдѣлавшись обладателемъ города, Робертъ созвалъ войска и разобралъ, кто раненъ опасно и кому мечъ только слегка оцарапалъ кожу, сколько и какіе воины сдѣлались жертвою войны въ предыдущихъ сраженіяхъ. Такъ какъ въ то время наступила уже зима, то онъ замышлялъ—въ продолженіе ея составить другое наемное войско, собрать иноземныя силы и, съ появленіемъ весны, напасть на царя со всею арміею. Но не то, чтобы Ро-

(1) По словамъ Малатерры (l. 3 cap. 18), Ордерика (l. 7) и Вильгельма Апулійскаго (l. 4.), Диррахій взяли чрезъ измѣну одного благороднаго Венеціанца Доминика, который въ награду за сдачу крѣпости получилъ въ супружество дочь Вильгельма, Робертова племянника.

бертъ, провозлашавшій себя побѣдителемъ и стяжателемъ трофеевъ, одинъ замышлялъ такія вещи, а царь, потерпѣвшій пораженіе и получившій рану, былъ испуганъ этимъ пораженіемъ и потерею столькихъ и такихъ мужей и упалъ духомъ. Нѣтъ,—не унижая себя въ своихъ мысляхъ и не теряясь въ умѣ, онъ спѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы, съ появленіемъ весны, вознаградить себя за пораженіе. Оба они отличались способностію все предвидѣть и сообразить, не показывали неискusstва ни въ одной изъ военныхъ хитростей, напротивъ имѣли навѣкъ и къ осадамъ, и къ засадамъ, и къ битвамъ въ строю, являли ловкость и мужество даже въ рукопашныхъ бояхъ. Это были враги, болѣе всѣхъ вождей въ свѣтѣ равные по уму и мужеству. Но царь Алексѣй передъ Робертомъ имѣлъ то преимущество, что, находясь еще въ юношескомъ возрастѣ ⁽¹⁾, былъ нисколько не хуже Роберта, который уже достигъ зрѣлости и хвалился, что однимъ крикомъ можетъ чуть не поколебать землю и привести въ смятеніе цѣлыя фаланги. Впрочемъ это пусть будетъ отложено до другаго мѣста и предоставлено тѣмъ, которые захотѣли бы писать похвальныя рѣчи. Царь Алексѣй, немного отдохнувъ въ Ахридѣ и подкрѣпивъ тѣлесныя силы, вступилъ въ Деаволисъ ⁽²⁾. Здѣсь онъ однихъ

⁽¹⁾ Алексѣй вступилъ на престолъ, имѣя 33 года отъ рожденія, а жилъ всего, по словамъ Зонары, 70 лѣтъ. Carol. du Fresne ad h. l.

⁽²⁾ Акрополигъ (сар. 49) говоритъ о двухъ Деаволисахъ—большомъ и маломъ. Оба они лежатъ недалеко отъ озера ахридскаго. См. Jus Graecor. p. 285 et not. ad pag. 301.

спасшихся отъ сраженія, сколько могъ, успокоилъ послѣ изнурительныхъ страданій, а другимъ объявилъ черезъ пословъ, чтобы они отовсюду собирались въ Фессалонику. Такъ какъ онъ на опытъ узналъ Роберта и отвагу многочисленнаго его войска, въ своихъ же видѣлъ великое нерадѣніе и трусость (не говорю уже о воинахъ, они и тогда еще были вовсе не обучены и не имѣли никакой воинской опытности), то и нуждался въ союзникахъ. Но союзниковъ нельзя было имѣть безъ денегъ, а денегъ не было; потому что царскія казнохранилища царствовавшимъ прежде Никифоромъ Вотаниатонъ были безъ всякой нужды до того опустошены, что даже двери ихъ не запирались, но безвозбранно были открыты всякому желавшему проходить чрезъ нихъ: въ казнохранилищахъ ничего не оставалось. Отсюда все пришло въ крайне стѣснительное положеніе; слабость и бѣдность въ одно и тоже время терзали римское царство. Въ такихъ-то обстоятельствахъ, что должно было дѣлать юному царю, только еще приступившему къ кормилу правленія? Конечно,—либо въ отчаяніи оставить все и отказаться отъ власти, чтобы кто-нибудь не сталъ обвинять его, невиннаго, будто онъ неопытенъ въ войнѣ и не свѣдущъ въ командованіи войскомъ; либо въ необходимости, сколько возможно, созвать союзниковъ, и откуда бы то ни было собрать и дать имъ денегъ, а повсюду разсѣявшіеся остатки войска привлечь къ себѣ подарками, чтобы, получивъ черезъ это большія надежды, они тер-

пѣливо оставались съ нимъ, отсутствующіе же сдѣлались болѣе склонными къ возвращенію, и такимъ образомъ мужественнѣе противустали толпамъ Кельтовъ. Не желая сдѣлать ничего недостойнаго и несогласнаго съ своею опытностію въ военныхъ дѣлахъ и съ своею отвагою, Алексѣй имѣлъ въ виду двѣ слѣдующія цѣли: во-первыхъ, созвать отвсюду союзниковъ, искусно привлекая ихъ надеждами на большіе дары; во-вторыхъ, просить мать и брата, чтобы они собрали, откуда бы то ни было, и выслали ему денегъ.

2. Мать и братъ, не нашедши другаго средства достать денегъ, прежде всего всѣ, какія у нихъ были, золотыя и серебряныя вещи переплавили въ царскую монету: сперва царица и мать моя отдала все, что было у ней изъ материнскаго и отцовскаго наслѣдства, думая такимъ образомъ поощрить къ тому же и другихъ,—ибо боялась за самодержца, видя, что онъ находится въ весьма стѣснительномъ положеніи; потомъ и другіе, болѣе расположенные къ этимъ царямъ, свободно пожелавъ сдѣлать пожертвованіе, доставляли, сколько кто хотѣлъ, золота и серебра, и высылали свое пожертвованіе то союзникамъ, то самодержцу. Но такъ какъ этихъ средствъ было недостаточно для настоящей нужды, потому что одни (именно союзники) ожидали даровъ,—другіе (наемные воины) требовали болѣе щедрой платы; то онъ, отчаяваясь въ благорасположеніи Римлянъ, снова домогался денегъ. Тогда, пришедши въ безвыходное поло-

женіе и узнавъ, что Робертъ опять приготовляется къ войнѣ, они послѣ многихъ частныхъ и общественныхъ совѣщаній, не могли придумать, на что рѣшиться, и обратились къ древнимъ законамъ ⁽¹⁾ и правиламъ ⁽²⁾ о продажѣ церковныхъ имуществъ. Нашедши между прочимъ законъ, что для выкупа плѣнныхъ можно продавать священныя вещи святыхъ Божіихъ церквей (тогда было извѣстно, что изъ Христіанъ, жившихъ въ Азіи подъ владычествомъ варваровъ, всѣ избѣгшіе смерти осквернялись сношеніями съ невѣрными), они вознамѣрились немногіе изъ священныхъ сосудовъ, давно уже упраздненные и остававшіеся безъ употребленія, какъ ни къ чему не годные, а только подававшіе поводъ толпѣ къ святотатству и нечестію, перечеканить въ деньги, чтобы употребить ихъ на плату воинамъ и союзникамъ. Когда это было рѣшено, Севастократоръ Исаакъ, вошедши въ великій Божій храмъ, созвалъ туда соборъ и весь церковный чинъ. Увидѣвъ его, члены священнаго собора, въ собраніяхъ засѣдающіе вмѣстѣ съ патріархомъ, изумились и спросили, для чего онъ пришелъ? «Я пришелъ, былъ его

⁽¹⁾ Подъ древними законами разумѣются здѣсь Юстиніановы, которыми возбранялась продажа или отчужденіе церковныхъ имуществъ, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда надлежало выкупить плѣнныхъ. *Cod. de sacr. Eccles. Nov. 7. 65. 120.*

⁽²⁾ См. св. Григорія I. 6 *epist.* 13. 35 I. 7. *Jndict.* 2. *epist.* 14. св. Амвросія I. 2 *de Offic. cap.* 28. Примѣры распродажи церковныхъ сосудовъ для выкупа плѣнныхъ или для доставленія милостыни бѣднымъ приводятся у Приска *in Excerptis de Legat.*, у Виктора Утикскаго I. 1. и у Поссиденія *de vita S. Augustini cap.* 24; у Сократа I. 7 *cap.* 21 и проч.

отвѣтъ, съ намѣреніемъ сказать вамъ въ настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ нѣчто полезное и спасительное». Затѣмъ онъ прочиталъ на память правила о ненужныхъ священныхъ вещахъ ⁽¹⁾ и, послѣ долгой рѣчи объ этомъ, заключилъ: «я нахожусь вынужденнымъ заставить тѣхъ, кого не хотѣлъ бы принуждать». Высказавъ благородныя свои мысли, онъ, казалось, легко убѣдилъ большую часть присутствовавшихъ. Но ему началъ противиться Метакса, смѣясь надъ нимъ и представляя ему нѣкоторые благовидныя возраженія. Предложеніе Исаака, конечно, одержало верхъ; но это было предметомъ величайшихъ укоризнъ царямъ (я не сомнѣваюсь называть царемъ и Исаака, только онъ не носилъ порфиры) не только тогда, но и долго спустя послѣ того. Въ то время въ Халкидонѣ предсѣдательствовалъ архіерей Левъ, человѣкъ не весьма мудрый и ученый, но ревновавшій о добродѣтели и имѣвшій нравъ суровый и непреклонный. По случаю отдѣленія золота и серебра, находившагося на халкопратійскихъ ⁽²⁾

⁽¹⁾ То есть правило Юстиніана (Nov. 120): *Superflua Ecclesiae distrahi possunt, non tamen ex omni causa, sed tantum si ipsa Ecclesia debitis prae-gravetur.*

⁽²⁾ Халкопратіономъ называлась одна изъ площадей или улицъ въ Константинополѣ, на которой находились мастерскія и магазины съ мѣдными издѣліями. Codinus in Orig. et Leunclavius in Pand. Turc. cap. 248. Подобно этому, были тамъ улицы, по мастерскимъ и магазинамъ серебрянныхъ вещей, называвшіяся *ἀργυροπράτεια*. Theophanes. De vico argentario упоминаетъ и Августинъ l. 7 de Civit. Dei cap. 4. Но Анна разумѣетъ здѣсь очевидно не площадь и не улицу, но говоритъ о халкопратійскомъ храмѣ, въ которомъ створчатыя врата покрыты были серебромъ и въ которомъ это серебро Исаакъ снималъ на военные

вратахъ, онъ выступилъ на средину, и началъ говорить дерзновенно, нисколько не думая ни о нуждахъ государства, ни о законахъ относительно священныхъ вещей. Особенно оскорбительно и, можно сказать, безчинно нападалъ онъ на тогдашняго Державствовавшаго всякій разъ, какъ являлся въ столицу, злоупотребляя его незлобіемъ и челоувѣколюбіемъ. Когда самодержецъ, собираясь идти противъ Роберта, только что еще выступалъ изъ царствующаго города, а Исаакъ Севастократоръ и родной братъ его, по общему рѣшенію, по законамъ и праву, разными способами добывалъ деньги, онъ безстыднымъ своимъ отношеніемъ подвигнулъ на гнѣвъ упомянутаго царскаго брата. Потомъ, когда царь, многократно терпѣвъ пораженіе и тысячекратно отмщая Кельтамъ, по волѣ Божіей, возвратился торжествующимъ побѣдителемъ, а Исаакъ, узнавъ, что наступаетъ и устремляется на него другая туча враговъ, то есть Скиѳовъ, въ присутствіи само-го царя сталъ въ городѣ по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ мы упомянули, снова производить сборъ денегъ: тогда этотъ архіерей безстыдно на-

расходы. Халкопратійскій храмъ посвященъ былъ Божіей Матери и названъ такъ по мѣсту, на которомъ былъ воздвигнутъ. Строителемъ его Кедринъ почитаетъ Θεодосія Младшаго и говоритъ, что онъ созданъ на мѣстѣ бывшей синагоги. Но Θεοφάνης, Ανασταсій и Павелъ Діаконъ построеніе его приписываютъ Юстину. А александрійская хроника говоритъ, что его воздвигла Пульхерія. Впрочемъ всѣ эти мнѣнія легко согласить. Θεοδосій, по всей вѣроятности, только началъ строить халкопратійскій храмъ; Юстинъ продолжалъ строеніе; а Пульхерія окончила и украсила его. По Юстиніану, Nov. 3 cap. 1. создательницею этого храма была и супруга Льва В. Верина. Carol. du Fresn. ad h. l.

палъ на самаго самодержца. Въ то время по этому случаю возникъ сильный споръ о священныхъ вещахъ,—и онъ утверждалъ, что мы должны поклоняться святымъ иконамъ служебно (λατρευτικῶς), а не обладательно (¹) (σχετικῶς), и на одномъ настаивалъ основательно и по-архіерейски, а о другомъ училъ неправильно, позволяя себѣ это,—не знаю по спорливости ли и враждѣ къ царю, или по незнанію, ибо не умѣлъ выражаться точно и ясно, потому что былъ во-все чуждъ ученаго образованія. Когда же, слѣдуя внушеніямъ злорадныхъ людей, какихъ тогда между лицами правительственными было много, и будучи подстрекаемъ ими, началъ онъ въ отношеніи къ царямъ показывать еще большую дерзость и дозволялъ себѣ оскорбленія и неприличные хулы, не смотря на то, что царь убѣждалъ его перемѣнить мнѣніе объ иконахъ и о-ставить вражду противъ него, обѣщаясь вмѣстѣ

(¹) Анастасій слова: σχετικῇ τῶν σεπτῶν εἰκόνων προσκύνησις, переводить такъ: *affectiva imaginum adoratio*. In Hist. Eccl. Выраженіе: λατρευτικῶς, οὐ σχετικῶς προσκυνῆσαι τὰς ἁγίας εἰκόνας, римскій Соборъ при папѣ Стефанѣ IV объясняетъ слѣдующимъ образомъ: мы вѣрные чувствуемъ святые иконы не какъ боговъ, будто язычники (οὐ σχετικῶς); нѣтъ, съ чертами лица, изображеннаго на иконѣ, мы только сопрягаемъ чувство и любовь своей души (λατρευτικῶς). Act. 4 Synodi Romanae apud Holsternium in collectione Romana. Эти слова взяты изъ VII Собора (Act. 1): καὶ προσκυνῶν, διὰ ὡς Θεός, μὴ γένοιτο, ἀλλὰ τὴν σκέψιν καὶ πόθον τῆς ψυχῆς μου, ὃν εἶχον πρὸς αὐτοὺς τὸ πρῶτον καὶ ἁρτίως ἐνδείκνυμενος, παρακαλῶ πάντας αὐτοὺς ὁλοφύχως πρᾶξαι ὑπὲρ ἐμοῦ πρὸς Θεὸν etc. Act. 2 de imaginibus: καὶ ταύτας σχετικῶς πόθῳ προσκυνούμεν. Туже мысль, только гораздо яснѣе, соединяють съ разсматриваемыми словами Іоаннъ Дамаскинъ: προσκυνούμεν οὐν ταῖς εἰκόσιν, οὐ τῇ ὅλῃ προσφέροντες τὴν προσκύνησιν (ὥσπερ σκόντες αὐτήν), ἀλλὰ δι' αὐτῶν τοῖς ἐν αὐταῖς εἰκονιζομένοις· οὐ γὰρ τῆς εἰκότος τιμῇ εἰς πρωτότυπον διαβαίνει.

отдать святымъ церквамъ священные вещи, лучше прежнихъ, и сдѣлать все, что нужно для вознагражденія убытковъ, и уже былъ оправданъ разсудительнѣйшими изъ членовъ тогдашняго Собора, которыхъ принадлежащіе къ халкидонской сторонѣ называли льстецами; тогда осудили его на лишеніе сана. А такъ какъ онъ отказывался повиноваться и нисколько не успокоился, но, окруживъ себя не незначительнымъ братствомъ, все еще продолжалъ возмущать Церковь и былъ совершенно неукротимъ и неисправимъ; то, по истеченіи многихъ лѣтъ, всѣ единодушно приговорили его къ изгнанію, и онъ отправленъ былъ въ ссылку. Мѣстомъ его ссылки былъ понтіійскій Созополь ⁽¹⁾, гдѣ царь удостоивалъ его своей заботливости и попеченія всякаго рода, чѣмъ однакожъ онъ никакъ не хотѣлъ пользоваться и, какъ видно, по враждѣ, которую питалъ къ самодержцу. Но кончимъ разсказъ объ этомъ.

3. Между тѣмъ вновь прибывшихъ воиновъ, которые, узнавъ о спасеніи царя, стеклись въ достаточномъ количествѣ, самодержецъ обучилъ ѣздить на конѣ, мѣтко стрѣлять, биться мечами и своевременно дѣлать засады; отправилъ также опять къ алеманскому королю посольство, которымъ начальствовалъ нѣкто по имени Ми-

⁽¹⁾ О Созополѣ припонтіійскомъ говоритъ и Кантакюзинъ (l. 1 cap. 3), τὴν Σωζόπολιν κατὰ τὸν Ἐυξῖνον Πόντον, πολυάνδρουν οὖσαν καὶ μεγάλην πόλιν. Другой того же имени городъ находился въ Памфиліи. См. Киннам. стр. 4. Nicetas in Иоанне № 4. Въ одномъ изъ нихъ родился константинопольскій патріархъ Іоаннъ, о которомъ см. Gregor. l. 6.

оимнѣ, и чрезъ письмо крѣпко старался убѣдить его не медлить болѣе, но, взявъ свои силы, какъ можно скорѣе, согласно съ существующимъ между ними договоромъ, занять Лонгобардію и отвлечь Роберта, чтобы, обезопасившись съ этой стороны, могъ онъ опять собрать войска и иноземныя силы и изгнать его изъ Иллирика. При этомъ царь алеманскому королю обѣщала большіе дары, если онъ такъ поступитъ, и увѣрялъ, что совершитъ обѣщанный ему чрезъ его пословъ бракъ ⁽¹⁾. Устроивъ это и оставивъ тамъ своего великаго Доместика, Пакуріана, самъ онъ возвратился въ царствующій городъ, чтобы собрать отовсюду иноземныя силы и устроить кое-что другое, сообразно съ временемъ и настоящими обстоятельствами. Въ это время Манихеи, Ксанта и Кулеонъ, съ двумя тысячами и пятьюстами своихъ воиновъ своевольно возвратились домой. Самодержецъ многократно призывалъ ихъ, и они обѣщались придти, но все откладывали. Царь настаивалъ, и чрезъ письма обѣщалъ имъ дары и почести; но они и тутъ не приходили къ нему. Между тѣмъ какъ царь такимъ образомъ готовился къ войнѣ съ Робертомъ, къ послѣднему приходитъ вѣстникъ и объявляетъ о скоромъ нападеніи алеманскаго короля ⁽²⁾ на Лонгобардію. Приведенный этимъ въ затрудненіе, Робертъ на-

⁽¹⁾ Предложеніе этого брака сдѣлано было прежде. См. стр. 171.

⁽²⁾ Этотъ король Анна называетъ здѣсь императора Генриха IV. О походѣ его въ Италію см. Berthold. Argentin. Uspergensis, Leon. Ost. Hugon. Flavin. et al.

чалъ думать, что должно ему дѣлать. Долго колебался онъ въ своихъ мысляхъ; наконецъ, представивъ, что при отправленіи въ Илирикъ преемникомъ своей власти въ Лонгобардіи оставилъ Рожера, а младшему Боэмунду еще не отдѣливъ никакой области, онъ собралъ всѣхъ графовъ и знатнѣйшихъ людей изъ цѣлаго войска, призвалъ также и своего сына Боэмунда Саниска и, занявъ мѣсто оратора, сказалъ: «вы знаете, графы, что, собираясь идти въ Илирикъ, я повелителемъ въ моей странѣ оставилъ любезнѣйшаго моего сына первенца Рожера; потому что, уходя оттуда и предпринимая такое дѣло, не слѣдовало оставлять свою страну безъ начальника, какбы въ добычу всякому желающему напасть на нее. Теперь алеманскій король замышляетъ устремиться на наши области, и намъ надобно по возможности защитить ихъ; ибо, занимая чужое, нехорошо было бы нерадѣть о своемъ. Поэтому я ухожу для защиты своей страны и вступлю въ войну съ алеманскимъ королемъ; а Диррахій, Авлонъ и остальные города и острова, пріобрѣтенныя моимъ копьемъ оставляю младшему моему сыну, и усердно прошу васъ считать его за меня и сражаться за него отъ всей души и со всею силою». Потомъ, обративъ рѣчь къ Боэмунду, прибавилъ: «а тебѣ, любезнѣйшему моему сыну, повелѣваю оказывать всякую честь графамъ, совѣтоваться съ ними во всемъ и не дѣйствовать самостоятельно, но сноситься съ ними во всякомъ случаѣ. Смотри, не будь верадивъ въ войнѣ съ римскимъ

царемъ и, представляя, что онъ потерпѣлъ великое пораженіе и чуть не сдѣлался жертвою меча (ибо, говорятъ, едва не попалъ въ плѣнъ и ушелъ изъ нашихъ рукъ съ ранами), да потерялъ и множество своего войска, не впадай въ безпечность, чтобы, воспользовавшись твоею безпечностію, онъ не собрался съ духомъ и не противусталъ тебѣ мужественнѣе прежняго. Вѣдь онъ не изъ обыкновенныхъ людей, съ дѣтства обращался въ войнахъ и сраженіяхъ, исходилъ весь Востокъ и Западъ;—сколькихъ возмутителей бралъ въ плѣнъ и приводилъ къ прежнимъ царямъ: все это слышишь ты, конечно, и самъ отъ многихъ. Если же ты допустишь какую-нибудь небрежность и не будешь нападать на него изъ всѣхъ силъ; то съ одной стороны сдѣлаешь напрасными тѣ дѣла, которыя совершилъ я съ великимъ трудомъ, съ другой—и самъ, конечно, пожнешь плоды своего нерадѣнія. Теперь я ухожу, чтобы, вступивъ въ борьбу съ королемъ, изгнать его изъ моей страны и такимъ образомъ утвердить любезнѣйшаго моего сына Рожера въ данной ему области». Итакъ, простившись съ нимъ, онъ вошелъ въ корабль и присталъ къ лонгобардскому берегу, а отсюда поспѣшно отправился въ Салернъ⁽¹⁾, который въ древности былъ резиденціею лицъ, носившихъ достоинство Дуксовъ. Живя здѣсь, онъ со-

(1) Оставивъ Иллирикъ, Робертъ переправился въ Италію, чтобы подать помощь папѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ защитить Лонгобардію. Переправу его относятъ къ 1082 году. *Malaterra* l. 3. cap. 33. 37. *Leo Ost.* l. 3. cap. 52. *Sugerius in Lud.* VI cap. 9.

бралъ достаточныя силы и весьма большое наемное войско изъ иностранцевъ. Между тѣмъ алеманскій король, по силѣ даннаго самодержцу объ-щанія, предпринялъ уже нападеніе на Лонгобардію. Узнавъ объ этомъ, Робертъ поспѣшилъ въ Римъ, чтобы войти въ переговоры съ папою и не допустить короля до исполненія принятаго имъ намѣренія. Папа не отвергъ его предложенія, и оба они выступили противъ Алемановъ. Тогда какъ это происходило, король на пути своемъ въ Лонгобардію получилъ извѣстіе о томъ, что случилось съ самодержцемъ,—что, то есть, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе, что часть его войска сдѣлалась жертвою мечей, а другая повсюду разсѣялась, и что самъ онъ, мужественно сражаясь среди многихъ опасностей, сильно раненъ въ разныхъ частяхъ тѣла, и спасся сверхъ чаянія только отвагою и мужествомъ духа. Извѣстившись объ этомъ, онъ поворотилъ поводья и возвратился въ отечество, считая побѣдою и то, что не подвергъ себя опасностямъ безъ всякой нужды. И такъ король предпринялъ путь домой; а Робертъ, овладѣвъ его лагеремъ, не хотѣлъ продолжать преслѣдованіе самъ, но, избравъ достаточную часть своихъ полковъ, приказалъ имъ преслѣдовать его и, овладѣвъ всей добычей, съ папою отправился въ Римъ. Здѣсь утвердилъ онъ папу на его престолѣ и, снова, получивъ отъ него благословеніе, возвратился въ Салернъ, чтобы успокоиться послѣ многихъ бранныхъ подвиговъ.

4. Спустя не много, къ нему прибылъ Боз-

мундъ и принесъ на лицѣ вѣсть о постигшемъ его поражении ⁽¹⁾. А какъ случилось съ нимъ это несчастіе, покажетъ слѣдующее повѣствованіе. Съ одной стороны, помня приказаніе отца, съ другой—будучи самъ человѣкомъ браннолюбивымъ и отважнымъ, Боэмундъ сильно желалъ сразиться съ царемъ. Собравъ свои силы и сопровождаемый лучшими отборными римскими воинами и начальниками покоренныхъ Робертомъ странъ и городовъ (ибо всѣ они, совершенно отчаявшись въ самодержцѣ, перешли на сторону Роберта), онъ чрезъ Вагеницію прибылъ въ Янину и, сдѣлавъ прежде ровъ въ находившихся внѣ города виноградникахъ, расположилъ на мѣстахъ удобныхъ все свое войско, а самъ остановился внутри города. Осмотрѣвъ стѣны и увидѣвъ, что городская крѣпость ненадежна, онъ не только постарался, сколько можно, исправить ее, но устроилъ и другую весьма твердую, — въ иной части стѣнъ, гдѣ показалось ему болѣе полезнымъ, — и отсюда опустошалъ окрестные города и селенія. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ немедленно собралъ всѣ свои силы и въ мѣсяцъ ⁽²⁾ маѣ, поспѣшно вышедши изъ Константинополя, прибылъ къ Янинѣ. Когда же наступило время битвы и сраженія,—онъ, соражая, что его войска не равняются и малѣйшей части силъ Боэмундовыхъ, и притомъ изъ предшествующей битвы съ Робертомъ узнавъ, что первый натискъ кельтской конницы на против-

(1) Разумѣть поражение Боэмунда при Лариссѣ. Сравни. Zonar. p. 236.

(2) То есть 1083 года.

никовъ неодолимъ ⁽¹⁾, счелъ лучшимъ сперва пустить въ перестрѣлку немногихъ отборныхъ копейщиковъ, чтобы такимъ образомъ испытать военное искусство Бозмунда и, чрезъ частныя стычки получивъ свѣдѣнiе о всемъ, что ему нужно было знать, потомъ уже сознательно и твердо бороться съ Кельтами. Но войска горѣли желанiемъ сразиться одни съ другими. Поэтому, опасаясь перваго неодолимаго натиска Латинянъ, царь придумалъ нѣчто новое. Онъ устроилъ колесницы легче и меньше обыкновенныхъ, на каждой изъ нихъ утвердилъ по четыре шеста и поставилъ въ полномъ вооруженiи пѣшихъ воиновъ, чтобы, когда Латиняне, опустивъ поводья, понесутся противъ римской фаланги, сидящiе на колесницахъ вооруженные воины погнали ихъ впередъ и разорвали ими цѣпь латинскаго строя. Наконецъ пришло время битвы, и солнце уже ясно сіяло на горизонтѣ. Самодержецъ поставилъ фаланги въ боевой порядокъ и самъ управлялъ центромъ арміи. Готовъ былъ и Бозмундъ и въ началѣ сраженiя явился предъ изобрѣтенiемъ самодержца, но, какбы предузнавъ замысль, измѣнилъ свой строй сообразно съ обстоятельствами и раздѣлилъ свои силы на двѣ части, чрезъ что, уклонившись отъ колесницъ, напалъ на римское войско съ двухъ сторонъ. Тогда фаланги смѣшались съ фалангами, и мужи сражались съ

(1) О силѣ перваго натиска Кельтовъ во всѣхъ ихъ войнахъ говорятъ также Memnon, Polybius l. 2. Livius l. 27. 34. 39. Silius Italic. l. 8. Frontinus l. 8 Petrus Diac. l. 4. Chronic. Cassin. cap. 41 et al.

мужами лицомъ къ лицу. Въ битвѣ пало много воиновъ съ той и другой стороны, и Бозмундъ уже одерживалъ побѣду; но самодержецъ стоялъ непреклонно, какъ башня, подвергался нападеніямъ съ обѣихъ сторонъ, и то насккивалъ на встрѣчающихся Кельтовъ и съ иными вступалъ въ бой, поражая и убивая ихъ и самъ получая удары, то частыми кликами одушевлялъ бѣгущихъ; видя же наконецъ, что его фаланги большею частію раздѣлились, счелъ нужнымъ позаботиться и о собственной безопасности не для того, чтобы спасти себя, и не потому, чтобы смутился отъ страха, какъ иной, можетъ быть, сказалъ бы, но чтобы, избѣгну опасности и оправившись, опять еще мужественнѣе противустать сражающимся Кельтамъ. Убѣгая отъ враговъ съ весьма немногими изъ своихъ и встрѣтившись съ нѣсколькими Кельтами, онъ опять показалъ себя неустрашимымъ военачальникомъ. Ободривъ своихъ и сдѣлавъ на Кельтовъ такой сильный натискъ, какъ будто бы нынѣ же долженъ былъ умереть или одержать побѣду, самъ онъ ударомъ убилъ одного Кельта, а бывшіе съ нимъ сподвижники Арея многихъ ранили и обратили ихъ въ бѣгство. Избѣгнувъ такимъ образомъ безчисленныхъ и величайшихъ опасностей, онъ опять спасся и чрезъ струги ⁽¹⁾

⁽¹⁾ Стругами на болгарскомъ языкѣ называются озера со множествомъ рыбы, отдаваемые правительствомъ на откупъ. Theophilactus Arch. Bulg. epist. 41. καὶ γὰρ ἐπὶ τοῖς μύλοις διπλάσι οἱ κληρικοὶ ἢ οἱ λαϊκοὶ ὑπέτελσαν. Καὶ ἐπὶ τῶν Βουλγάρων μὲν γλώτταις λεγομέναις στρωγαῖς ("Ελλην δ' ἀνὴρ διωρύχας ἀν ταύτας ἐρεῖ) ἰχθύων ἄγραν προξενούσαις, καὶ ἐπὶ ταύταις δὲ πολυπλασίῳ τῶν τοῦ κοινοῦ πλῆθος ἐξημιώθησαν. Иоаннъ Фока (in Descriptione

пришелъ въ Ахриду. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени и созвавъ достаточное число бѣжавшихъ, онъ оставилъ всѣхъ ихъ подѣ начальствомъ великаго Доместика, самъ же отправился въ Вардаръ, но не для отдыха, ибо никогда не позволялъ себѣ царскаго бездѣйствія и покоя. Собравъ опять войско и призвавъ наемниковъ, онъ выступилъ противъ Боэмунда и, чтобы одолѣть Кельтовъ, придумалъ новую хитрость: приготовилъ желѣзные трезубцы и, дождавшись кануна битвы, съ вечера* раскидалъ ихъ среди поля, тамъ, гдѣ, по его соображеніямъ, кельтская конница должна была сдѣлать сильнѣйшій натискъ, въ той мысли, что такимъ образомъ онъ разстроитъ первое и неодолимое стремленіе Латинянъ, такъ какъ трезубцы должны были вонзаться въ ноги ихъ коней; а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ стоявшимъ въ челѣ войска и вооруженнымъ копьями Римлянамъ нападать осторожно и не наскакивать на трезубцы, но раздѣлиться на двѣ части и отступить, между тѣмъ какъ копейщики будутъ сильно стрѣлять въ Кельтовъ, издали а правое и лѣвое крыло съ обѣихъ сторонъ устремится на Кельтовъ съ неудержимою быстротою. Таковы были замыслы моего отца. Но отъ Боэмунда не скрылось это,— и вотъ что случилось. Рано утромъ Кельтъ узналъ все, что царь задумалъ противъ него съ

Terrae Sanctae № 20), описывая мѣстность Ахриды, говоритъ, что этотъ городъ построенъ при озерѣ, изъ котораго вода вытекаетъ по разнымъ направленіямъ и образуетъ многія заводи, называемыя струями.

вечера, и, измѣнивъ свой планъ сообразно съ тѣмъ, что слышалъ, приготовился принять сраженіе, но уже, вопреки своему обычаю, не сдѣлалъ нападенія, но, предвосхитивъ мысль самодержца, самъ возжигалъ битву на обоихъ флангахъ войска, лицевой же фалангѣ велѣлъ оставаться неподвижною. Когда битва сдѣлалась рукопашною, римскія войска показали Латинянамъ тылъ, и не имѣли силъ даже смотрѣть имъ прямо въ глаза, потому что были напуганы предшествовавшимъ пораженіемъ. Римскій строй пришелъ въ смятеніе, хотя царь оставался непоколебимымъ и мужественно сопротивлялся рукою и духомъ, многихъ ранилъ, да и самъ получилъ раны. Но видя наконецъ, что все его войско уже бѣжитъ и съ нимъ остается немного воиновъ, онъ понялъ, что безразсудно было бы сопротивляться и подвергать себя опасности; ибо кто, много потрудившись, находитъ себя не въ состояніи противустоять врагамъ, тотъ поступилъ бы безумно, бросаясь въ явную опасность. Впрочемъ когда лѣвое и правое крыло римской фаланги обратились въ бѣгство, царь продолжалъ еще мужественно сражаться съ Боэмундовой фалангой и все сраженіе принялъ на себя. Но понявъ наконецъ, что опасность несомнѣнна, рѣшился спастись, чтобы найти новую возможность сразиться съ своимъ противоборникомъ, показать въ сраженіи съ нимъ болѣе твердости и не дать ему вполне одержать побѣду. Таковъ онъ былъ,—терпѣлъ пораженія и побѣждалъ, убѣгалъ и опять преслѣдовалъ, и ни-

когда не упadalъ духомъ и не запутывался въ сѣ-
тяхъ безнадежности. Онъ имѣлъ величайшую
вѣру въ Бога ⁽¹⁾ и всегда носилъ Его на устахъ,
никакъ однакожъ не позволяя себѣ божбы. И
такъ, отчаявшись въ успѣхѣ сраженія, онъ какъ
выше сказано, и самъ поскакалъ назадъ и былъ
преслѣдуемъ Боэмундомъ и знатнѣйшими гра-
фами, пока наконецъ не сказалъ Гулису, слугѣ
своего отца, и бывшимъ съ нимъ: «долго ли
намъ бѣжать»? Сказавъ это, онъ поворотилъ ко-
ня и, вынувъ изъ ноженъ мечъ, поразилъ въ ли-
цо перваго встрѣтившагося. Увидѣвъ это и по-
нявъ, что Алексѣй отчаялся въ своемъ спасеніи,
а пришедшіе въ такое состояніе, издавна извѣ-
стно, бываютъ неодолимы, Кельты воздержались
отъ преслѣдованія и остановились. Отдѣлавшись
такимъ образомъ отъ преслѣдователей, онъ из-
бѣгъ опасности. Да и убѣгая, онъ вовсе не упалъ
духомъ, но однихъ бѣгущихъ звалъ къ себѣ,
надъ другими смѣялся, между тѣмъ какъ многіе
изъ нихъ притворялись, будто не узнаютъ его.
Спасшись отъ опасности, онъ вступилъ въ сто-
лицу, чтобы снова собрать войско и идти на
Боэмунда.

5. По возвращеніи Роберта въ Лонгобардію,
Боэмундъ началъ войну съ сомодержцемъ и, со-
гласно съ внушеніями отца, непрестанно воз-

(1) О благочестіи Алексѣя, равно какъ и о высокихъ способностяхъ
его души говорить и Ордерикъ (l. 7): *erat prudens et probus, audax et
largus et amabilis omnibus*. Потомъ немного ниже: *erat multum sapiens
et misericors pauperibus, bellator fortis et magnanimus, affabilis militibus,
munerumque dator largissimus, divinae legis cultor devotissimus*.

жигая битвы и сраженія, послалъ Петра Алифскаго съ Пунтезомъ ⁽¹⁾ для осады различныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе сего Петръ вскорѣ взялъ два Полоба ⁽²⁾, а упомянутый Пунтезъ овладѣлъ Скопіями ⁽³⁾, самъ же онъ, призванный Ахридянами, тотчасъ занялъ Ахриду, но послѣ кратковременнаго здѣсь пребыванія, ничего не сдѣлавъ, потому что Аріевъ охранялъ крѣпость, удалился къ Острову ⁽⁴⁾ Испытавъ неудачу и тамъ, онъ чрезъ Соскъ и чрезъ Сервію ⁽⁵⁾ отправился въ Веррію. Многократны были его нападенія на разныя мѣста, но безъ успѣха,—и онъ чрезъ Водины ⁽⁶⁾ пришелъ въ Моглены ⁽⁷⁾ и возстановилъ разрушенную прежде того крѣпость; потомъ, съ достаточнымъ числомъ воиновъ оставивъ здѣсь одного графа, по прозва-

(1) Пунтезъ было имя военачальника, означающее происхожденіе его изъ города Понтезіи; слѣдовательно точнѣе надлежало бы назвать его Понтеземъ. Этотъ Понтезецъ былъ графъ Анней изъ знаменитой фамилии понтезскихъ графовъ, которыхъ родословную таблицу можно видѣть у Духесніа (Hist. Monnegensiaса l. 2 cap. 7.)

(2) Полобы вѣроятно мѣстечко полибскихъ Славянъ, выселившихся сюда съ береговъ Лабы. См. Шафар. Т. II кн. 3.

(3) Скопія—городъ при рѣкѣ Аксіѣ. Cantacus. l. 3 cap. 42. l. 4 cap. 19 Gregor l. 8. Laon. l. 1. Scylitz. p. 703.

(4) Ὀστροβός—λίμνη, недалеко отъ Бодины. Acropolit. et Scylitz p. 703. 711. Объ этомъ озерѣ упоминаетъ также Кантакузинъ l. 4. cap. 19. Нынѣ имя его—Ostro.

(5) Сервія—городъ пограничный съ Вотиею и Θεσσαλίєю.

(6) Водины—городъ при рѣкѣ Эригоніѣ, нынѣ Водена. Cantacus. l. 1. c. 43. Скилица Водину полагаетъ въ Болгаріи (p. 706) и описываетъ ея мѣстность слѣдующими словами (p. 203): *ῥόδιον δὲ τὰ Βοδινὰ ἐπὶ πέτρας ἀπόθεν κείμενον, δι' ἧς καταρρεῖ τὸ τῆς λίμνης τοῦ Ὀστροβὸς ὕδωρ ὑπὸ γῆς κάτωθεν ῥέων ἀφανῶς καθεῖσε πάλιν ὑποδύομενον.*

(7) Моглены епископскій городъ Scylitz. p. 709. 710. Cantacus l. 1. cap. 44. 46. τὸ τῶν Μογλέων ἔμα у Зонары p. 237.

нію Сарацина (¹), прибылъ въ Вардаръ въ такъ называемыя церковныя Аспры, и прожилъ тамъ три мѣсяца. Въ это время открытъ былъ заговоръ трехъ знатныхъ графовъ Пунтеза, Ринальда и нѣкоего Вильгельма, вознамѣрившихся перелѣзть къ царю. Пунтезъ, провѣдавъ заблаговременно, что ихъ умыселъ открытъ, тайно убѣждалъ къ самодержцу, а два остальные были схвачены (²) и по закону Кельтовъ должны были оправдать себя битвою. Вильгельмъ палъ побѣжденнымъ, и Боэмундъ лишилъ его свободы и ослѣпилъ, а другаго—Ринальда отослалъ въ Лонгобардію къ своему отцу Роберту, который и этого лишилъ глазъ. Изъ церковныхъ Аспръ Боэмундъ двинулся въ Касторію (³).

(¹) Писатели норманнской исторіи не упоминаютъ о графѣ, по прозванію Сарацинѣ. Эта фамилія существовала нѣкогда въ Кампаніи, и о ней въ одномъ мѣстѣ говоритъ Іоанвилей (in Hist. S. Ludov.).

(²) Кельтскій законъ позволялъ спорящимъ, тяжущимся или обвиняющимъ другъ друга рѣшать дѣло дуэлью, и тогда побѣжденный на дуэли признаваемъ былъ виновнымъ. Такое постановленіе можно видѣть въ законахъ бургундскихъ, германскихъ, италіянскихъ и проч. Барклай (in Icone animorum, de Gallis) говоритъ: *His auctoribus quondam factum, ut in dubiis judiciis, cum utrinque argumenta essent obscura, armis litigantium crederetur. In circum arenamve dimissi pugnabant, victus pro nocente habebatur. Et inde vesaniae origo haec aetatem infestans, quae jam auctis finibus, cum olim Magistratuum arbitrio esset, hodie ad privatorum libidinem desaevit.* Обычай выходить на дуэль вкрадся ἐπὶ τοῖς ἀσέλοισι и въ греческую имперію. Pachymer I. 1. cap. 10. Побѣжденный и потому признанный виновнымъ подвергался суду власти и получалъ наказаніе, состоявшее въ лишеніи жизни или отсѣченіи нѣкоторыхъ членовъ тѣла. Если же гражданская власть прощала его, то онъ считался уже умершимъ, и его имущество переходило къ государю либо къ ленному господину. Carol du Fresne ad h. l.

(³) Касторію овладѣлъ еще Робертъ, вслѣдъ за взятіемъ Диррахіа, и префектомъ въ ней поставилъ Фортина де Розану. Malaterra I. 3, cap. 29.

Узнавъ объ этомъ, великій Доместикъ пошелъ въ Моглены, взялъ и убилъ Сарацина и тотчасъ до основанія разрушилъ крѣпость. Между тѣмъ Боэмундъ, вышедши изъ Касторіи, отправился въ Лариссу, и намѣревался здѣсь перезимовать. Но самодержецъ, прибывъ, какъ сказано, въ столицу, тотчасъ принялся за дѣло; горячо любя дѣятельность и никогда не предаваясь праздности, выпросилъ у султана войско съ вождями, которыхъ опытность была издавна извѣстна. Султанъ прислалъ ему семь тысячъ воиновъ подъ предводительствомъ искуснѣйшихъ вождей и съ ними самага Камира, превосходившаго другихъ и лѣтами и опытностію. Тогда какъ царь устраивалъ и приготавлиалъ это, Боэмундъ отдѣлилъ часть своего войска, и всѣхъ одѣтыхъ въ латы Кельтовъ послалъ взять приступомъ Пелагонію ⁽¹⁾, Трикалы ⁽²⁾ и Касторію; а самъ со всѣмъ войскомъ, занявъ Трикалы, выбралъ храбрѣйшихъ людей и, пославъ ихъ подъ Цивискъ, овладѣлъ имъ при первомъ приступѣ. Отсюда въ самую память великомученика Георгія подступилъ онъ со всѣми силами къ Лариссѣ и, обложивъ ея стѣны, началъ осаду. Охранитель этого города, сынъ человека служившаго еще при отцѣ самодержца, Левъ Кефала мужественно сопротивлялся усиліямъ Боэмунда цѣлые шесть мѣсяцевъ, и тогда же чрезъ письмо далъ знать са-

(¹) Пелагонія—македонскій городъ, извѣстный еще Ливію и, по словамъ Тудебоolda (I. 1) и Кантакузина (I. 1 сар. 31) построенный на обширной равнинѣ между Касторією и Аксіемъ.

(²) Городъ при рѣкѣ Стримонѣ. Tzetzes Chil. IX сар. 280. Cantacuzin. I. 2 сар. 28.

модержцу о приходѣ варвара. Но самодержецъ хотя и пламенѣлъ желаніемъ сразиться съ Бозмундомъ, однако не тотчасъ выступилъ противъ него; стараясь напередъ собрать отвсюду большое наемное войско, онъ отсрочивалъ свое выступленіе. Наконецъ, хорошо вооруживъ всѣхъ, вышелъ онъ изъ Константинополя, приблизился къ границамъ Лариссы, перешелъ чрезъ келлійскую ⁽¹⁾ гору и, оставивъ вправѣ отъ себя большую дорогу и гору, которую здѣшніе жители называютъ Киссавомъ, прибылъ въ Езеванъ. Это валахское мѣстечко лежитъ весьма близко отъ Андроніи. Отсюда опять отправился онъ въ другое мѣстечко, обыкновенно называемое Плавицею, по имени текущей тамъ рѣки, и, остановившись лагеремъ, окопался достаточной глубины рвомъ. Поднявшись отсюда, царь пошелъ къ Дельфиновымъ Садамъ, а потомъ въ Трикалы. Тутъ явился къ нему вѣстникъ и принесъ письмо отъ Льва Кефалы, о которомъ было уже упомянуто. Левъ писалъ смѣло: «знай, царь, что до нынѣ я употреблялъ всѣ усилія для сохраненія города. Вотъ уже не стало у насъ дозволенной христіанамъ пищи, и мы начали употреблять недозволенную, да и той болѣе не имѣется. Если ты, желая намъ помочь, поспѣшишь и успѣешь прогнать осаждающихъ, то да будетъ слава и благодареніе Богу; а когда—нѣтъ,

⁽¹⁾ Келлійская гора находилась близъ Лариссы и получила это имя отъ разсѣянныхъ по ней монашескихъ келлій, или монастырей. Другое мѣсто того же имени было въ Египтѣ. Sozomen. l. 6 cap. 31. Nicephor. Callist. l. 11 cap. 38, и называлось такъ по той же причинѣ.

то я уже исполнилъ свое дѣло, и, покаяясь необходимости,—ибо что сдѣлаешь противъ природы и столь великой силы?—мы должны будемъ сдать крѣпость давящимъ и явно задушающимъ насъ врагамъ. Если случится это несчастье, то пусть бы лучше я былъ проклятъ. Поэтому дерзновенно говорю твоему величеству: если ты не поспѣшишь вскорости избавить отъ опасности насъ, не могущихъ болѣе выносить такой тяжести войны и голода; то имѣя возможность помочь и не поспѣшивъ это сдѣлать, ты, нашъ царь, не избѣгнешь обвиненія въ предательствѣ». Прочитавъ это письмо, самодержецъ призналъ нужнымъ преодолѣть враговъ какимъ-нибудь инымъ образомъ. Мысли и заботы объ этомъ занимали весь его умъ. Призывая Бога на помощь, онъ цѣлый день разуживалъ, гдѣ лучше поставить засады, и, призвавъ тогда одного изъ ларисскихъ старцевъ, освѣдомлялся о мѣстоположеніи. Напрягши зрѣніе и вмѣстѣ указывая пальцемъ, спрашивалъ онъ, гдѣ въ этихъ мѣстахъ есть ущелья, или густые, соединяющіеся съ ними кустарники, и спрашивалъ объ этомъ Лариссянина потому, что намѣревался сдѣлать засаду и преодолѣть Латинянъ хитростію, ибо уже не полагалъ надежды на открытую лицомъ къ лицу битву, такъ какъ въ стычкахъ съ Франками многократно терпѣлъ поражение и на опытѣ узналъ силу ихъ войска. Когда солнце зашло, и царь, утомившись въ теченіе дня, предался сну,—ему представилось сновидѣніе. Казалось, будто онъ стоитъ въ свя-

томъ храмъ великомученика Димитрія и слышитъ голосъ: «не печалься, не стони, — завтра побѣдишь»; этотъ голосъ, поразившій его слухъ, выходилъ какъ будто изъ одной иконы, которая висѣла въ храмъ и на которой былъ изображенъ великомученикъ Димитрій. Пробудившись и обрадовавшись этому видѣнному во снѣ знаменію, онъ принялъ его за голосъ мученика и далъ обѣтъ, если одержитъ побѣду надъ врагами, отправиться туда и за извѣстное число стадій отъ города Фессалоники сойти съ коня и идти пѣшкомъ, тихимъ шагомъ, на поклоненіе великомученику. Потомъ, созвавъ военачальниковъ, правителей и всѣхъ родственниковъ, онъ открылъ совѣщаніе и, спросивъ у каждаго о его мнѣніи, объявилъ и собственную мысль. Она состояла въ томъ, чтобы всѣ полки ввѣрить своимъ родственникамъ, главными же начальниками поставить Никифора Мелиссинскаго и Василя Куртикія, котораго называли также Іоанникиемъ. Этотъ послѣдній былъ одинъ изъ мужей знаменитѣйшихъ, славился мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла и происходилъ изъ Адрианополя. Царь передалъ имъ не только полки, но и всѣ царскія знамена и наказывалъ имъ построить войско такимъ же образомъ, какъ строилъ его самъ въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, приказавъ въ наступающихъ Латинянь сперва стрѣлять издали, а потомъ съ военнымъ кликомъ напасть на нихъ всѣмъ войскомъ; когда же войска сойдутся и начнется рукопашный бой, притворно показать Латинянамъ тылъ

и неудержимо бѣжать къ Ликостому ⁽¹⁾. Тогда какъ царь приказывалъ это, вдругъ послышалось ржаніе всѣхъ бывшихъ въ лагерѣ лошадей. Тутъ всѣ изумились, и такое явленіе какъ царю, такъ и прочимъ проникательнѣйшимъ людямъ показалось хорошимъ знакомъ. Отдавъ имъ приказанія и оставивъ ихъ на правой сторонѣ ларисской крѣпости, самъ онъ, послѣ солнечнаго заката велѣлъ нѣкоторымъ благороднымъ мужамъ слѣдовать за собою, прошелъ ливотанисскую тѣснину ⁽²⁾, обошелъ Ревенникъ ⁽³⁾ и черезъ такъ называемую Аллагу ⁽⁴⁾ достигъ лѣвой стороны Лариссы; здѣсь, обозрѣвъ мѣстность и замѣтивъ весьма низменную долину, сѣлъ тамъ съ своими спутниками въ засаду. Между тѣмъ начальники римскихъ полковъ, тогда какъ царь, идя къ мѣсту засады, собирался пройти черезъ ливотанисскія тѣсины,—выбрали лучшіе изъ римскихъ отрядовъ и выслали ихъ противъ Кельтовъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе на себя и не дать имъ замѣтить, куда идетъ само-

⁽¹⁾ Ликостомъ—мѣстечко въ Фессаліи. *Cantacucin*. l. 2 cap. 28 l. 4 cap. 19.

⁽²⁾ Подъ именемъ ливотанисской тѣсины Анна разумѣтъ, вѣроятно, тѣснину при рѣкѣ Пеней или Салабріи, которая течетъ между Оссою и Олимпомъ; потому что описываемое здѣсь сраженіе происходило въ виду Лариссы, которая лежитъ на Пеней, и отъ которой не въ дальнемъ разстояніи тянется знаменитое ессалійское ущелье, между Лариссою и моремъ, у самыхъ устьевъ Пенея.

⁽³⁾ Ревенникъ—городъ при ессалійскомъ ущельѣ, по Иннокентію III папѣ (l. 13 *epist.* 127)—Ревенника.

⁽⁴⁾ Объ Аллагѣ упоминаетъ и *Gregoras*. l. 4, полагая ее при Лизимахія. Подъ именемъ Аллаги, судя по значенію этого слова, кажется надобно разумѣть такое мѣсто, въ которомъ перемѣняли лошадей, *Carol. du Fresne ad h. l.*

держецъ. Эти отряды, сошедши на равнину, напали на Кельтовъ и, послѣ довольно продолжительнаго сраженія, отступили; потому что ночь не позволяла болѣе сражаться. Достигнувъ избраннаго мѣста, царь приказалъ всѣмъ сойти съ коней и, склонившись на колѣна, держать поводъ въ рукахъ; да и самъ, нашедши травянистую лужайку, склонился такимъ же образомъ и, держа въ рукахъ поводъ, пролежалъ остатокъ ночи внизъ лицомъ.

6. По восходѣ солнца Боэмундъ, увидѣвъ римскіе полки, стоявшіе противъ собственныхъ его фалангъ, также царскія знамена, серебряныя копья, и коней съ царскими пурпуровыми сѣдлами, поставилъ, какъ могъ, въ боевой порядокъ и свою фалангу и, раздѣливъ силы на двѣ части, надъ одной принялъ начальство самъ, а другую ввѣрилъ фаланговому начальнику Вріеннію ⁽¹⁾. Это былъ знатный Латинянинъ, называвшійся констаблемъ. Расположивъ такимъ образомъ свои войска, онъ опять началъ дѣйствовать по своему обыкновенію, и какъ молнія упалъ на лицевую часть строя, гдѣ видѣлъ царскія знамена и гдѣ, думалъ, находится самодержецъ. Послѣ кратковременнаго сопротивленія, Римляне показали ему тылъ, и Боэмундъ, преслѣдуя ихъ, гналъ столь же неудержимо, какъ

(1) Этого Вріеннія, происходившаго изъ фамиліи графовъ или князей арморикской Британіи, надобно отличать отъ Бриена, упоминаемаго Вильгельмомъ Апулійскимъ и бывшаго родомъ изъ бельгійской Кампаніи. Совершивъ много славныхъ дѣлъ въ Англіи, онъ отправился въ Италію и здѣсь, приставъ къ Вискарду, получилъ отъ него санъ констабля. Carol. du Fresne ad h. l.

описали мы это прежде. Видя, что римскіе полки убѣжали уже далеко и что Боэмундъ неужержимо преслѣдуетъ ихъ, царь сообразилъ, что теперь онъ находится на значительномъ разстояніи отъ своего лагеря, и, взошедши на коня, приказалъ сдѣлать тоже самое своимъ и прискакалъ къ Боэмундову лагерю. Ворвавшись въ лагерь, онъ умертвилъ многихъ найденныхъ въ немъ Латинянъ и овладѣлъ тамошнюю добычею; потомъ, внимательно рассмотрѣвъ положеніе преслѣдующихъ и бѣгущихъ и увидѣвъ, что Римляне хорошо притворяются бѣгущими и что Боэмундъ преслѣдуетъ ихъ, а Вріенній слѣдуетъ за нимъ, призвалъ Георгія Пирра, который славился стрѣльбою изъ лука, и другихъ храбрыхъ мужей и, давъ имъ достаточное число копейщиковъ, приказалъ быстро преслѣдовать Вріеннія, но не вступать съ нимъ въ рукопашный бой, а издали, какъ можно чаще, метать конья въ коней. Нагнавъ Кельтовъ, они поражали коней столь частыми ударами, что всадники поставлены были въ затруднительныя обстоятельства. Всякій Кельтъ, сидя на конѣ, бываетъ неужержимъ и по силѣ нападенія, и по виду; а когда сходитъ съ коня, то и отъ величины щита и отъ длинноты носковъ ⁽¹⁾ на сапо-

⁽¹⁾ Благородные люди того времени носили такую обувь, которая по длиннотѣ носковъ на сапогахъ походила на китайскую, и потому естественно должна была затруднять, когда надлежало идти пѣшкомъ. Отсюда греческіе тактики, какъ скоро дѣло шло объ обмундированіи войска, строго запрещали длинноносые сапоги. Leo Ang. с. 6. § 26: τὰ ὑποδήματα αὐτῶν μὴ ἔχειν δέξις ἐμπροσθεν. Изобрѣтателемъ такихъ длинноносыхъ сапоговъ Ордерикъ (l. 8) почитаетъ Андійскаго графа

гахъ и отъ неспособности бѣгать, становится легкою добычею и дѣлается вовсе не такимъ, каковъ былъ прежде, даже какъ будто теряетъ самую бодрость духа. И думаю, что царь зналъ это, когда приказалъ убивать не всадниковъ, а коней. И такъ кони Кельтовъ падали, и воины Вріеннія приходили отъ того въ смятеніе. Отъ частаго паденія ихъ на землю поднялся длинный и густой столбъ пыли, возвышавшійся до облаковъ; такъ что его въ то время можно было сравнить съ бывшею нѣкогда въ Египтѣ непроницаемою тьмою. Эта густая пыль ослѣпляла глаза Кельтовъ и не давала имъ возможности узнать, откуда и кѣмъ посылаются стрѣлы. Тогда Вріенній послалъ трехъ Латинянъ увѣдомить о всемъ Боэмунда. Они нашли его съ немногими при немъ Кельтами на островкѣ рѣки, называемой Салавріею ⁽¹⁾. Въ эту минуту онъ ѣлъ виноградъ и вмѣстѣ непомѣрно хвастался (что и донинѣ ходитъ въ народѣ, какъ предметъ смѣха), то и дѣло повторяя съ варварскимъ произношеніемъ слово—Ликостомъ и говоря, что онъ загналъ Алексѣя въ волчью пасть (*λύκος* волкъ, *στόμα* ротъ). Такъ-то надмѣнность многихъ вводитъ въ заблужденіе, даже относительно того, что у нихъ на глазахъ и подъ ногами. Услышавъ вѣсти отъ Вріеннія и понявъ обманъ и хитро

Фулькона; ибо Римляне носили сапоги съ загнутыми вверхъ носками. Cato apud Festum, Cicer. lib. de Natura Deorum. Tertullianus de Pallio c. 5.

(1) Такъ въ позднѣйшее время называемъ былъ Пеней. Eustath. ad Dionys. Πάνσιος ὁ νῦν Σαλαῦριος καλούμενος. Tzetzes Chil. 9 c. 280.

выигранную побѣду самодержца, онъ, конечно, опечалился, чего и слѣдовало ожидать; однакожъ, по свойству своей природы, нисколько не упалъ духомъ. Имъ отдѣлены были кельтскіе латники и взошли на одну лежащую противъ Лариссы гору. Увидѣвъ это, римское линейное войско сильно порывалось напасть на нихъ, но самодержецъ удержалъ его отъ такого стремленія. Не смотря на то, многіе и изъ различныхъ полковъ войны, соединившись между собою, схватились съ Кельтами; но Кельты, тотчасъ устремившись на этихъ охотниковъ, убили изъ нихъ до пяти сотъ человекъ. Между тѣмъ царь, предугадывая мѣсто, по которому долженъ былъ проходить Боэмундъ, послалъ противъ него мужественныхъ воиновъ съ Турками подъ главнымъ начальствомъ Мигидина. Но какъ скоро они приблизились къ тому мѣсту, Боэмундъ устремился на нихъ и, разбивъ ихъ, преслѣдовалъ до рѣки.

7. На другой день, съ восходомъ солнца, Боэмундъ съ слѣдовавшими за нимъ графами и самимъ Вріенніемъ переправился чрезъ упомянутую рѣку и, на одномъ болотистомъ мѣстѣ близъ Лариссы, между двухъ горъ, нашедши долину усыянную кустарниками, и оканчивавшуюся узкимъ проходомъ (такіе проходы называютъ тѣснинами), который назывался палатами Деменика, прошелъ чрезъ него и остановился тамъ лагеремъ. На слѣдующій день утромъ приблизился къ нему со всѣмъ строевымъ войскомъ начальникъ фаланги Михаилъ Дука, дядя

мой по матери, мужъ славившійся умомъ и превосходившій красотою и высотой тѣла не только своихъ современниковъ, но и всѣхъ, когда-либо жившихъ людей (всѣ видѣвшіе его изумлялись); это былъ человѣкъ несравненный и способный предугадывать будущее, открывать настоящее и свои наблюденія переводить въ дѣло. Самодержецъ наказалъ ему, чтобы не всѣ входили внутрь тѣснины, но чтобы силы стояли внѣ ея отрядами, и только немногимъ избраннымъ изъ Турковъ и Сарациновъ, искуснымъ въ стрѣльбѣ, дозволилъ войти въ тѣснину, не употребляя при этомъ никакого другаго оружія, кромѣ стрѣлъ. Когда они вошли и начали наскакивать на Латинянъ,—стоявшіе внѣ тоже пламенѣли желаніемъ вступить въ битву и спорили, кому войти въ устье тѣснины. Бозмундъ, въ совершенствѣ зная военное дѣло, приказалъ своимъ сдвинуть щиты и, ограждаясь ими, стоять неподвижно. Между тѣмъ Протостраторъ, видя, что его воины мало по малу ускользаютъ и входятъ въ устье тѣснины, вошелъ и самъ. Замѣтивъ это, Бозмундъ обрадовался, какъ радуется левъ, изгибаясь огромнымъ своимъ тѣломъ,—сказалъ бы иной вмѣстѣ съ Омиромъ; онъ обрадовался потому, что предъ своими глазами видѣлъ съ Римлянами Протостратора Миханла, и стремительно ринулся на него изъ всѣхъ силъ. Въ это время, Уза⁽¹⁾, получившій это прозваніе отъ своего рода,

(1) Уза или Узъ происходилъ, вѣроятно, отъ Узовъ—народа скийского и гунигского племени. Zonaras in Constant. Duca et Romano Diogene.

человѣкъ славившійся мужествомъ и умѣвшій поворачивать блестящій щитъ, какъ говоритъ Омиръ, направо и на лѣво, выходя изъ отверстія, уклонился на право и, быстро обернувшись, поразилъ встрѣтившагося ему Латинянина, такъ что этотъ тотчасъ стремглавъ упалъ на землю. Однакожъ Боэмундъ преслѣдовалъ ихъ до рѣки Салаврін. Но во время бѣгства упомянутый Уза ударомъ копья поразилъ и воина, державшаго Боэмундово знамя, и, вырвавъ это знамя изъ рукъ убитаго, повертѣлъ его немного и склонилъ книзу. Замѣтивъ, что оно изъ прямого положенія приведено въ наклонное, Латиняне пришли въ смятеніе и повернули на другую дорогу, по которой достигли Трикаль, уже прежде занятыхъ нѣкоторыми Боэмундовыми воинами, когда они бѣжали къ Ликостому. Вошедши въ Трикалы, они остановились здѣсь, а отсюда потомъ отправились въ Касторію. Царь же, возвратившись изъ Лариссы и прибывъ въ Фессалонику, по всегдашнему своему обычаю въ такихъ случаяхъ, немедленно послалъ къ бывшимъ съ Боэмундомъ графамъ и многое обѣщалъ, если они потребуютъ жалованья, которое Боэмундъ долженъ былъ выдать имъ,—и такъ какъ онъ не въ состояніи выдать жалованье,—убѣдять его для изпрошенія денегъ пуститься за море, къ отцу его Роберту, и заставить самого отправиться за деньгами. Если они успѣютъ въ этомъ, говорилъ царь, то всѣ получаютъ почести и безчисленные подарки; а тѣхъ, которые пожелаютъ служить у него за жалованье, онъ приметъ

къ себѣ и дастъ имъ достаточную плату—по ихъ желанію; желающихъ же возвратиться въ свои дома безбѣдно переправить черезъ Венгрію. Слѣдуя внушеніямъ царя, графы начали неотступно требовать отъ Боэмунда жалованье за четыре протекшіе года; а Боэмундъ, не имѣя возможности уплатить его, отсрочивалъ. Но такъ какъ требованія ихъ были настойчивы и справедливы; то, не зная, что дѣлать, онъ оставилъ Вріеннія охранять Касторію, а Петра Алифскаго—Полобы, самъ же отправился въ Авлонъ. Узнавъ объ этомъ, царь возвратился побѣдителемъ въ царствующій городъ.

8. Прибывъ въ столицу, онъ нашелъ, что дѣла церковныя были въ разстройствѣ, и не могъ успокоиться, даже на самое короткое время. Какъ истый ученикъ апостольскій, видѣлъ онъ, сколь сильно Италъ своими догматами волнуетъ церковь, и хотя желалъ выступить противъ Вріеннія (этотъ Кельтъ, какъ было сказано, владѣлъ Касторіею), однакожъ не вознерадѣлъ о евангельскомъ ученіи; потому что въ то время возбуждаемыя Италомъ (то-есть ересью Италіянца) безпокойства причиняли Церкви весьма много вреда. Этотъ Италъ (надобно разсказать о немъ повести съ начала) происходилъ изъ Италіи и довольно долго жилъ въ Сициліи: а островъ Сицилія смеженъ съ Италіею. Сицилійцы, отложившись отъ римскаго владычества и рѣшившись на войну и битвы съ Римлянами, призвали на помощь Италіянцевъ, съ которыми былъ также отецъ этого Итала, имѣвшій при себѣ и

сына. Хотя сынъ его въ то время былъ еще не въ такомъ возрастѣ, чтобы могъ сражаться, однакожъ слѣдовалъ за отцемъ верхомъ на конѣ и изучалъ военное искусство, какое знали тогда Италіянцы. Такъ проходилъ первый возрастъ Итала и таково было начало его воспитанія. Но когда тотъ знаменитый Георгій Маниакъ, въ царствованіе Мономаха, занимавшаго римскій престолъ, овладѣлъ Сициліею, отецъ Итала едва убѣждалъ оттуда съ своимъ сыномъ, — и оба эти бѣглецы пришли въ Лонгобардію, которая тогда находилась еще подъ властію Римлянъ. Изъ Лонгобардіи же этотъ Италъ, не знаю, какъ-то попалъ въ Константинополь, гдѣ въ то время не было недостатка въ наукахъ и искусствахъ. Начиная съ самодержавія Василия Порфиророднаго до самаго царствованія Мономаха, образованіе хотя и было у многихъ въ пренебреженіи, но совершенно еще не пало; а во времена царя Алексѣя, при ревности любителей просвѣщенія, оно опять ожило и возвысилось, между тѣмъ какъ до той поры люди большею частію нѣжились и забавлялись, занимаясь перепелами и разными постыдными играми, науки же и всякое художественное образованіе по изнѣженности оставляли въ пренебреженіи. Итакъ, нашедши въ Константинополѣ людей съ ученымъ направленіемъ и сблизившись съ схоластиками, людьми суровыми и строгихъ нравовъ (ибо были тогда въ столицѣ и такіе), Италъ получилъ отъ нихъ ученое образованіе, а впослѣдствіи проводилъ время въ бесѣдахъ

съ извѣстнымъ Михаиломъ Пселломъ ⁽¹⁾, который хотя и немного ходилъ къ мудрымъ учителямъ, но, по природной воспримчивости и остротѣ ума, особенно же при содѣйствіи божественной помощи, которую онъ получилъ за горячія молитвы своей матери, непрестанно бодрствовавшей въ храмѣ Кира ⁽²⁾ предъ святою иконою Богоматери и съ теплыми слезами умолявшей Ее о сынѣ, достигъ высоты всякой мудрости, познакомился съ греческою и съ халдейскою словесностію, и въ то время славился своею мудростію. Но, занимаясь съ нимъ, Италъ, по своей неспособной къ просвѣщенію и варварской природѣ, не могъ проникнуть въ глубину философіи; ибо никакъ не терпѣлъ учителей, даже во время ученія, и крайне дерзкій, варварски надменный, думалъ, что и не учившись онъ имѣетъ предъ всѣми преимущество, и на первый же разъ вступилъ въ преніе съ самимъ Пселломъ. Углубившись въ діалектику, онъ ежедневно производилъ шумъ въ публичныхъ собраніяхъ, снѣталъ софистическія двусмысленности и, предлагая все въ такой формѣ, приступалъ къ разсматриванію предмета. Царствовавшій

(1) О Михаилѣ Пселлѣ подробно говоритъ Левъ Аллаций въ обширномъ и ученомъ своемъ разсужденіи *de Psellis*, равно какъ *in Diatriba de Simeonibus*.

(2) Храмъ Кира во имя Богородицы названъ такъ по имени создателя его консула и преторіанскаго префекта Кира, въ царствованіе Θεодосія Младшаго, по приказанію котораго онъ же возобновилъ и константинопольскія стѣны. *Theophilactus Simoc. l. 8 c. 8*. Въ этомъ храмѣ особенно чтима была икона Божіей Матери. *Nicet. in Man. l. 6 № 5*.

тогда Михаилъ Дука и его братья приблизили къ себѣ Итала и хотя ставили его на второмъ мѣстѣ послѣ Пселла, однако были расположены къ нему и употребляли его въ ученыхъ спорахъ; ибо Дуки, какъ братья царя, такъ и самъ царь Михаилъ, любили ученость. Италъ всегда смотрѣлъ на Пселла съ завистию и неистовствомъ и, какъ скоро Пселлъ, подобно орлу, возвышался надъ его хитросплетенными софизмами, онъ раздражался и скрежеталъ зубами, злился или опечаливался. Что же потомъ? Возгорѣлась латинско-италіянская война съ Римлянами и пробудилась мысль занять всю Лонгобардію вмѣстѣ съ Италіею. Тотъ царь послалъ въ Эпидамнъ Итала, какъ человека къ себѣ близкаго, честнаго и знающаго обычаи Италіянцевъ. А Италъ, кратко сказать, обнаружился тамъ измѣнникомъ и, когда былъ посланъ человекъ, долженствовавшій привести его оттуда, догадался и бѣжалъ въ Римъ. Впослѣдствіи однакожъ этотъ негодный человекъ раскаялся и, обратившись къ царю съ просьбой о помилованіи, по его приказанію, возвратился въ Константинополь, гдѣ получилъ для жительства монастырь, извѣстный подъ именемъ Виги (Источникъ), и церковь сорока мучениковъ. Здѣсь, такъ какъ Пселлъ, послѣ своего постриженія, переселился изъ Византіи въ другое мѣсто, онъ давалъ направленіе всей философіи въ качествѣ учителя, почитался главою ⁽¹⁾ философовъ и занимался объясне-

(1) Главою философовъ—ὁπάτος τῶν φιλοσόφων. Изъ этого видно, что Іоаннес Нуратус, по происхожденію Италіянецъ, о философскихъ и ри-

ніемъ сочиненій Аристотеля и Платона. Впрочемъ, прослывъ за самаго ученаго человѣка, онъ болѣе, чѣмъ кто другой, былъ знатокомъ собственно только труднѣйшей изъ прочихъ, перипатетической философіи и особенно діалектики; въ другихъ же наукахъ вовсе не былъ свѣдушъ,—въ грамматикѣ хромалъ и риторическаго нектара не отвѣдывалъ. Поэтому рѣчь его была нестройна и не отдѣливалась красиво; поэтому характеромъ его слова была жесткость, и все высказывалось съ торжественностію. Слово его какбы хмурилось и дышало крайнею досадою; сочиненія же наполнялись діалектическими изворотами, такъ что въ устной его рѣчи было больше логическаго хода, чѣмъ въ сочиненіяхъ. Онъ до такой степени былъ силенъ и непобѣдимъ въ преніяхъ, что противникъ поневолѣ принужденъ былъ молчать и приходилъ въ затрудненіе; ибо Италъ своими вопросами подкапывался подъ него съ обѣихъ сторонъ и повергалъ собесѣдника въ бездну недоумѣній. Такъ опытенъ былъ этотъ человѣкъ въ діалектикѣ! Запутывая и приводя въ смущеніе умъ собесѣдниковъ, онъ душилъ ихъ непрерывными вопросами. Вступивъ съ нимъ въ споръ, уже нельзя было потомъ выйти изъ этого ла-

торическихъ сочиненіяхъ котораго говоритъ Геснеръ (Bibl.), былъ не кто другой, какъ Италъ. Слѣдовательно имя достоинства — *ἱπτατος* у Геснера принято за имя собственное. Достоинство Ипата философовъ при константинопольскомъ дворѣ дѣйствительно было: о немъ разсуждается въ трактатѣ de Officiis Math. Monachi; это же достоинство имѣлъ Вестархъ Констансъ (Allat. Dissert. 2 de libr. Eccl. Graecor. p. 169), Михаилъ Пселлъ (Scylitz.) и другіе.

биринта. Притомъ онъ былъ еще весьма грубъ и не владѣлъ собою въ гнѣвѣ, и если показывалъ нѣкоторое достоинство въ разговорѣ, то оно помрачаемо и уничтожаемо было гнѣвомъ; ибо онъ разговаривалъ и словами, и руками, и не оставлялъ противника въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не придетъ въ совершенное затрудненіе, и недовольствуясь тѣмъ, что зажималъ ему ротъ и заставлялъ его молчать, вицѣплялся еще ему рукою въ бороду и волосы, и тогда за обидою слѣдовала обида. У этого человѣка были равно неукротимы—и руки, и языкъ. Одну только черту имѣлъ онъ нечуждую философа, что, ударивъ противника, оставлялъ свой гнѣвъ, начиналъ плакать и открыто раскаявался. А кому угодно знать и его наружность, то вотъ она: у него была большая голова, весьма выпуклый лобъ, открытое лице; носомъ онъ дышалъ легко и свободно, борода его была круглая, грудь широкая, члены тѣла крѣпко сложенные, ростъ ниже роста людей высокихъ, а произношеніе такое, какое бываетъ у человѣка, прибывшаго изъ латинской земли въ нашу въ молодыхъ лѣтахъ; онъ зналъ греческій языкъ, но не имѣлъ совершенно чистаго выговора, нѣкоторые слоги выговаривалъ невыразительно. Нечистота языка Италова и чрезвычайное неблагозвучіе его не укрывались и отъ черни; а людямъ искуснымъ въ краснорѣчій казался онъ дикимъ. Итакъ сочиненія Итала вездѣ были стянуты діалектическими узлами; онъ не избѣгалъ также дурнаго словосочиненія и соллещиз-

мовъ, которые у него разсѣяны тамъ и здѣсь.

9. Хотя Италъ завѣдывалъ всею философією, и молодые люди стекались къ нему, ибо онъ раскрывалъ имъ ученіе Прокла и Платона, также обоихъ философовъ Порфирія и Ямвлиха, а особенно объяснялъ желающимъ науки Аристотеля и то его сочиненіе, которое въ наукѣ служитъ необходимымъ орудіемъ и которымъ самъ больше всего гордился и занимался; однакожъ онъ не могъ быть вполнѣ полезнымъ для учащихся, потому что этому мѣшала его гнѣвливость и вообще безпорядочность его характера. Смотри его учениковъ: Іоаннъ Соломонъ, какіе-то Язиты, Сервлии и другіе, вѣроятно обучавшіеся прилѣжно. Впослѣдствіи я сама не разъ видѣла многихъ изъ нихъ, когда они хаживали во дворецъ. Не зная хорошо ни одной науки, они показывали свое діалектическое искусство безпорядочными движеніями и сумасбродными кривляніями членовъ; здраваго въ ихъ знаніяхъ не было ничего, а только идеи да темныя представленія о переселеніи душъ и другія подобныя, близкія къ этимъ странности. Между тѣмъ кто тогда не старался учиться, если и священная чета цѣлые дни и ночи проводила въ занятіи божественными науками? Я говорю о моихъ родителяхъ—царяхъ. Сдѣлаемъ небольшое отступленіе: законы риторики позволяютъ намъ это. Я помню, какъ мать моя царица часто, когда подадутъ обѣдъ, приносила въ рукахъ книгу и читала писанія догматиковъ—святыхъ Отцевъ, преимущественно же философа и мученика Ма-

ксима; ибо она усердно занималась не столько физическими вопросами, сколько догматами, желая получить плод истинной мудрости. И нерѣдко приходилось мнѣ удивляться этому, и въ удивленіи я говорила ей: «какъ это можешь ты свободно устремлять взоръ свой на такую высоту? а я боюсь и не дерзаю даже краемъ уха внимать этому; ибо глубокая созерцательность и высота мыслей этого мужа, говорятъ, производятъ въ читателяхъ головокруженіе». На это она съ улыбкою сказала: «знаю похвальный этотъ страхъ, и сама я не безъ страха приступаю къ такимъ книгамъ, однакожъ не могу оторваться отъ нихъ; а ты немного потерпи,—и, когда напередъ позаймешься другими сочиненіями, тогда отвѣдаешь сладости и этихъ». Воспоминаніе объ этихъ словахъ тронуло мое сердце, и я пустилась какбы въ море постороннихъ разсказовъ. Но законъ исторіи удерживаетъ меня, и пусть моя рѣчь пойдетъ опять объ Италѣ. И такъ, процвѣтая среди упомянутыхъ своихъ учениковъ, Италъ со всѣми обходился презрительно, подстрекалъ многихъ безумцевъ къ противленію и изъ своихъ учениковъ выпустилъ не мало тиранновъ. Я могла бы назвать здѣсь многихъ, еслибъ время не истребило у меня памяти о нихъ. Но все это было прежде, чѣмъ мой отецъ вступилъ въ управленіе государствомъ. Такъ какъ онъ нашель, что въ столицѣ просвѣщеніе и всякое разумное знаніе находится въ жалкомъ положеніи, потому что наука была далеко изгнана; то, если какія искры знанія таи-

лись подъ пепломъ, старался раздувать ихъ, и тѣхъ, которые имѣли наклонность учиться (ибо были, да и то немногіе, стоявшіе едва у дверей Аристотелевой философіи), не переставалъ возбуждать къ наукамъ, приказывая только эллинскому образованію предпочитать занятіе божественными Писаніями. Узнавши же, что Италъ повсюду производитъ тревоги и многихъ оболъщаетъ, онъ поручилъ Севастократору Исааку испытать его; а этотъ человѣкъ очень любилъ науки и былъ въ нихъ весьма опытенъ. Узнавъ, что Италъ дѣйствительно таковъ, онъ публично обличилъ его въ собраніи, и потомъ, по повелѣнію своего брата и царя, передалъ Церкви. Но такъ какъ Италъ не въ силахъ былъ скрыть свое невѣжество, то и здѣсь изблевалъ противное Церкви ученіе и, среди представителей ея, не преставаъ глумиться и дѣлать другое подобное, что свойственно человѣку невѣжественному и варвару, не смотря на то, что это происходило въ присутствіи тогдашняго предстоятеля церкви Евстратія Гариды. Евстратій содержалъ Итала въ зданіяхъ великой церкви, надѣясь привести его къ лучшему; но, говорятъ, скорѣе самъ заразился его заблужденіями, чѣмъ сообщилъ ему лучшія понятія, потому что Италъ совершенно склонилъ Гариду на свою сторону. Что же вышло изъ этого? Весь народъ Константинополя собрался въ церковь и требовалъ Итала. Тутъ, вѣроятно, сбросили бы его съ верху на полъ, еслибы онъ не взошелъ тайно на кровлю священнаго храма и не скрылся въ од-

номъ сокровенномъ углу. Такъ какъ однакожъ зловредное его ученіе распространилось между многими изъ придворныхъ и тлетворными мнѣніями заразило даже немало важныхъ особъ, что весьма сильно терзало сердце царя; то всѣ гибельные Италовы догматы изложены были въ одиннадцати главахъ и представлены царю. Этѣ самыя главы Итала самодержецъ приказалъ съ амвона въ великой церкви съ открытою головою предать проклятію, такъ чтобы весь народъ слушалъ и провозглашалъ имъ анаѹему. Это было сдѣлано; однакожъ Италъ не смирялся, но многимъ публично говорилъ тоже и, не смотря на убѣжденія царя, безчинно и варварски неистовствовалъ. Тогда и самъ онъ преданъ былъ проклятію, хотя послѣ, вслѣдствіе вторичнаго его раскаянія, это проклятіе было нѣсколько облегчено. Ученіе его и до нынѣ предается проклятію ⁽¹⁾, но имя только косвенно, темно и не для многихъ явно осуждается церковною анаѹемою; ибо въ послѣдующее время онъ измѣнилъ свой образъ мыслей и раскался въ своихъ заблужденіяхъ. Отказался онъ также допускать переселеніе душъ и оскорблять честныя иконы святыхъ, ученіе же объ идеяхъ старался принаровить къ православному образу мыслей и не скрывалъ, что самъ осуждаетъ себя за то, въ чемъ нѣкогда заблуждался.

(1) Анаѹематствованіе Іоанна Итала читалось въ греческой церкви въ недѣлю православія и находится въ Тріоди, въ которой можно видѣть, чему училъ Италъ. Carol. du Fresne ad h. l.

КНИГА VI.

1. Выше было сказано, что Вріенній занялъ Касторію. Поэтому самодержецъ, спѣша выгнать его оттуда и овладѣть крѣпостію, снова созвалъ войско, снабдилъ его осаднымъ и боевымъ внѣ города оружіемъ и вмѣстѣ съ нимъ самъ отправился къ Касторіи. Мѣстность ея такова: есть тамъ озеро ⁽¹⁾, въ которое съ материка вдается мысъ, въ концѣ разширяющійся и замыкающійся каменистыми холмами; на этомъ мысѣ построены башни и междубашенныя укрѣпленія въ видѣ крѣпости (*κάστρον*), откуда и произошло названіе Касторіи. Нашедши тамъ Вріеннія, царь счелъ нужнымъ сперва испытать твердость башенъ и междубашенныхъ укрѣпленій стѣнобитными орудіями. Но такъ какъ войнамъ иначе нельзя было подойти къ стѣнамъ, какъ подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ; то онъ прежде всего провелъ ровъ, потомъ приготовилъ деревянные башни и укрѣпилъ ихъ желѣзными связями, чтобы изъ нихъ, какъ изъ какой-нибудь крѣпости, выступить на сраженіе съ Кельтами. Итакъ, выдвинувъ осадныя и мета-

⁽¹⁾ Что Касторія со всѣхъ сторонъ опоясана озеромъ, свидѣтельствуеъ и Кактакузинъ I. 1 сар. 34. *Καστορίης δὲ αὐτῆς ἀγχιρωτάτης ὕδατος διὰ τὸ πανταχόθεν περικλύζεσθαι τῇ λίμνῃ*. Тотъ же писатель (I. 2 сар. 24) почитаетъ ее сопредѣльною съ Ватанеей, и помѣщаетъ между Тантесанскими горами. L. 4 сар. 21.

тельные орудія, онъ сражался непрестанно днемъ и ночью и потрясалъ крѣпостную стѣну; но такъ какъ осажденные упорно выдерживали нападеніе (они не сдавались даже и послѣ того, какъ стѣна была разрушена), и ему не удалось достигнуть своей цѣли, то задумалъ другой смѣлый и вмѣстѣ умный планъ—сдѣлать нападеніе на крѣпость въ одно время съ двухъ сторонъ, съ суши и съ озера, и для того ввезти въ озеро на корабляхъ нѣсколько храбрыхъ воиновъ. Но кораблей у него не было, поэтому онъ ввелъ туда чрезъ малый молъ ⁽¹⁾ нѣсколько небольшихъ лодокъ, привезенныхъ на телегахъ, и видя, что на одной сторонѣ Латиняне скоро поднимаются на стѣну, сходящіе же съ другой противоположной теряютъ много времени, приказалъ Георгію Палеологу съ отважными воинами плыть на лодкахъ къ подошвѣ возвышеній и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ повѣлѣніе, чтобы онъ, какъ скоро усмотритъ данный ему сигналъ, немедленно устремился на высоту холма въ тылу непріятелей, и подступилъ къ городу пустырями и открытыми мѣстами; а когда увидитъ, что самодержецъ повелѣтъ противъ Латинянъ атаку съ суши, и самъ, какъ можно поспѣвшиѣ, напалъ на непріятелей,—тогда

(1) Каналъ, въ греческомъ подлинникѣ *μολισκος*. Значеніе этого слова филологамъ недовольно извѣстно. Посинъ производитъ его отъ *μόλος*—насыпь для защищенія берега противъ напора воды, такъ что Алексѣй приказалъ перетаскать лодки въ озеро чрезъ молъ. Но Дюканжъ подъ словомъ *μολισκος* разумѣетъ водяной проходъ или каналъ, которымъ озеро соединялось съ рѣкою Эригономъ. Для подтвержденія этого послѣдняго мнѣнія не представляется достаточныхъ основаній.

они, не имѣя возможности одинаково сражаться съ каждымъ изъ нихъ, будутъ легко побѣждены съ той стороны, на которой необходимо ослабѣютъ. И такъ Георгій Палеологъ, приплывъ къ берегу у вышесказаннаго холма, остановился здѣсь во всеоружіи и поставилъ наверху соглядатая, чтобы онъ замѣчалъ сигналъ, который дастъ ему царь, съ наказомъ—тотчасъ передать его, какъ скоро замѣтитъ. Съ разсвѣтомъ дня, войска самодержца, при воинскихъ кликахъ, устремились и завязали битву съ Латинянами на сушѣ. Соглядатай, завидѣвъ поданный сигналъ, сообщилъ его Палеологу другимъ сигналомъ,— и онъ съ своими воинами тотчасъ взошелъ на вершину холма и сталъ въ сомкнутыхъ рядахъ. Врѣвнѣй, видя, что царь осаждаетъ его съ фронта, а Палеологъ угрожаетъ съ тыла, все еще не упадалъ духомъ, и велѣлъ графамъ мужественно противостоятъ. Но они, дерзко относясь къ нему, говорили: «видишь ли, что бѣда слѣдуетъ за бѣдою? поэтому каждый изъ насъ долженъ позаботиться о собственномъ спасеніи, и одни—перейти къ царю, а другіе возвратиться въ отечество». И тотчасъ, взявшись за дѣло, просятъ они самодержца поставить одно знамя у церкви великомученика Георгія (ибо тамъ созданъ былъ храмъ во имя этого мученика), а другое у Авлона, «чтобы тѣ изъ насъ, говорили они, которые хотятъ служить твоему величеству, шли къ знамени, выставленному у храма мученика, а тѣ, которые желаютъ возвратиться въ свое отечество, направились къ знамени у Авлона».

Послѣ этихъ словъ графы немедленно присоединились къ царю; но Вріенній, какъ человѣкъ мужественный, отнюдь не хотѣлъ перейти къ нему, хотя поклялся никогда не поднимать противъ него оружія, если только съ своими спутниками безопасно будетъ проведенъ до предѣловъ римской имперіи и возвратится въ свою страну. Самодержецъ немедленно исполнилъ его просьбу, и потомъ самъ, прославленный блестящею побѣдою, отправился въ Византію.

2. Здѣсь я на время прерву свое повѣтствованіе, чтобы рассказать, какимъ образомъ онъ умирилъ и Павликіанъ ⁽¹⁾. Ему не хотѣлось войти въ царскій дворецъ, пока не обуздаетъ и этихъ отступниковъ и, такъ сказать—получивъ силу отъ одной побѣды для другой, не завершитъ круга своихъ подвиговъ пораженіемъ сборища Манихеевъ. Да и не годилось, чтобы эти дѣти Павликіанъ были какбы пятномъ на славномъ трофеѣ западныхъ его войнъ. Впрочемъ онъ не хотѣлъ сраженій и битвъ, чтобы въ воинскихъ стычкахъ не погибло много съ той и другой стороны, такъ какъ ему издавна было извѣстно, что это люди горячіе и въ отношеніи къ врагамъ свирѣпые. Онъ старался наказывать только главныхъ виновниковъ, а прочихъ присоединить къ массѣ своего войска. Такъ и было поступлено. Зная, что эти люди готовы

(1) Анна въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ, Павликіанъ смѣшиваетъ съ Манихеями, тогда какъ первые по своему ученію только приближались къ послѣднимъ. См. Timotheum Presbyt. Lib. περί τῶν προτερχομένων τῇ ἀγίᾳ ἐκκλῆσιᾳ.

на опасности и несудержимы въ войнахъ и сраженіяхъ, онъ боялся, какъ бы въ отчаяніи не задумали они чего-нибудь худшаго, хотя до сихъ поръ покойно жили въ своемъ отечествѣ и еще не предавались грабежу и разбою. И такъ онъ писалъ къ нимъ, и многими обѣщаніями приглашалъ ихъ въ Византію. Узнавъ о его побѣдѣ надъ Кельтами, они боялись, не обольщаетъ ли ихъ царская грамота лестными надеждами; однакожъ, хотъ и не охотно, отпировались къ царю. А онъ, прибывъ въ Мосинуполь, ждалъ ихъ тамъ и, показывая видъ, будто задерживается чѣмъ-то другимъ, на самомъ дѣлѣ задерживался только ожиданіемъ ихъ прибытія. Наконецъ они прибыли,—и царь показалъ видъ, будто хочетъ видѣть ихъ, чтобы переписать ихъ имена. Потомъ онъ сѣлъ съ грознымъ видомъ и приказалъ, чтобы передовые Манихеевъ представлены были ему не всѣ вдругъ, а по десяткамъ; смотрѣ же всѣхъ ихъ вмѣстѣ отложилъ до слѣдующаго дня. Въ такомъ порядкѣ они, записывая свои имена, входили въ городскія ворота. Между тѣмъ люди, готовые уже посадить ихъ въ оковы, отбирали у нихъ лошадей и оружія и заключали ихъ въ назначенныя темницы. Такимъ же образомъ и слѣдовавшіе за ними, находясь въ совершенномъ невѣденіи о томъ, что дѣлалось (съ ихъ товарищами), входили въ городъ и не знали, что ожидаетъ каждаго изъ нихъ. Этимъ способомъ задержавъ ихъ и отобравъ въ казну ихъ имущество, онъ раздѣлилъ его тѣмъ храбрымъ воинамъ, которые подвизались вмѣстѣ

съ нимъ въ тогдашнихъ битвахъ и опасностяхъ. Въ то же время принявшій на себя это дѣло чиновникъ отправился (въ отечество Манихеевъ) и, выгнавъ изъ домовъ женъ ихъ, посадилъ ихъ подъ стражу въ Акрополисъ. Впрочемъ задержанныхъ Манихеевъ самодержецъ скоро удостоилъ помилованія; а которые пожелали принять святое крещеніе, тѣхъ даже и не задерживалъ. Вызнавъ ихъ различными способами и отличивъ главныхъ виновниковъ такого заблужденія, онъ опредѣлилъ для нихъ мѣсто жительства на островахъ и тамъ заключилъ ихъ; остальнымъ же далъ свободу и позволилъ идти, куда кому угодно. Освобожденные, предпочитая всякому другому мѣсту свое отечество, немедленно возвратились туда и, сколько было можно, привели въ порядокъ свои дѣла.

3. Послѣ того царь возвратился въ столицу. Здѣсь не было неизвѣстно ему, что шептали о немъ по угламъ и на перекресткахъ, и, слыша это, онъ терзался душею, потому что не столько сдѣлалъ, сколько вносили на него языки клеветниковъ. Онъ только въ крайней необходимости, во время тяжкихъ народныхъ бѣдствій, при оскудѣніи государственной казны, обращался къ такому средству, и считалъ это займомъ, а не грабежемъ, или замысломъ тираскаго насилія, какъ утверждали поносители. У него было намѣреніе, по окончаніи предстоявшихъ войнъ, возвратить церквамъ взятое у нихъ украшеніе. Итакъ, возвратившись въ царственный свой городъ, онъ не потерпѣлъ, чтобы

желающіе порицать его дѣла имѣли къ этому предлогъ, а потому объявилъ о потребности созвать Соборъ и назначилъ чрезвычайное засѣданіе во влахернскомъ дворцѣ, съ намѣреніемъ напередъ предстать тамъ въ качествѣ подсудимаго, а потомъ оправдать свои поступки. Здѣсь присутствовалъ весь синклитъ, военачальство, множество духовенства,—и всѣ недоумѣвали, какая цѣль собранія столькихъ лицъ. А цѣль была не иная, какъ изслѣдованіе всего, что разглашаютъ противъ царя. Для сего здѣсь присутствовали и попечители философскимъ школъ. Были представлены тогда и тѣ книги (онѣ обыкновенно назывались бревіями ⁽¹⁾ или описями), въ которыхъ записывались драгоценныя вещи, принадлежащія каждому храму. Царь сидѣлъ на царскомъ престолѣ, повидимому какъ судья, а на самомъ дѣлѣ былъ подсудимый. Стали изслѣдовать, что съ давняго времени принесено было различными лицами въ даръ св. храмамъ, и что потомъ было отнято у нихъ различными лицами, или и самимъ самодержцемъ. Оказалось, что (у церквей) не отнято ничего, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ украшеній отъ гробницы царицы Зои ⁽²⁾, и нѣкоторыхъ незначительныхъ

(1) Бревіи суть записи, списки или инвентаріи, то есть, такія книги по которымъ можно скоро и легко наводить справки о какомъ-нибудь дѣлѣ. Veget. l. 2 cap. 19. Quando quis commeatum acceperit, vel quot dierum, annotatur in brevibus. Lampridius in Alexandro Severo: milites suos sic ubique scivit, ut in cubiculo haberet breves, et numerum et tempora militum.

(2) Зонара рассказываетъ, что царь Константинъ Мономахъ женоподобно превозносилъ умершую свою супругу порфирородную Зою, при-

сосудовъ, не такъ нужныхъ для церковнаго Богослуженія. Тогда самодержецъ открыто выставилъ себя, какъ виновника, и пригласилъ быть судьями всѣхъ, кому угодно, а спустя немного, неремѣнивъ тонъ, сказалъ: «нашедши царство ео всѣхъ сторонъ окруженнымъ варварами и не имѣвши ничего достаточнаго для своей защиты отъ приближающихся враговъ, вы знаете, сколь великимъ подвергался я опасностямъ и какъ недалеко былъ отъ того, чтобы сдѣлаться жертвою варварскаго меча; потому что угрожавшіе намъ со всѣхъ сторонъ враги были многочисленны. Вы знаете также о нападеніяхъ Персовъ и набѣгахъ Скивовъ, не забыли и о направленныхъ противъ насъ копьяхъ изъ Ловгобардіи; а денегъ и оружія въ то время не было, и весь кругъ правленія сосредоточился въ одномъ центрѣ. Всѣ вы знаете, какъ увеличено, обучено, собрано и отовсюду стянуто было войско; знаете, что на все это требовалось много денегъ и что отнятое (у церквей) употреблено на необходимое, по примѣру древняго Перикла, и траты дѣлались для вашей же чести. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые, злоязычные люди, назвали насъ нарушителями церковныхъ правилъ; вѣдь слышимъ же, что и цар-

соединялъ ее къ числу небесныхъ Силъ и чтилъ наравнѣ съ Ангелами: потому что на могилѣ ея выросъ грибокъ, а это, говорилъ онъ, *συμβολὸν βικονομικῶδες, καὶ μὴ ἀποροῦντι, ἡ βικτὴλις τοῖς νεοτοῖς συντεταγμένη δοῦναι*. На основаніи этого вымышленнаго чуда, тогда же вѣроятно, взята имъ рака умершей его супруги изъ того мѣста, гдѣ стояла, и, украшенная золотомъ и драгоценными камнями, перенесена въ Секретъ и отдана въ вѣденіе попечителей объ общественныхъ имуществахъ.

ственный Пророкъ Давидъ, находясь точно въ такой необходимости, вкусилъ съ своими воннами священныхъ хлѣбовъ и не былъ обвиненъ за то, что, будучи мірянниномъ, прикоснулся къ пищѣ, назначенной для іереевъ. Нужно опять замѣтить и то, что въ другихъ книгахъ священныхъ правила дозволяютъ продажу церковныхъ вещей для выкупа плѣнныхъ. Поэтому, если въ то время, когда царству угрожалъ плѣнъ, когда многіе города были уже отняты и угрожала опасность самому Константинополю, мы, побуждаемые толикими бѣдствіями, взяли нѣсколько вещей, даже не вполнѣ имѣющихъ достоинство священныхъ, и употребили ихъ на освобожденіе тѣхъ городовъ; то, конечно, этимъ не подали клеветливымъ людямъ никакого уважительнаго повода къ злословію». Сказавъ такъ и перемѣнивъ рѣчь, царь опять представляется какбы виновнымъ и самъ осуждаетъ себя. Потомъ снова приказываетъ раскрыть бревни, чтобы все взятое изъ церквей привести въ извѣстность. И вслѣдствіе сего предписываетъ отвѣтственному ⁽¹⁾ Секрету ежегодно представлять попечителямъ объ общественныхъ имуществвахъ достаточное количество золота, что неупустительно исполняется и донынѣ,—ибо въ вѣденіи этихъ попечителей находилась гробница упомя-

(1) Отвѣтственному Секрету—въ греческомъ подлинникѣ—*τῷ μὲν τακτικῷ τοῦ Ἀντιφωνήτου*. *Ἀντιφωνήτης* здѣсь, по Гарментоузу (I. 3 tit. 6), есть имя не собственное, а должностное, и означаетъ того, кому поручена уплата государственныхъ долговъ изъ собираемыхъ доходовъ, или на кого возлагается отвѣтственность (*ἀντιφωνητής*) въ погашеніи ихъ.

нутой нами царицы; а Халкопратеямъ повелѣваетъ отпускать изъ царской казны каждый годъ столько золота, сколько обыкновенно получаютъ пѣвцы гимновъ въ этомъ священномъ храмѣ Богородицы.

4. Въ тоже время открылся заговоръ противъ самодержца, составленный значительнѣйшими лицами сената и главными вождями войска. Объ этомъ заговорѣ донесено было самодержцу, и обвинители представили и обличили людей, участвовавшихъ въ немъ. Не смотря на то, что заговоръ былъ уже обнаруженъ и заговорщикамъ по закону слѣдовало ожидать жестокаго наказанія, самодержецъ никакъ не хотѣлъ подвергнуть ихъ наказанію, а только объявилъ лишеніе имущества и ссылку главныхъ изъ нихъ и этимъ окончилъ преслѣдованіе за такой умыселъ. Но возвратимся къ тому, на чемъ остановились. Тогда какъ самодержецъ возведенъ былъ Никифоромъ Вотаниатомъ въ достоинство Доместика, онъ принялъ къ себѣ нѣко-его Травла Манихея, присоединилъ его къ числу домашнихъ своихъ слугъ и, удостоивъ святаго крещенія, отдалъ ему въ супружество одну изъ служанокъ царицы. У этого Манихея было четыре сестры. Увидѣвши, что онѣ вмѣстѣ съ прочими ведены были тогда подъ стражею и лишены всего имущества, онъ вознегодовалъ и не могъ снести того, но началъ помышлять, какъ бы ему уйти изъ-подъ рукъ самодержца. Узнала о томъ его жена и, видя, что мужъ ея собирается бѣжать, объ-

вила объ этомъ завѣдывавшему въ то время дѣлами Манихеевъ. Это не скрылось отъ Травла, и онъ вечеромъ созвалъ къ себѣ всѣхъ, которымъ прежде открылъ свою тайну. Созванные приходились ему въ родствѣ и, собравшись у него, заняли Беліатову. Этотъ городокъ расположенъ былъ на холмѣ нынѣшней беліатовской долины. Нашедши, что онъ не населенъ, Манихеи почли его какбы своимъ участкомъ и устроили въ немъ себѣ жилища; потомъ, ежедневно дѣлая оттуда набѣги и доходя даже до своего города Филиппополя, возвращались обремененные большою добычею. Но недовольствуясь этимъ, Травлъ заключилъ еще союзъ съ приистрійскими Скиѣами; а чтобы имѣть вліяніе на правителей Главиницы, Дристры и сопредѣльныхъ имъ областей, женился на дочери одного скиѣскаго вождя и всячески старался огорчить самодержца, возбудивъ противъ него нападеніе Скиѣовъ. Царь ежедневно извѣщался объ этомъ и, имѣя въ виду будущее, спѣшилъ расположить къ себѣ Травла письмами и обѣщаніями, ибо предвидѣлъ, сколько зла можетъ онъ надѣлать. Даже посланъ былъ ему хрисовулъ, ручавшійся за безопасность и совершенную его свободу. Но этотъ ракъ не выучился ходить прямо: каковъ онъ былъ всегда, такимъ остался и теперь; располагалъ къ себѣ Скиѣовъ и посылалъ своихъ въ большомъ числѣ опустошать сопредѣльныя области.

5. Между дѣломъ самодержецъ занимался также Манихеями, и наконецъ снова усмирилъ ихъ. Бозмундъ,—мы опять возвращаемся къ не-

му,—проводилъ время въ Авлонѣ. Освѣдомившись о Вріеннѣ и о прочихъ графахъ, изъ которыхъ одни предпочли служить царю, а другіе разсѣялись по другимъ мѣстамъ, онъ вспомнилъ о родинѣ и, переправившись въ Лонгобардію, встрѣтился въ Салернѣ, какъ мы выше сказали, съ своимъ отцемъ Робертомъ, которому наговорилъ многое на царя, и старался вооружить его противъ послѣдняго. Смотри на сына, принесшаго на своемъ челѣ такую несчастную вѣсть, и видя, что многія изъ тѣхъ надеждъ, какія онъ подавалъ, вышли на оборотъ, подобно перевернувшейся маркѣ, Робертъ остановился, какъ окаменѣлый, будто пораженъ былъ громомъ. Распросивъ его обо всемъ и узнавъ, что надежды его рушились, онъ упалъ духомъ; впрочемъ и тутъ не обнаружилъ въ мысляхъ чего-либо неблагого, что было бы недостойно его мужества и отваги, но еще болѣе возгорѣлъ желаніемъ сразиться, и вдался въ заботы и попеченіе объ этомъ больше прежняго. Это былъ человѣкъ, крѣпко отстаивавшій свои намѣренія и предирія и никогда не соглашавшійся отступать отъ того, на что однажды рѣшился; вообще, это былъ человѣкъ несокрушимый, думавшій, что онъ можетъ все взять съ перваго приступа. Итакъ, собравшись съ духомъ и оправившись послѣ великой скорби, онъ тотчасъ разослалъ во все мѣста извѣстіе, что снова намѣренъ переправиться въ Иллирію противъ царя, и всехъ звалъ къ себѣ на помощь. По этому зову скоро отсюду собралось къ не-

му великое множество воиновъ конныхъ и пѣ-
шихъ, которые всѣ были блистательно воору-
жены и сгаражи жаждою битвы. О множествѣ
ихъ Омиръ могъ бы сказать: «словно рой сгу-
стившихся пчелъ»! И стекались они сколько
изъ сосѣднихъ, столько же и изъ дальнихъ го-
родовъ. Такимъ образомъ Робертъ, съ намѣре-
ніемъ возвратитъ потерянное сыномъ, вооружил-
ся сильно. Собравъ достаточное войско, онъ
призвалъ сыновей—Рожера и такъ называемаго
Гвида ⁽¹⁾, котораго царь Алексѣй желалъ отдѣ-
лить отъ отца и тайно послалъ ему предложеніе
вѣйти съ нимъ въ родство чрезъ бракъ, обѣщая
при этомъ облечь его высокою честію и обога-
тить деньгами. Выслушавъ такое предложеніе,
Гвидо соглашался, но держалъ свое согласіе
пока въ тайнѣ. Этимъ сыновьямъ Робертъ ввѣ-
рилъ всю конницу, и послалъ ихъ съ приказа-
ніемъ постараться овладѣть Авлономъ. Пере-
плывъ море, они немедленно взяли Авлонъ и,
оставивъ здѣсь небольшой гарнизонъ, съ про-
чными войсками отправились къ Вотренту ⁽²⁾ и

⁽¹⁾ У Роберта Вискарда было три сына отъ жены его Гаиты, первый
Рожеръ, князь Апуліи,—второй Робертъ, подписавшій въ 1093 году
дипломъ брата Рожера князя казабрійскаго (apud. Ughelium Tom. 9
Ital. Sacr. pag. 237), и вскорѣ потомъ умершій,—третій Гвидо, сперва
участвовавшій въ морской войнѣ противъ Венеціанъ, потомъ сопро-
вождавшій брата Боэмунда въ крестовомъ походѣ и отличившійся тамъ
мужествомъ (Tudebod. l. 4), а наконецъ умершій отъ лихорадки въ то
самое время (1107 года), когда Боэмундъ осаждалъ Диррахій. Orderic.
Vit. lib. 11 pag. 824.

⁽²⁾ Rogerus Hovedenus: ad exitum insulae de Cuverfu in Romania est
castellum desertum. quod dicitur Buntrost, super littus maris, in quo Judas
proditor natus erat. Географы называютъ этотъ городъ Buthrotum. Ser-

овладѣли имъ при первомъ приступѣ. Между тѣмъ Робертъ велъ весь свой флотъ и, плывя параллельно съ берегами Вотрента, прибылъ въ Брундузій, чтобы оттуда переправиться въ Иллирикъ. Но узнавъ, что отъ Идрунта переправа совершается на меньшемъ разстояніи, оттуда именно переплылъ въ Авлонъ. Итакъ, приставъ со всѣмъ своимъ флотомъ къ берегу между Авлономъ и Вотрентомъ, онъ соединился тамъ съ своими сыновьями. А такъ какъ прежде покоренный имъ Корифонъ опять отпалъ отъ него; то, оставивъ сыновей въ Вотрентѣ, самъ онъ со всѣмъ флотомъ поплылъ къ Корифону. Это-то дѣлалъ Робертъ. Узнавъ о его движеніяхъ, самодержецъ нисколько не упалъ духомъ, но возбуждалъ Венеціанъ письмами снова вступить съ Робертомъ въ борьбу и вооружить достаточный флотъ, а всѣ возможные издержки обѣщавъ взять на себя. Да и самъ онъ приготовилъ диремы, триремы и всякаго вида разбойничьи корабли, и послалъ ихъ противъ Роберта съ опытными въ морскомъ дѣлѣ воинами. Узнавъ о наступленіи на себя флотовъ, Робертъ по своему обыкновенію старался предупредить битву и, спустивъ (свои корабли) съ канатовъ, занялъ со всѣми морскими силами гавань Кассопы⁽¹⁾. А Венеціане, стоявшіе въ гавани пас-

vilius ad illud Virgilii l. 3. Aeneidis: et celsum Buthroti ascendimus urbem; haec civitas est in Epiro, cujus pars est Chaonia, quae ante Molossia dicta est.

(¹) Важный портовый городъ, имѣвшій морское сношеніе съ Брундузіемъ. Ulpian. l. 1 § 12. По Григорію В. (l. 12 epist. 2. 3. 8) Cassione;

сарской (1), только лишь освѣдомились о недале-
ней оттуда стоянкѣ Роберта, и сами поспѣш-
но занимають кассопскую гавань. Тутъ завязалось упорное дѣло, произошелъ рукопашный бой,—и Робертъ былъ побѣжденъ. Но этотъ воинственный, любившій битвы человекъ, и послѣ пораженія, не вовсе упалъ духомъ, но готовился къ другому сраженію и замышлялъ еще сильнѣйшую борьбу. Получивъ извѣстіе объ этомъ, начальники обоихъ флотовъ, ободренные выигранною побѣдою, на третій день опять напали на Роберта и, одержавъ надъ нимъ блестящую побѣду, перешли снова въ пассарскую гавань. Но тутъ, или возгордившись предшествовавшими побѣдами, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, или не думая, что побѣжденные могутъ поправиться, они впали въ совершенное бездѣйствіе, какъ будто все конечно, и презирали Роберта; потомъ выбрали легкіе на ходу корабли и послали ихъ въ Венецію съ извѣстіемъ о случившемся и о томъ, что Робертъ разбитъ на голову. Узнавъ объ этомъ отъ одного Венеціанца, по имени Петра Контарина (2), недавняго перебѣжчика, Робертъ еще болѣе опечалился и не могъ болѣе сносить своего стыда. Поэтому, ободрившись лучшими

нынѣ Кассопо. Впроч. см. Cicero. l. 16 epist. famil. 9, гдѣ Кассопонъ называется городомъ острова Корциры. Plin l. 4 cap. 12.

(1) Пассара—мѣстечко въ эпирской области Молессии. Plut. in Pyrrho; Livius lib. 43.

(2) Домъ Контариновъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Венеціи; къ нему принадлежали нѣкоторые Дожи венеціанской республики. Carol. du Fresne ad h. l.

думамъ, онъ опять пошелъ на Венеціанъ. Пораженные неожиданнымъ его прибытіемъ, Венеціане тотчасъ связали большіе корабли канатами у береговъ Корифона и, устроивъ такъ называемую морскую гавань, малыя суда ввели въ средину флота и, вооружившись всѣ, ожидали его прихода. Робертъ прибылъ и вступилъ съ ними въ сраженіе. Битва была жестокая, сильнѣе прежнихъ, потому что сражались храбрѣе, чѣмъ прежде. Но между тѣмъ какъ происходила упорная борьба и ни одна сторона не давала тылу, а напротивъ та и другая шла впередъ,—вотъ что случилось съ Венеціанами. Они успѣли уже истребить съѣстные свои припасы, и на корабляхъ у нихъ не оставалось ничего, кромѣ воиновъ; отъ этого корабли ихъ, по легкости, плавали поверхъ воды, такъ что вода не доходила даже и до втораго ⁽¹⁾ корабельнаго пояса. По этой причинѣ воины, собираясь всѣ на одномъ борту для битвы съ непріателемъ, погружали свои корабли въ море, и такихъ дошло до тринадцати тысячъ, прочіе же взяты были въ плѣнъ со всѣми ихъ плавателями. После такой славной побѣды, Робертъ былъ немолчимъ и со многими изъ плѣнныхъ поступилъ весьма жестоко: однихъ лишилъ зрѣнія, другимъ отрѣзалъ носъ, у нѣкоторыхъ отнялъ либо руки, либо ноги, либо то и другое вмѣстѣ; обѣ

(1) У древнихъ писателей иногда упоминается и о третьемъ поясѣ корабля. Theodor. Prodrom. l. 3. Τῶν κατὰ Ροδάνην pag. 223. Ἐκ δευτέρου ζωστήρος ἔχουσιν καὶ τρίτη Πίλοις κατεσκήπαστο ναυτοῖς πάχισσι. Третій поясъ ихъ у Зонары in Theophilo называется ἰσχυρός;

остальныхъ же далъ знать ихъ соотечественникамъ, что кто изъ нихъ пожелаетъ выкупить честь своего (единоплеменника), тотъ пусть явится къ нему безбоязненно, а вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ ихъ и объ условіяхъ мира. Но Венеціане отвѣчали ему съ угрозою: «да будетъ тебѣ извѣстно, князь Робертъ, говорили они, что, если бы мы видѣли гибель своихъ женъ и дѣтей отъ твоего меча, то и тогда не отреклись бы отъ союза съ самодержцемъ Алексѣемъ, не перестали бы помогать ему и храбро сражаться за него». Въ самомъ дѣлѣ, спустя немного времени Венеціане построили дромоны, триремы и нѣсколько другихъ малыхъ, но быстрыхъ на ходу кораблей, и съ большими силами пошли на Роберта. Нашедши его при Вотрентѣ, гдѣ онъ расположился лагеремъ, они вступили съ нимъ въ сраженіе и, разбивъ его на голову, многихъ изъ его войновъ умертвили, а еще большее число потопили въ морѣ, даже едва не взяли въ плѣнъ роднаго его сына Гвида и жену Гаиту. Одержавъ такую блестящую побѣду, они донесли о всемъ этомъ царю, и царь наградилъ ихъ многими дарами и честію: самого Дожа венеціанскаго почтилъ достоинствомъ Протосебаста ⁽¹⁾, съ приличною пенсіею; удостоилъ так-

⁽¹⁾ Дожемъ Венеціи въ то время былъ Виталій Фалерій или Фальерь, вступившій въ эту должность въ 1084 году. О пожалованіи Фальера достоинствомъ Протосебаста упоминаетъ также Franca Sansovinus in Venetia lib. 11 pag. 187, гдѣ говорится о другихъ нѣкоторыхъ лицахъ, награжденныхъ чинами византійскаго двора. Санъ Протосебаста значится и въ дипломѣ Виталія: Nos Vitalis Faletro Dux ac imperialis Proto-sebastus.

же и патріарха ихъ имени всечестнѣйшаго ⁽¹⁾, назначивъ ему равнымъ образомъ приличную пенсію; а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ и во всѣ церкви Венеціи отпустить изъ царскихъ хранилищъ значительное количество золота. Что же касается до церкви во имя Евангелиста и Апостола Марка, то онъ сдѣлалъ ея данниками всѣхъ Мельфійцевъ ⁽²⁾, содержащихъ мастерскія ⁽³⁾ въ Константинополѣ, подарилъ ей также мастерскія, простирающіяся отъ старой еврейской гѣ-

⁽¹⁾ Титулъ всечестнѣйшаго, принадлежалъ митрополиту. Изъ митрополитовъ одни назывались *ἐξάρχαι καὶ ὑπέρτιμοι*, а другіе только *ὑπέρτιμοι*, какъ говорится in *Notitia Andronici*. Въ то время патріархомъ Венеціи былъ Доминикъ Контаринъ, о которомъ см. *Gregor. VII Pap. lib. 1 epist. 18 l. 2 epist. 14.*

⁽²⁾ Мельфійцы или Амальфійцы были самые ревностные мореплаватели и негодіанты того времени. Они первые изъ Европейцевъ начали производить иностранную торговлю и знакомить Востокъ съ товарами разныхъ странъ, а для этого во многихъ приморскихъ городахъ нѣли конторы и магазины, пользуясь особенными для того привилегіями. *Willel. Tyr. l. 18 cap. 4. Alexander Abb. Celesin. l. 3 p. 366.*

⁽³⁾ Здѣсь говорится, что царь Алексѣй пожаловалъ венеціанской церкви св. Апостола и Евангелиста Марка всѣ пошлины, которыми обложены были отъ византійскаго правительства мастерскія и другія константинопольскія заведенія Амальфійцевъ. Амальфійцы, прежде управлявшіея собственными князьями, въ это время были подданными Роберта; ибо, по смерти амальфійскаго князя Іоанна и сына его Сергія въ 1070 году, амальфійскимъ княжествомъ въ 1073 году завладѣлъ Робертъ. Въ то время, чтобы поддержать ненависть Амальфійцевъ къ тиранніи Роберта и расположить ихъ къ себѣ, византійское правительство позволило имъ открывать въ Константинополѣ разныя торговныя заведенія и дало многія привилегіи. Въ этой столицѣ имперіи былъ и амальфійская церковь: *ecclesia S. Mariae Amalphitanorum de Latina*, что видно изъ буллы папы Александра IV у Угелія. Въ Константинополѣ находились *ἐνυαυτῆρια ἐμπορίας καὶ πρᾶγματείας διαφόρων*. *Justinian. Novel. 43*, съ которыхъ государственные доходы поступали на освѣщеніе города, на постройку общественныхъ зданій и возобновленіе крышъ. *l. 19. Cod. de oper. publ.*, или на похоронныя издержки, *d. Nov. 43. 39* и проч.

стницы ⁽¹⁾, до такъ называемой Виглы ⁽²⁾, и всѣ находящіяся на этомъ пространствѣ лѣстницы ⁽³⁾. Кромѣ того, подарено было Венеціанамъ много

(1) Подъ именемъ лѣстницы—*σκάλα*, критики разумѣютъ здѣсь пристань, или сходъ на то мѣсто, гдѣ пристають суда. Такъ какъ корабли рѣдко гдѣ могли пристать къ самому берегу, то дѣлалась настилка отъ берега до стоянки кораблей, и эта настилка называлась скалою или лѣстницею,—*trajectus maritimus*, Auctor Descript. CP., иначе—*πίραμα*, Iustinian. Nov. 39 cap. 3. Но подъ словомъ *περάματα* понимаемы были также плоты, на которыхъ переправлялись чрезъ сикіонскій проливъ, какъ говоритъ Petrus de Valle epist. 2. И отсюда, безъ сомнѣнія, произошло русское названіе паромовъ. Переходы съ берега къ кораблямъ обыкновенно были узки, а потому именемъ лѣстницы называлась также и всякая подобная настилка на сушѣ. Отсюда у Киннама (кн. 2) *κακὴ Σκάλα* была *χωρίον ἱερὺν καὶ ἀπόκριμυον*. Подобные переходы у Грековъ назывались еще *βάθρα*,—слово, соответствующее латинскому *scala* или *gradus*. Такъ Euripides in Aulide v. 80: *σενόπορ' Ἀυλίδος βάθρα*. Упоминаемая здѣсь лѣстницъ аناзвана еврейскою,—вѣроятно, потому, что находилась у квартала населеннаго Евреями. Gyllius l. 3 c. 1. Leunclav. in Pandect. c. 200.

(2) Подъ Виглою разумѣется мѣсто, на которомъ обыкновенно стояла *vigilia*, то есть караулъ, или, какъ у насъ, гауптвахта; такъ что Вигла есть испорченное латинское слово. Самое тожество этого слова съ латинскимъ *vigilia* показываетъ, что оно означало стражу ночную,—и это согласно съ свидѣтельствомъ Луитпранда (l. 1 c. 3), который говоритъ: *moris constantinopolitanorum erat, ne à vicinis gentibus opprimerentur, singulis quibusque noctibus per totius civitatis bivium quadriviumque armatos milites causa custodiendae civitatis, qui eam invigilarent, ponere*. Начальникъ такой стражи называется *Drungarius vigiliae*. Carol. du Fresne ad h. l.

(3) Въ Константинополѣ всѣ лѣстницы или береговые сходы къ морскимъ пристанямъ облагались пошлинами, Leunclav. in Pandect. Lex. 7 Cod. de aquae ductu lib. 11, и эти пошлины назначены были на содержание водопроводовъ. Такихъ лѣстницъ у морскаго берега было много. Писатели упоминаютъ напримѣръ о лѣстницѣ халкидонской (Chron. Alexandr. A. XII. Arcad. et VII Theod. Iun.), о лѣстницѣ сикіонской (Nov. 39. Gyllius l. 3 cap. 2), о лѣстницѣ Тимаса, о лѣстницѣ акрополя (apud. Theophan. p. 363. Paulum Diac. l. 22); было также *ἐντάσκαλον*, названное такъ по ближайшимъ семи лѣстницамъ (Scylitz. Cantacus. l. 4 cap. 22), *σκάλα τῶν πυλῶν* (apud Scylitz. in Romano), которъ называлась *portus aureae portae* (Ducac. c. 38), и проч.

и другихъ недвижимостей какъ въ столицѣ, такъ и въ Диррахіѣ, и вездѣ, гдѣ бы они ни пожелали. Но, что всего важнѣе, царь освободилъ ихъ торговлю отъ пошлыны во всѣхъ областяхъ римской имперіи, такъ что они имѣли право торговать свободно и по своей волѣ, не внося въ казну ни коммерческой и никакой другой пошлыны, даже ни одного овола, но находились внѣ всякой римской власти.

6. Но Робертъ (возвратимся снова къ той рѣчи, которую прервали, и будемъ по порядку продолжать свой рассказъ) и послѣ такого пораженія не смирился. Еще прежде послалъ онъ нѣсколько кораблей, подъ начальствомъ своего сына, къ Кефалоніи, чтобы овладѣть ея городомъ; а теперь бывшіе у него корабли со всѣмъ вооруженіемъ отправилъ къ Вонтицѣ, самъ же, взошедши на одновесельный галіотъ, прибылъ въ Кефалонію ⁽¹⁾. Здѣсь, не успѣвъ еще соединиться съ прочими войсками и съ своимъ сыномъ, и находясь около Аэера ⁽²⁾ (одного изъ мысовъ въ Кефалоніи), получилъ онъ жестокую лихорадку, и, такъ какъ причиняемый ею жаръ былъ невыносимъ, потребовалъ себѣ холодной воды. Когда же бывшіе съ нимъ, чтобы найти воду, разсѣялись въ разныя стороны, одинъ изъ туземцевъ сказалъ имъ: «видите этотъ островъ

⁽¹⁾ На островѣ Кефалоніи, говоритъ Дюканжъ (ad h. l.) сохранилось еще названіе порта Вискардова.

⁽²⁾ Подъ Аэеромъ нѣвые разумѣютъ Астерію, небольшой островокъ между Кефалоніею и Итакою (Plin. l. 4. Stephanus et Nicetas in *Manuele* l. 2 № 5). Но Анна въ этомъ мѣстѣ ясно говоритъ о мысѣ Кефалоніи.

Итакъ: на немъ въ древности построены большой городъ, называемый Іерусалимомъ, который отъ времени пришелъ уже въ упадокъ; въ немъ были источникъ, дававшій всегда годную для питья и холодную воду». Услышавъ это, Робертъ былъ объятъ великимъ страхомъ; потому что, соединивъ въ своемъ умѣ Аверъ и городъ Іерусалимъ, понялъ, что ему предстоитъ смерть. Давно еще нѣкоторые прорицали ему, какъ обыкновенно прорицаютъ льстецы великимъ людямъ: «ты будешь все побѣждать до самаго Авера, но, отправляясь оттуда въ Іерусалимъ, отдашь долгъ природѣ». Мучила ли его горячка или онъ страдалъ колющемъ въ боку, объ этомъ съ точностію сказать не могу; только чрезъ шесть дней онъ скончался ⁽¹⁾. Когда прибыла къ нему жена его Гаита, онъ находился уже при послѣднемъ дыханіи, а сынъ сидѣлъ подлѣ него и плакалъ. Рассказываютъ, что случилось съ тѣмъ его сыномъ, котораго онъ еще при жизни назначилъ преемникомъ своей власти. Узнавъ о смерти отца, онъ въ ту пору предался крайней скорби, но потомъ, ободрившись лучшими мыслями и собрав-

⁽¹⁾ Западные писатели — Ордерики, Жиберты, Вильгельмъ Малимессбюри, Ричардъ Пиктавинъ и другіе, сильно неавидѣвшіе Алексѣя за его противленіе непріязненнымъ дѣйствіямъ крестоносцевъ въ предѣлахъ восточной римской имперіи, говорятъ, что будтобы Робертъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему женою его Гаитою, по убѣжденію этого государя. Но Ромуальдъ и Вильгельмъ Апулійскій (l. 5), согласно съ свидѣтельствомъ Анны, опровергаютъ эту клевету и утверждаютъ, что смерть Роберта была естественная. Время смерти его Малатерра (l. 3 сар. 4) полагаетъ въ іюль мѣсяцъ 1084 года; а Вильгельмъ и Ордерики въ мѣсяцъ сентябрь 1087 года, иные же смерть его относятъ къ другимъ годамъ этого десятилѣтія.

пись съ духомъ, призывалъ къ себѣ всѣхъ и, сперва неутѣшно оплакивая кончину родителя, объявилъ о случившемся, а потомъ велѣлъ дать себѣ клятву и, принявъ верховную власть, переправился въ Апулію. Во время этой переправы, хотя тогда было и лѣто, застигла его сильнѣйшая буря, такъ что одни корабли его потонули, а другіе попали на мель и разрушились. Почти разбился и тотъ корабль, на которомъ везли тѣло Роберта, и находившіеся при его гробѣ люди едва успѣли взять его и спасти въ Венузіѣ. Робертъ погребенъ былъ въ одномъ, давно построенномъ монастырѣ—во имя св. Троицы, гдѣ похоронены были и его братья. Онъ умеръ на двадцать шестомъ году княжескаго своего правленія, и прожилъ всего семьдесятъ лѣтъ. Узнавъ о нечаянной его смерти, царь вздохнулъ свободно ⁽¹⁾, какъ будто сложилъ съ себя тяжкое бремя, и тотчасъ напалъ на тѣхъ, которые владѣли еще Диррахіемъ, стараясь посѣять между ними раздоръ письмами и всякими средствами, и такимъ образомъ надѣясь весьма легко возвратить городъ. Онъ писалъ также случившимся тогда въ Диррахіѣ Венеціанамъ и располагалъ ихъ совѣтовать Амальфійцамъ, своимъ соотечественникамъ, и всѣмъ, проживавшимъ въ Эпидамнѣ, покориться его волѣ и сдать ему Диррахій; да и самъ за сдачу города не вовсе не дѣ-

(1) Ордерикъ о чувствованіяхъ Алексѣя при этомъ случаѣ говоритъ такъ: Imperator vero licet laetaretur, quia liberatus a terribili hoste fuerat, defunctum tamen ducem, qui nunquam de bello fugerat, ex pietate multum planxit.

лалъ подарковъ и обѣщаній. Итакъ въ надеждѣ получить большія выгоды (таковы вообще Латиняне,—жадны до денегъ ⁽¹⁾ и за одинъ оволь готовы продать даже то, что для нихъ всего дороже), они склонились на его убѣжденія и, составивъ заговоръ, умертвили какъ того, кто сперва расположилъ ихъ сдать крѣпость Роберту, такъ и его сообщниковъ; а потомъ пришли къ царю и сдали ему крѣпость ⁽²⁾, за что получили отъ него полную свободу.

7. Послѣ отплытія Роберта въ Иллирикъ, одинъ математикъ, по имени Сиѡъ ⁽³⁾, много сла-

⁽¹⁾ О жадности Латинянъ къ деньгамъ согласно говорятъ всѣ византійскіе историки. Анна повторяетъ это показаніе во многихъ мѣстахъ своей исторіи р. 247. 336. 339 edit Venet. IDCCXXIX. Leo Aug. in Tact. c. 18 § 90 de Francis: ὑπορθεύονται διὰ τῶν χρημάτων εὐχόλως, φιλοκερδῆς ὄντες. Scylitz. in Romano Diogene: καὶ γὰρ ἀπληστον τὸ γένος τῶν Φράγκων. Nicet. in Isaac. Ang. et Alex. № 1. de Latinis: ὅθεν γὰρ ἑνὸς ἐρρασιχρηματώτερον τῷ δὲ πῶ γένος, τρεῖς δειπνότερον τε καὶ διαπανεϊρότερον ἔτερον. Даже западный писатель Удаляркъ (in Paefat. ad consuetudin. Clunias.) говорить: Quid enim Francigenas aliud dixerim, cum sint tam inquieti, raptores, et de candore virtutum nihil habentes. Другіе же φιλοκερδῆαν приписываютъ особенно Норманнамъ. Leo Ostiensis l. 2 cap. 77: genus in-jidum et avaritiae inexplabilis.

⁽²⁾ О сдачѣ Диррахія иначе рассказываетъ Діоклеатъ, или, кто бы онъ ни былъ, писатель исторіи Далмаціи, которою мы обязаны Мавру Орбину Рагузинскому. Онъ пишетъ, что по смерти Роберта Диррахій сданъ королю Далмаціи и Сербіи Водину; а этотъ на условіяхъ передалъ его Алексѣю. Carol. du Fresne ad h. l.

⁽³⁾ Подъ именемъ Магистра Сиѡа ходятъ нѣкоторыя сочиненія, на-примѣръ: Хроника на простонародномъ греческомъ языкѣ, отъ сотворенія міра до Константина Дуки; вѣрный показатель снова въ алфавитномъ порядкѣ, переведенный съ арабскаго; Павелъ Аравитянинъ,—тоже переводъ съ арабскаго. Объ этихъ сочиненіяхъ упоминаетъ книга de Antiquitate et Bibliothecis Constantinopoleos № 3. 6. Но этотъ Сиѡъ тотъ ли, о которомъ говоритъ Анна? По крайней мѣрѣ—правдоподобно, потому что онъ относится къ тому же вѣку. Кажется, не слѣдуетъ толичать его отъ Симеона Веста, или Сиѡа антиохійскаго Магистра,

вившійся познаніями въ астрологій, предсказалъ его кончину и, свое предсказаніе изложивъ на бумагѣ, запечаталъ ее и вручилъ приближеннымъ къ царю лицамъ съ тѣмъ, чтобы они до нѣкотораго времени хранили эту бумагу. Потомъ, когда Робертъ скончался, бумага, по его приказанію, была вскрыта,—и въ ней нашлось слѣдующее предсказаніе: «сильный врагъ съ Запада, надѣлавъ много тревоги, падетъ неожиданно». Прочитавъ это, всѣ удивились знанію того человѣка, достигшаго высоты въ такой мудрости. Но отступимъ немного отъ предмета своей исторіи и прослѣдимъ кратко, что это за искусство прорицаній. Это—новѣйшее изобрѣтеніе⁽¹⁾; времена древнія не знали такой науки. Способа прорицаній не было и при величайшемъ астрономѣ Евдоксѣ⁽²⁾; не имѣлъ этого знанія и Платонъ; не говорилъ о немъ ничего опредѣленнаго и достигшій совершенства⁽³⁾ звѣздоцетъ Манеонъ. У нихъ при прорицаніяхъ не употреблялось ни гороскопа⁽⁴⁾, ни утвержденія цент-

которому приписываются книги о свѣдахъ, и другія философскаго и медицинскаго содержанія. Обзоръ ихъ сдѣланъ Львомъ Азійцемъ in *Diatriba de Simeonibus*. Никита in *Manuele* l. 5. упоминаетъ еще о Сиеѣ, жившемъ нѣсколько позднѣе.

(1) Замѣчаніе на это выраженіе см. у Никифора Григоры l. 5 cap. 15.

(2) Евдоксъ Книдскій первый изъ тайниковъ египетской философіи почерпнулъ свѣденіе объ астрономіи и сообщилъ его своимъ соотечественникамъ. *Diog. Laert* l. 8 v. *Vitruv.* l. 9 cap. 7.

(3) Астрономія встарину дѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ занималась движеніемъ звѣздъ и называлась *метеорологія*, а другая—самымъ вліяніемъ ихъ, и ея имя было *апотелесматикъ* или *поичтихъ*. Манеона почитаетъ Анна апотелесматикомъ, потому что онъ наблюдалъ время рожденія людей по отношенію къ звѣздамъ, или посвящалъ свои труды гороскопій. *Carol. du Fresne ad h. l.*

(4) Гороскопъ есть математическій инструментъ, показывающій дол-

ровъ (1), ни наблюдений надъ цѣлымъ созвѣздіемъ, ни всего того, что изобрѣтатель этихъ приемовъ передалъ потомкамъ и что извѣстно тѣмъ, которые занимаются такимъ суемудріемъ. Когда-то и мы немного занимались этой наукой,— не для того, чтобы производить что-либо подобное (отнюдь нѣтъ), а для того, чтобы, обличивъ такое пустословіе, обличить и тѣхъ, которые занимаются имъ. Я пишу объ этомъ не изъ хвастовства, но съ наиѣреніемъ показать, что при самодержцѣ Алексѣѣ возводимы были къ совершенству многія науки, что философовъ и самую философію онъ уважалъ; если же обнаруживалъ нѣкоторую нелюбовь къ астрологіи, то, думаю, потому, что она расположила многихъ, весьма добронравныхъ людей, засматриваясь на звѣзды, отступать отъ надеждъ высшихъ. Вотъ причина, по которой самодержецъ былъ врагомъ науки звѣздохетства. Впрочемъ отъ этого тогда не было недостатка въ астрологахъ; въ то время процвѣталъ и вышеупомянутый Снѣ и тотъ Египтянинъ Александріецъ, обильнѣйшій въ изъясненіи таинствъ астрологіи. Многіе обращались къ нему съ вопросами, и онъ весьма вѣрно предсказывалъ будущее. Ино-

готу дня и ночи. Астрологи пользовались имъ для опредѣленія положенія созвѣздій при рожденіи человѣка. Они называли это положеніемъ рожденія и приписывали ему чрезвычайное вліяніе на дѣла и судьбу людей.

(1) Утвержденіемъ центра въ астрологіи называлось отношеніе точки, соотвѣтствующей времени рожденія къ горизонту той же точки. Sidon. Arollin. l. 8 epist. 11. Такимъ центровъ могло быть четыре: *ὁράκοπος* или *ἀνατολή*, *ὑπόγειος* или *ἀντιμεσηράνημα*, *δύσις* и *μεσηράνημα*. О значеніи этихъ словъ читай примѣчанія Іосифа Скал. ad Manillii libr. 2.

гда, и не прибѣгая къ астрологiи, предсказывалъ онъ посредствомъ какого-то собранiя голосовъ. Но это отнюдь не было искусство прорицанiя, а логическое искусство Александрiйца. Видя, что юношество собирается къ нему и считаетъ его за какого-то пророка, самодержецъ и самъ дважды предлагалъ ему вопросы, а Александрiецъ столько же разъ удачно отвѣчалъ на нихъ. Однакожъ, побоявшись, какъ бы это не было для многихъ вредно и какъ бы всѣ не уклонились къ суетѣ астрологiи, царь изгналъ его изъ столицы и назначилъ ему мѣстомъ жительства Редестъ, гдѣ впрочемъ не лишилъ его великой своей заботливости, но велѣлъ отпускать ему изъ царской казны на содержанiе значительную сумму денегъ. Отличался въ этой наукѣ и искуснѣйшiй дiалектикъ Элевѣрій, тоже Египтянинъ, и достигъ въ ней величайшей ловкости, такъ что никому никогда не уступалъ первенства. Вслѣдствiи прибылъ въ столицу изъ Аѳинъ нѣкто по имени Катананкъ, и надѣялся превзойти всѣхъ своихъ соперниковъ. Однажды кто-то спросилъ его о времени смерти самодержца, и онъ предсказалъ ему смерть, но, какъ думали, ошибся въ своемъ предсказанiи. Однакожъ случилось, что въ то самое время, послѣ четырехдневной лихорадки, издохъ содержавшiйся въ царскомъ дворцѣ левъ,—и въ этомъ многiе видѣли исполненiе Катананкова предсказанiя. Спустя довольно долго послѣ того, Катананкъ опять предсказалъ смерть самодержца, и опять обманулся. Но въ тотъ день, къ которому относилось его пред-

сказаніе, умерла по крайней мѣрѣ царица Анна, мать его. Не смотря на то, что этотъ астрологъ обманывался всякій разъ, какъ предсказывалъ, и тѣмъ обличалъ самъ себя, царь не хотѣлъ изгнать его изъ города, чтобы не показалось, будто прогоняетъ его отсюда по побужденію гнѣва. Но возвратимся опять къ тому, на чемъ остановились, чтобы не подумали, будто, заговорившись о вещахъ заоблачныхъ, мы затемняемъ свою исторію астрологическими именами. Робертъ, какъ сохранилась молва и какъ нѣкоторые говорили о немъ, былъ отличный полководецъ, съ проникательнымъ умомъ, съ показною наружностію; рѣчь его была мягка, говоръ выразительный, голосъ громкій; нравомъ онъ былъ доступенъ, ростомъ высокъ, волосы на головѣ всегда сохранялъ въ порядкѣ, бороду и мѣлъ ⁽¹⁾ длинную, постоянно старался соблюдать обычаи своего племени, до самой смерти сохранилъ цвѣтъ лица и всего тѣла, любовался въ себѣ тѣми качествами, за которыя по самому

(1) Изъ этихъ словъ Анны видно, что Норманны въ то время отпустили бороду, тогда какъ Франки брили ее. Ордерикъ (l. 11 ad AMCIV) свидѣтельствуетъ, что сагинскій епископъ Серлонъ внушалъ англійскому королю Генриху I, князю Нормандіи Роберту II и прочимъ Норманнамъ, чтобы они бросили длинные волосы и бороды. Причемъ онъ говоритъ такъ: *in barba prolixa hircis assimilantur, quorum petulantiae sordibus fornicarii et catamitae turpiter maculantur*. Но Робертъ, подражая Франкамъ, въ послѣдствіи, вѣроятно, сталъ брить бороду. Это явствуетъ изъ клятвы, данной имъ предъ послѣднимъ отправленіемъ въ походъ противъ Алексѣя. *Per animam patris mei Tancredi juro, говорилъ онъ, et hoc jurejurando vobis assero, quod donec reversus ad vos fuero, non utar balneo, barba mea non radetur, neque cesaries mihi tonsurabitur*. Orderic. l. 7.

виду почитали его достойнымъ царствованія, честили всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а особенно тѣхъ, которые показывали ему больше преданности. Но онъ былъ также очень скупъ, сребролюбивъ, жаденъ до корысти и стяжаній, и при этомъ чрезвычайно славолубивъ. Рабоблгствуя всѣмъ этимъ страстямъ, онъ навлекалъ на себя со всѣхъ сторонъ сильное порицаніе. Нѣкоторые осуждаютъ самодержца за малодушіе и за то, что онъ тогда рано взялся воевать съ Робертомъ. Если бы т. е. самодержецъ не напалъ на него прежде благопріятнаго времени, то, говорятъ, легко одолѣлъ бы его въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда онъ со всѣхъ сторонъ тѣснимъ былъ частію такъ называемыми Арвантиянами, частію высланными Водиномъ Далматами. Но это такіе порицатели, которые сами стоятъ внѣ стрѣлъ и только своимъ языкомъ посылаютъ въ сражающихся острые стрѣлы. Кому не извѣстно мужество Роберта, его ловкость въ войнѣ и твердость характера! Пѣтъ,—не легко, а очень трудно было побѣдить такого человека, который, испытавъ пораженіе, становился еще отважнѣе.

8. Царь съ побѣдными трофеями вступаетъ въ столицу, въ сопровожденіи перешедшихъ къ нему, какъ выше сказано, Латинянъ графа Вриненія, и въ первое число мѣсяца декабря, седьмаго индикта ⁽¹⁾ находитъ царицу въ мукахъ рож-

⁽¹⁾ Первое декабря, въ седьмомъ индиктѣ падаетъ на 1083 годъ; следовательно въ этомъ году родилась Анна.

денія. А царицы разрѣшались отъ бремени въ издавна назначенномъ для того отдѣленіи дворца. Встарину это отдѣленіе называли порфиною ⁽¹⁾, отъ чего и вошло въ употребленіе имя порфирородныхъ ⁽²⁾. На разсвѣтъ дня (то была суббота) рождается имъ дочь, совершенно похожая, какъ говорили, на отца. Это была именно я. И я слыхала, какъ иногда сама царица, моя мать, рассказывала, что за три дня до вступленія царя во дворецъ (ибо онъ, послѣ тѣхъ многочисленныхъ сраженій и трудовъ, уже возвращался съ войны, которую велъ съ Робертомъ), она, страдая муками родовъ, осѣнила свою утробу крестнымъ знаменіемъ и сказала: «оставайся еще здѣсь, дитя, до возвращенія отца». Протовестіарія ⁽³⁾, мать ея много, говорятъ, бранила ее за это, и съ гнѣвомъ говорила: «а что, если онъ пріѣдетъ черезъ мѣсяць? Какъ перенесешь ты такіа му-

(1) Это зданіе въ числѣ дворцовыхъ построекъ имѣло форму квадратную, находилось у воротъ Вуколеона и сооружено изъ краснаго мрамора, отъ чего и названо порфиною. Луитпрандъ говоритъ (l. 1 cap. 2), что оно построено было Константиномъ Великимъ. Carol. du Fresne ad h. l.

(2) Анна и Луитпрандъ подъ словами «порфирородный» разумѣютъ то лице, которое родилось въ дворцовомъ зданіи—порфирѣ гдѣ могли разрѣшаться отъ бремени только царицы. Но другіе порфирородными называютъ тѣхъ, которые родились, когда отецъ ихъ былъ въ порфирѣ, то есть, занималъ царскій престолъ. Такъ говоритъ императоръ Коммодъ у Геродіана (l. 1): καὶ μὴ περὶθέντα μὲ ἰδιωτικῶν σπαργάνων, ἀλλὰ τῷ τῆς γαστρὸς προελθεῖν, ἢ βασιλεὺς ὑπεδέξατο πορφυρίᾳ.

(3) Протовестіарія была супруга Кесаря Іоанна Дуки, слѣдовательно бабка Ирины, а не мать. Ирина родилась отъ супруги Андроника, дочери Трояна, сына болгарскаго царя Самуила (Врѣенн. кн. 3 гл. 6). Но обычай называть бабку матерью верѣдокъ.

ченія»? Такъ разсуждала ея мать, но приказаніе царицы было исполнено, и это еще во чревѣ предзнаменовало будущую мою любовь къ родителямъ; ибо и послѣ того, достигнувъ совершеннолѣтія и развившись въ понятіяхъ, я любила и отца, и мать. И многіе могутъ засвидѣтельствовать о моихъ чувствахъ,—особенно всѣ тѣ, которымъ извѣстны мои обстоятельства, и свидѣтельство ихъ подтверждается самими моими подвигами за родителей, трудами и опасностями, которымъ я подвергалась изъ любви къ нимъ, не щадя ни чести, ни денегъ, ни самой жизни. Любовь къ нимъ такъ воспламеняла меня, что я часто готова была отдать за нихъ и душу. Впрочемъ рѣчь пока не о этомъ. Обратимся опять къ тому, что случилось со мною въ самое время моего рожденія. Когда совершено было съ возможною роскошью все, что обыкновенно дѣлается для новорожденныхъ царскихъ дѣтей, то есть—представителями сената и войска принесены поздравленія, дары и разные знаки почестей; тогда всѣ больше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, предались радости, танцовали и пѣли, особенно близкіе къ царицѣ по крови не знали, какъ и быть отъ удовольствія. Затѣмъ по прошествіи нѣсколькихъ дней, родители удостоиваютъ и меня короны и царской діадимы. А такъ какъ сынъ прежняго царя Михаила Дуки, Константинъ, о которомъ мы часто упоминали прежде, соцарствовалъ еще самодержцу, моему отцу,—вмѣстѣ съ нимъ красными чернилами подписывалъ подарки, и въ торжественныхъ

процессіяхъ сопутствовалъ ему съ тіарою на головѣ, и въ провозглашеніяхъ упоминаемъ былъ на второмъ мѣстѣ; то распоряжавшіе провозглашеніями въ торжественныхъ случаяхъ приказывали провозглашать и меня и именовать Константина и Анну. Это, какъ я часто слыхала въ послѣдствіи отъ моихъ родственниковъ и родителей, исполнялось довольно долгое время. И, можетъ быть, было предзнаменованіемъ случившихся со мною послѣ то счастливыхъ, то несчастныхъ событій. Потомъ у царей родилась и другая ⁽¹⁾ дочь, лицомъ походившая на родителей и обнаружившая въ послѣдствіи блестящія качества ума и сердца; но они пожелали родить еще дитя мужскаго пола, и это, по ихъ молитвамъ, исполнилось. Когда наступилъ одиннадцатый индиктъ, родился у нихъ и сынъ ⁽²⁾. Родители истинно обрадовались этому, и уже не было на лицѣ ихъ даже слѣда печали, потому что исполнилось ихъ желаніе. Да и всѣ подданные были въ восторгѣ, что видѣли своихъ владыкъ такъ обрадованными и, поздравляя другъ друга, торжествовали. Надобно было видѣть дворецъ полный веселія: тамъ не встрѣчалось никакой печали и никакой другаго рода задумчивости; тамъ одни, расположенные къ царю, радовались отъ искренняго сердца, а другіе по крайней мѣрѣ притворялись, что радуются; ибо есть под-

⁽¹⁾ Вѣроятно Марія, которую Зонара называетъ первою изъ дочерей Алексѣя. L. 15 sub fin.

⁽²⁾ То есть Іоаннъ Комнинъ, бывшій потомъ царемъ и прозванный *Καλοφρόνως*. Petr. Alb. Clun. l. 2 epist. 39.

данные, нисколько нелюбящіе своихъ владыкъ, за то чрезвычайно притворные и ласкательствомъ привлекающіе къ себѣ правителей. Не смотря на это, тогда, какъ явствовало, всѣ радовались, потому что рожденіе царевича всѣмъ доставляло удовольствіе. Дитя было цвѣтомъ смугло⁽¹⁾, съ широкимъ челомъ, съ сухощавыми щеками, съ носомъ и не покланымъ и не выгнутомъ, но съ какимъ-то среднимъ между тѣмъ и другимъ; глаза у него были еще чернѣе и выказывали дарованія быстрыя, на сколько это можетъ выказываться въ тѣлѣ младенца. Желая возвести это дитя на высоту самодержавія и оставить ему жребій царствованія надъ римскою имперією, родители удостоиваютъ его въ великой Божіей церкви святаго крещенія и коронованія ⁽¹⁾. Такъ было съ нами порфирородными съ первой минуты нашего рожденія. А что случилось послѣ, о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

9. Прогнавъ Турковъ отъ побережья въ Визиніи, отъ самаго Босфора и выше лежащихъ странъ, самодержецъ Алексѣй заключилъ съ

⁽¹⁾ Вильгельмъ Тирскій (l. 15 cap. 23) говоритъ о немъ такъ: *fuit autem statura mediocris, carne et capillo niger, unde et cognomento dicitur etiam hodie Maurus, facie despicibili, sed moribus conspicuus et actibus insignis militaribus*. По замѣчанію Никиты, къ Іоанну относится послѣдняя часть перваго предсказанія императора Льва: *βαπτίζεσθαι ρικιν καὶ μέλας ὄλος*.

⁽²⁾ Іоаннъ нареченъ царемъ около 1091 или слѣдующаго года, какъ это показываетъ дипломъ архіепископа неаполитанскаго, приведенный Уггелемъ подъ № 10. *In nomine Dei Salvatoris N. J. C. imperante domino nostro Alexio magno imperatore anno XIV, sed et Ioanne porphyrogenito magno imperatore ejus filio anno III die XVII mensis sept. indict. III. etc.*

Солиманомъ, какъ выше было сказано, мирный договоръ, и потомъ, направившись въ Иллирикъ, послѣ большихъ усилій, на голову разбилъ Роберта и сына его Боэмунда, и такимъ образомъ освободилъ Западъ отъ величайшаго бѣдствія. Но возвратившись оттуда, онъ нашелъ, что Турки, подъ предводительствомъ Апелхасима, опять безнокоятъ своими набѣгами не только уже Востокъ, но и всѣ земли до самой Пропонтиды и сопредѣльныхъ ей приморскихъ странъ. Теперь должна я рассказать, какъ Амиръ ⁽¹⁾ Солиманъ, вышедши изъ Никеи, оставилъ въ ней Апелхасима стеречь городъ, какъ Пузанъ, посланный персидскимъ султаномъ въ Азію, побѣжденъ былъ братомъ султана Тутусомъ и убитъ имъ, и какъ самъ Тутусъ, послѣ побѣды надъ Пузаномъ, былъ задушенъ двоюродными своими братьями. Одинъ человекъ, родомъ изъ Арменіи, по имени Филаретъ ⁽²⁾, прославившійся храбростію и умомъ и возведенный прежде царствовавшимъ Романомъ Діогеномъ въ достоинство Доместика, какъ скоро узналъ о несчастьи Діогена и о томъ, что онъ лишенъ зрѣнія, по своей сильной любви къ нему, не могъ перенести этого, но замыслилъ измѣну и хотѣлъ передать ему во власть городъ Антиохію. А такъ

(1) Слово Амиръ у Аравитянъ соответствуетъ греческому *κύριος*. Латинскіе историки, перенося его на свой языкъ, искажали различными образомъ. Напримѣръ у Алберта Акв. (I. 3 cap. 39) оно превращено въ *Ammirabilis*, у Тудебольда (I. 5) въ *Ammiratus*, у Отто Фризинг. (I. 7 cap. 4) въ *Admirabilis*, у Льва Ост. въ *Admiratus*. Русскіе писатели обыкновенно говорятъ: *амиръ*.

(2) Объ этомъ Филаретѣ см. Zonar. in Romano Diogene.

какъ въ окрестностяхъ этого города Турки ежедневно производили грабежи, до того, что не давали ему покоя; то онъ вознамѣрился перейти ⁽¹⁾ къ нимъ и по ихъ обычаю принять обрѣзаніе. Сынъ Филарета сильно старался отклонить его отъ такого безумнаго намѣренія, но его разумный совѣтъ не былъ принятъ. Опечаленный этимъ, онъ въ восемь дней прибылъ въ Никею и, представившись Амиру Солиману, получившему тогда достоинство султана, склонялъ его къ осадѣ Антиохіи и возбуждалъ къ войнѣ противъ своего отца. Солиманъ согласился на это и, намѣреваясь отправиться къ Антиохіи, оставилъ стеречь Никею лучшаго изъ всѣхъ своихъ полководцевъ Апелхасима съ титуломъ главноначальствующаго; а самъ, имѣя при себѣ и Филаретова сына, въ двѣнадцать ночей (ибо, не желая возбудить подозрѣнія, днемъ стоялъ неподвижно), пришелъ къ Антиохіи, и взялъ ее приступомъ. Въ то же время Харатикъ тайно завладѣлъ и Синопомъ, узнавъ, что тамъ находится довольно количество золота и денегъ, лежавшихъ въ царскомъ казнохранилищѣ. А Тутусъ ⁽²⁾, братъ великаго султана,

(1) Антиохія подпала подъ власть Турковъ при калифѣ Абулхасимѣ въ 1084 году, слѣдовательно въ царствованіе Алексѣя, и находилась въ ихъ власти 14 лѣтъ, то есть до завоеванія ея Франками въ 1098 году. Raymund. de Agiles p. 148. Will. Tyr. l. 5 cap. 11.

(2) Имя Тутуса латинскіе писатели произносятъ разнымъ образомъ: у Эрпенія онъ—Tagiuddatas Nisus, у Ватерія—Tageuldulas. Тутусъ былъ братъ великаго турецкаго султана Gielaluddaulae, или Gelaloldulae Ма-ссосае, и сынъ Barselami Salgencidae sultani. Въ 1084 году онъ не только овладѣлъ Алеппомъ, но, убивъ Солимана, взялъ и Антиохію и сдѣлался властелиномъ всей Сиріи. Carol. du Fresne ad h. l.

владѣвшій Іерусалимомъ, всею Месопотаміею и Алепомъ до самой Вагды, и имѣвшій виды на Антиохію, когда увидѣлъ, что Амиръ Солиманъ отвергъ покорность ему и уже получилъ власть надъ Антиохіею, со всѣми своими войсками занялъ пространство между Алепомъ и Антиохіею. Какъ скоро Амиръ Солиманъ встрѣтился съ нимъ, тотчасъ завязалось жестокое сраженіе и, послѣ рукопашнаго боя, воины Солимана, обративъ тылъ, бросились опростомелью бѣжать. Солиманъ долго ободрялъ ихъ, но, немогши удержатъ отъ бѣгства и видя опасность надъ головою, присѣлъ, какъ ему казалось, въ безопасномъ мѣстѣ и, положивъ на землю щитъ, припалъ къ ней, однако не скрылся отъ своихъ соплеменниковъ. Нѣкоторые изъ сатраповъ подошли къ нему и сказали, что дядя его Тутусъ требуетъ его къ себѣ. Подозрѣвая опасность, онъ отказывался идти, и когда сатрапы настаивали, а онъ не могъ противиться имъ, потому что былъ одинъ, то обнажилъ мечъ и насквозь пронзилъ имъ свое сердце. Такимъ образомъ злодѣй умеръ злодѣйски; спасшееся же войско Амира Солимана немедленно перешло къ Тутусу. Узнавъ объ этомъ великій султанъ и, опасаясь возрастающей силы Тутуса, послалъ къ самодержцу Сіауса ⁽¹⁾ съ предложеніемъ

⁽¹⁾ Сіаусъ—имя должности при дворѣ турецкаго султана. Leunclav. Pandect. Turc. № 172. Начальникъ Сіаусовъ, или по латинскому произношенію, Zanzigum, вазывался Басса, о каковой должности говоритъ также Leuncl. № 228. И у византійскихъ царей были свои *χιδαστοι*, которыхъ писатели чаще называютъ *Τζαντις*, *Acropolit.* cap. 60, а начальника ихъ—*μέγαν Τζανούστον*.

вступить съ нимъ въ родство и обѣщаль, если это состоится, отозвать Турковъ отъ приморскихъ странъ, сдать ему крѣпости и помогать со всѣмъ усердіемъ. Носмотрѣвъ на Сіауса и прочитавъ прѣ себя письмо султана, царь не сказалъ ничего о предлагаемомъ родствѣ, но, замѣтивъ въ Сіаусѣ умнаго человѣка, спросилъ его, откуда онъ родомъ и кто его родители. Когда же этотъ признался, что по матери онъ происходитъ отъ Иберійцевъ, а отецъ его—Турокъ, самодержецъ сталъ всячески склонять его къ принятію святаго крещенія. Сіаусъ согласился на это и увѣрилъ самодержца, что, принявъ святое крещеніе, онъ не поѣдетъ назадъ. А такъ какъ онъ письменнымъ султанскимъ указомъ уполномоченъ былъ, лишь только самодержецъ согласится заключить съ султаномъ родственный союзъ, выгнать всѣхъ сатраповъ изъ приморскихъ городовъ, которыми они владѣли, показавъ имъ султанское письмо, объявлявшее на то его волю; то царь убѣдилъ Сіауса воспользоваться этимъ письмомъ, — предъявить сатрапамъ султанскій указъ и, прогнавъ ихъ оттуда, возвратиться въ столицу. Тотъ весьма охотно отправился сперва въ Синопъ и, показавъ султанское письмо Харатику, выгналъ его изъ этого города, такъ что не далъ ему захватить изъ царскихъ денегъ ни одного овола. При этомъ вотъ что случилось: когда Харатикъ, выходя изъ Синопа, разрушилъ храмъ во имя прененорочной Владычицы нашей Богородицы; тогда, по Божію провидѣнію, преданный како-

му-то демону, какбы мстителю, онъ упалъ и изрыгалъ пѣну, а потомъ въ такомъ же неистовствѣ и вышелъ оттуда. Управление же Синопомъ Сіаусъ возложилъ на Константина Даласенскаго, который былъ посланъ къ нему царемъ. Такъ обошелъ онъ и прочіе города и, показывая сатрапамъ султанское письмо, выгонялъ ихъ оттуда, а начальниками въ тѣхъ городахъ поставлялъ сатраповъ самодержца. Исполнивъ это, Сіаусъ возвращается къ царю и, принявъ святое крещеніе, за которымъ слѣдовали великіе дары, возводится въ достоинство Дукса анхіальскаго.

10. Когда вѣсть о самоубійствѣ Амира Солимана распространилась по всей Азіи, каждый изъ сатраповъ, поставленный для охраненія города или мѣстечка, старался занимаемую имъ крѣпость удержать въ своей власти и присвоить себѣ; ибо, отправляясь въ Антиохію и поручивъ Апелхасиму охраненіе Никеи, Амиръ въ то же время, какъ сказано, роздалъ различнымъ сатрапамъ и приморскіе города, и Каппадокію, и всю Азію, чтобы каждый изъ нихъ хранилъ свой удѣлъ въ ожиданіи его возвращенія. Апелхасимъ, какъ тогдашній Арансатрапъ Никеи, владѣлъ этимъ городомъ, въ которомъ былъ даже султанскій дворецъ, а города каппадокійскіе предоставилъ своему брату Пулхасу, и жилъ безпечно, мечтая достигнуть султанскаго достоинства,—думалъ даже, что оно уже въ его рукахъ (ибо былъ человѣкъ сильный и отважный). Притомъ, онъ не хотѣлъ довольствоваться

ся тѣмъ, что есть, но высылалъ летучіе отряды и опустошалъ всю Вивинію до самой Пропонтиды. Употребляя прежній способъ, самодержецъ и съ своей стороны высылалъ отряды, а вмѣстѣ съ тѣмъ склонялъ Апелхасима къ мирнымъ условіямъ, но узнавъ, что онъ всегда замышляетъ что-то тайное и откладываетъ переговоры, рѣшился послать противъ него сильное войско. Онъ назначилъ въ никейскій походъ Татикія, о которомъ мы упоминали много разъ, и, давъ ему достаточныя силы, приказалъ искусно нападать на непріятелей, если случится встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ нихъ внѣ города. Прибывъ туда и воспользовавшись неоявленіемъ въ то время Турковъ, расположилъ свое войско въ должномъ порядкѣ близъ стѣнъ. Турки сдѣлали вылазку изъ города въ числѣ двухъ сотъ чловѣкъ и толпою напали на него. Но Кельты, которыхъ такъ же было не мало, увидѣвъ Турковъ, взяли длинныя свои копья ⁽¹⁾ на перевѣсъ и, быстро устремившись противъ нихъ, многихъ ранили, а остальныхъ прогнали обратно въ крѣпость. Послѣ того Татикій опять поставилъ войско въ прежній порядокъ до заката солнца, и, такъ какъ за воротами не видно было ни одного Турка, то онъ отступилъ къ Василеѣ ⁽²⁾, которая отстоитъ

⁽¹⁾ Кельты или Галлы особенно превосходны были въ искусствѣ дѣйствовать копьемъ. Nicet. in Manuele l. 3 № 3. Киннамъ кн. 2. Fulcherius Carnot. l. 2 cap. 41. Sed quia sciebant milites nostros esse probissimos bellatores et mirabiles de lanceis percussores, non sunt ausi cum iis bellum committere.

⁽²⁾ Василея—едва ли не тотъ самый городъ, который у Константина Порфиророднаго называется *Βασιλειον* и принадлежалъ къ анкирскому округу. Carol. du Fresne ad h. l.

отъ Никен на двѣнадцать стадій, и окопался рвомъ. Ночью пришелъ къ нему одинъ земледѣлецъ, съ извѣстіемъ, что туда идетъ съ пятидесятью тысячами войска Просухъ, посланный отъ новаго султана Паргіаруха ⁽¹⁾. Удостоверившись въ этомъ и чрезъ другихъ и не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы противостать такому многочисленному войску, Татикій отложилъ прежній свой планъ и призналъ за лучшее сохранить въ цѣлости свою армію, чѣмъ, сражаясь съ немногими противъ многочисленнаго и сильнѣйшаго врага, погубить ее всю. Поэтому задумалъ онъ о столицѣ и имѣлъ намѣреніе возвратиться туда чрезъ Никодимію. Но Апелхасимъ, увидѣвъ со стѣны, что онъ направляется къ Константинополю и уже вступилъ въ путь, вышелъ изъ крѣпости и слѣдовалъ за нимъ, чтобы, когда онъ станетъ лагеремъ въ какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ, напасть на него. Усмотрѣвъ наконецъ, что Татикій прибылъ къ Нренету, онъ сходится съ нимъ и смѣло завязываетъ бой. Римскій полководецъ немедленно поставилъ свои силы въ боевой порядокъ и поручилъ Кельтамъ первымъ наскákatъ на варваровъ и начать битву. Кельты, схвативъ свои длинныя копья и опустивъ поводья, ринулись на нихъ, какъ огонь, разорвали ихъ фаланги и обратили ихъ въ совершенное бѣгство. Затѣмъ Татикій опять направился въ столицу чрезъ Ви-

⁽¹⁾ Паргіарухъ—lat. Barciarocus, иначе,—Gelalolduli sev Toparae sultani filius, двоюродный братъ Тутуса, который завладѣлъ его султаніагомъ въ 1094 году. Carol. du Fresne ad h. l.

онію. Апелхасимъ однакожъ не хотѣлъ успокоиться. Онъ сильно желалъ пріобрѣсть скипетръ римской имперіи, а если это неудастся, покрайней мѣрѣ овладѣть всѣми приморскими землями и даже самыми островами. Въ этой мысли сперва рѣшился онъ построить хищническіе корабли и взять Кіосъ ⁽¹⁾,—городъ, причисляющійся къ Вионіи и лежащій при морѣ. Дѣло, повидимому, шло по желанію; корабли строились. Но и это не укрылось отъ самодержца. Онъ тотчасъ вооружилъ диремы, триремы и другіе бывшіе готовыми военные корабли и, поручивъ начальство надъ ними Мануилу Вутумиту, послалъ его противъ Апелхасима, съ приказаніемъ постараться сжечь недостроенныя Апелхасимовы суда въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они будутъ найдены. А по сухому пути отправилъ онъ съ значительнымъ войскомъ Татикія. И такъ, когда оба они вышли изъ города, и Апелхасимъ увидѣлъ, что Вутумитъ быстро приближается къ нему съ моря, а потомъ узнавъ, что ему угрожаютъ и съ суши, между тѣмъ какъ мѣсто, имъ занимаемое, находилъ неудобнымъ по причинѣ его неровности, тѣсноты и совершенной негодности для стрѣлковъ, которымъ нельзя было свободно стрѣлять съ него въ римскую конницу, рѣшился онъ сняться отсюда и расположить свои силы на удобномъ мѣстѣ. И такъ онъ перешелъ на мѣсто, кото-

(1) О такой географической мѣстности города см. Strab. l. 12. Theophan. p. 200—403.

рое одни называютъ Аликасомъ, а другіе Кипариссіемъ. Прибывъ моремъ, Вутумить скорѣе, чѣмъ выговорить слово, сжегъ корабли Апелхасима; а на другой день пришелъ сухимъ путемъ и Татикій и, расположивъ войско въ удобномъ мѣстѣ, съ утра до вечера, въ продолженіе пятнадцати дней не давалъ Апелхасиму покоя, то стрѣляя въ него издали, то вступая съ нимъ въ рукопашный бой. Но такъ какъ Апелхасимъ нисколько не уступалъ, но сильно противостоялъ; то Латиняне, соскучившись наконецъ, хотя мѣсто битвы не благопріятствовало имъ, стали требовать, чтобы Татикій пустилъ ихъ однихъ въ битву съ Турками. Сколь ни несогласна была эта рѣшимость съ его мыслями, однакожъ, видя, что къ Апелхасиму ежедневно прибываютъ турецкія войска, онъ уступилъ желанію Латинянъ,—и, при восходѣ солнца построивъ фаланги, открылъ сраженіе съ Апелхасимомъ. Множество Турковъ было тогда убито, а еще больше взято въ плѣнъ; многіе изъ нихъ убѣжали, не позаботившись даже о своихъ судахъ; и самъ Апелхасимъ, пустившись бѣжать прямо въ Никею, едва спасся. Воины же Татикія, получивъ здѣсь богатую добычу, возвратились въ свой лагерь. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ, чрезвычайно способный подстергать душу челоуѣка и смягчать каменную натуру, послалъ тогда къ Апелхасиму письмо и совѣтовалъ ему удержаться отъ этихъ напрасныхъ усилій, не бить въ воздухъ, но присоединиться къ нему и, освободившись отъ множества тру-

довъ, получить богатые дары и почести. Такъ какъ Апелхасимъ узналъ, что Просухъ осадилъ занимаемыя нѣкоторыми сатрапами крѣпости и уже приближается къ Никеѣ, чтобы осадить и ее; то принявъ, какъ говорится, нужду за честь, и вмѣстѣ угадывая мысли царя, смѣло согласился примириться съ нимъ. Когда мирный договоръ былъ между ними заключенъ, самодержецъ, имѣвшій въ виду и другую выгоду, которой инымъ способомъ достигнуть было невозможно, пригласилъ Апелхасима въ столицу, чтобы онъ получилъ тамъ деньги, наслаждался вдругъ разными удовольствіями, и потомъ возвратился домой. Апелхасимъ согласился на это и, когда прибылъ въ столицу, ему оказываемо было всевозможное вниманіе. Но такъ какъ Никомидіею (а этотъ городъ былъ митрополіею Виѳиніи) владѣли управлявшіе Никеею Турки; то царь, желая выгнать ихъ оттуда, счелъ нужнымъ, пока еще продолжались ихъ любезности съ Апелхасимомъ, построить у моря другую крѣпость ⁽¹⁾. И такъ онъ отправилъ транспортные корабли со всѣмъ необходимымъ и съ самыми мастерами, а наблюденіе за постройкой крѣпости возложилъ на Друнгарія флота Евставія и, открывъ ему тайну, приказалъ, что, если будутъ проходить мимо какіе-нибудь Турки, то обходились бы съ ними, сколько можно, дружелюб-

(1) Это вѣроятно та самая крѣпостца, которую Греки называли *Κα-
ρὶτον*, и которая построена была при никомидійскомъ заливѣ. Orderic.
Vital. l. 4. Этотъ писатель рассказываетъ, что храненіе ея Алексѣй въ-
нелъ Варягамъ.

нѣе и до сытости надѣляли ихъ подарками, уверяя, что крѣпость строится съ вѣдома Апелхасима, потомъ всю флотилію увезли бы отъ береговъ Вноиніи, чтобы Апелхасимъ не зналъ объ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, ежедневно выдавая Апелхасиму деньги, царь не преставаѣлъ тѣшить его банями, верховыми скачками, охотою, также осмотромъ столбовъ на большихъ дорогахъ. Кромѣ того, приказалъ онъ возницамъ устроить для Апелхасима конское ристалище по образцу театра ⁽¹⁾, въ древнія времена построеннаго Константиномъ, и каждый день побуждалъ его отправляться туда и смотрѣть на испытаніе лошадей, чтобы такимъ образомъ протянуть время и дать возможность справиться съ работою строителямъ крѣпости. Когда же крѣпость была готова и планъ приведенъ былъ къ концу, онъ осыпалъ Апелхасима большими подарками, почтилъ достоинствомъ Севаста и, еще больше скрѣпивъ союзъ съ нимъ, отправилъ его съ честію морскимъ путемъ. Потомъ, когда сообщили Апелхасиму о постройкѣ крѣпости, онъ, хотя и былъ уколотъ сооруженіемъ ея, однакожъ притворился, будто знаетъ объ этомъ, и молчалъ. Подобное рассказываютъ и объ Алкивиадѣ; ибо и онъ такъ же обманулъ Лакедемонянъ, когда они не соглашались на возобновленіе Аѳинъ, разрушенныхъ Персами.

(1) Здѣсь подъ словомъ *ἵατρον* разумѣется мѣсто не для сценическихъ представленій, а для скачки лошадей. Этотъ ипподромъ или циркъ началъ строить Северъ, а докончилъ постройку его Константинъ В. Zosim. l. 2. Glycas et Codinus in Origin. CP.

Велѣвъ Аѳинянамъ возобновлять городъ, самъ онъ отправился посломъ въ Лакедемонъ и долѣ тянулъ время своего посольства, чтобы дать строителямъ возможность окончить работу, пока Лакедемоняне, уже по совершеніи обмана, не узнали, что Аѳины выстроены. О такомъ искусномъ обманѣ его упоминаетъ иногда въ своихъ рѣчахъ и Пеланій. Такова же была уловка и моего отца, и даже еще искуснѣе, чѣмъ Алкивіадова; ибо, забавляя этого варвара ристалищами и другими удовольствіями и удерживая его со дня на день, онъ успѣлъ построить крепость,—и тогда уже отпустилъ этого человека изъ столицы, когда дѣло было совсѣмъ окончено.

11. Между тѣмъ Просухъ, чего ожидали, съ сильнымъ войскомъ подступилъ и осадилъ Ницію,—какъ это пересказывалъ тогда Татицію человекъ, пришедшій къ нему ночью,—и цѣлыхъ три мѣсяца держалъ городъ въ осадѣ. Осажденные, и въ томъ числѣ самъ Апелхасимъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не видя возможности долѣе противостоять Просуху, отправили къ царю пословъ и просили его помощи, говоря, что для нихъ лучше называться его слугами, чѣмъ дать руки Просуху. Царь, тотчасъ выбравъ лучшихъ воиновъ, какіе были на лицо, и давъ имъ знамена и жезлы съ серебряными нащѣчками, отправилъ ихъ на помощь,—ибо онъ послалъ войско не за тѣмъ собственно, чтобы помочь Апелхасиму; по мыслямъ самодержца, эта помощь назначалась на гибель

Апелхасима. Изъ двухъ враждующихъ между собою враговъ римской имперіи нужно было подкрѣпить слабѣйшаго,—не для того, чтобы онъ сдѣлался сильнѣе, а для того, чтобы, отразивъ одного, у другаго потомъ отнять городъ, и это чужое владѣніе сдѣлать своимъ, такимъ же образомъ мало по малу овладѣвать и прочими однимъ за другимъ и расширить предѣлы римской имперіи, значительно стѣсненные съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось сильнымъ оружіе Турковъ. Въдъ было время, когда границы римской имперіи означались столбами, которыми оканчивается Востокъ и Западъ и изъ которыхъ одни—западные называются Геркулесовыми, а другіе—восточные, поставленные близъ границъ Индіи, Діонисовыми. Нечего и говорить о томъ, какова была римская имперія по ея могуществу. Египетъ и Мероя ⁽¹⁾, вся Троглодитика ⁽²⁾ и земли, прилежающія къ жаркому поясу, а съ другой стороны—знаминитая Оула ⁽³⁾ и всѣ народы

⁽¹⁾ Мероя иначе называлась Еѳіопією, съ городомъ Савою, откуда приходила къ Соломону царица, управлявшая также Кандакією. Имя Мерои эта страна получила, говорятъ, отъ имени сестры или матери той царицы. Hoffmann. Lex.

⁽²⁾ Троглодитикою Анна называетъ восточную или ту часть Абиссиніи, которая простиралась по западному берегу Чермнаго Моря. Троглодиты жили въ рывинахъ, уважали бѣдность и питались змѣями. Въ этой странѣ были города Ptolemais Ferratum—нынѣ Сваквемъ, Adulis—нынѣ Эрकोко или Арквикко, и Avalites или Зеила. Hoffmann. Lex.

⁽³⁾ Подъ именемъ Оулы древніе Греки и Римляне разумѣли какой-то мифическій островъ на краю земли, и притомъ на сѣверѣ. Впрочемъ представленія Оулы въ подробностяхъ были весьма различны. У Прокція (1. 2.) готская Оула есть Скандія—не островъ, а полуостровъ. У Циція Массиліенскаго Оула отстоитъ на шесть дней пути отъ Британіи и, повидимому, соответствуетъ Исландіи. У Марона и Птолемея Оулою

населяющіе сѣверъ, которыхъ жилища оканчиваются сѣвернымъ полюсомъ,—все это входило въ составъ римской имперіи. Въ тогдашнее же время границами ея были къ востоку Босфоръ, а къ западу городъ Адріанополь. Только царь Алексѣй, отбиваясь, какъ бы собственными руками, отъ нападающихъ на него со всѣхъ сторонъ варваровъ и дѣйствуя изъ столицы, будто изъ центра, на окружность имперіи, такъ расширилъ кругъ ея, что на западѣ граничила она Адріатическимъ моремъ, а на востокѣ—Тигромъ и Евфратомъ. Онъ возвратилъ бы государству и прежнее благосостояніе, если бы этому его стремленію не препятствовали постоянныя войны и непрерывные труды и опасности (ибо самодержецъ, дѣйствительно, подвергался частымъ и великимъ опасностямъ). Я сказала выше, что, посылая войско тиранну Никеи Апелхасиму, онъ имѣлъ въ виду не то, чтобы избавить его отъ опасности, но чтобы самому одержать побѣду; но счастье не поблагопріятствовало ему. Дѣло было такъ: посланные подступили къ одному мѣстечку, носившему имя господина Георгія; Турки тотчасъ отворили имъ ворота. Они взошли на верхъ восточныхъ воротъ къ зубцамъ стѣны и, поставивъ въ кучу знамена и скиптры, подняли шумъ и безпрестанно провозглашали свою побѣду. Устрашенное этимъ, осадное войско, стоявшее за стѣною,

называется небольшой островъ, лежащій подъ 63 градусомъ, гдѣ самый большой день 20 часовъ, и отстоящій отъ Британіи на два дня пути, что соответствуетъ одному изъ аркадскихъ острововъ. Нойман. Lex.

думая, что прибылъ самъ самодержецъ, ночью ушло оттуда, а римскія силы опять возвратились въ столицу, потому что ихъ было не такъ много въ сравненіи съ Персами, которыхъ прибытія ожидали изъ глубины турецкой имперіи.

12. Между тѣмъ султанъ ждалъ возвращенія Сіауса: увидѣвъ же, что онъ медлитъ, и узнавъ, какъ онъ хитростію выгналъ Харатика изъ Синопа, какъ принялъ святое крещеніе и потомъ посланъ былъ самодержцемъ на Западъ—въ сандъ Дукса анхіальскаго, предался досадѣ и гнѣву; поэтому счелъ нужнымъ снова послать Пузана съ войскомъ противъ Апелхасима и вмѣстѣ отправить къ самодержцу письмо съ предложеніемъ тогоже родственнаго союза. Это письмо было слѣдующаго содержанія: «я слышалъ, царь, о твоихъ дѣлахъ, какъ ты, съ самаго начала, по вступленіи на царство, подвергался многимъ испытаніямъ и какъ, во время борьбы твоей съ Латинянами, собрались на тебя Скионы да и самъ Амиръ Апелхасимъ, нарушивъ договоръ, заключенный тобою съ Солиманомъ, опустошаетъ Азію до самаго Дамалиса. Но если хочешь, чтобы и выгнанъ былъ изъ тѣхъ странъ Апелхасимъ, и подчинилась твоей власти Азія, самая Антіохія; то пришли ко мнѣ свою дочь въ невѣсты первородному моему сыну. Тогда не будешь ты имѣть ни въ чемъ преграды и, при моей помощи, при содѣйствіи войскъ, которыя пришлю къ тебѣ, можешь легко успѣть во всемъ не только на Востокъ, но и до самаго Иллирика, на всемъ Западѣ». Такъ писалъ персид-

скій султанъ. Между тѣмъ Пузанъ подступилъ къ Никеѣ и, не разъ, а многократно пытаясь овладѣть ею, терпѣлъ неудачи; потому что Апелхасимъ, испросивъ и получивъ отъ царя помощь, мужественно отражалъ его нападенія. Это заставило Пузана отступить оттуда и устремиться на другіе города и мѣстечки, а потомъ остановиться лагеремъ у Лампы⁽¹⁾, рѣки близъ Лопадіона⁽²⁾. По удаленіи его, Апелхасимъ, навьючивъ на пятнадцать муловъ столько золота, сколько они могли нести, отправился съ нимъ къ персидскому султану, чтобы, представивъ ему этотъ даръ, не лишиться власти и нашелъ его въ то время въ Спахѣ. Но такъ какъ султанъ не позволилъ ему даже и видѣть себя, то онъ обратился къ посредникамъ. Обезпокоиваемый наконецъ посредниками, султанъ сказалъ: «если я однажды ввѣрилъ власть Амиру Пузану, то уже не хочу ее отнимать у него. Итакъ пусть Апелхасимъ отвезетъ свои деньги Пузану и ему выскажетъ все, что хочетъ; удобное Пузану угодно будетъ и мнѣ!» И такъ, промедливъ тамъ довольно долго, не мало перенесши непріятностей и не успѣвъ ни въ чемъ, онъ отправился оттуда, показывая видъ, что ѣдетъ къ Пузану, и на пути встрѣченъ былъ посланными противъ него Пузаномъ двадцатью отборными людьми и сатрапами; ибо отъ Пузана не скрылось его отсутствіе изъ Никеи. Посланные схватили его

(¹) Въ другомъ мѣстѣ (I. XI) Апна называется Лампу городомъ.

(²) Лопадіонъ см. Киннам. стр. 40.

и, набросивъ ему на шею веревку, сплетенную изъ сухихъ жилъ, задушили его. По моему мнѣнію это было дѣло не Пузана; такъ распорядился касательно Апелхасима самъ султанъ. Вотъ что случилось съ Апелхасимомъ. Прочитавъ письмо султана, самодержецъ не хотѣлъ и думать о его предложеніи. Да и что въ самомъ дѣлѣ? Царская дочь, которой просилъ въ своемъ письмѣ султанъ, чтобы сочетать ее бракомъ съ старшимъ его сыномъ, была бы по всей вѣроятности несчастна, еслибы отправилась въ Персію и приняла участіе въ царствованіи надъ страною, до жалости бѣдною. И Богъ не благословлялъ этого брака, и царь не желалъ, чтобы онъ совершился, хотя бы даже обстоятельства его были весьма стѣснительны. Но этому, лишь только выслушалъ онъ первыя строки письма, тотчасъ сталъ смѣяться надъ такимъ желаніемъ варвара и сказалъ: «демонъ вложилъ ему это въ душу». Такъ думалъ самодержецъ о предлагаемомъ бракѣ. Впрочемъ, считая нужнымъ питать мысли султана тщетными надеждами, онъ отправилъ къ нему Куртикія и еще трехъ человѣкъ въ качествѣ посланниковъ, съ письмомъ, въ которомъ высказалъ, что онъ охотно принимаетъ условія мира и на предложеніе согласенъ, только просить нѣсколько подождать до благопріятныхъ обстоятельствъ. Отправленные изъ Византіи послы еще не доѣхали до Хорасана, какъ должны были возвратиться, услышавъ объ убіеніи султана. Родной братъ его Тутусъ, умертвившій

Амира Солимана, равно какъ зятя, который воевалъ противъ него въ Аравіи, узнавъ, что султанъ вступаетъ уже въ мирныя условія съ самодержцемъ, задумалъ убить и брата. Съ этою цѣлію, призвавъ къ себѣ двѣнадцать человѣкъ, такъ называемыхъ на персидскомъ языкѣ Хасіевъ⁽¹⁾, дышущихъ убійствомъ, онъ отправилъ ихъ къ султану въ качествѣ пословъ и указалъ имъ способъ, какъ убить его: «ступайте, говорить, и прежде распространите слухъ, что намѣрены сообщить султану нѣчто тайное; и когда дозволятъ вамъ доступъ къ нему, вы, какъ будто желая бесѣдовать съ нимъ наухо, приблизьтесь къ нему и тотчасъ изрубите моего брата». Послы или лучше убійцы, посланные будто на пиръ или на гулянье, съ величайшею охотою отправились умертвить султана. Они нашли его пьянымъ и, пользуясь полною свободою, потому что стража султана стояла далеко, приблизились къ нему и, обнаживъ мечи, тотчасъ изрубили несчастнаго. Такова кровожадность Хасіевъ: они считаютъ для себя удовольствіемъ вонзить мечъ въ грудь человѣка. Если же потомъ за это самое кто-нибудь искрошилъ бы и ихъ самихъ,—они такую смерть почитаютъ сватьбою, и страсть къ убійству, будто какое отцовское наслѣдство, передаютъ и внушаютъ одинъ другому. Такъ было и въ этотъ разъ: никто изъ нихъ не возвратился къ Тутусу; всѣ они получили какбы воздая-

(¹) Хасіи—имя не собственное, а нарицательное, означающее на персидскомъ языкѣ убійцы. Nicet. in Isaacio l. 1 № 6. in Alexio l. 3. № 6. Іоаннъ Фока называетъ ихъ Хасисіями. Descript. Terrae Sanctae cap. 3.

ніе за свое убійство. Узнавъ объ этомъ, Пузанъ ⁽¹⁾ двинулся со всѣми силами къ Хорасану, и, какъ скоро прибылъ туда, братъ убитаго Тутусъ тотчасъ принялъ его: произошла рукопашная битва. Обѣ стороны дрались мужественно, потому что одна другой никакъ не хотѣла уступить побѣды. Наконецъ Нузанъ, подвизавшійся храбро и приводившій въ замѣшательство всѣ фаланги, былъ смертельно раненъ и палъ; а воины его искали спасенія въ бѣгствѣ и разсѣялись—кто куда. Тутусъ возвратился въ Хорасанъ побѣдителемъ и думалъ уже, что теперь онъ получилъ султанское достоинство. Между тѣмъ опасность висѣла надъ его головою; потому что сынъ убитаго султана Тапара ⁽²⁾, Паргіарухъ, встрѣтившись съ нимъ, обрадовался, по выраженію поэта, будто левъ, изгибающій огромное свое тѣло. Напрягши весь свой умъ и руки, онъ разорвалъ войско Тутуса на многія части и, обративъ его въ бѣгство, сильно преслѣдовалъ. Тутъ былъ убитъ и самъ надменный, подобно Навату ⁽³⁾, Тутусъ. А когда Апелхасимъ, какъ я выше рассказала, отправился съ деньгами къ султану въ Хорасанъ, Никею занялъ и

⁽¹⁾ Лице, которое Анна называетъ Пузаномъ, у Эль-Мацина называется Екстакаромъ или Іесанкаромъ. Carol. du Fresn. ad h. l.

⁽²⁾ Почему убитаго султана Анна называетъ Тапаромъ, неизвѣстно; у Эль-Мацина, какъ было выше замѣчено, онъ называется Гелялуд-дивломъ или Гелялоддуломъ.

⁽³⁾ Ересеначальникъ Наватъ описывается Отцами Церкви, какъ челоуѣкъ, чрезвычайно гордый и надменный. По этому имя его вошло въ пословицу, какъ символъ гордости. *Arrogantia et stupore superbi tumoris inflatus fuit Navatus*, говоритъ Кипріанъ. Epist. 49.

держалъ братъ его Пулхасъ. Услышавъ объ этомъ, самодержецъ предлагалъ ему богатые подарки, если онъ, передавъ ему городъ, самъ выйдетъ изъ него. Пулхасъ соглашался, но все откладывалъ, имѣя въ мысляхъ Апелхасима, и въ извиненіе своей медленности представлялъ самодержцу причину за причиною, а на самомъ дѣлѣ выжидалъ возвращенія своего брата. Между тѣмъ случилось слѣдующее: въ Хорасанѣ у султана, убитаго Хасіями, содержались въ плѣну два сына великаго Солимана. Послѣ султановой смерти они убѣжали оттуда и поспѣшно прибыли въ Никею. Жители Никеи, любившіе народное правленіе, увидѣвъ ихъ, приняли. А Пулхасъ охотно сдалъ имъ Никею, какъ отцовское ихъ наслѣдство. Тогда старшій изъ нихъ, по имени Кличестланъ ⁽¹⁾, провозглашенъ былъ султаномъ. Онъ перевелъ въ Никею женъ и дѣтей, принадлежавшихъ тѣмъ, которые въ то время находились въ этомъ городѣ и, поселивъ ихъ здѣсь, сдѣлалъ его, такъ сказать, резиденціею султановъ. Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Никеѣ, Кличестланъ удалилъ отъ начальства Пулхаса и, поручивъ управленіе надъ бывшими въ Никеѣ сатрапами архисатрапу Мухамету, оставилъ его здѣсь, а самъ отправился противъ Мелитина.

(1) Провозглашенный никейскимъ султаномъ, Кличестланъ вскоре одалъ Никею своему брату Солиману, а самъ правилъ Ликаоніею или Каппадокіею; потому что во время перваго крестоваго похода правителемъ Никей былъ Солиманъ, а не Кличестланъ. Carol du Fresne ad h. l.

13. Вотъ что было съ султанами. Между тѣмъ главный сатрапъ Элханъ занялъ своими войсками Аполлоніаду и Кизикъ (два города, и оба приморскіе), и производилъ опустошеніе по всему поморью. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ снарядилъ значительное число судовъ, какія случились (ибо флотъ былъ еще неготовъ), и, помѣстивъ на нихъ храбрыхъ воиновъ съ осадными машинами, ввѣрилъ начальство надъ ними Александру Евфорвину, человѣку знатнаго рода и славному своимъ мужествомъ, и отправилъ его противъ Элхана. Прибывъ къ Аполлоніадѣ, Евфорвинъ тотчасъ началъ осаду. После шестидневныхъ приступовъ къ стѣнѣ, не вовсе прекращавшихся и по ночамъ, онъ овладѣлъ наружною крѣпостною оградой, которую теперь обыкновенно называютъ предгородною (ἐξώπολον). Но акрополь былъ упорно отстаиваемъ Элханомъ, который надѣялся, что къ нему придутъ силы отнѣ. Наконецъ Александръ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что на помощь къ Элхану идетъ значительное варварское войско, между тѣмъ какъ его силы не равняются и незначительной части приближающагося войска, и призналъ за лучшее, если не побѣдить, то по крайней мѣрѣ сохранить своихъ въ цѣлости. Видя вмѣстѣ съ тѣмъ, что его положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ и что ему не остается средствъ къ спасенію, онъ направился къ морю и, вошедши на свои корабли, поплылъ туда рѣкою. Но Элханъ, угадавъ цѣль Александра, поспѣшилъ занять устье озера и

мость ⁽¹⁾ на рѣкѣ, на которомъ св. Елена въ давнее время построила храмъ во имя Великаго Константина; такъ что съ тѣхъ поръ этотъ мостъ донынѣ сохранилъ свое названіе. Итакъ, поставивъ въ помянутомъ устьѣ и на самомъ мосту съ обѣихъ сторонъ воинственнѣйшихъ людей, Элханъ велѣлъ имъ высматривать движеніе лодокъ. Поэтому, какъ скоро всѣ Римляне на судахъ ⁽²⁾, о которыхъ я говорила, вошли въ устье озера, тотчасъ попали въ поставленную Элханомъ западню. Увидѣвъ грозящую имъ бѣду и не зная, что дѣлать, они направили свои корабли къ берегу и высадились изъ нихъ на сушу. Турки настигли ихъ, и завязался сильный бой. Тутъ многіе изъ начальниковъ взяты были въ плѣнъ, а многіе, попадавъ въ рѣку, пошли на дно. Узнавъ объ этомъ и не вынося пораженія, царь послалъ противъ Турковъ значительное войско сухимъ путемъ, подъ начальствомъ Опа. Этотъ, прибывъ къ Кизику, взялъ его приступомъ. Потомъ, выбравъ между своими людьми стѣноводителей и безстрашныхъ, числомъ до трехъ сотъ, послалъ ихъ противъ Пиманена. Эти овладѣли

(¹) Здѣсь разиѣтся озеро лопадское, изъ котораго вытекаетъ рѣка, называвшаяся въ древности Риндакомъ; при устьѣ этой рѣки построена была Аполлонія, какъ свидѣлствуютъ Плиній, Птоломей и Стефанъ.

(²) Эти суда у Анны называются *ἀγάρια*. Подъ симъ словомъ можно разумѣть τὰ πρὸς ἰχθύων ἀγρὰν σκάφη, то есть лодки рыболововъ, о которыхъ говоритъ Nicetas in Isaacio l. 1. № 6. Но Константинъ Порфирородный (de admon. imp. sar. 31) полагаетъ, что на этихъ лодкахъ византійскіе цари ѣзжали по Босфору въ загородные дворцы; отсюда *ἀγρὰς* означило in suburbana praedia secedere. Carol. du Fresne ad h. l.

имъ сразу, и однихъ изъ находившихся въ городѣ непріятелей убили, а другихъ отослали плѣнниками къ Опу. Плѣнныхъ Опъ немедленно отправилъ къ царю, а самъ, снявшись съ того мѣста, прибылъ къ Аполлоніадѣ и началъ настойчивую осаду. Элханъ, не имѣя у себя на ту пору достаточнаго войска, сдалъ городъ по своей волѣ, да и самъ съ своими родными предался царю и, въ числѣ множества даровъ, получилъ самый великій, разумѣю — святое крещеніе. А которые не хотѣли слѣдовать за Опомъ, какъ-то: Скаліарій и впослѣдствіи почтенный титуломъ Свѣтлѣйшаго***, тѣ, узнавъ о милостяхъ и щедрыхъ дарахъ самодержца къ Элхану, тоже перешли къ нему и получили желаемое; ибо этотъ государь былъ подлинно лице священнѣйшее и какъ дѣломъ, такъ и словомъ, можно сказать, архіерей всякаго благочестія. Онъ обладалъ способностію учительства въ нашихъ догматахъ и какъ своими убѣжденіями, такъ и рѣчами выражалъ даръ апостольства; онъ старался привлечь въ нашу вѣру не только номадовъ, т. е. Скиѳовъ, но и всю Персію, и всѣхъ варваровъ, населяющихъ Египетъ и Ливію и преданныхъ суевѣрнымъ обрядамъ Магомета.

14. Но довольно объ этомъ. Теперь я хочу рассказать о другомъ нападеніи на римскую державу, которое было ужаснѣе и важнѣе прежняго, и опять обращаюсь нѣсколько назадъ; ибо римская имперія была обуреваема съ разныхъ сторонъ. Одно скиѳское племя, ежедневно разграбляемое Сарматами, оставивъ свои жилища, под

ступило къ Дунаю. Такъ какъ Скиѣамъ необходимо было при этомъ заключить мирный договоръ съ насельниками береговъ Дуная; то они, съ общаго согласія, и вошли въ переговоры съ властями дунайскихъ поселенцевъ-Татомъ и Халомъ по имени, съ Сеславомъ и Сатпей (нужно помнить имена отличныхъ между ними людей, хотя это и безобразить составъ исторіи), изъ которыхъ первый владѣль Дристрою ⁽¹⁾, а прочіе Видиною и другими городами. Итакъ, заключивъ съ ними союзъ, Скиѣы потомъ безпрепятственно перешли чрезъ Дунай и опустошали окружающую страну; такъ что взяли нѣсколько мѣстечекъ и, имѣя въ нихъ нѣкоторую осѣдлость, воздѣлывали землю и сѣяли просо и пшеницу. Тогда извѣстный Манихей Травль съ своими послѣдователями, равно какъ и единомышленники ихъ, владѣвшіе мѣстечкомъ на высотахъ Веліатовы, о которыхъ выше говорено было пространнѣе, узнавъ о дѣлахъ Скиѣовъ, родили то, чѣмъ давно бременѣли. Занявъ лѣсистыя пути и тѣснины, они пригласили къ себѣ Скиѣовъ и оттуда опустошали всѣ римскія земли; ибо Манихеи были по природѣ весьма воинственны и, какъ псы, всегда алкали человѣческой крови. Узнавъ объ этомъ, царь Алексѣй приказываетъ Доместику Запада Пакуріану, котораго искусство устроить войско, разставлять фаланги и производить самыя разнообразныя

(1) Дристра или Дриста, какъ у Кедрина, въ древности называлась Доростоломъ. Это былъ городъ малой Мизіи и лежалъ при Дунаѣ. Carol. a S. Paulo in Geograph. sacra p. 20. 32.

стратегическія движенія было извѣстно государю, вмѣстѣ съ Враною, который тоже былъ мужъ весьма воинственный,—принять начальство надъ войсками и отправиться противъ Маннихеевъ. Нашедши, что Скиѣы, по переходѣ уже тѣснивъ, стояли лагеремъ у Веліатовы, и видя несчетное множество ихъ, Пакуріанъ теперь пока уклонился отъ сраженія съ ними и положилъ, что въ настоящее время лучше будетъ сохранить свои войска безъ битвы, чѣмъ, вступивъ въ бой съ неприятелями, потерпѣть пораженіе и потерять много воиновъ. Но Вранѣ, который очень любилъ опасности и былъ отваженъ, не нравилось это. А Доместикъ, опасаясь, чтобы уклоненіе его отъ сраженія не подало повода подозрѣвать его въ робости, уступилъ рвенію Враны и, когда по его приказанію всѣ вооружились, поставилъ войско въ боевой порядокъ, и самъ, управляя центромъ фаланги, пошелъ на Скиѣовъ. Но такъ какъ римское войско не равнялось даже незначительной части противниковъ, то всѣ при первомъ уже взглядѣ ощутили страхъ. Одакожъ схватываются съ Скиѣами, и многіе падаютъ въ битвѣ; палъ и Врана, пораженный на смерть. Тоже и Доместикъ, въ жару битвы и во время сильныхъ наскоковъ на противниковъ, ударившись о дубъ, тотчасъ испустилъ духъ. А остатки войска разсѣялись въ разныя стороны, Узнавъ объ этомъ, самодержецъ оплакалъ павшихъ—и всѣхъ вмѣстѣ, и каждого порознь; особенно же скорбѣлъ онъ о смерти Доместика и проливалъ ручьи слезъ, ибо отменно любилъ этого

человѣка еще прежде возшествія своего на престолъ. Впрочемъ отъ этого не упалъ онъ духомъ, но, снабдивъ Татикія достаточнымъ количествомъ денегъ, послалъ его въ Адрианополь, съ приказаніемъ выдать воинамъ годовое жалованье и собрать отовсюду силы, чтобы снова составилось достаточное войско. А Убертопулу велѣлъ оставить въ Кизикѣ сильную стражу и съ одними Кельтами поспѣшно отправиться къ Татикію. Увидѣвъ Латинянъ и Убертопула, Татикій ободрился, тѣмъ болѣе, что и самъ успѣлъ уже собрать значительное войско, и тотчасъ выступилъ противъ Скиѳовъ. Прибывъ къ Филиппополю, онъ разбилъ лагерь при устьѣ рѣки, протекающей по Влису, и, какъ скоро увидѣлъ Скиѳовъ, возвращающихся послѣ грабежа съ богатою добычею и плѣнными, тотчасъ, не успѣвъ еще сложить оружія внутри лагеря, отдѣлилъ значительный отрядъ и послалъ противъ нихъ; потомъ, вооружившись самъ и приказавъ вооружиться всѣмъ, установилъ фаланги и послѣдовалъ за отправленными напередъ воинами. Увидѣвъ же, что Скиѳы, везшіе добычу и плѣнныхъ, соединились съ остальнымъ войскомъ, расположеннымъ на вершинѣ холма, онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ половины и, приказавъ на обѣихъ сторонахъ пѣтъ военныя пѣсни, съ великимъ крикомъ и шумомъ напалъ на варваровъ. Произошла упорная битва, и множество Скиѳовъ пало; немало ихъ также разсѣялось и спаслось. Татикій возвратилъ всю добычу ихъ и побѣдителемъ пошелъ въ Филиппополь. Рас-

положивъ тамъ все войско, думалъ онъ, откуда и какъ бы лучше опять напасть на варваровъ, и, зная чрезвычайную многочисленность ихъ, рассылалъ во всѣ стороны соглядатаевъ, чтобы чрезъ нихъ постоянно получать извѣстія о Скиѣхъ. Соглядатаи возвратились и донесли, что огромная толпа варваровъ находится при Веліатовѣ и опустошаетъ окрестности. Ожидая нападенія Скиѣовъ и противъ такой многочисленности ихъ не имѣя у себя достаточнаго войска, Татикій совершенно терялся въ мысляхъ и стоялъ въ нѣрѣшимости, хотя впрочемъ острилъ мечъ и ободрялъ войско къ битвѣ. Въ это время прибылъ одинъ человѣкъ и донесъ, что варвары хотятъ напасть на него и уже подошли близко. Татикій тотчасъ вооружился и приказалъ вооружиться всему войску; потомъ немедленно перешелъ чрезъ Эвръ и, расположивъ фаланги по отрядамъ, сталъ въ боевую позицію и избралъ себѣ мѣсто въ центрѣ строя. Тоже и варвары установились по-скиѣски и, приготовивъ свои силы къ битвѣ, показывали видъ, что хотятъ сраженія и вызываютъ противниковъ на бой. Между тѣмъ оба войска находились въ страхѣ и не расположены были къ схваткѣ. Римляне боялись многочисленности Скиѣовъ, а Скиѣы римскихъ латъ, знаменъ, сіяющихъ одеждъ и отражающагося отъ нихъ блеска, на подобіе звѣздныхъ лучей. Одни Латиняне, будучи безстрашнѣе и отважнѣе всѣхъ, хотѣли напередъ начать битву и точили вмѣстѣ зубы и мечи. Но Татикій удерживалъ ихъ; ибо это былъ мужъ твердый и лег-

но могъ предугадывать будущее. И такъ оба войска стояли спокойно и каждое ждало движенія со стороны другаго; но такъ какъ ни одинъ воинъ не смѣлъ выѣхать на поле битвы ни съ той, ни съ другой стороны, а между тѣмъ солнце склонялось уже къ западу, то вожди обоихъ войскъ отправились въ свои палатки. Такъ прошло два дня. Военачальники всякій разъ приготавливались къ сраженію и становились въ боевую позицію; но такъ какъ никто не рѣшался первый вступить въ бой, то на третій день по утру Скиѣы начали отступать. Узнавши объ этомъ, Татикій тотчасъ погнался вслѣдъ за ними. Но пѣшій, какъ говорится, конному не товарищъ. Скиѣы успѣли уже перейти чрезъ Сидиру (такъ называется одна тѣснина). Не настигнувъ ихъ тамъ, Татикій собралъ всѣ свои войска и отправился въ Адрианополь. Оставивъ тамъ Кельтовъ и приказавъ войску разойтись по домамъ, самъ онъ съ небольшою частию войска возвратился въ столицу.

КНИГА VII.

1. Съ началомъ весны, Челгуй (это былъ главный предводитель скиѣскаго войска), ведя войско, смѣшанное изъ Савроматовъ, Скиѣовъ и не малаго числа Даковъ, которыхъ вождемъ былъ

такъ называемый Соломонъ ⁽¹⁾, всего же имѣя подѣ собою около восьмидесяти тысячъ чело- вѣкъ, перешелъ чрезъ прилежавшія къ Дунаю тѣснины и началъ грабить ближайшіе къ Харіуполю ⁽²⁾ города; потомъ, очутившись въ са- момъ Харіуполѣ и взявъ большую добычу, за- нялъ такъ называемое мѣсто Скотинонъ. Узнавъ объ этомъ, Николай Маврокатакалонъ и Вембе- ціотъ ⁽³⁾, получившій это прозваніе по своей ро- динѣ, съ подчиненными себѣ войсками, отпра- вляются въ Памфилонъ ⁽⁴⁾. Видя же, что сель- скіе жители прилежащихъ мѣстечекъ съ вели- кимъ страхомъ сбѣгаются въ города и крѣпости, они поднимаются съ такъ называемаго Памѣи- лона и, ведя съ собою все войско, идутъ въ мѣстечко Кули. Между тѣмъ Скиѣы шли поза- ди и, открывъ направленіе римскаго войска (какъ обыкновенно выражаются воины), слѣдовали за нимъ по пятамъ. Съ разсвѣтомъ дня, Челгуй выстроилъ свои силы и рѣшилъ сразиться съ Маврокатакалономъ. А этотъ, взойшедши съ нѣко- торыми изъ начальниковъ на возвышеніе, гос- подствовавшее надъ равниною, чтобы посмотре- ть на варварскія силы, и видя множество Скиѣовъ,

⁽¹⁾ Соломонъ венгерскій король, который въ то время велъ войну съ братомъ Гейзою, союзникомъ Алексѣя. Thworo. in chr. Hung. part. 2. cap. 50. 51. 52. Bonfin. Dec. 2. Reg. Hung. 1. 3. 4.

⁽²⁾ По Гофману (Lexic.), Харіуполь былъ городъ Лаковія, но здѣсь разумѣется очевидно какой-то другой. О немъ упоминаетъ также Виль- гардуинъ и другіе.

⁽³⁾ Если Вембеціотъ, по словамъ Анны, получилъ это имя отъ родины, то онъ могъ быть уроженцемъ города Вембеца, лежавшаго на берегу Евфрата и упоминаемаго Никитою in Ioanne. N 7.

⁽⁴⁾ Объ этомъ городѣ упоминаетъ также Вильгардуинъ.

хотя и сильно желалъ схватиться съ непріателемъ, однакожъ не рѣшался, представляя себѣ, что римское войско не равняется и малѣйшей части войска варварскаго. Возвратившись, съ начальниками всего ополченія и съ самимъ Іоанніаки, онъ сталъ разсуждать о томъ, слѣдуетъ ли сразиться съ Скиѣами. Такъ какъ начальники подстрекали его, да и самъ онъ порывался къ тому; то, раздѣливъ войска на три части и приказавъ поднять военный крикъ, онъ схватился съ варварами. Много тогда пало раненныхъ, не меньше было и убитыхъ. Впрочемъ и самъ Челгуй, сражаясь мужественно и приведя въ смятеніе всѣ фаланги, былъ смертельно раненъ и испустилъ духъ. И тогда многіе во время бѣгства, падая въ потокъ, протекавшій между Скотинономъ и Кули, топтали другъ друга и захлебывались. Одержавъ эту блистательную побѣду надъ Скиѣами, царскія войска вступили въ столицу. Здѣсь, получивъ отъ царя по заслугамъ подарки и почести, они отправились назадъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ самодержца Адрианомъ Комнинымъ, который въ то время возведенъ былъ въ санъ Доместика Запада.

2. Между тѣмъ Скиѣы, прогнанные отъ предѣловъ Македоніи и Филиппополя, снова возвратились къ Истру, расположили тамъ свой станъ и, проживая будто въ собственномъ владѣніи, безнаказанно производили грабежи. Услышавъ объ этомъ, царь не могъ сносить, что Скиѣы проживаютъ внутри римскихъ границъ, да притомъ и боялся, какъ бы, перешед-

ши тѣснины, не надѣлали они снова чего-нибудь еще хуже прежняго. Поэтому приготовивъ и хорошо вооруживъ войско, онъ идетъ въ Адрианополь, а оттуда отправляется въ Лардею ⁽¹⁾, лежащую въ срединѣ между Дамполомъ ⁽²⁾ и Голоей ⁽³⁾. Здѣсь, ввѣривъ команду Георгію Евфорвину, онъ послалъ его моремъ къ Дристрѣ, а самъ, пробывъ на одномъ мѣстѣ до сорока дней, отвсюду собиравъ силы. Собравъ же достаточное количество войска, хотѣлъ онъ, если можно, перейти укрѣпленные тѣснины и приняться за войну съ Скиѣами, ибо справедливо соображалъ, что этимъ варварамъ—Скиѣамъ давать покоя не слѣдуетъ; такъ какъ набѣги ихъ, начавшись въ которое-либо изъ четырехъ временъ года, не прекращались и въ слѣдующее годовое время, но если случались лѣтомъ, то пролжались до осени, а когда зимою, то—до заморозковъ. И такая бѣда опредѣлялась не однимъ годовымъ кругомъ, но тревожила римскую имперію много лѣтъ, хотя изъ многихъ мы упоминали только о нѣсколькихъ. Притомъ Скиѣы не раздѣлялись между собою въ мнѣніяхъ, хотя самодержецъ часто всячески располагалъ ихъ къ тому. Ни одинъ изъ нихъ даже тайно не передавался на сторону царя; мысли ихъ дотолѣ были еще неизмѣнчивы. Никифоръ Вріенній и Маврокатакалонъ Григорій, котораго царь выку-

⁽¹⁾ О Лардеѣ упоминаетъ также Никита in Isaacio l. 2 № 1.

⁽²⁾ Дамполь—крѣпость недалеко отъ Адрианополя. Scyzlitz. pag. 783.

⁽³⁾ О Голоѣ упоминаетъ также Скилица. pag. 787.

пилъ у Скиѳовъ изъ плѣна за сорокъ тысячъ, никакъ не одобряли войны съ Скиѳами за Истромъ. А Георгій Палеологъ, Николай Маврокатакалонъ и другіе молодые и цвѣтушіе возрастомъ военачальники, поддерживали желаніе царя и совѣтовали перейти эмскія тѣснины ⁽¹⁾ и принять сраженіе съ Скиѳами за Истромъ. На ихъ сторонѣ были и два сына самодержца Діогена, Никифоръ и Левъ, которые родились отъ него въ порфирѣ, послѣ того, какъ онъ принялъ царскій скипетръ, и потому назывались порфирородными. Порфира была дворцовое зданіе, отъ основанія до потолка имѣвшее видъ четвероугольника, а отъ потолка образовавшее пирамиду и фасадомъ обращенное къ морю противъ пристани, у которой стоятъ каменные быки и львы. Полъ этого зданія выстланъ былъ мраморомъ, мраморомъ же одѣты были и стѣны,—и не какимъ-нибудь, не тѣмъ, который обдѣлывается изъ другихъ дорогихъ камней, но который прежними царями привезенъ былъ изъ Рима. Этотъ камень, говоря вообще, весь пурпуровый, и только пробѣгаютъ по немъ въ видъ песчинокъ бѣлыя крапинны. По такимъ-то камнямъ, думаю, это жилище и называли встарину порфиною. Но

(1) Разумѣются тѣснины горы Гемуса, иначе *отевкоп*, какъ называется ихъ Theophylactus Simocatta l. 2 cap. 11. Они описываются Леунклиемъ in Pand. Turc. № 107. Онъ говоритъ: in Thraciam ex Bulgaria profecturis duplex iter est ad superandum Haemum: unus aditus à Trajano plerisque putatur factus, ubi adhuc quadrato lapide porta maxima spectatur, alter ad parvum est amnem, quem Sloditzam Bulgari vocant. См. у него же № 20. Проведеніе дороги чрезъ Гемусъ приписываютъ Траяну и Симокатта l. 8, cap. 4., и безымянный писатель de expedit. Asiat. Fred. 1.

продолжаю, о чемъ начала говорить.—Когда труба звучно призывала всѣхъ на дорогу къ Эму, чтобы сразиться съ Скиѣами, Вріенній сильно отклонялъ самодержца отъ этого предпріятія и, не убѣдивъ его, громко сказалъ: «знай, царь, что если перейдете Эмъ, то ты испробуешь быстрѣйшихъ своихъ коней». Когда же кто-то спросилъ, что это значитъ, онъ отвѣчалъ: «когда всѣ побѣгутъ». Этотъ человѣкъ, хотя и лишенъ былъ глазъ за возмущеніе, однакожь пользовался извѣстностью, какъ мудрѣйшій многихъ и сообразительнѣйшій совѣтникъ въ воинскихъ дѣлахъ. Кто желаетъ подробнѣе знать, какъ упомянутый Вріенній за возмущеніе или возстаніе противъ царя Вотаниата лишенъ былъ очей и какъ онъ, взятый Алексѣемъ Комнинымъ, который тогда былъ великимъ Доместикомъ западныхъ и восточныхъ войскъ, былъ переданъ съ здоровыми глазами Вориалу; того отсылаемъ къ великому Кесарю, такъ какъ этотъ Кесарь былъ зятемъ Алексѣя, уже держащаго римскій скипетръ, и внукомъ ⁽¹⁾ того Вріеннія. Но коснувшись его, я смущаюсь духомъ и готова плакать. Это былъ человѣкъ, мудрый по уму и еще болѣе мудрый по краснорѣчію. Въ немъ соединялись и украшали его

(1) По словамъ Зонары, сынъ Никифора Вріеннія, возставшаго противъ Вотаниата, былъ Никифоръ Кесарь, мужъ Анны. Но иначе говоритъ сама Анна: въ 10 книгѣ она рассказываетъ, что сынъ тиранна Вріеннія былъ взятъ и ослабленъ вѣстѣ съ отцемъ. Объ этомъ упоминаетъ и Вріенній Кесарь, усыновившій Вріенніеву сыну достоинство Патриція, I. 3. сар. 9. I. 4 сар. 12—14. Итакъ Никифоръ Кесарь былъ не сынъ, а внукъ тиранна Вріеннія.

и сила, и легкость, и красота, и вообще всѣ достоинства души и тѣла. Его одного превосходнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ и природа возрастила, и Богъ создалъ. И какимъ между древними выставилъ въ своихъ пѣсняхъ Омиръ Ахиллеса, такимъ между всѣми рожденными подъ солнцемъ могъ бы назвать всякій моего Кесаря. Этотъ Кесарь, отлично зная воинскія дѣла, не пренебрегалъ также и ученостью. Раскрывая всякую книгу и вникая во всякую науку, онъ пріобрѣлъ отъ того большую мудрость какъ въ дѣлахъ нашихъ, такъ и не нашихъ. Впослѣдствіи преданъ онъ и трудамъ литературнымъ и по приказанію моей государыни и матери, — то есть царицы Ирины, — написалъ достойное вниманія и чтенія сочиненіе — исторію о дѣлахъ моего отца, прежде чѣмъ взяты были имъ въ руки бразды правленія. Въ этой же книгѣ подробно говоритъ онъ о Врѣяніѣ и вмѣстѣ о несчастіяхъ этого своего предка, описываетъ также и доблести своего тестя, безъ всякой лжи, не смотря на то, что близокъ былъ къ обоимъ — къ одному по свойству, а къ другому по крови. Впрочемъ объ этомъ мы упоминали и въ прежнихъ книгахъ своей исторіи. Итакъ, когда Скионы увидѣли, что Георгій Евфорвинъ съ достаточнымъ войскомъ и флотомъ идетъ на нихъ и переправляется чрезъ Истръ (рѣка эта течетъ съ западныхъ странъ и, прорвавшись чрезъ пороги, вливается въ Евксинскій Понтъ пятью рукавами ⁽¹⁾). Она велика, многоводна, протекаетъ

(1) Vibius Sequester полагаетъ семь устьевъ Дуная, Плиній (L. 4 cap. 6) шесть, а Адрианъ (in periplo Ponti Euxini) пять.

большое пространство и судоходна, такъ что поднимаетъ самые большіе корабли и съ самымъ большимъ грузомъ, и не одно имѣетъ она названіе ⁽¹⁾, но у верховьевъ и истоковъ—имя ей Дунай, а въ низовьяхъ и устьяхъ названіе ея—Истръ),—когда, говорю, часть Скиѳовъ замѣтила на этой рѣкѣ Георгія Эвфорвина, а имъ уже было извѣстно, что сухимъ путемъ и самодержецъ ведетъ на нихъ многочисленное войско; тогда, находя, что съ обоими сражаться имъ трудно, стали они придумывать, какъ бы имъ скорѣе избѣжать опасности. И вотъ отправляютъ они сто ⁽²⁾ пословъ съ пятидесятью Скиѳами—просить о немедленномъ заключеніи мира и, ввернувъ въ рѣчь угрозу, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщать, что, если самодержецъ захочетъ склониться на ихъ представленія и просьбы, они дадутъ ему вспомогательное войско изъ тридцати тысячъ всадниковъ. Но самодержецъ, понявъ лживость Скиѳовъ и то, что они прислали такое посольство лишь для избѣжанія близкой опасности, и что, только бы имъ совершенно избавиться отъ ней, они затаенную искру своей злобы раздуютъ въ большой пламень, не принявъ посольства. Между тѣмъ какъ объ этомъ шло разсужденіе,—одинъ изъ

(1) Предѣлъ, отъ котораго эта рѣка получила другое названіе, у географовъ полагается не одинъ и тотъ же. У Плинія (l. 4 cap. 12) такимъ предѣломъ почитается Иллирикъ, у Страбона (l. 7)—ея порогъ, у Птолемея—городъ Аксіополь, у Анніана—устье впадающей въ нее рѣки Савы.

(2) Такое же число пословъ, по свидѣтельству Діона, прислали въ Римъ и Египтяне, когда жаловались на царя Птолемея.

писцовъ (¹), Николай, подошелъ къ самодерж-
цу и, наклонившись къ нему на ухо, шопотомъ
сказалъ ему: «въ нынѣшній день жди, царь, сол-
нечнаго затмѣнія». Когда же Алексѣй усомнил-
ся, тотъ побожился, что не лжетъ. Самодержецъ,
какъ человѣкъ въ высшей степени смѣтливый,
обратившись къ Скиѳамъ, сказалъ: «судь пре-
доставляю Богу: если въ нынѣшній день будетъ
явное знаменіе съ неба, то вы должны будете
совершенно согласиться, что я справедливо не
принимаю вашего посольства, какъ подозритель-
наго, что, то есть, ваши фаланговые вожди пред-
лагаютъ условія мира неискренно. Если же
нѣтъ, то я самъ буду обличенъ въ ложности
своей догадки». Не прошло еще и двухъ часовъ,
какъ солнечный свѣтъ померкъ, такъ что весь
дискъ солнца былъ безъ блеска, и подошла подъ
него луна. Тогда Скиѳы пришли въ ужасъ и
самодержецъ отдалъ ихъ Льву Никериту (это
былъ евнухъ, съ дѣтства жившій въ военныхъ
лагеряхъ и почитавшійся человѣкомъ испытан-
ной честности), поручивъ ему съ достаточнымъ
конвоемъ препроводить ихъ въ царствующій
городъ. Никеритъ весьма усердно спѣшилъ въ
Константинополь; а варвары, постоянно думав-
шіе объ освобожденіи себя, по прибытіи въ Ма-
лую Никею (²), ночью убиваютъ стражей, не-

(¹) Ὑπογραμματεύς имѣлъ значеніе придворнаго секретаря: ἀνάκτορον ἐπι-
γραμματεύς, ὃν φασὶ Ἀστυκρήτην.

(²) Эта Малая Никея въ изданіи Гешеліевома называется Νικίτζα для
отличія отъ Никей военной, которую Вильгардуинъ называетъ ве-
ликою, № 237. 734. Но у Вильгельма Тирскаго (I. 2. сар. 4) она по-

брежно державныхъ караулъ, и онопльными тропами возвращаются къ тѣмъ, которые послали ихъ. Никеритъ же, едва спасшись съ тремя другими, прибылъ къ самодержцу въ Голою.

3. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, какъ бы послы не возстановили противъ него все скиѣское войско и не напали на него, царь не нуждался въ сновидѣніи, которое бы возбудило его къ битвѣ, какъ нѣкогда сына Атреева Агамемнона, но самъ по себѣ рвался въ бой и, прошедши Сидиру, расположился лагеремъ у Вицины. Эта рѣка вытекаетъ изъ близлежащихъ горъ. Въ то время многіе, вышедши изъ лагеря для сбора сѣна и зашедши довольно далеко, были частію перебиты Скиѣами, частію забраны въ плѣнъ. Съ разсвѣтомъ же самодержецъ поспѣшно приближается къ Плескову ⁽¹⁾ и всходитъ на такъ называемый Симеоновъ Холмъ, у туземцевъ называвшійся также Скиѣскою Думою. Здѣсь опять тоже случилось съ тѣми, которые, для сбора необходимыхъ припасовъ, далеко отошли отъ лагеря. На слѣдующій день онъ идетъ къ одной рѣкѣ, протекающей по близости Дрист-

ситъ имя Ницы, а у другихъ (Exped. Frider.)—Ниссы. In fragmentis S. Hilarii p. 36 значится, что она сперва называлась Устоидио и была почтовою станціею, а потомъ сдѣлалась порядочнымъ городомъ; нынѣ же она—населенная Болгарами и Турками деревушка. Felix Rebantius in libello de itineribus aggrediendi Turcum c. 1. гдѣ она называется Nesus.

(1) Плесковъ—городъ въ Булгаріи, лежалъ на сѣверъ отъ Преславы (Шафар. Т. II. Кн I, стр. 360). Нѣкогда онъ былъ отнятъ у Булгаръ Василиемъ Булгароктономъ, о чемъ рассказываютъ Зонара и Скилица, а построенъ былъ, по свидѣтельству Кодица in Orig. С. Р., Константиномъ В.

ры, на разстояніи стадій двадцати четырехъ отъ того мѣста, и тамъ, сложивъ багажъ, располагается лагеремъ. Въ этомъ мѣстѣ Скиѣы, нечаянно напавъ съ другой стороны на царскую палатку, побили значительное количество легко вооруженныхъ воиновъ, и взяли въ плѣнъ нѣкоторыхъ отважно бившихся Манихеевъ. При этомъ въ войскѣ произошла большая тревога и суматоха такъ что безпорядочнымъ бѣгомъ лошадей опрокинута была царская палатка, что людямъ неблагорасположеннымъ къ самодержцу казалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Но царь, съ нѣкоторою частію войска прогнавъ напавшихъ далеко отъ палатки, чтобы не тревожили его, тотчасъ снялся оттуда и, успокоивъ волненіе, въ порядкѣ повелѣ свои силы въ походъ и прибылъ къ Дристрѣ (это важнѣйшій изъ городовъ, лежащихъ по Истру), чтобы взять ее осадными машинами. И дѣйствительно, приступивъ къ дѣлу и отовсюду обложивъ городъ, онъ разбилъ одну изъ его сторонъ, и вступилъ въ него со всѣмъ войскомъ. Но два акрополя упомянутаго города еще держались родственниками такъ называемаго Тата, успѣвшаго передъ тѣмъ уйти, чтобы привлечь на свою сторону Комановъ и привести ихъ на подмогу Скиѣамъ. При удаленіи отсюда, прощаясь съ своими, онъ сказалъ: «я навѣрно знаю, что царь будетъ осаждать нашу крѣпость. И такъ, когда вы увидите, что онъ занялъ эту равнину поспѣшите прежде его занять холмъ, между другими наиболѣе выгодный, и тамъ расположи-

тесъ лагеремъ, чтобы самодержецъ не могъ спокойно осаждать крѣпость, но въ то же время поглядывалъ и назадъ, опасаясь пораженія отъ васъ. Между тѣмъ вы не переставайте всякій день и всякую ночь по очереди высылать противъ него воиновъ». Но самодержецъ угадалъ, что нужно было сдѣлать: оставивъ осаду акрополей (потому что она представляла затрудненіе и требовала времени), онъ вышелъ оттуда и сталъ лагеремъ при одномъ потокѣ по близости Истра, въ намѣреніи сразиться съ Скиѣми, если понадобится. Однакожъ Палеологъ и Григорій Маврокатакалонъ не одобряли намѣренія вступить въ битву съ Пачинаками ⁽¹⁾, а совѣтовали въ полномъ вооруженіи отправиться въ Великую Преславу ⁽²⁾. «Скиѣы, говорили они, видя, что мы идемъ вооруженные, будутъ смотрѣть на насъ съ уваженіемъ и не дерзнутъ сражаться съ нами. А если бы всадники безъ повозокъ и отважились на битву, то вѣрь, что будутъ разбиты, и мы затѣмъ будемъ имѣть надежнѣйшую крѣпость—Великую Преславу». Этотъ знаменитый

⁽¹⁾ Пачинаковъ латинскіе историки называютъ различными именами: *Racinnati*, *Pincenates*, *Rezinaci*, *Pizenacim* и. д. Исторія Россіи именуетъ ихъ Печенегами.

⁽²⁾ Имя этого города у Константина Багрянороднаго, Льва Діакона, Кедрина, Зонары и другихъ пишется различно: *Presthlawa*, *Presthlawon*, *Persthlawa*, *Peristhlawa*, *Paristhlawa*, у Нестора Переяславца, въ грамотѣ царя Асана ок. 1186 г. Праславъ. Въ древности онъ назывался Маркіанополемъ, а нынѣ находится въ развалинахъ. Преслава была столицею князей и царей болгарскихъ до самаго покоренія Булгаріи въ 971. Византійцы обыкновенно именуютъ его Великою Преславой; Кедринъ и Зонара вѣсть съ Великой Преславой упоминаютъ и о Малой, но положеніе ея намъ неизвѣстно. Шафар. т. II. кн. I стр. 359.

городъ лежитъ при Истрѣ и нѣкогда имѣлъ не варварское, а эллинское названіе и какъ былъ, такъ и назывался Мегалополемъ (великимъ городомъ). Но съ того времени, какъ болгарскій царь Мокръ⁽¹⁾ и его потомки, особенно Самуиль, послѣдній изъ болгарской династіи, будто іудейскій Седекія, сталъ дѣлать набѣги на Западъ, этотъ городъ получилъ названіе сложное, въ которомъ удержалось значеніе эллинское *μεγάλη* (великая), и народное славянское, и сталъ называться вездѣ Великою Нресславою. «Имѣя въ этомъ городѣ убѣжище, говорила партія Маврокатакалона, мы будемъ ежедневно тревожить Скиѳовъ стрѣльбой, не перестанемъ вредить имъ и никакъ не позволимъ имъ выходить изъ своего лагеря за сборомъ сѣна или сѣстныхъ припасовъ. Во время этихъ толковъ сыновья Діогена, Никифоръ и Левъ, какъ люди молодые и не отвѣдавшіе еще горечи бранныхъ тревогъ, сошли съ своихъ коней, сняли съ нихъ узды и, ударивъ по нимъ, прогнали ихъ въ просо, при молвивъ: «не бойся, царь,—мы сами, обнаживъ сабли, искрошимъ ихъ». Царь, какъ охотникъ до опасностей и отъ природы любитель битвъ, вовсе и вниманія не обратилъ на слова тѣхъ, которые отговаривали его, но и царскую палатку и весь обозъ, ввѣривъ Георгію Куцомитѣ, отослалъ это въ Ветринъ, а войску приказалъ ни свѣчи не зажигать, ни огня не разводить въ тотъ вечеръ, но, имѣя наготовѣ коней, бодрст-

(1) Мокръ назывался также Самуиломъ.

вовать до солнечнаго восхода. Самъ же поутру, вышедши изъ лагеря, раздѣлилъ войска, поставилъ ихъ въ боевой порядокъ и объѣхалъ всѣ для осмотра. Потомъ самъ занялъ центръ корпуса, вмѣстѣ съ находившимися при немъ родственниками по свойству и крови, также съ братомъ Адрианомъ, который командовалъ тогда Латинянами, и съ другими доблестными мужами. Лѣвымъ крыломъ управлялъ Кесарь, Никифоръ Мелисинскій, зять царя по сестрѣ. На правомъ же крылѣ стояли начальниками Кастамонитъ и Татикій. А союзными язычниками командовали Савроматы—Уза и Карапа. Кромѣ того, царь избралъ шесть человекъ, и поручилъ имъ охранять себя, съ приказаніемъ смотрѣть на него и отнюдь не обращать вниманія ни на кого другого; эти избранные были два сына Романа Діогена, Николай Маврокатакалонъ, издавна пріобрѣтшій великую опытность въ сраженіяхъ, Іоаннаки, начальникъ Варяговъ—Напитъ и нѣкто Гулій, отцовскій прислужникъ. Но и Скиѣ также построились въ боевой порядокъ: они, отъ самой природы наученные военному дѣлу, расположились по фалангамъ, размѣстились засадами, связали свои ряды по правиламъ тактики и, оградивъ войско крытыми повозками, будто башнями, двинулись на самодержца поотрядно и стали издали метать стрѣлы. А самодержецъ, построивъ войско поколонно, не велѣлъ ни одному изъ своихъ латниковъ выскакивать впередъ и разрывать строй до тѣхъ поръ, пока не сойдутся съ Скиѣами для руко-

пашнаго боя. Когда же увидятъ, что разстояние между обоими, идущими другъ на друга, войсками остается на одну узду, тогда всѣмъ броситься на враговъ. Между тѣмъ какъ самодержецъ дѣлалъ такія распоряженія, вдали показались Скиѣы, съ своими крытыми повозками, женами и дѣтьми. Завязалось сраженіе: страшное человѣкоубійство продолжалось съ утра до поздняго вечера, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Между прочими палъ смертельно раненый и сынъ прежде царствовавшаго Діогена, Левъ, когда слишкомъ горячо понесся на Скиѣовъ и далѣе надлежащаго ускакалъ къ повозкамъ ихъ. А братъ державнаго Адріанъ, которому ввѣрено было начальство надъ Латинянами, видя неудержимый напоръ Скиѣовъ, пустилъ коня во весь опоръ и прорвавшись до самыхъ повозокъ, хотя бился и мужественно, однакожъ возвратился только съ семью спутниками, прочіе же всѣ были частію убиты Скиѣами, частію взяты въ плѣнъ. Впрочемъ битва оставалась пока въ равновѣсіи и оба войска сражались горячо; но какъ скоро вдали показалось бывшее въ засадѣ скиѣское войско въ числѣ тридцати шести тысячъ, Римляне, не будучи въ состояніи противустоять такому множеству, дали тылъ. Не смотря на это, царь все еще дѣйствовалъ бывшими при немъ силами и стоялъ, въ одной рукѣ держа обнаженный мечъ, а въ другой знамя —омофоръ⁽¹⁾ Матери Слова,—стоялъ окружен-

(1) Скилица рассказываетъ, что когда болгарскій царь Симеонъ, намѣреваясь вступить съ Римлянами въ переговоры о мирѣ, просилъ самца

ный двадцатью доблестными всадниками,—разумѣю сына Діогенова, Никифора, Протостратора Михаила Дуку—брата Августы, и находившихся на лицо отцовскихъ прислужниковъ. Въ это время бросились было на него трое пѣшихъ Скиѳовъ, и двое съ обѣихъ сторонъ ухватились за его узду, а третій за правую его ногу. Но одному онъ тотчасъ отрубилъ руку; на другаго грозно поднялъ саблю и обратилъ его въ бѣгство; а того, который держалъ его за ногу, ударилъ по шлему, но опустилъ мечъ слегка и нанесъ ударъ не всей рукой, изъ опасенія, какъ бы не случилось съ нимъ одного изъ двухъ: какъ бы, то есть, когда паденіе меча бываетъ сильно, онъ не поскользнулся, и въ такомъ случаѣ не поранить либо собственной своей ноги, либо коня, на которомъ сидѣлъ, и такимъ образомъ не сдѣлаться плѣнникомъ враговъ. По этому, изнаровивъ осторожно движеніе руки, онъ нанесъ ему и другой сильнѣйшій ударъ; ибо во всѣхъ поступкахъ, словахъ и движеніи—

нія у римскаго царя Романа Лекапена, — Романъ, прежде чѣмъ отправился на условленное мѣсто, пришелъ съ патриархомъ во влахерскій храмъ и, открывъ священный ковчегъ, взялъ хранившійся въ томъ храмѣ Богоматери омофоръ ея, чтобы защититься имъ отъ коварства варвара. Изъ этого становится вѣроятнымъ, что у царя Алексѣя, когда онъ сражался противъ варваровъ, вмѣсто знамени былъ дѣйствительно упомянутый омофоръ, и вотъ причина, почему этого знамени онъ не вѣрилъ никому, но держалъ его самъ. Замѣчательно, что, спернувъ его и спрятавъ въ кустахъ, Алексѣй уже не возвратился къ нему, и не видно, былъ ли доставленъ онъ снова въ Константинополь. Известно только, что ковчегъ, въ которомъ онъ хранился, въ 1207 году похищенъ былъ Генрихомъ де Ульменомъ и переданъ въ тревирскій монастырь на островъ св. Николая. Анна и Скилица подъ омофоромъ Богоматери разумѣють головное покрывало, которымъ вмѣстѣ закрывались и плечи. Надпись на ковчегѣ называла его τὸ μοφόριον τῆς ὑπερ-κυρίας Θεοτόκου. Carol. du Fresne ad h. l.

яхъ сохранялъ присутствіе духа, и ни въ гнѣвѣ не выходилъ изъ себя, ни въ душевныхъ порывахъ не предавался увлеченію. Такъ какъ первымъ ударомъ меча шлемъ былъ разсѣченъ, то второй ударъ пришелся уже по обнаженной головѣ, и Скиѣ тотчасъ упалъ на землю бездыханный. Между тѣмъ Протостраторъ, видя, что полки бѣгутъ неудержимо и что отъ безостановочнаго бѣгства ихъ фаланги разорваны, сказалъ самодержцу: «для чего ты, царь, еще усиливаешься держаться здѣсь? Для чего подвергаешь свою жизнь опасности и не подумаешь о своемъ спасеніи»? «Лучше умереть, сражаясь храбро, отвѣчалъ царь, чѣмъ уцѣлѣть, дозволивъ себѣ что-либо низкое». Но Протостраторъ продолжалъ: «если бы ты говорилъ такъ, будучи частнымъ человѣкомъ, то былъ бы достоинъ похвалы; а такъ какъ твоя смерть подвергнетъ опасности общество, то для чего не избираешь лучшаго? Вѣдь если ты уцѣлѣешь, то можешь возобновить войну и побѣдить». Видя, что опасность виситъ уже надъ головою и что Скиѣ дерзко нападаютъ на него, царь отказался отъ надежды на счастливый исходъ дѣла, и сказалъ: «пора уже съ Богомъ подумать и о своемъ спасеніи, только не слѣдуетъ идти одной дорогой съ бѣгущими, чтобы преслѣдующіе нашихъ, на возвратомъ пути, не встрѣтили насъ; но надобно намъ,—при этомъ онъ указалъ рукою на стоявшій впереди строй Скиѣовъ,—скакать прямо на нихъ такъ, какъ бы, сегодня родившись, сегодня же и умереть, и, съ Божією

помощію очутившись такимъ образомъ позади ихъ строя, ѣхать другой дорогой». Сказавъ это и ободривъ всѣхъ, онъ первый, какъ молнія, несется на Скиѳовъ и разсѣкаетъ встрѣчнаго. Этотъ вдругъ падаетъ съ сѣдла. Сомкнутый строй Скиѳовъ чрезъ то разрывается, и вотъ вся свита вмѣстѣ съ царемъ является въ полѣ позади Скиѳовъ. По это о царѣ. А Протостратору, когда конь его поскользнулся, пришлось свалиться на-земь. Впрочемъ одинъ изъ его прислужниковъ тотчасъ подалъ ему своего коня, и онъ, догнавъ самодержца, уже не отдалялся отъ него ни на шагъ, ибо сильно любилъ его. Такъ какъ въ это время происходила большая суматоха,—одни бѣжали, другіе преслѣдовали; то нѣкоторые Скиѳы снова догнали царя: но онъ, вдругъ обернувшись, поразилъ преслѣдовавшаго, да и не его одного, но и многихъ другихъ. Такъ разсказывали бывшіе тогда съ нимъ. При этомъ одинъ Скиѳъ скакалъ позади Никифора Діогена и хотѣлъ было поразить его, но самодержецъ, увидѣвъ Скиѳа, закричалъ Діогену: «смотри назадъ, Никифоръ»,—и этотъ, живо обернувшись, ударилъ непріятеля въ лицо. Впослѣдствіи мы слышали, какъ царь разсказывалъ, что онъ никогда не видывалъ въ челоуѣкъ такой быстроты и ловкости. «Да и я, прибавилъ онъ, если бы въ тотъ день не держалъ знамени, перебилъ бы Скиѳовъ больше, чѣмъ на моей головѣ волосъ»,—и это говорилъ, не хвастаясь; ибо кто могъ сравниться съ нимъ въ скромности? Только бесѣда и существо дѣлъ принуждали его го-

ворить о себѣ. Притомъ онъ иногда говорилъ это намъ—своимъ роднымъ, когда мы окружали его и долго упрасивали; а изъ постороннихъ рѣшительно никто не слыхивалъ отъ самодержца какихъ-нибудь хвастливыхъ разсказовъ. Отъ сильнаго вѣтра и нападенія Пачинаковъ, царь не могъ крѣпко держать знамя. Когда же одинъ Скиоъ, схвативъ обѣими руками длинное копье, ударилъ его по ягодицѣ; то хотя и не досталъ до кожи, однакожь причинилъ невыносимую боль, которая оставалась у него много лѣтъ. Послѣ сего онъ принужденъ былъ свернуть знамя и положить его въ дубнякъ, чтобы никому не быть видимымъ; а самъ ночью спасся въ Голою, отъ чего горожане и говорили: «отъ Дристры въ Голою — хорошая крѣпость ⁽¹⁾, Комнинъ. Чрезъ день онъ прибылъ въ Верою, и остановился тамъ, чтобы выкупить плѣнныхъ.

4. А во время бѣгства разбитыхъ полковъ, Палеологъ въ тотъ день упалъ съ коня и потерялъ его. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда опасность висѣла надъ головою, онъ поглядывалъ, не увидить ли гдѣ его. И вотъ видитъ халкидонскаго предстоятеля Льва, о которомъ мы выше упоминали; онъ облеченъ былъ въ священную одежду и предлагалъ ему коня. Сбѣвъ на него, Палеологъ продолжалъ бѣжать, а тотъ святой мужъ сталъ невидимъ. Онъ былъ архіерей съ дерзновенною душою и истин-

(¹) Хороша крѣпость—*καλὸν ἔπληκτον*. Словомъ *ἔπληκτον* означалось лагерное мѣсто и было синонимическимъ слова *φρατῶν*. Leon. Tact. cap. 11 § 1. *Κυρίως φρατῶν τὸ ἔπληκτον τὸ διὰ πρῶτου καλλιτάσι.*

нымъ характеромъ, человѣкъ мягкаго сердца, хотя не показывалъ ревности къ познаніямъ и даже не имѣлъ точнаго знанія священныхъ канонѣвъ. Потому-то постигли его и тѣ огорченія, о которыхъ выше сказано, отъ того-то лишился онъ и престола. Но Палеологъ всегда отличалъ его и особенно чтилъ за высоту добродѣтели. И такъ, по теплой ли вѣрѣ въ такого человѣка Палеологъ удостоился божественнаго явленія, или у Промысла была другая какая-нибудь тайная причина, по которой явился Палеологу тотъ архіерей, сказать не могу. Преслѣдуемый Пачинаками, этотъ полководецъ зашелъ въ одно болотистое и лѣсистое мѣсто и нашелъ тамъ до ста пятидесяти воиновъ. Тутъ, окруженные Скиѣами, они увидѣли себя въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и, чувствуя, что не могутъ противостать такому числу враговъ, отдали себя въ распоряженіе Палеолога, ибо давно знали, какъ онъ мужественъ и непоколебимъ. Палеологъ совѣтовалъ имъ устремиться на Скиѣовъ и, если они вовсе отчаялись въ своемъ спасеніи, этимъ купить его. Но должно, говорилъ онъ, такую рѣшимость скрѣпить клятвами (это и было сдѣлано), что у всѣхъ будетъ одна мысль, и что, при нападеніи на Скиѣовъ, никто не отстанетъ, считая спасеніе и опасность каждаго своею собственною. И такъ Палеологъ, стремительно поскакавъ на враговъ, ударилъ перваго встрѣчнаго, и тотъ, закружившись, тотчасъ палъ на-земь. Прочіе же произвели нападеніе нерѣшительно, и одни пали, а другіе снова воз-

вратились въ глубь лѣса, какъ въ логовище, и, скрывшись тамъ, спаслись. Между тѣмъ Палеологъ, снова преслѣдуемый Пачинаками, достигъ одного холма, и тутъ раненная лошадь его пала; а самъ онъ взошелъ на близлежащую гору. Ища потомъ безопасной дороги, а найти ее было не легко, онъ блуждалъ одинадцать дней, пока наконецъ не встрѣтилъ одной женщины, вдовы воина, и не остановился у ней на нѣсколько дней. Сыновья этой вдовы, тоже спасшіеся отъ опасности войны, показали ему безопасную дорогу. Таковы были приключенія съ Палеологомъ. Между тѣмъ начальники Скиѳовъ хотѣли было убить плѣнныхъ, которыхъ содержали; но сходка никакъ не позволила этого, надѣясь выдать ихъ за деньги. Какъ скоро такое рѣшеніе народа было утверждено, Мелиссинскій тотчасъ письмомъ далъ знать о томъ царю. А онъ, хотя былъ и въ плѣну, однакожъ много подготовилъ къ тому Скиѳовъ. Царь, проживавшій еще въ Вероѣ, получивъ изъ столицы достаточно денегъ, выкупилъ плѣнныхъ.

5. Между тѣмъ прибылъ къ Истру и Татъ, съ набранными имъ Команами. Увидѣвъ такую большую добычу и множество плѣнныхъ, они сказали скиѳскимъ вождямъ: «мы оставили свои дома и, совершивъ столь дальній путь, пришли къ вамъ на помощь, чтобы раздѣлить съ вами опасность и побѣду. Поэтому, если съ нашей стороны сдѣлано все, то не слѣдуетъ отсылать насъ назадъ ни съ чѣмъ. Мы вѣдь не съ умысломъ явились, по окончаніи войны; въ этомъ виноваты

не мы, а царь, вырвавшій у насъ случай повоевать. И такъ либо раздѣлите добычу съобща съ нами, либо вмѣсто союзниковъ найдете въ насъ враговъ». Но на первое Скиѣны не согласились; а Команы того не снесли, и завязалась между ними жестокая битва: Скиѣны, разбиты были на голову, и едва спаслись въ такъ называемой Озолимнѣ (¹). Стѣсненные Команами, они пробыли тамъ довольно долго, и не смѣли перейти на другое мѣсто. Названная нами теперь Озолимна есть обширнѣйшее какъ въ діаметрѣ, такъ и въ окружности, озеро, по своей величинѣ не уступающее ни одному изъ прославленныхъ географами какихъ-либо озеръ. Оно лежитъ выше Ста Холмовъ и принимаетъ въ себя величайшія и красивѣйшія рѣки. На своемъ хребтѣ оно держитъ много большихъ грузовыхъ кораблей, изъ чего можно заключить, какъ велика его глубина. А Озолимной названо оно не потому, чтобы испускало какое-нибудь дурное и тяжелое испареніе, но потому, что нѣкогда къ этому озеру прибыло войско Гунновъ, которыхъ въ просторѣчій называли Узами, и расположилось лагеремъ на обрывистыхъ его берегахъ. Съ тѣхъ-то поръ и назвали это озеро Узолимной (*Ὀυζολίμνη*), съ прибавленіемъ, думаю, гласной—у. Впрочемъ въ древнихъ памятникахъ

(¹) Озеро Озолимна находилось въ Валахіи. Страбонъ I. 7. различаетъ двѣ Озолимны: одна лежала близъ моря и вливалась въ него (это можетъ быть Птоломеева Тригола), а другая не имѣла истока. Не была ли это рѣка Герассъ, впадавшая въ Дунай недалеко отъ Дристры или Доростола? Carol du Fresne ad h. I.

не говорится, чтобы здѣсь было когда-нибудь гуннское войско. Въ царствованіе же самодержца Алексѣя, дѣйствительно, сходились туда жители отовсюду, и дали имя тому мѣсту. Это-то надлежало сказать объ озерѣ, о которомъ говоримъ мы первые—съ намѣреніемъ показать, что при самодержцѣ Алексѣѣ, во время частыхъ его походовъ, многія мѣста получали много названій, частию сами по себѣ, частию отъ стекавшихъ туда враговъ. Тоже извѣстно и объ Александрѣ царѣ Македонянъ. По его имени названа Александрія и въ Египтѣ, Александрія и въ Индіи. Знаемъ также, что по имени одного изъ его военачальниковъ, Лизимаха, получилъ названіе городъ Лисимахія. Такъ не удивительно, если и царь Алексѣй, соревнуя Александру, иногда давалъ мѣстамъ новыя имена по народамъ, либо нападавшимъ на него, либо приглашенныхъ отъ него на помощь, а иногда по себѣ, въ память собственныхъ своихъ подвиговъ. Но объ упомянутой выше Озолонѣ довольно уже сказано. Почувствовавъ наконецъ недостатокъ въ продовольствіи, Комнины отправились во свояси, съ тѣмъ, чтобы, запасшись продовольствіемъ, снова выступить противъ Скиѳовъ.

6. Между тѣмъ царь, находясь въ Вероѣ, собирается съ силами, вооружаетъ плѣнныхъ, и все остальное войско. Въ это время находитъ тамъ самодержца и графъ Фландріи ⁽¹⁾, на воз-

(1) Этотъ графъ былъ Робертъ, по прозванію Фризій, Онъ лѣтъ за двадцать до перваго крестоваго похода путешествовалъ въ Иерусалимъ для поклоненія гробу Господню, и на возвратномъ пути чрезъ Францію.

вратномъ своемъ пути изъ Іерусалима, и даетъ обычную у Латинянъ клятву, что, лишь только онъ прїѣдетъ домой, тотчасъ пошлетъ ему на помощь пятьсотъ всадниковъ. Принявъ его дружески и съ почетомъ, царь отпустилъ его на родину веселымъ. Потомъ, поднявшись оттуда, самодержецъ вмѣстѣ съ собранными имъ опять силами прибылъ въ Адрианополь; а Скифы, перешедши промежуточные тѣснины, расположились лагеремъ между Голосѣй и Діамполемъ у такъ называемой Маркеллы. Въ то время самодержецъ, узнавъ о намѣреніяхъ Комановъ и по-

видѣлся съ царемъ Алексѣемъ. Guilbertus l. I. Histor. Hierarch. c. 4. l. 7, cap. 34. Въ рукописи Роберта Монаха находится письмо къ упомянутому Фландрскому графу, писанное будто бы Алексѣемъ. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ всѣхъ западныхъ христіанъ вооружиться для освобожденія Востока отъ ига Сарациновъ. Вотъ оно.

Domino et glorioso Comiti Flandrensi Roberto et omnibus totius regni principibus Christianae fidei amatoribus, tam laicis, quam clericis, Imperator Constantinopolitanus salutem et pacem in eodem Domino Iesu Christo, et Patre Ejus, et Spiritu Sancto. O inclitissime Comes, et maxime christianae fidei consolator, notificare prudentiae vestrae volo, quantum sanctissimum imperium christianorum graecorum acquiratur fortiter . . . et Turcis quotidie et . . . adquiratur sine intermissione. . . sed quia sunt multa mala quae agunt, ut diximus, inenarrabilia, de multis dicemus pauca, quorum sunt auditu horribilia et . . . ipsum aërem. Nam pueros et juvenes christianos circumcidunt super baptisteria christianorum et circumcisionis sanguinem in despectum Christi fundunt in eisdem baptisteriis, et desuper eos . . . compellunt, et deinceps in circuitu ecclesiae eos violenter deducunt, et nomen et fidem sanctae civitatis blasphemare compellunt. Illos vero nolentes diversis poenis affligunt et ad ultimum interficiunt. Nobiles autem matronas et earum filias depraedatas invicem succedendo, ut animalia ad . . . deducunt. Alii vero corrumpendo rapiunt virgines, statuunt ante faciem earum matres, compellentes eas nefarias et luxuriosas decantare cantilenas, donec compleant ipsa sua nefaria. Sic enim legimus actum, ut in Dei populo antiquitus quibus imperii babylonii post . . . delubria deridendo dicebant: himnum cantate nobis de canticis Syon, sic et stupro filiarum matres compelluntur nunc cantare cantilenas nefarias, quarum vo-

лагая, что надобно ожидать ихъ возвращенія, боялся и смотрѣлъ на ихъ уходъ подозрительно. Поэтому, снабдивъ Синезія хрисовудами къ Скиѣамъ, онъ послалъ его объявить имъ, что, если они согласятся на миръ и дадутъ заложниковъ, то пусть удержатся отъ движенія впередъ и остаются на томъ мѣстѣ, которое заняли,—и затѣмъ доставляютъ имъ въ изобиліи продовольствіе, ибо онъ имѣлъ въ виду употребить ихъ въ дѣло противъ Комановъ, если бы тѣ, прибывъ опять на Истръ, захотѣли идти далѣе,—а когда Скиѣы не согласятся, бросить

ces non tantum, ut credimus, resonant planctum, sicut scriptum est in matre innocentium: vox in Rama audita est, ploratus et ululatus multus, Rachel plorans filios suos, et noluit consolari, quia non sunt. Sic licet matres innocentium, quae per Rachel figurantur, non valuerunt consolari in morte filiorum, valuerunt tamen consolari per salutem animarum; illae tamen nultatenus, quod pejus est, consolari valent, quia et in corporibus et in animabus pereunt. Sed quod adhuc est, veniamus ad deteriora, totius aetatis et ordinis viros, id est pueros, adolescentes, juvenes, senes, nobiles, servos, et, quod pejus et imprudentius est, clericos et monachos, et heu pro dolor! quod ab initio non dictum neque auditum est, episcopos sodomitico peccato deludunt, et etiam unum sub hoc nefario peccato jam crepuerunt. Loca vero innumerabilibus malis contaminant et destruunt, et pejora eis minantur. Et ad haec quis non plangit, quis non horret, quis non orat? Nam pene tota terra in Hierusalem usque Greciam, et tota Grecia cum suis regionibus superioribus, quae sunt Cappadocia Minor, alia Major, Phrygia et Bithynia, et Major Phrygia, id est Troja, Pontus, Galatia, Lydia, Pamphylia, Isauria, Lycia et insulae principales, Chio et Mitilena, et multae aliae regiones et insulae, quae non valemus modo computare, usque Trojam, quae ab eis jam invasum sunt. Et fere nihil remansit nisi Constantinopolis, quam ipsi minantur citissime nobis auferre, nisi auxilium Dei et fidelium christianorum latuonnm celestiter subvenit. Nam Propontidem, quae et Avidus dicitur, et ex Ponto juxta eandem Constantinopolim in Mare Magnum decurrit, cum ducentia navibus invaserunt, quas Graeci ab eis depredati fabricaverunt, et remigiis, velint nolint, deducunt, et minantur tam per terram, quam per eandem Propontidem Constantinopolim (ut diximus) velociter capere. Haec plu-

ихъ тамъ и возвратиться назадъ. Упомянутый Синезій прибыль къ нимъ и, поговоривъ съ ними, о чемъ слѣдовало, убѣдилъ ихъ войти въ союзъ съ царемъ. Между тѣмъ, проживая у нихъ, онъ оказывалъ всѣмъ имъ услуги, и такимъ образомъ устранилъ всякій поводъ къ не-удовольствію. Но вотъ возвратились опять Команы, приготовившись къ войнѣ съ Скиѣами. Не найдши ихъ дома и узнавъ, что они перешли тѣснины, достигли до Маркеллы и вступили въ мирныя условія съ царемъ, Команы стали просить у самодержца позволенія тоже перейти-

ta de innumerabilibus malis, quae haec implissima gens agit, diximus et scripsimus tibi, Comes Flandrensiū, christianae fidei amator. Caetera vero ob legentium fastidium dimittamus. Igitur pro Dei amore et pro omnium Graecorum pietate rogamus, ut quosque fideles Christi bellatores, tum majores, quam minores cum mediocribus intra tua acquirere poteris ad auxilium mei et graecorum christianorum huc deducas, et sicuti Gulatiam et caetera occidentalium regna anno praeterito a jugo paganorum aliquatulum liberaverunt, ita et nunc ob salutem animarum suarum regnum Graecorum liberare tentent: quoniam ego, quamvis imperator, nullum tamen remedium atque idoneum consilium scio invenire, sed semper a facie Turcorum et . . . fugio, et tam diu in singula civitate maneo, donec adventum eorum prope sentio et melius subjectam esse vestris Latinis cupio, quam paganorum ludibriis. Ergo antequam ab eis capiatur Constantinopolis, certare totis viribus debetis, ut gloriosam et ineffabilem misericordiam in coelo gaudentes recipiatis. Nam melius est vos habeatis Constantinopolim, quam paganos, quia in ea habentur praeciosissimae reliquiae Domini, id est, statua ad quam ligatus, fuit, flagellum a quo flagellatus fuit, chlamys coccinea, qua fuit indutus, corona spinea qua fuit coronatus, arundo quam vice sceptri in manibus tulit, vestimenta quibus ante crucem expoliatus fuit, pars maxima ligni crucis in qua fuit crucifixus, clavi quibus affixus fuit, linteamina post resurrectionem ejus inventa in sepulchro, duodecim cophini fragmentorum ex quinque partibus et duobus piscibus, caput cum capillis integrum et barba sancti Iohannis Baptistae, reliquiae et corpora innocentium quorundam Prophetarum ac Apostolorum, Martyrum et maxime sancti Stephani Protomartyris, et confessorum ac virginum, quae ob nimium incrementum scribere singulariter . . .

ти тѣснины и напасть на Скиѳовъ. Но такъ какъ царь успѣлъ уже заключить миръ съ Скиѳами, то и не согласился на ихъ просьбу, сказавъ: «въ настоящее время намъ помощь не нужна; возьмите, что даютъ, и ступайте назадъ». Вмѣстѣ съ этимъ, обласкавъ пословъ и давъ имъ довольно подарковъ, онъ отпустилъ ихъ съ миромъ. Это придадо Скиѳамъ дерзости, и они, нарушивъ условія, принялись за прежнее безчеловѣчье и стали грабить въ окрестныхъ городахъ и селахъ. Варваръ вообще непостояненъ и неспособенъ соблюдать договоры. Впдя это, Синезій

quae tamen omnia christiani magis quam pagani habere debent, et munimen magnum erit omnibus christianis, si haec omnia habuerint, detrimentum vero si perdidierint. Namsi hoc. . . noluerint, et aurum magis amaverint, in ea plus invenient, quam in toto mundo. Nam soli thesauri ecclesiarum Constantinopolis in argento, auro, gemmis et lapidibus proeciosius et pannis sericis et ceteris palliis, sufficere possunt omnibus mundi ecclesiis: quos cum omnes thesauros inaestimabilis thesaurus Matris ecclesiae sanctae Sophiae, id est Dei sapientiae, superare, et absque dubio thesauris templi Solomonis coaequari potest de infinito thesauro Nobilium dicam, cum thesaurum negociatorum rusticorum nemo aestimare possit, quod invenitur in praeteritorum imperatorum thesauris, id pro certo dico, non erit lingua, quae illum recitare valeat, quoniam non solum constantinopolitanorum imperatorum ibi thesaurus habetur, sed omnium antiquorum imperatorum ibi thesaurus et translatus et in palatiis absconditus. Quid amplius dicam, quod certe patet oculis hominum, nihil est, quod non sit illic absconditum. Currite ergo cum tota gente vestra et viribus vestris certate, ne talis thesaurus in manibus Turcarum et cadat, quia infinita adhuc sexaginta millia expectantur quotidie, et timeo, ne per illum thesaurum nostros paulatim seducant cupidos milites, quemad modum Iulius Caesar olim fecit, qui regnum Francorum cupiditate invasit. Et quoniam Antichristus capturus totum mundum in finem mundi est acturus. Agite ergo dum tempus habetis, ne christianorum regnum et, quod magis est, Domini perdatis sepulchrum, et inde non iudicium, sed mercedem habeatis in coelo. Монахъ Робертъ говоритъ, что Алексій подобное письмо писалъ и къ папѣ Урбану.

отправляется къ царю, чтобы лично донести ему о непризнательности и вѣроломствѣ Скиѳовъ. Между тѣмъ Скиѳы пришли уже къ Филиппополю. Узлавъ объ этомъ, царь былъ въ затрудненіи, потому что не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы противустать такому множеству непріятелей и надежно вступить съ ними въ борьбу. Но таковъ онъ былъ, что въ затрудненіяхъ всегда находилъ средство выпутаться и нисколько не упадалъ духомъ предъ обстоятельствами. Такъ и теперь счелъ онъ нужнымъ позаботиться объ уничтоженіи враговъ стрѣльбою издали и засадами. Развѣдывая о мѣстахъ и городахъ, въ которыхъ они намѣренны быть поутру, онъ предупреждалъ ихъ прибытіе вечеромъ; если же узнавалъ, что въ извѣстное мѣсто они придутъ вечеромъ, то занималъ его утромъ,—и, сколько можно было, отбивался отъ нихъ стрѣльбою издалика и засадами, чтобы не давать имъ овладѣвать крѣпостями. Наконецъ объ стороны—Скиѳы и самодержецъ одновременно прибыли къ Кипселѣ (¹). Но такъ какъ наемное войско, на которое самодержецъ надѣялся, еще не приходило; то, зная быстроту Скиѳовъ въ движеніяхъ и видя, что они съ большою скоростію спѣшатъ уже къ самой столицѣ, припелъ въ затрудненіе и, не имѣя противъ такого множества достаточныхъ силъ, нехудое, какъ говорится, принялъ за хорошее и опять обратился къ мирнымъ предложеніямъ. Отправивъ пословъ, онъ

(¹) Кипселла—городъ аракійскій при Гебрѣ.

спрашиваетъ ихъ о мирѣ, и тѣ опять склоняются на желаніе царя, Но еще до заключенія мирныхъ условій является къ нему перебѣжникомъ Неанць. По этому случаю посылается Мигидинъ, съ порученіемъ привести изъ окрестныхъ селъ народныя сходки Сынъ его въ послѣднемъ сраженіи на мѣстѣ, быстро погнавшись за Пачинаками, былъ увлеченъ одною Скиѣянкою и, втащеннй желѣзнымъ крюкомъ въ средину повозокъ, взятъ въ плѣнъ. По просьбѣ его отца, царь выкупилъ отрубленную его голову. По отецъ, отъ невыносимой горести въ теченіе трехъ сутокъ, билъ себя камнемъ въ грудь и умеръ. Не долго соблюдали Скиѣы мирныя условія; но, какъ псы, снова обратились на свою блевотину. Поднявшись отъ Кинселлы они пришли въ Таврокомъ и, остановившись тамъ зимовать, занимались грабежемъ въ окрестныхъ мѣстечкахъ.

7. Съ открытіемъ же весны, идутъ они оттуда въ Харіуполь. Но и царь, проживавшій въ Болгарофигѣ, не откладывалъ дѣла, но, отдѣливъ значительную часть войска—все людей отборныхъ и самихъ, такъ называемыхъ архонтопуловъ ⁽¹⁾—воиновъ молодыхъ, которые едва имѣли

(1) Архонтами *Ἀρχοντες* называлось вообще все константинопольское дворянство, Luitprand. l. 3 cap. 9. W, Tyr. l. 20 cap. 18. Жены этихъ Архонтовъ именовались *Ἀρχοντίσσαι*, Nicet. in Isaacio l. 3 N 11. Архонтопулы же *Ἀρχοντοπούλοι* или *Ἀρχοντοπούλα* были дворяне, не занимавшіе никакихъ должностей ни при дворѣ, ни въ войскѣ, а особенно дѣти вельможъ. Внослѣдствіи въ число архонтопуловъ входили молодые люди и изъ другихъ сословій, и въ царскихъ палатахъ стояли съ от-

пухъ на бородѣ, но были неустойчивы въ порывахъ, приказалъ имъ нападать сзади на Скифовъ, стоявшихъ по сторонамъ повозокъ. Полкъ архонтопуловъ образованъ былъ въ первый разъ Алексѣемъ. Такъ какъ римское царство по нерадѣнію предшествовавшихъ самодержцевъ не имѣло войска; то онъ, собравъ отовсюду сыновей павшихъ воиновъ, приучилъ ихъ къ оружію и войнѣ и назвалъ архонтопулами, какбы, то есть, они рождены были отъ Архонтовъ, чтобы, возбуждаемые этимъ именемъ къ благородству и мужеству своихъ родителей, и сами они проникались воинственною отвагою и были храбрѣе, когда время потребуетъ отъ нихъ смѣлости и силы духа. Вотъ это-то и былъ полкъ архонтопуловъ, состоявшій, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ тысячъ человѣкъ и уподоблявшійся тому отряду, который нѣкогда былъ у Лакедемонянъ, и назывался «священнымъ». Эти новобранцы архонтопулы, бывъ посланы, шли воинственно. А Скифы, засѣвъ въ глубинѣ ущелья, наблюдали за ихъ движеніями и, увидѣвъ, что тѣ устремились на повозки, бросились на нихъ съ неустойчивою силою. Въ произшедшей рукопашной схваткѣ изъ архонтопуловъ, мужественно сражавшихся, пало около трехъ сотъ. Царь скорбѣлъ объ нихъ долго и отъ глубины души проливалъ горячія слезы, называя каждого поименно, какъ будто

крытыми головами, тогда какъ Архонты и вельможи, всякій соотвѣтственно роду своей службы, имѣли головные покровы, Nicephorus Gregoras l. 11 extrem., et Codinus de officiis 3. cap. 7 N 12, 32. Изъ этихъ-то архонтопуловъ Алексѣй сформировалъ новое войско.

бы онъ находился только въ отсутствіи. Одолѣвъ противниковъ, Пачинаки прошли чрезъ Харіуполь и направились къ Апру (¹), обозначая свой путь грабительствомъ. Но царь, слѣдуя опять прежнему образу дѣйствій, предупредилъ ихъ и самъ вступилъ въ Апръ; потому что у него, какъ часто мы говорили, не было достаточныхъ силъ для борьбы съ непріятелями. Узнавъ тотчасъ, что съ первыми лучами солнца Пачинаки выйдутъ на фуражировку, онъ призвалъ Татикія, о которомъ при многихъ случаяхъ было упоминаемо, и приказалъ ему, взявъ съ собою мужественнѣйшихъ изъ такъ называемыхъ Агуровъ (²), отборнѣйшихъ изъ собственной его прислуги, и всѣхъ Латинянъ, наблюдать за движеніями пробудившихся по утру Скивовъ, и когда замѣтитъ, что они вышли для фуражировки и далеко отошли отъ своего лагеря, пуститься на нихъ во все поводья. Поступивъ согласно съ приказаніемъ, Татикій триста человѣкъ убилъ и не мало привелъ съ собою живыми. Что же дальше? Отъ графа Фландріи приходятъ до пяти сотъ отборныхъ всадниковъ и приводятъ съ собою въ подарокъ царю до ста пятидесяти отличныхъ лошадей, даже предлагаютъ ему за деньги и всѣхъ тѣхъ, которыя были имъ ненужны. Царь Алексій принявъ благосклонно и

(¹) Апръ—ѳракійскій городъ, о которомъ говоритъ Кантанузинъ l. 1.

(²) Этимъ именемъ ѳракійцы называли Эфебовъ или юношей перваго возраста, у которыхъ едва показывался пухъ на бородѣ. Stephan. Nicetas. Leo Grammaticus p. 460.

отблагодарилъ щедро. А такъ какъ онъ получилъ съ Востока извѣстіе, что правитель Никен Апелхасимъ ⁽¹⁾, котораго Персы обыкновенно называютъ сатрапомъ, а Турки, въ настоящее время держащіе сторону Персовъ,—эмиромъ, готовится въ походъ противъ Никомидіи; то и послалъ этихъ всадниковъ охранять ту область.

8. Въ это время Чаха ⁽²⁾, удостовѣрившись, что царь слишкомъ озабоченъ хлопотами на Западѣ и занятъ частыми битвами съ Начинаками, напелъ весьма удобнымъ для себя построить флотъ; узнавъ же, что одинъ Смирнянинъ очень опытенъ въ этомъ дѣлѣ, возложилъ на него постройку разбойничьихъ судовъ. При его пособіи, приготовивъ много кораблей и до сорока крытыхъ лодокъ, онъ посадилъ на нихъ опытныхъ людей, отвязалъ причалы и, приплывъ къ Клазоменѣ ⁽³⁾, взялъ его сразу. Оттуда пошелъ онъ къ Фокеѣ, и взялъ также ее при первомъ нападеніи; а изъ Фокеи послалъ къ Куратору ⁽⁴⁾ Алопу, которому ввѣрено было управ-

⁽¹⁾ Апелхасимъ еще прежде былъ убитъ, и преемникомъ его власти былъ сынъ Солимана Кличестланъ, получившій эту власть при помощи брата Апелхасимова, котораго здѣсь и слѣдуетъ разумѣть. Carol. du Fresne ad h. l.

⁽²⁾ Чаха, котораго Глика называетъ Чахатою, сынъ турецкаго вельможи Чаха. О его нападеніи на острова Геллеспонта говорятъ также Зопа и Глика.

⁽³⁾ Вѣроятно островокъ, прилегающій къ приморскому городу Іонія, Клазоменѣ, который недалеко отстоитъ отъ Фокеи, Митилены и Лесбоса.

⁽⁴⁾ У Византійцевъ были разнаго рода Кураторы. Чаше назывались этимъ словомъ префекты общественныхъ зданій, иногда префекты фи-

леніе Митилею и грозилъ ему всевозможными ужасами, если онъ не удалится изъ Митилены немедленно,—говоря, что заботится о немъ и потому предупреждаетъ, что, отказавшись уйти оттуда, онъ подвергнется бѣдствіямъ. Устрашенный угрозами Чахи, Амонъ сѣлъ ночью на корабль и поспѣшилъ въ столицу; а Чаха, узнавъ объ этомъ, не медлилъ, но, тотчасъ поплывъ, взялъ Митилену съ перваго разу. Впрочемъ Меонина, лежащая на мысѣ этого острова, не сдалась Чахѣ; поэтому царь, освѣдомившись о томъ, въ подкрѣпленіе ей немедленно послалъ на судахъ значительную силу. Но Чаха, не обращая вниманія на Меонину, тотчасъ отправился къ Хіосу, и съ разу овладѣлъ имъ. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ посылаетъ противъ него значительный флотъ съ достаточнымъ числомъ войска, подъ начальствомъ Никиты Кастамонита. Отправившись и вступивъ въ бой съ флотомъ Чахи, Кастамонитъ тотчасъ былъ побѣжденъ, и многіе изъ пришедшихъ съ нимъ кораблей достались Чахѣ. Получивъ извѣстіе о случившемся съ Кастамонитомъ, царь снарядилъ другой флотъ, и поставилъ надъ нимъ Дуксомъ Константина Далассенскаго, человѣка боеваго и своего родственника по матери. Прибывъ къ берегу Хіоса, онъ тотчасъ принялся за осаду крѣпости, дрался съ жаромъ и спѣшилъ взять городъ прежде, чѣмъ

пансовъ. Gloss. S. Benedicti cap. de Magistr. Синонимическія его слова *φροντιστής, λογιστής*. Gloss. graecolat. *λογιστής*. Высшій правитель финансовъ именовался *Μέγας Καράτορ*. См. Carol. du Fresne p. 869.

Чаха прибудетъ изъ Смирны. Ударяя въ стѣны многими осадными орудіями и камнеметательными снарядами, онъ разрушилъ средину стѣны между двумя башнями. Находившіеся внутри Турки, увидѣвъ, что случилось, и понявъ, что напора Римлянъ имъ не удержать, стали на римскомъ языкѣ умолять господина всѣхъ о милости. Но войны Далассенскаго и Опа были неудержимы и спѣшили войти въ крѣпость, не смотря на то, что ихъ и останавливали, боясь, какъ бы, вошедши въ городъ, они не расхитили сложенной тамъ добычи Чахи и денегъ,—и говорили: «слышите,—Турки уже громко привѣтствуютъ самодержца и сдаются. Зачѣмъ же входить и безчеловѣчно рѣзать ихъ»? Наконецъ день весь прошелъ и наступила ночь. Тогда Турки, вмѣсто разрушенной стѣны выстроили другую, и извнѣ обвѣшали ее мѣшками, набитыми соломой, сыромятными кожами, и всякими покровами, чтобы сила метательныхъ камней чрезъ это была слабѣе и хоть сколько-нибудь уменьшилась. Между тѣмъ Чаха, снарядивъ флотъ, какой находился подъ рукой, и набравъ до восьми тысячъ Турковъ, отправился сухимъ путемъ по направленію къ Хіосу; а флотъ слѣдовалъ за нимъ, держась берега. Узнавъ объ этомъ, Далассенскій приказалъ начальникамъ кораблей отвязать причалы и цомѣстилъ на флотъ достаточное число воиновъ подъ начальствомъ Опа съ тѣмъ, чтобы онъ, если встрѣтится съ Чахою, во время его переправы, вступилъ съ нимъ въ бой. Чаха, оставивъ сушу, направилъ плаваніе прямо

къ Хіосу. Встрѣтившись съ нимъ около полуночи, Онъ замѣтилъ, что непріятельскій флотъ расположенъ по какому-то новому способу (Чаха устроилъ огромную цѣпь и связалъ ею всѣ свои суда такъ, что ни тѣмъ, которые захотѣли бы обратиться назадъ, нельзя было убѣжать, ни тѣмъ опять, которые захотѣли бы выступить впередъ, нельзя было разорвать морскаго строя) и, испугавшись, никакъ не смѣлъ даже подплыть къ судамъ, но поворотилъ кормы и поспѣшилъ къ Хіосу. Чаха, внимательно слѣдя за нимъ, не переставалъ грести. Когда же имъ обоимъ нужно было пристать къ Хіосу, Онъ первый пригналъ свои корабли къ хіосской пристани (потому что Далассенскій успѣлъ, передъ тѣмъ запясть ее); а Чаха, обогнувши упомянутую пристань, придвинулъ свои корабли къ стѣнѣ крѣпости. Это было въ четвергъ. Въ слѣдующій же день онъ вывелъ изъ кораблей всѣхъ, сосчиталъ и записалъ. А Далассенскій, нашедши вблизи пристани одинъ городокъ, уничтожилъ прежніе устроенные имъ окопы и, перешедши туда, сдѣлалъ другіе—значительной высоты, и помѣстилъ тамъ свое войско. Въ слѣдующій день, оба вооруженныя войска выстроились другъ противъ друга. Но римское войско стояло неподвижно; Далассенскій приказалъ, чтобы никто не разрывалъ строя. А Чаха велѣлъ большей части варварскаго войска идти на Римлянъ, въ сопровожденіи небольшого числа всадниковъ. Увидѣвъ его, Латиняне схватили длинныя копья и понеслись на варваровъ. Но тѣ стали посы-

лать стрѣлы не въ Кельтовъ, а въ ихъ лошадей, и поражая нѣкоторыхъ коньями, убили весьма многихъ и такимъ образомъ прогнали ихъ назадъ въ окопы, откуда они, сломя голову, бросились на корабли. Видя, что Кельты бѣгутъ опрোметью, Римляне испугались и, немного отступивъ, стали у стѣны упомянутаго городка. Послѣ сего варвары, сбѣжавъ на берегъ, захватили нѣсколько кораблей. Видя это, корабельщики, отвязавъ причалы, отвалились отъ берега и, бросивъ якоря, остановились въ ожиданіи, что будетъ. Далассенскій велѣлъ имъ обогнуть берега западной части острова и, остановившись у Волисса, ожидать его прибытія. А Волиссъ есть городокъ, лежащій на мысѣ этого острова. Но нѣкоторые изъ Скиѳовъ, пришедши къ Чахъ, предупредили его о намѣреніи Далассенскаго. Тогда Чаха отправилъ пятьдесятъ досмотрщиковъ, чтобы они тотчасъ извѣстили его, какъ скоро флотъ Далассенскаго станетъ отвязывать причалы, а между тѣмъ послалъ къ Далассенскому предложить ему свое расположеніе заключить миръ,—вѣроятно, потому, что имѣя въ виду мужество и отважность Далассенскаго, никакъ не надѣялся на себя. Далассенскій объявилъ, что на другой день онъ взойдетъ на верхъ окна, чтобы выслушать и высказать то, въ чемъ оба они хотятъ согласиться. И варваръ не отказался отъ этого. По утру оба вождя сошлись, и бесѣду началъ Чаха, назвавъ Далассенскаго по имени. «Знай, говорилъ онъ, что я тотъ юноша, который когда-то производилъ набѣги на Азію и бился отваж-

но, но, обойденный по неопытности, былъ взять въ плѣнъ извѣстнымъ Каваликомъ Александромъ. Затѣмъ, представленный живымъ самодержцу Никифору Вотаниату, я тогдаже былъ почтенъ достоинствомъ Протоновеллиссимуса ⁽¹⁾ и, получивъ большіе дары, обѣщалъ служить ему. Но съ тѣхъ поръ, какъ бразды правленія принялъ Алексѣй Комнинъ, все перевернулось,—и вотъ я пришелъ объявить причину вражды. Пусть это знаетъ и самодержецъ и, если хочетъ уничтожить возникшую вражду, пусть отдастъ мнѣ все безъ исключенія, что я долженъ получить и чего лишень. Если же тебѣ угодно соединить и нашихъ дѣтей брачнымъ союзомъ, то пусть касательно этого приготовятъ письменное между нами соглашеніе, по обычаю, существующему и у Римлянъ, и у насъ-варваровъ. И когда все высказанное будетъ приведено къ желанному концу,—я всѣ острова, отнятые моими набѣгами у римской державы, возвращу чрезъ тебя самодержцу и, какъ скоро условія съ нимъ будутъ исполнены, возвращусь въ свое отечество». Далассенскій, какъ человѣкъ издавна знакомый съ хитрымъ характеромъ Турковъ, видя въ этомъ одну уловку, отложилъ пока исполне-

(1) Имя придворнаго чина, которымъ называлась знаменитая фамилія въ королевствѣ неаполитанскомъ, можетъ быть, по ея родоначальнику. О ней не рѣдко упоминаемъ Scip. Amīratus in Famil. Neapol. Tom. 2. Въ греко-римскомъ правѣ встрѣчается также имя чина *Протоновеллиссимъ-пѣртатосъ*. Такъ изобрѣтательны были Византіяны въ установленіи чиновъ, съ которыми не соединялось никакого дѣла; а только соединялось право на жалованье. См. Alamann. ad Procopium et Meurs. Carol. du Fresn. ad h. l.

ніе предложенныхъ условій и свое мнѣніе, какое имѣлъ на этотъ счетъ, объявилъ въ такихъ словахъ: «ни ты, какъ сказалъ, не отдашь мнѣ острововъ, ни я, безъ воли самодержца, не могу утвердить того, чего ты требуешь отъ него и отъ меня. Но такъ какъ великій Дуксъ и братъ царя по его супругѣ Іоаннъ уже не далеко идетъ со всѣмъ флотомъ и везетъ съ собою многочисленное сухопутное и морское войско; то онъ пусть и выслушаетъ то, что сказано тобой. И будь увѣренъ,—условія мира съ самодержцемъ, при его посредничествѣ, состоятся». Этого Іоанна Дуку съ значительнымъ войскомъ самодержецъ посылалъ въ Эпидамнъ сколько для тщательнаго охраненія крѣпости Диррахія, столько же и для веденія войны противъ Далматовъ; потому что такъ называемый Водинъ, человѣкъ необыкновенно воинственный и изворотливый, не хотѣлъ держаться въ своихъ границахъ, но, постоянно дѣлая набѣги на ближайшія къ Далмаціи мѣстечки, присоединялъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Іоаннъ Дука, проживъ въ Диррахіѣ одиннадцать лѣтъ, отнялъ изъ подъ власти Волкана ⁽¹⁾ много крѣпостей и переслалъ къ самодержцу много заживо взятыхъ въ плѣнъ Далматовъ; а наконецъ, въ одномъ упорномъ сраженіи съ Водиномъ, схватилъ и его самаго. И такъ, зная по многимъ опытамъ, что этотъ Іоаннъ Дука—человѣкъ отлично боевой, въ воинскихъ дѣлахъ ис-

(1) Волканъ, или по Діоклеату, Велканъ былъ жупанъ Россія-области, находившейся подъ покровительствомъ Сербіи, и которую Іоаннъ отнялъ у короля Сербіи и Далмаціи, Водина. Carol. du Fresne ad h. l.

кусный и нерасположенный отмѣнять что бы то ни было въ царскихъ распоряженіяхъ, самодержецъ, нуждавшійся теперь именно въ такомъ человѣкѣ, чтобы противопоставить его Чахъ, вызвалъ его оттуда и, наименовавъ великимъ Дуксомъ флота, съ большими силами, сухопутными и морскими, выслалъ противъ Чахи. Въ сколькихъ битвахъ онъ схватывался съ нимъ, сколькимъ подвергался опасностямъ и выходилъ побѣдителемъ, покажетъ дальнѣйшій разсказъ. Въ ожиданіи его-то, Далассенскій, разговаривая съ Чахою, все слагалъ на приближающаго Дукса. Чаха отвѣчалъ ему на это какбы Омировскимъ стихомъ: «настала уже ночь; хорошо покориться и ночи». Съ наступленіемъ утра онъ обѣщалъ доставить Римлянамъ много съѣстныхъ припасовъ; но все то было лукавство и обманъ, и Далассенскій не ошибся въ этомъ. Вставъ поутру, Чаха спустился къ берегу Хіуса и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отправился въ Смирну, чтобы тамъ собрать больше войска и прибыть обратно въ Хіосъ. Но и Далассенскій въ уловкахъ былъ не ниже Чахи. Вошедши съ своимъ войскомъ на бывшія у него суда, онъ отправился къ Волису, раздобылся тамъ кораблями и приготовилъ другія осадныя орудія; потомъ, давъ отдыхъ воинамъ и умноживъ число ихъ, возвратился опять туда, откуда вышелъ. Здѣсь упорно сражался онъ съ варварами и, пока Чаха оставался въ Смирнѣ, разрушилъ стѣны и взялъ городъ; вѣ-

да же, что море не слишкомъ волнисто, со всѣмъ флотомъ поплылъ и прибылъ въ Митилену.

9. Распорядившись такимъ образомъ относительно Чахи, самодержецъ узналъ, что Скиѣы опять идутъ къ Русію ⁽¹⁾ и расположились лагеремъ у Поливота ⁽²⁾; поэтому, нисколько не медля, отправился изъ Константинополя и прибылъ въ Русію. Ему сопутствовалъ и переметчикъ Неанцъ, развивавшій противъ него страшный какой-то и глубокий замыселъ. При немъ находились также Канцусъ и Катранъ, люди, которыхъ мысль была занята битвами и которые питали пламенную любовь къ самодержцу. Завидѣвъ вдали значительный отрядъ Скиѣовъ, царь вступилъ съ ними въ бой. И много Римлянъ пало въ этой битвѣ, нѣкоторые же взяты были живыми и умерщвлены Скиѣами; такъ что порядочное число Скиѣовъ неслось до самаго Русія. Это было дѣло только съ скиѣскими фуражирами. Но въ то время прибыли Латиняне, называемые Маніакатами ⁽³⁾, и царь, ободрившись, рѣшился на слѣдующій день вступить со Скиѣами въ общее сраженіе. А такъ какъ растояніе между обоими войсками было

⁽¹⁾ Русію, по Роберту Монаху, Руза. См. Not. ad Willhard.

⁽²⁾ Поливотъ—еракійскій городъ, о которомъ Кантакузинъ говоритъ I. 2 сар. 12. I. 3 сар. 76. Прокопій (Hister. Arc.) городъ этого же имени полагаетъ въ Фригій.

⁽³⁾ Это были Латиняне или Норманны, оказавшіе нѣкогда услуги Италіи и Сициліи. О Маніакѣ см. выше стр. 23 и Lambert. Schafnaburg. ad A. MLXXI. Ordericus (I. 7) говоритъ, что Норманны до смерти Роберта воевали противъ константинопольскихъ императоровъ, а по смерти его многіе изъ нихъ вступили подъ знамена Алексія и служили ему за жалованье.

небольшое, то, желая начать битву неожиданно, онъ не рѣшался подавать знакъ военною трубою. Поэтому призвавъ къ себѣ Константина, исполнявшаго должность царскаго сокольничаго, приказалъ онъ ему взять съ вечера тимпанъ и бить въ него во всю ночь, ходя вокругъ войска и объявляя, чтобы оно готовилось къ бою; потому что съ разсвѣтомъ завтрашняго дня самодержецъ намѣренъ начать сраженіе съ Скиѣами, не подавая сигнала. Скиѣи же, поднявшись отъ Поливота, успѣли занять такъ называемую Аду и тамъ расположились лагеремъ. Такъ готовился самодержецъ съ самаго вечера; а съ наступленіемъ дня, раздѣливъ войско и построивъ въ Фаланги, онъ выступилъ противъ Скиѣовъ, прежде чѣмъ поданъ былъ знакъ къ сраженію. Но когда всѣ полки были уже разставлены, Неанцъ взошелъ на ближній холмъ, чтобы, какъ говорилъ, высмотрѣть строй скиѣскаго войска и принести самодержцу извѣстіе о его расположеніи; а поступилъ совершенно наоборотъ. Онъ на своемъ языкѣ совѣтовалъ тогда Скиѣамъ поставить повозки рядами и не бояться самодержца, который трепещетъ еще и отъ перваго пораженія, да и теперь готовъ бѣжать, потому что имѣетъ недостатокъ и въ своемъ, и въ союзномъ войскѣ. Сказавъ это, онъ сошелъ къ самодержцу. Но одинъ полуварваръ, знавшій скиѣскій языкъ, понялъ, что Неанцъ говорилъ Скиѣамъ, и донесъ обо всемъ царю. Почувъвъ это, Неанцъ потребовалъ улики,—и полуварваръ, смѣло выступивъ на средину, сталъ ули-

чать; а тотъ, вдругъ обнаживъ мечъ, отсѣкъ голову этому человѣку—въ виду царя и стоявшихъ съ той и другой стороны фалангъ. Разумѣется,—отклоняя отъ себя подозрѣніе въ вѣроломствѣ убійствомъ доносчика, онъ подвергся чрезъ то еще большому подозрѣнію. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ не выждалъ окончанія уликъ? Видно, ему хотѣлось напередъ вырвать языкъ, высказывавшій его козни,—и онъ дерзнулъ на злодѣяніе, еще болѣе отчаянное, и, совершивъ поступокъ, достойный варварской души, показалъ себя человѣкомъ, столько же подозрительнымъ, сколько и дерзкимъ. Впрочемъ царь не тотчасъ наказалъ этого варвара и расправился съ нимъ, какъ слѣдовало; но въ этотъ разъ сдержалъ сердце, забывшееся отъ гнѣва и негодованія, чтобы не спугнуть добычи и не смутить фалангъ. Заключая о вѣроломствѣ и измѣнѣ Неанца какъ изъ того, что онъ только что сдѣлалъ, такъ и изъ другихъ данныхъ, царь затаилъ и скрылъ въ себѣ гнѣвъ на него, потому что война была уже на остріѣ меча. Онъ заглушилъ раздраженіе и удерживался, ибо находился въ недоумѣніи,—что ему дѣлать. Между тѣмъ Неанць, немного спустя, подъѣхалъ къ царю и, сошедши съ своего коня, сталъ просить у него другаго. Царь немедленно далъ ему отличнѣйшаго съ царскимъ сѣдломъ, и Неанць сѣлъ на него. Когда же войска пошли одни противъ другихъ, онъ показывалъ видъ, будто несется на Скиѳовъ, а между тѣмъ, остріе копья оборотивъ назадъ, поспѣшно перебѣжалъ къ со-

племенникамъ и подалъ имъ много совѣтовъ относительно битвы съ царемъ. Возпользовавшись его внушеніями, они вступили въ жестокой бой съ самодержцемъ и обратили его въ рѣшительное бѣгство. Видя, что фаланги разсѣяны и всѣ бѣгутъ, царь пришелъ въ затрудненіе, но безразсудно подвергать себя опасности не хотѣлъ. Поэтому, поворотивъ поводья, неся онъ до самой рѣки, текущей близъ Русіи. Здѣсь, осадивъ коня, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми военачальниками сталъ, сколько имѣлъ силъ, отбиваться отъ преслѣдователей и, нападая на нихъ, многихъ убивалъ, а случалось, и самъ получалъ удары. Когда же съ другой стороны приближалъ къ рѣкѣ и Георгій, по прозванію Пирръ, — самодержецъ съ гнѣвомъ подозвалъ его къ себѣ. Потомъ видя, что Скиѣы нападаютъ безстрашно, съ минуты на минуту умножаются и одни за другими являются на подмогу своимъ, онъ этого Георгія вмѣстѣ съ другими оставилъ тамъ и поручилъ имъ оказывать умѣренное сопротивление Скиѣамъ, пока самъ не возвратится; а самъ, крѣпко затянувъ удила, переплылъ на ту сторону рѣки, прискакалъ въ Русію и, сколько нашелъ тамъ убѣжавшихъ воиновъ и всѣхъ по возрасту способныхъ для войны Русіотовъ, даже самихъ землешцевъ съ ихъ телегами, — всѣмъ имъ приказалъ со всевозможною скоростію идти и стать на берегу рѣки. Это было сдѣлано быстрѣе, чѣмъ сказано, и онъ, поставивъ ихъ въ ряды, опять возвратился къ Георгію, хотя четырехдневная лихорадка была его такъ,

что у него не попадалъ зубъ на зубъ. Между тѣмъ скиѣское войско собралось уже все и, видя, что римскіе ряды удвоились и что самодержецъ такъ подвизается, зная притомъ,* какъ онъ отваженъ и одинаковъ въ побѣдахъ и пораженіяхъ, и какъ неудержимъ въ своемъ стремленіи, не посмѣли сразиться съ нимъ и остановились. Тоже и самодержецъ, мучась ознобомъ, а главное—видя, что разсѣявшееся его войско не все еще собралось, не двигался впередъ и только мѣрнымъ скокомъ объѣзжалъ полки и выказывалъ Скиѣамъ свою отвагу. Такимъ образомъ обоимъ войскамъ пришлось простоять безъ движенія до вечера. Когда же наступила ночь, они безъ боя возвратились въ свои лагери. Между тѣмъ мало помалу собрались опять въ Русіи и другіе, во время перваго сраженія разсѣявшіеся, кто куда. Многіе изъ нихъ и совсѣмъ не отвѣдали битвы. Монастра, Уза и Синезій, любимцы Арея, особенно отличавшіеся воинственною, прошли чрезъ мѣстечко, называвшееся тогда Аспромъ, и тоже прибыли въ Русію.

10. Самодержецъ, вынуждаемый, какъ я сказала, мучившею его лихорадкою, легъ немного отдохнуть; однакожъ и тутъ не оставался празднымъ, но обдумывалъ, что надобно сдѣлать завтра. Въ это время подошелъ къ нему Татранъ (то былъ Скиѣ, человѣкъ, многократно передававшійся самодержцу и опять перебѣгавшій домой, но всякій разъ удостоивавшійся отъ царя прощенія и за такую снисходительность его питавшій къ нему сильную любовь), кото-

рый всею душею мыслить и хлопоталъ о немъ, и сказалъ: «думается мнѣ, царь, что завтра Скиѣмы окружатъ насъ и будутъ домогаться боя съ нами. Поэтому надобно предупредить ихъ и съ разсвѣтомъ выстроиться за стѣнами». Похваливъ Татрана и принявъ его совѣтъ, царь положилъ съ восходомъ солнца выполнить его. А Татранъ, сказавъ это, ушелъ къ скиѣскимъ военачальникамъ и говорилъ имъ вотъ что: «не гордитесь недавней побѣдой надъ самодержцемъ и, видя, что насъ немного, не увлекайтесь льстивыми надеждами въ сраженіе съ нами. Государь неодолимъ и ожидаетъ прибытія большаго наемнаго войска; такъ что, если вы не заключите съ нимъ мира, — тѣда ваши будутъ добычею хищныхъ птицъ». Таковы были слова Татрана Скиѣамъ. Самодержецъ же задумалъ переловить скиѣскихъ лошадей (а ихъ было весьма много), которые паслись на полѣ и каждую ночь опустошали его. Призвавъ Узу и Монастру, онъ приказалъ имъ на самыхъ лучшихъ лошадяхъ по утру заѣхать въ тылъ Скиѣовъ и, окруживъ долину и всѣхъ лошадей, вмѣстѣ съ другимъ скотомъ и пастухами, переловить это; да чтобъ не робѣли. «Вамъ легко будетъ исполнить это порученіе, сказалъ онъ; потому что мы ударимъ на Скиѣовъ спереди». И не ошибся въ расчетъ. Сказано — сдѣлано. Самъ же, ожидая нападенія со стороны Скиѣовъ, царь не давалъ глазамъ своимъ сна и даже не вздремнулъ, но цѣлую ночь призывалъ къ себѣ оиновъ, а особенно малосвѣдущихъ въ стрѣль-

бѣ, и много толковалъ имъ о Скиѣхъ, воодушевлялъ ихъ къ битвѣ и давалъ имъ относительно предполагаемаго завтра сраженія разные полезные совѣты, какъ должно натягивать лукъ и посылать стрѣлы, какъ осаживать лошадь и опять опускать узду, какъ сходить съ коня, если это понадобится. Всѣмъ этимъ занимался онъ ночью, и потомъ немного отдохнулъ. Когда же съ разсвѣтомъ дня всѣ скиѣскіе военачальники переправились чрезъ рѣку . . . и, по видимому, помогали сраженію,—догадка самодержца начала уже оправдываться (при той оцѣтности, какую приобрѣлъ въ частыхъ и ежедневно вoadвигаемыхъ противъ него сраженіяхъ, онъ былъ необыкновенно способенъ прозирать въ будущее). Свѣвъ немедленно на коня, онъ приказалъ трубить въ бранную трубу и, разставивъ фаланги, самъ сталъ впереди; замѣтивъ же, что Скиѣы наступаютъ смѣлѣе, чѣмъ прежде, тотчасъ приказалъ свѣдущимъ въ стрѣльбѣ сойти съ лошадей, идти шагъ за шагомъ впередъ и непрерывно пускать стрѣлы. За этими стрѣлками двигался остальной строй и самъ самодержецъ, управлявшій серединою войска. Передовые смѣло пошли на Скиѣовъ, и закинула упорная битва. Скиѣы, частію отъ густоты стрѣлъ, частію отъ того, что сомкнутые ряды римскаго войска и самъ самодержецъ бились съ жаромъ, упали духомъ и поворотили назадъ, спѣша переправиться черезъ рѣку и убѣгая къ своимъ повозкамъ. А римскія войска преслѣдовали ихъ со всею силою—одни

били ихъ копьями въ тылъ, другіе низвергали стрѣльбою. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ пали убитыми еще прежде, чѣмъ успѣли добраться до берега; многіе также, несясь во всю прыть, попадали въ рѣчныя пучины и, увлеченные ими, захлебывались. Но яростнѣе всѣхъ билась въ тотъ день трудившаяся вокругъ самодержца его прислуга; ибо вся она состояла изъ людей молодыхъ. Самодержецъ же въ этотъ день своею храбростію превзошелъ всѣхъ, и возвратился въ свой лагерь побѣдителемъ.

11. Давъ себѣ трехдневный отдыхъ на томъ мѣстѣ, онъ поднялся оттуда и прибылъ въ Чурулъ. Предполагая, что изъ этого мѣста не скоро придется ему перейти въ другое, онъ, съ находившимися у него войсками, вывелъ у восточной стороны того городка значительной высоты окопы и внутри ихъ помѣстилъ царскій шатеръ и весь обозъ. Подходили къ Чурулу и Скионы и, услышавъ, что онъ уже занять самодержцемъ, перешли протекающую по равнинѣ, вблизи этого городка, рѣку (туземцы называютъ ее Ксирогипсомъ), и между сею рѣкою и городкомъ расположились лагеремъ. Такимъ образомъ они находились внѣ городка и окружали его; а царь оставался внутри, какъ осажденный. Когда наступила ночь, другіе боги и всадники, такъ говоритъ Омирова, Калліона, покоились сномъ, а самодержецъ Алексѣй былъ лишень удовольствія заснуть; но бодрствовалъ и раскидывалъ умомъ, какъ бы дерзость варваровъ одолѣть хитростію. Видя, что этотъ городокъ

Чурулъ построенъ на возвышенномъ холмѣ, а все варварское войско расположилось внизу по долину, соображая также, что у него нѣтъ достаточной силы противъ такого множества, чтобы рѣшиться на битву съ нимъ, онъ выдумываетъ нѣчто, очень замысловатое:—взять у жителей телеги и, снявъ кузова съ колесней, эти колеса съ осями поднять вверхъ, развѣсить по порядку съ наружной стороны стѣнъ и привязать веревками къ зубцамъ ихъ. Придумалъ это и сдѣлалъ: тотчасъ вокругъ повѣшены были колеса съ осями, будто лежащіе одинъ подлѣ другаго, близкіе одинъ къ другому и связанные своими осями круги. Вставъ утромъ, царь и самъ вооружается, и всѣхъ вооружаетъ; потомъ выводитъ воиновъ за стѣну и ставитъ ихъ противъ варваровъ. Случилось же такъ, что на которыхъ сторонахъ висѣли колеса, на тѣхъ стали и наши воины, а противъ ихъ на той же линіи расположилось непріятельское войско. При этомъ царь, ставъ самъ посреди строя, далъ такой приказъ: когда бранная труба затрубитъ, воинамъ сойти съ коней и идти на противниковъ медленно, тихимъ шагомъ, при чемъ больше употреблять въ дѣло стрѣлы и, стрѣлая издали, вызывать противъ себя скинскую фалангу; а какъ скоро увидятъ, что они тронулись и, прикрикнувъ на лошадей, понеслись, быстро бѣжать назадъ и, по немногу раздѣлившись тогда на двѣ части—на правую и лѣвую, оставлять мѣсто противникамъ до тѣхъ поръ, пока они не приблизятся къ стѣнамъ. Въ тоже время

объявлено было стоявшимъ на стѣнѣ, что бы они, какъ скоро увидятъ, что фаланги раздѣлились, тотчасъ мечами разсѣкли веревки и дали колесамъ и осямъ свободу упасть сверху внизъ. По приказанію царя, это и было сдѣлано. Скиѣ съ варварскимъ крикомъ ринулись всей массой на наши ряды, сидя на коняхъ, тогда какъ Римляне шли на нихъ всѣ пѣшіе тихимъ шагомъ, и только самодержецъ сопровождалъ ихъ верхомъ. Тутъ, согласно съ наставленіемъ самодержца, они немного ускорили шагъ и, прикинувшись отступающими, раздѣлились между собою, будто безъ намѣренія, и чрезъ то открыли варварамъ какбы широчайшія ворота къ городу. Тогда, лишь только Скиѣ очутились въ срединѣ между той и другой фалангой, колеса стали на локоть отскакивать отъ стѣнъ, потому что ободы каждаго, ударяясь о стѣну, отражались отъ ней и, будто брошенные изъ пращи, съ чрезвычайною быстротою катились въ средину варварской конницы. Частію отъ силы паденія повинувась физической тяжести, частію же отъ покатоости мѣста, получивъ неудержимую скорость, они сильно низвергались на варваровъ и поражали ихъ со всѣхъ сторонъ; какбы подкашивая голени лошадей и срѣзывая то заднія, то переднія пары ихъ ногъ, они заставляли ихъ падать тою стороною, въ которую полученъ ударъ, а вмѣстѣ съ собою низвергать и всадниковъ. Въ то время, какъ они во множествѣ падали другъ на друга, понеслись на нихъ съ той и другой стороны и наши воины.

Въ произшедшей отсюда сильной битвѣ съ Скиѳами, одни изъ нихъ умирали отъ посылаемыхъ стрѣлъ, другіе пронзаемы были копьями, остальные же, и большая часть, толкаемые сильно раскатившимися колесами въ рѣку, захлебывались въ ней. На слѣдующій день, увидѣвъ, что оставшіеся Скиѳы опять готовятся къ сраженію, замѣтивъ также бодрость и во всѣхъ своихъ войскахъ, царь приказалъ имъ вооружаться; потомъ, взявъ и самъ оружіе и поставивъ войско въ боевой порядокъ, вышелъ на покатость холма и, поворотивъ фаланги лицомъ къ Скиѳамъ, остановился, чтобы, когда можно будетъ, вступить съ ними въ бой; самъ же управлялъ срединною частию войска. Послѣ упорной битвы, римскія фаланги, сверхъ чаянія, одержали побѣду и неудержимо преслѣдовали Скиѳовъ. Когда же самодержецъ увидѣлъ, что онѣ усакакали слишкомъ далеко; то боясь, нѣтъ ли у Скиѳовъ засады и какъ бы она, нечаянно напавъ на Римлянъ, не заставила возвратиться назадъ и бѣгущихъ и, соединившись съ ними, не нанесла римскому войску великой бѣды, онъ началъ разтѣзжать и приказывать, чтобы воины затанули поводья и дали лошадямъ перевести дыханіе. Такъ-то въ этотъ день разстались оба войска: одни—бѣглецами, а царь возвратился въ свой лагерь весело, торжествующимъ побѣдителемъ. Разбитые на голову, Скиѳы раскинули палатки между Болгарофигомъ и Малою Никеею. А царь, такъ какъ наступала уже зима, счелъ нужнымъ возвратиться въ столицу, чтобы, послѣ

многихъ битвъ, и себѣ и большей части арміи дать отдыхъ. И такъ, раздѣливъ силы и для дѣйствующаго войска отобравъ тѣхъ, которые были отважнѣе всѣхъ, поставилъ надъ ними военачальниками Іоаннаки и Николая Маврокатакалона, о которыхъ много разъ говорено было, и повелѣлъ имъ въ каждомъ городкѣ, для охраненія его, поставить достаточный гарнизонъ, а пѣшихъ изъ всей страны съ повозками и быками, которые таскаютъ ихъ, выслать въ столицу; потому что, съ наступленіемъ весны, онъ намѣревался начать упорнѣйшую войну съ Скиѣами и, въ этихъ видахъ, заранѣе придумывалъ и приказывалъ то, что находилъ полезнымъ. Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ нужныя распоряженія, онъ отправился въ Византію.

КНИГА VIII.

1. Самодержецъ узналъ, что скиѣскіе вожди, отдѣливъ нѣкоторую часть своего войска, послали ее противъ Хировакха ⁽¹⁾, и что тамъ ожидали прибытія этихъ Скиѣовъ. Какъ человѣкъ

(1) Городъ Хировакхъ лежалъ между Константинополемъ и Адрианополемъ при рѣкѣ Мелѣ. Мѣстоположеніе Хировакха и окрестныя его поля весьма пригодны были для размѣщенія и дѣйствія войскъ. Nicet. in Manuele L. 1 № 3. О томъ же говорятъ Зовара, Скилица, Глика и Ото.

энергическій и всегда готовый къ предпріятіямъ даже нечаяннымъ, онъ не отдохнулъ въ царскихъ покояхъ и одной недѣли, не сходилъ и въ баню, не смылъ и пыли, накопившейся во время войны, но тотчасъ взялъ содержавшихъ въ городѣ стражу и нѣсколькихъ новобранцевъ, всего около пятисотъ человѣкъ, и, занимаясь вооруженіемъ ихъ цѣлую ночь, на утро выступилъ. При этомъ онъ объявилъ, что идетъ на Скиѳовъ; а своимъ родственникамъ по крови и свойству и другимъ лицамъ, которые принадлежали къ высшему кругу и состояли въ военной службѣ (это была пятница мясопустной недѣли) чрезъ нарочитыхъ приказалъ слѣдующее: «узнавъ о быстромъ движеніи Скиѳовъ къ Хировакху, я иду (теперь); а вы поспѣшите ко мнѣ съ войсками на недѣлѣ сырной. Промежутокъ времени между пятницей недѣли мясопустной и вторникомъ сырной, я даю вамъ для нѣкотораго развлеченія, чтобы не показаться тяжелымъ и неразсудительнымъ». И такъ, ни мало не медля, онъ поскакалъ прямо къ Хировакху и, прибывъ туда, заперъ ворота, а ключи взялъ къ себѣ; потомъ у зубцовъ стѣны разставилъ всѣхъ надежныхъ людей изъ прислуги, наказавъ имъ не дремать, но бдительно наблюдать за стѣнами, чтобы кто-нибудь, взошедши на нихъ и нагнувшись, не сталъ разговаривать съ Скиѳами. Съ восходомъ солнца появились и ожидаемые ватаги Скиѳовъ и стали на холмѣ, спускавшемся до стѣны Хировакха. Тысячъ до шести изъ нихъ отдѣлились и рассыпались за фуражемъ, про-

никнувъ до самаго Дерата ⁽¹⁾, отстоящаго отъ стѣнъ столицы стадій на десять, что, думаю, и дало имя тому мѣсту. Прочіе же стояли неподвижно. Взошедши по стѣнѣ къ ея зубцамъ, царь сталъ осматривать ложбины и возвышенія, нѣтъ ли гдѣ у Скиѳовъ и еще войска или не устроили ли они гдѣ-нибудь засады, чтобы захватить того, кто рѣшился бы напасть на нихъ. Но онъ ничего такого не замѣтилъ, напротивъ увидѣлъ, что во второмъ часу дня они готовятся не къ войнѣ, а располагаются обѣдать и отдыхать, и что было ихъ великое множество. Не осмѣливаясь вступить съ ними въ открытый бой, онъ мучился и такою мыслію, какъ бы, разграбивъ всю страну, не простерлись они до самыхъ стѣнъ царствующаго города,—тогда какъ онъ пришелъ выгнать ихъ и изъ этой области. Поэтому, созвавъ бывшихъ у него воиновъ и желая узнать ихъ мысли, онъ сказалъ: «при видѣ множества Скиѳовъ не слѣдуетъ робѣть, но надобно съ надеждою на Бога вступить съ ними въ бой; только бы намъ быть единомышленными, я увѣренъ, что мы разобьемъ ихъ на—голову». Когда же воины рѣши-

(1) У древнихъ былъ не рѣдкій обычай давать названіе городу или урочищу по разстоянію его столицы или митрополи. Это значеніе имѣлъ находившійся близъ Константинополя Гебдомъ и такой же Гебдомъ былъ близъ Флоренціи въ Этруріи, гдѣ нынѣ сентиніанское аббатство. Ughell. T. 3 Ital. Sacrae p. 34. Есть два замка: одинъ въ Дарданіи, другой въ Мизіи, называющіеся Квинтами; о нихъ упоминаетъ Прокопій. Есть и Терцій близъ Александріи, гдѣ святая Анастасія выстроила монастырь, какъ говорится въ Синаксарѣ 10. Встрѣчается и Нонъ тоже близъ Александріи, о которомъ говоритъ Моисей въ Лугѣ духовномъ и замѣчаетъ, что онъ остоялъ отъ Александріи на 9 миль.

тельно отказывались и не принимали словъ царя,—онъ вздумалъ возбудить ихъ противъ опасности страхомъ, и сказалъ: «если вышедшіе на фуражировку возвратятся и соединятся съ эгипти, оставшимися на мѣстѣ, то опасность—очевидна. Тогда или крѣпость будетъ взята,—и мы сдѣлаемся жертвою меча; или же, считая насъ ни во-что, они помчатся къ стѣнамъ столицы и, расположившись у ея воротъ, не дадутъ намъ войти въ нее. Итакъ намъ остается только броситься на опасность и мужественно умереть. Вотъ я и выхожу: пусть слѣдуетъ за мною, кто хочетъ, когда я понесусь впередъ и брошусь въ средину Скиѳовъ; а кто не можетъ или не хочетъ, пусть не показывается и за ворота». Послѣ сего онъ вооружился, и чрезъ отворенныя ворота, что ведутъ къ озеру ⁽¹⁾, выступаетъ. Проѣхавъ мимо стѣнъ и взявъ немного въ сторону, поднимается онъ на холмъ съ задней его стороны; ибо находилъ, что бывшіе у него воины не въ состояніи вступить въ сраженіе съ Скиѳами съ фронта. Потомъ самъ первый съ обнаженнымъ мечемъ бросился въ средину Скиѳовъ и разрубилъ перваго встрѣчнаго. Но и бывшіе съ нимъ воины не уклонились отъ боя, и многихъ убили, а другихъ заживо взяли въ плѣнъ. Затѣмъ, слѣдуя своему обыкновенію прибѣгать къ хитростямъ, царь

(1) Озеро, образуемое рѣкою Мелю, когда лѣтомъ она пересыхаетъ. Никита говоритъ о немъ такъ: οὗτος τοίνυν θίρις μὲν λειψυδρῶν εἰς χαρὰν συνίσταται τεταχέως.

одѣваетъ своихъ воиновъ въ одежду ⁽¹⁾ Скиѳовъ и приказываетъ имъ сѣсть на скиѳскихъ лошадей; лошадей же, принадлежащихъ своимъ воинамъ, также знамена ихъ и отрубленные головы Скиѳовъ отдаетъ надежнымъ людямъ, и приказываетъ имъ отправиться съ этимъ въ крѣпость и ждать его. Распорядившись такимъ образомъ, онъ съ скиѳскими знаменами и съ воинами, одѣтыми въ скиѳское платье, спускается къ рѣкѣ, текущей по близости Хировакха, гдѣ, думалъ онъ, будутъ проходить Скиѳы, возвращаясь съ фуражировки. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ фуражиры, увидѣвъ стоящихъ тамъ и подумавъ, что и то—Скиѳы, безъ всякаго опасенія подошли къ нимъ,—и одни изъ нихъ пали, а другіе взяты были въ плѣнъ.

2. Съ наступленіемъ вечера (это была суббота), царь возвращается съ плѣнными въ Хировакхъ. Пробывъ на мѣстѣ и слѣдующій день, съ разсвѣтомъ другаго, онъ выступилъ изъ крѣпости, и, раздѣливъ своихъ воиновъ, впередъ велъ тѣхъ, которые держали скиѳскія знамена, а позади помѣстилъ плѣнныхъ Скиѳовъ, изъ которыхъ cadaго держалъ туземецъ; отрубленные же головы, воткнувъ на копья, велѣлъ выставить съ той и другой стороны и такъ совершать путь; а самъ съ своими воинами и съ обыкновенно употребляемыми у Римлянъ знаменами слѣдовалъ на большомъ разстояніи. Между тѣмъ, при первыхъ лучахъ воскре-

(1) О подобной стратагемѣ читаетъ у Полиана, l. 1 in Simone.

сеня сырной недѣли, изъ Византіи прежде другихъ выступилъ Палеологъ, человекъ въ военныхъ дѣлахъ энергическій. Зная, какъ быстро Скиѣы въ движеніяхъ, онъ не беззаботно совершалъ свой путь; но, отдѣливъ нѣкоторыхъ изъ слѣдовавшей за нимъ прислуги, приказалъ имъ ѣхать на извѣстномъ разстояніи впереди и осматривать равнины, дѣсистыя мѣста и дороги, чтобы, если гдѣ появятся Скиѣы, тотчасъ воротиться и извѣстить его. Идя такимъ образомъ, и на равнинѣ, такъ называемой Димилійской, увидѣвъ воиновъ, одѣтыхъ въ скиѣское платье и несшихъ скиѣскія знамена, они тотчасъ возвратились назадъ и сказали, что Скиѣы уже приближаются. Палеологъ немедленно приготовился принять ихъ. Но вслѣдъ за этими вѣстниками пришелъ другой, и утвердительно говорилъ, что позади Скиѣовъ, что-ли, на значительномъ разстояніи виднѣются римскія знамена и за ними воины. Значитъ, извѣщавшіе объ этомъ частію угадывали, въ чемъ дѣло, частію ошибались. Сзади слѣдовавшее войско, дѣйствительно, было римское и по виду и на самомъ дѣлѣ, и имъ предводительствовалъ царь; но и шедшіе впереди и одѣтые по-скиѣски были также изъ римскаго войска, только платье-то на нихъ надѣто было скиѣское — частію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, нося такую одежду, какую приказалъ имъ самодержецъ, и представляясь Скиѣами, они обманули настоящихъ Скиѣовъ, какъ объ этомъ было сказано выше, частію же и съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись скиѣскимъ нарядомъ, обмануть нашихъ

и подшутить надъ ними; пусть-ка, то есть, они, встрѣтившись съ тѣмъ отрядомъ, струхнуть, какбы попали на Скиѳовъ, и такимъ образомъ возбудить въ войскѣ громкій смѣхъ, соединенный съ страхомъ; да и въ самомъ дѣлѣ, сперва они очевидно испугались, а потомъ, увидѣвъ, что позади идетъ царь, ободрились. Такъ—то самодержецъ застрашалъ встрѣтившихся, когда нечего было страшиться. Но, тогда какъ это явленіе въ другихъ возбудило страхъ, Палеологъ, превосходившій всѣхъ большою опытностію и знавшій, какъ Алексѣй изобрѣтателенъ на выдумки, тотчасъ понялъ, что это уловка Алексѣя, а потому и самъ успокоился, и другихъ уговорилъ не робѣть. Между тѣмъ за Палеологомъ выступили въ помощь ему во множествѣ и родственники царя, и близкіе ему по крови; ибо спѣшили, какъ имъ казалось, явиться къ самодержцу въ положенный передъ тѣмъ срокъ; а срокомъ назначена была, какъ выше сказано, сырная недѣля, послѣ мясопустной. Не успѣли они еще выдти изъ города, какъ на встрѣчу имъ предсталъ съ трофеями царь. Встрѣтившись съ нимъ, они и не повѣрили бы, что царь такъ скоро одержалъ побѣду и возвращается съ трофеями, если бы на остріяхъ копій не увидѣли скиѳскихъ головъ, равно какъ и прочихъ Скиѳовъ, пощаженныхъ мечемъ, но ведомыхъ и влекомыхъ однихъ за другими въ оковахъ и съ связанными за спиною руками. Быстрота похода казалась чудомъ. Кромѣ того я знаю о Георгіѣ Палеологѣ (намъ рассказы-

вали очевидцы), какъ онъ досадовалъ и бранилъ себя за то, что опоздалъ къ битвѣ и что не былъ съ самодержцемъ, неожиданною побѣдою надъ этими варварами предвосхитившимъ такую славу. И ему также очень хотѣлось раздѣлить съ нимъ такую честь. Что же касается до самодержца, то къ нему иной могъ бы приложить пѣснь изъ Второзаконія, въ то время исполнившуюся и перешедшую въ очевидность,—какъ «одинъ погонитъ тысячи, а два двинутъ десятки тысячъ». Въ самомъ дѣлѣ, царь Алексѣй въ то время противостоялъ такому множеству варваровъ едва не одинъ; онъ такъ прекрасно распорядился, что принялъ на себя все бремя сраженія и самую побѣду: ибо кто возметъ въ расчетъ, сколько было при немъ людей и каковы эти люди,—кто изобрѣтательность и находчивость самодержца, равно какъ его твердость и смѣлость, сравнитъ съ множествомъ и силою варваровъ; тотъ, конечно, найдетъ, что побѣду одержалъ онъ одинъ.

3. Такъ-то Богъ даровалъ тогда державному чудную эту побѣду. Византійцы, видя его вступающимъ въ городъ, радовались; пораженные быстротою, смѣлостію, ловкостію дѣла и нечаянностію побѣды,—пѣли, прыгали, и прославляли Бога, что Онъ далъ имъ такого спасителя и благодѣтеля. Но Никифоръ Мелиссинскій, по слабости человѣческой, терзался этимъ и не могъ перенести Алексѣева торжества: «эта побѣда, говорилъ онъ,—радость безплодная, да скорбь безвредная». Впрочемъ, и дѣйствительно, Скифы,

которыхъ было безчисленное множество, разсыпавшись по Западу, все грабили, и ничто, встрѣчавшееся съ ними, не останавливало неудержимой ихъ дерзости. Иногда они брали и небольшіе города, не щадили даже близкихъ къ столицѣ мѣстечекъ и простирались до самаго потока, называемаго Ваѳисъ ⁽¹⁾, при которомъ построень и храмъ во имя великомученика Θεοδора ⁽²⁾. Туда многіе каждодневно ходили для поклоненія святому. А когда наступало воскресенье, въ тамошній храмъ отправлялись всѣ люди благочестивые, и цѣлыя сутки оставались кругомъ—или на паперти, или на задней сторонѣ храма. Неудержимая стремительность Скиѳовъ теперь такъ усилилась, что желавшіе сходить къ мученику, по причинѣ частыхъ скиѳскихъ набѣговъ, не смѣли отворить и воротъ Византіи. Такія-то опасности угрожали самодержцу на сушѣ съ Запада. Но не было въ то же время спокойно и на морѣ, а напротивъ и очень опасно; потому что Чаха снова собралъ флотъ и плавалъ по всѣмъ морскимъ мѣ-

⁽¹⁾ Ваѳисъ, вѣроятно, тоже, что у Діонисія Византійскаго называется Βαθύκολπος, Сравни. Petr. Gyll. L. 2 de Bosphoro Thracio c. 17. Это же названіе встрѣчается въ Азій недалеко отъ Евфрата и Тефрика, о которомъ упоминаетъ Скилица in Bulgastroctone A. 11.

⁽²⁾ Писатели говорятъ, что храмъ Θεόδору Тирону построень былъ въ той части самой столицы, которая потомъ названа его именемъ, и находился близъ храма софійскаго. А храмъ, упоминаемый здѣсь Анною, находился въ предмѣстіи Византіи и былъ, вѣроятно, тотъ самый, о которомъ говоримъ Прокопій L. 1. de Aedif. Justin. и который, по его словамъ, построень Юстиніаномъ въ предмѣстіи: Ραισσκῶν τὸ τῷ Θεοδόρῳ ἀγίῳ τέμενος πρὸς τῆς πόλεως κείμενον ἐν χάρῃ καὶ ἐνὶ τῇ Ραισσίῳ. Carol. du Fresne ad h. l.

стамъ. При этомъ царь, развлекаемый заботами во всѣ стороны, скорбѣлъ и мучился. Его извѣщали, что Чаха въ приморскихъ городахъ составилъ еще большій флотъ и, опустошивъ остальные острова, которые взялъ уже прежде, обратилъ свои замыслы и на западныя области, а Скиѳамъ чрезъ пословъ совѣтовалъ занять Херсонесъ, даже шедшее къ самодержцу съ Востока наемное войско, разумѣю Турковъ, убѣждалъ заключить съ нимъ союзъ, подстрекая ихъ богатыми обѣщаніями, если, оставивъ самодержца, они присоединятся къ нему, а между тѣмъ заготовлялъ и продовольствіе. Извѣстившись объ этомъ, царь сознавалъ, что его дѣла какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, были въ слишкомъ худомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что жестокая зима заперла всѣ выходы, такъ что отъ сугробовъ снѣга, нельзя было даже отворить дверей изъ домовъ (онъ выпалъ тогда въ такомъ количествѣ, какого прежде никто не знавалъ). Поэтому онъ, сколько было можно, спѣшилъ чрезъ письма собрать отовсюду наемнаго войска. Когдаже солнце достигло весенняго поворота, война, грозившая съ облаковъ, пронеслась и море успокоилось отъ ярости,—онъ, имѣя въ виду враговъ, налегавшихъ съ обѣихъ сторонъ, счелъ нужнымъ занять больше мѣста приморскія, чтобы удобнѣе было въ одно и тоже время и противостоятъ врагамъ съ моря, и отбиваться отъ тѣхъ, которые нападали бы съ суши. И такъ, пославъ немедленно къ Кесарю Никифору Мелиссинскому, онъ при-

казалъ ему быстрѣе произносимаго слова явиться въ Энъ ⁽¹⁾; ибо еще прежде поручилъ ему письменнo набрать воиновъ, сколько будетъ въ состояніи,—не тѣхъ воиновъ, которые уже были въ рядахъ (этѣхъ онъ еще прежде разослалъ всюду по западнымъ городамъ, для охраненія главныхъ крѣпостей), но по частямъ—новобранцевъ изъ Болгаръ, и изъ тѣхъ, которые вели кочевую жизнь (въ просторѣчїи обыкновенно называютъ ихъ Валахами), равно какъ и изъ другихъ, какіе придутъ, откуда бы то ни было, всадники-ли то будутъ или пѣшіе. Самъ же вызвалъ изъ Никодимїи пять сотъ Кельтовъ графа Фландрскаго и, съ своими родственниками выступивъ изъ Византіи, съ возможною поспѣшностію прибылъ въ Энъ. Здѣсь, сѣвъ на судно ⁽²⁾ и миновавъ городъ, обслѣдовалъ онъ положеніе всей рѣки и все ея русло съ той и другой стороны и, разузнавъ, гдѣ лучше расположиться войску, возвратился. Ночью созвавъ военачальниковъ, онъ разсказалъ имъ о рѣкѣ и ея окрестностяхъ по ту и другую сторону:—но на утро, говорилъ онъ, нужно и вамъ переправиться и обозрѣть всю равнину; быть можетъ, мѣсто, на которомъ должно раскинуть палатки и которое я покажу, покажется вамъ не цехорошимъ. Когда всѣ согласились на это, съ разсвѣтомъ

(1) Энъ—городъ еракійскій.

(2) На судно—*ἀμφίρουλον*, въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія — *ἀμφίρουλον* *πλοῖον*, едва ли не слѣдуетъ читать *ἀμφίρουλον*, такъ что *ἀμφίρουλον* или *ἀμφίρουλον* *πλοῖον* есть судно, по своей малости со всѣхъ сторонъ обливомое водою. *Ἀμφίρουλον* *πλοῖον* употребляется и у Гомера. Odys. L.

дня онъ первый переправился, а за нимъ послѣдовало и все войско. Вмѣстѣ съ военачальниками снова осмотрѣлъ онъ берега рѣки и лежащую выше ихъ равнину, и указалъ имъ поправившееся ему мѣсто (оно было по близости одной крѣпостцы, называемой по туземному Хириномъ, которая съ одной стороны омываемая была рѣкою, а съ другой окружена болотомъ).—Такъ какъ это мѣсто и всѣмъ вождямъ показалось достаточно защищеннымъ, то со всею поспѣшностію выкопанъ былъ ровъ, и тамъ помѣщено все войско. Самъ же царь съ достаточнымъ количествомъ тяжело вооруженныхъ всадниковъ возвратился въ Энъ, чтобы оттуда сдерживать стремленіе идущихъ на насъ Скиновъ.

4. Войска, стоявшія въ хиринскихъ окопахъ, извѣстились о набѣгѣ безчисленнаго множества Скиновъ и дали знать о томъ самодержду, проживавшему еще въ Энѣ. Самодержецъ тотчасъ взошелъ на малое судно, поплылъ и, переправившись чрезъ рѣку у ея устья, соединился со всѣмъ своимъ войскомъ. Не видя же въ немъ и малѣйшей части въ сравненіи съ войскомъ скинскимъ и не предполагая ни откуда чело­вѣческой помощи, онъ находилъ себя въ затрудненіи и чувствовалъ страхъ; однако не падалъ духомъ и не ослабѣвалъ, но долго размышлялъ самъ съ собою. На четвертый день увидѣлъ онъ вдали съ другой стороны команское войско, состоявшее тысячъ изъ сорока и уже приближавшееся къ его войску. Ему пришло на мысль,

какъ бы и Команы не соединились съ Скиѣами и не сдѣлали для него войны еще ужаснѣе (ибо тогда нечего было бы и ожидать, кромѣ гибели); и потому онъ счелъ нужнымъ привлечь ихъ на свою сторону, — тѣмъ болѣе, что и прежде звалъ ихъ къ себѣ на помощь. Надъ команскимъ войскомъ много было и другихъ военачальниковъ, главными же вождями почитались: Тогортакъ, Маніакъ и другіе воинственнѣйшіе мужи. Видя такое множество прибывшихъ уже Комановъ и издавна зная податливость ихъ мыслей, самодержецъ опасался, какъ бы они изъ союзниковъ его не сдѣлались врагами и противниками и не нанесли ему величайшаго зла. Находя болѣе безопаснымъ для себя дѣломъ сняться со всѣмъ своимъ войскомъ и снова переправиться чрезъ рѣку, онъ счелъ нужнымъ сперва пригласить къ себѣ команскихъ вождей. Они тотчасъ приходятъ къ царю; приходитъ, хотя позже другихъ, и самъ Маніакъ, прежде на то не соглашавшійся. Самодержецъ приказалъ поварамъ приготовить для нихъ богатый столъ и, когда они достаточно насытились, благосклонно принялъ ихъ и удостоилъ различныхъ подарковъ; но, подозрѣвая лживость ихъ мыслей, потребовалъ отъ нихъ клятвы и заложниковъ. Они тотчасъ удовлетворяютъ этому требованію, давъ обѣтъ вѣрности и попросивъ, чтобы имъ позволено было сражаться съ Пачинаками въ продолженіе трехъ дней, съ тѣмъ, что, если Богъ дастъ имъ побѣду, по раздѣленіи всей приобрѣтенной отъ Пачиначовъ добычи

на двѣ части, одну изъ этихъ частей они отдадутъ царю. Но царь далъ имъ свободу для преслѣдованія Скиѳовъ не на три дня, какъ они хотѣли, а на цѣлые десять дней, уступая имъ кромѣ того, если только будетъ дарована имъ отъ Бога побѣда, и всю захваченную у Скиѳовъ добычу. Не смотря на это, какъ скиѳскія, такъ и Команскія войска оставались на своихъ мѣстахъ; хотя Команы и затрогивали Скиѳовъ, бросая въ нихъ стрѣлы издали. Поэтому не прошло еще трехъ дней, какъ царь, призвавъ Антиоха (это былъ мужъ благородный и превосходившій многихъ силою ума) и поручилъ ему устроить мостъ. Мостъ скоро былъ устроенъ изъ связанныхъ между собою длинными бревнами суденъ. Тогда онъ, призвавъ къ себѣ Протостратора Михаила Дуку, своего шурина, и роднаго брата Адриана, великаго Доместика, приказалъ имъ стать по берегу рѣки и не позволять переправляться чрезъ рѣку вмѣстѣ пѣхотѣ и конницѣ, но прежде всадниковъ—пѣхотѣ, обознымъ повозкамъ и вьючнымъ муламъ. Когда же пѣхота переправилась, царь, боясь скиѳскихъ и команскихъ войскъ и думая, какъ бы не сдѣлали они неожиданнаго нападенія, скорѣе чѣмъ выговорить слово, приготовилъ окопъ и ввелъ въ него всѣхъ переправившихся чрезъ рѣку; потомъ уже приказалъ переправляться и всадникамъ. А самъ, стоя на берегу рѣки, смотрѣлъ на переправлявшихся. Между тѣмъ Мелиссинскій, по письму самодержца, которое онъ предъ тѣмъ получилъ, собравъ отсюду войско,

и взявъ изъ сосѣднихъ мѣстъ пѣшихъ воиновъ, чтобы они на телегахъ, запряженныхъ волами, везли свой багажъ и военныя потребности, все это поспѣшно выслалъ къ самодержцу. Когда высланные находились уже на такомъ разстояніи, на какомъ глазъ въ состояніи обозрѣвать, что подлежитъ зрѣнію; тогда очень многимъ показалось, будто противъ самодержца идетъ отрядъ Скиѳовъ. Кто-то такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что даже пальцомъ указалъ самодержцу, утверждая, что то Скиѳы. Принявъ сказанное за истину и не имѣя силъ противостать такому множеству, царь былъ въ затрудненіи. Онъ призвалъ къ себѣ Родомира (это былъ мужъ благородный; происходившій изъ Болгаріи и съ матерней стороны доводился въ родствѣ Августѣ, моей матери) и послалъ его съ порученіемъ развѣдать, кто это идетъ. Родомиръ скоро исполнилъ порученіе и, возвратившись, донесъ, что это войска, присланныя отъ Мелиссинскаго. Самодержецъ очень обрадовался и, дождавшись приближавшихся, переправился съ ними чрезъ рѣку, тотчасъ распространилъ окопъ и пришедшихъ соединилъ съ прочимъ своимъ войскомъ. Между тѣмъ Команы, едва только царь вывелъ свое войско изъ прежняго окопа и переправился чрезъ рѣку, сряду же заняли его и раскинули тамъ свои палатки. Потомъ на другой день, выступивъ оттуда, онъ хотѣлъ на нижней части рѣки занять бродъ, называемый у туземцевъ Филокальскимъ. Въ это время встрѣтившись съ немалымъ числомъ Скиѳовъ и напавъ на нихъ,

завязалъ онъ упорное сраженіе. Тутъ хотя много было убито съ той и другой стороны; однакожь побѣда осталась на сторонѣ царя, который разбилъ Скиѳовъ на голову. Послѣ этого сраженія, войска разошлись по лагерямъ, и римское войско всю ночь оставалось гдѣ-то тамъ. Съ разсвѣтомъ же дня, снявшійся оттуда, оно пришло къ одному мѣсту, извѣстному подъ именемъ Левуны. Это былъ господствовавшій надъ равниною холмъ, и самодержецъ взомель на него. Но такъ какъ на немъ не могло помѣститься все войско, то при подошвѣ его онъ вырылъ ровъ и провелъ валъ, удобный для помѣщенія въ немъ всего войска, и тамъ расположилъ его. Въ это время пришелъ къ самодержцу снова перебѣжчикъ Неанць, съ нѣсколькими Скиѳами. Увидѣвъ его и напомнивъ ему о прежней его неблагодарности и присоединивъ къ этому еще кое-что, онъ посадилъ его вмѣстѣ съ другими въ оковы и отдалъ подъ стражу.

5. Такъ дѣйствовалъ царь. Что же касается до Скиѳовъ, то, расположившись по потоку, называемому Мавропотамомъ, они тайно подготавливали Комановъ быть ихъ союзниками. Впрочемъ присылали они и къ царю и просили у него мира. Но царь, угадывая ихъ хитрость, давалъ имъ такіе и отвѣты,—держалъ ихъ въ нерѣшимости, думая, не придетъ ли къ нему ожидаемое изъ Рима ⁽¹⁾ наемное вой-

(1) Этого вспомогательнаго войска ожидалъ онъ, вѣроятно, отъ папы Урбана II, который чрезъ своихъ пословъ въ 1089 году снялъ съ не-

ско. А Команы, получая отъ Пачинаковъ двусмысленныя обѣщанія, не очень-то къ нимъ присоединялись; впрочемъ (однажды) вечеромъ объявили царю слѣдующее: «долго ли намъ еще откладывать сраженіе? Знай, что долѣе ждать мы не будемъ; но съ восходомъ солнца будемъ ѣсть мясо или волка, или ягненка». Услышавъ это и понявъ рѣзкость высказанной Команами мысли, царь уже не хотѣлъ откладывать сраженія, но, рѣшившись въ тотъ же день извѣстить всѣхъ о войнѣ, далъ Команамъ обѣщаніе сразиться со Скиѣами въ слѣдующее утро и, тотчасъ призвавъ къ себѣ военачальниковъ, пятидесятиначальниковъ и прочихъ, приказалъ имъ объявить чрезъ герольдовъ по всему лагерю, что завтра имѣетъ быть сраженіе. Не смотря однакожъ на это распоряженіе, онъ все таки боялся несмѣтнаго множества Пачинаковъ и Комановъ, подозрѣвая тѣхъ и другихъ во взаимномъ союзѣ. Между тѣмъ какъ царь размышлялъ объ этомъ, къ нему пришли, по собственному побужденію, горные жители, мужи смѣлые и храбрые, и присоединились къ его войску, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ. Послѣ сего, не думая долѣе откладывать сраженіе, онъ сталъ призывать къ себѣ въ помощники Бога. На закатѣ солнца имъ первымъ вознесена была молитва, при великомъ освѣщеніи и пѣніи при-

го отлученіе отъ Церкви. Такъ пишетъ Бертольдъ. О союзѣ Урбана съ Алексѣемъ упоминается также in Chronico Cass. l. 4 c. 48. См. Mallaterran l. 4 cap. 13.

личныхъ случаю гимновъ. Не позволяя онъ покоиться и всему стану, но каждому благоразумному совѣтовалъ дѣлать тоже самое, а грубыхъ заставлялъ. Хотя видимо было еще тогда и солнце, заходившее за горизонтъ; но воздухъ былъ освѣщенъ не однимъ свѣтомъ солнца: онъ озарялся и многими другими звѣздами, проливавшими блистательный свѣтъ, потому что всѣ воины, утвердивъ на своихъ копьяхъ лампы и восковые свѣчи, сколько кто могъ, зажгли ихъ. А молитвенные голоса войска долетали, кажется, досамыхъ небесныхъ сводовъ, или, точнѣе сказать, возносились къ самому Владыкѣ Богу. Изъ того, думаю, слѣдуетъ заключить о благочестіи царя, что онъ не хотѣлъ сдѣлать нападеніе на враговъ безъ помощи съ неба. Въ самомъ дѣлѣ онъ уповалъ не на воиновъ и коней, и не на воинское искусство, но все относилъ къ волѣ всевышней.—И это продолжалось до полуночи. Въ остальное же время ночи, давъ немного покоя своему тѣлу, онъ всталъ, и легкой конницѣ далъ вооруженіе тяжелое; а какъ желѣзныхъ латъ для всѣхъ недоставало, надѣлъ на нѣкоторыхъ латы и шлемы изъ шелковой одноцвѣтной матеріи. Когда же наступилъ день, онъ, тяжело вооружившись, вышелъ изъ окопа и приказалъ подать военный сигналъ; потомъ при подошвѣ такъ называемаго Левунія (это мѣсто. ...) раздѣлилъ войско, разставилъ фаланги по отрядамъ, а самъ сталъ предъ фронтомъ и дышалъ (на враговъ) гнѣвомъ. Правымъ и лѣвымъ флангами командовали Георгій Па-

леологъ и Константинъ Далассенскій. Съ правой же стороны Комановъ стоялъ вооруженный съ своими воинами Монастра; ибо и они, видя, что самодержецъ устанавливаетъ римскія фаланги, стали также вооружать свои силы и по своему поставили ихъ въ боевой порядокъ. Лѣвымъ флангомъ ихъ управлялъ Уза, а къ западу стоялъ Убертопулъ съ Кельтами. И такъ, укрѣпивъ войско будто башнями и оградивъ его будто стѣнами, самодержецъ приказалъ снова рубить. Римляне, страшась безчисленнаго множества Скиѳовъ и несмѣтнаго числа крытыхъ повозокъ, служившихъ имъ какбы стѣнами, единогласно ⁽¹⁾ призывали милость Господа всяческихъ и, видя предъ собою самодержца, опустили поводья и понеслись на Скиѳовъ. Такъ какъ строй былъ серпообразный; то, когда и Римляне и Команы будто по одному условному знаку бросились на Скиѳовъ, одинъ изъ главныхъ скиѳскихъ вождей, предугадавъ будущую судьбу Скиѳовъ, рѣшился спасти себя и, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ, перебѣжалъ къ Команамъ, говорившимъ на одномъ съ ними язы-

(1) Древніе тактики были того мнѣнія, что враги поражаются страхомъ, если вмѣстѣ съ бросаніемъ стрѣлъ раздается крикъ войскъ. Такъ говоритъ Вегецій l. 1 сар. 18 и Левъ Tact. сар. 20 § 114. Этотъ крикъ иногда бываеъ соединяемъ съ урѣщаніемъ, какъ пишетъ Саллюстій de Bello Jugurt. Отсюда у Константина Манассы (р. 231. Edit. Leyd.) называется онъ *παράκλησις*. Но когда воинскія фаланги начали составляться изъ христіанъ, тогда языческіе *ἀλαλαχοί, λαλαχαί, ἀραιαί* и *ἐννάλιος κέλευθος* замѣнѣны были единогласнымъ, возносимымъ къ небу, испрашиваніемъ Божіей помощи. Первымъ государемъ, который ввелъ этотъ обычай, почитается Константинъ В. См. Евсев. кн. 4. О жизни Константина гл. 18. 20.

кѣ. Хотя и Римляне сражались съ Скиѣами мужественно; однакоже онѣ имѣлъ больше смѣлости перебѣжать къ нимъ, чѣмъ къ Римлянамъ, ибо надѣялся найти въ нихъ ходатаевъ предъ самодержцемъ. Замѣтивъ это и побоявшись, какъ бы и другіе Скиѣы, перешедши на сторону Комановъ, не расположили ихъ въ свою пользу и не убѣдили обратиться противъ римской фаланги, самодержецъ, при этой мысли тронулъ поводья и, вдругъ, въ одно мгновеніе, со всею свойственною ему ловкостію угадавъ, что надобно сдѣлать, приказалъ державшему царское знамя стать съ нимъ при войскѣ Комановъ. Когда скиѣскіе ряды были разорваны и оба войска смѣшались другъ съ другомъ; тогда можно было видѣть такіе ужасы кровопролитія, какихъ никто никогда не видывалъ. Во время ужаснаго истребленія Скиѣовъ, какъ бы уже оставленныхъ божественною силою, Римляне, поражая ихъ, утомлялись отъ сильнаго и частаго движенія мечей и, падая въ обморокъ, замедляли стремленіе. Тогда самодержецъ, вскакавъ въ средину сражающихся, приводилъ въ замѣшательство всѣ фаланги, поражалъ противостоявшихъ и устрашалъ крикомъ находившихся вдали отъ него. Увидѣвъ же, что солнце бросаетъ свои лучи прямо на головы, такъ какъ былъ уже полдень, онъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе. Призвавъ нѣкоторыхъ, онъ посылаетъ ихъ приказать деревенскимъ жителямъ, чтобы они, наполнивъ мѣхи водою, привезли ихъ сюда на своихъ мулахъ. Уви-

дѣвъ это и другіе сосѣдніе жители, которыхъ никто не принуждалъ къ тому, дѣлали тоже самое: приносили воду, кто въ ведрѣ, кто въ мѣхѣ, вообще въ какомъ кому случилось сосудѣ, и прохлаждали ею своихъ освободителей отъ страшной руки Скиѳовъ. Освѣжившись же немного водою, воины снова вступили въ сраженіе. И вотъ открылось необыкновенное зрѣлище: цѣлый народъ, состоящій не изъ десяти тысячъ человѣкъ, а превышающій всякое число, погибъ совершенно съ женами и дѣтьми,—погибъ въ одинъ день. Это случилось 29 числа мѣсяца апрѣля, въ третій день недѣли. Отсюда и произошла византійская пѣсня: «Скиѳы одного дня не дожили до мая». Когда же солнце склонилось уже къ западу и всѣ они сдѣлались жертвою меча—и дѣти, говорю, и матери, а многіе изъ нихъ взяты были въ плѣнъ; самодержецъ приказалъ рубить отбой и возвратился въ свой лагерь. Человѣку размышляющему покажется удивительнымъ, какъ это Византійцы, выступая нѣкогда противъ Скиѳовъ, закупили множество веревокъ и ремней, чтобы вести на нихъ связанными плѣнныхъ непріятелей, и между тѣмъ тогда вышло противное,—сами они сдѣлались скиѳскими плѣнниками и узниками. Это было по случаю сраженія съ Скиѳами при Дристрѣ. Въ то время самъ Богъ сокрушилъ гордость Римлянъ. Впослѣдствіи же, то есть, въ описываемомъ теперь случаѣ, видя, что они поражены страхомъ, потеряли всякую надежду на спасеніе и находятъ себя не въ силахъ противустоять такому мно-

жеству, Онъ чудеснымъ образомъ даровалъ имъ побѣду; такъ что они и вяжутъ и убиваютъ Скиѳовъ и ведутъ ихъ въ плѣны: да и этого мало (ибо это-то нерѣдко случается и въ небольшихъ сраженіяхъ), но въ одинъ только день истребляютъ весь многочисленный народъ.

6. Когда войска команское и римское разошлись по своимъ мѣстамъ и самодержецъ, въ часъ зажиганія огня шелъ къ ужину, ему предсталъ такъ называемый Синезій съ негодованіемъ: «что это дѣлается? и какое это новое распоряженіе?—говорить онъ самодержцу,—каждый воинъ стережетъ до 30 и болѣе военнопленныхъ Скиѳовъ? Вотъ недалеко отъ насъ толпы Комановъ. И если наши воины, такъ утомившіеся, заснутъ, чего и слѣдуетъ ожидать, а Скиѳы, развязавъ другъ друга и облаживъ сабли, истребятъ ихъ,—что за тѣмъ будетъ? Поэтому прикажи скорѣе большую часть изъ нихъ перебить». Но царь, сердито посмотрѣвъ на него, сказалъ: «хотя они и Скиѳы, однакожъ люди; хотя и враги, однакоже стоятъ милости. Не понимаю,—не съ ума ли ты сошелъ, выдумавъ это». А когда Синезій настаивалъ,—онъ съ гнѣвомъ выслалъ его. Впрочемъ царь тогда же отдалъ по всему войску приказаніе — отобрать у Скиѳовъ все оружіе и сложить въ одно мѣсто, узниковъ же тщательно стеречь. Приказавъ это, онъ беззаботно провелъ остальное время ночи. Между тѣмъ, около средней стражи по божественному ли внушенію, или по чему иному, не знаю, только будто съ общаго согласія, на-

ши воины перебили почти всѣхъ плѣнныхъ. Услышавъ объ этомъ рано утромъ, царь тотчасъ заподозрилъ Синезію; почему тутъ же призвалъ его и сильно укорялъ, грозилъ ему и говорилъ: «это твое дѣло». И хотя Синезій съ божбою утверждалъ, что не знаетъ, однакожь царь все-таки приказалъ держать его въ узахъ подъ стражею, говоря: «пусть узнаетъ, какое зло и одни только узы, чтобы впредь не дѣлалъ для людей подобныхъ опредѣленій». Быть можетъ, онъ и казнилъ бы Синезію, если бы близкіе къ нему по крови и свойству вельможи не пришли къ самодержцу и не принесли за своего родственника общей просьбы. Между тѣмъ большая часть Комановъ, боясь, какъ бы самодержецъ не задумалъ и противъ нихъ чего-нибудь страшнаго, забрали ночью всю добычу и выступили въ путь, по направленію къ Дунаю; а самъ онъ, чтобы избѣгнуть отъ зловонія труповъ, съ наступленіемъ дня, снялся оттуда и пошелъ на одно мѣсто, называемое Каладендры и отстоящее отъ Хирина на двѣнадцать стадій. На пути прибылъ къ нему Мелиссинскій; ибо, занявшись отправкою къ самодержцу упомянутого множества новобранцевъ, онъ не успѣлъ быть при немъ во время сраженія. Повидавшись другъ съ другомъ, какъ водится, и раздѣливъ радость, остальное время своего путешествія провели они въ бесѣдѣ о томъ, что случилось при пораженіи Скивовъ. По прибытіи же въ Каладендры, самодержецъ, узнавъ о бѣгствѣ Комановъ, возложилъ на муловъ все, что приходилось имъ по

условію при договорѣ, и отправилъ къ нимъ, приказавъ посланнымъ поспѣшно нагнать ихъ, хотя бы-то, если возможно, и за Дунаемъ, и отдать имъ посланное. Для царя, который столь много говорилъ всякому противъ обмановъ, всегда было тяжело не только обманывать, но и казаться обманывающимъ. Такъ поступилъ онъ съ бѣжавшими Команамъ, а остальныхъ, послѣдовавшихъ за нимъ, роскошно угостилъ. Что же касается до наградъ, которыя надлежало имъ дать, то счелъ нужнымъ наградить ихъ не тогда, какъ, напившись, они отходили ко сну, а тогда, когда проснутся, чтобы, получивъ награды въ полномъ разумѣ, они сознали то, что для нихъ дѣлали. Поэтому на слѣдующій день, призвавъ всѣхъ ихъ, царь далъ имъ не только то, что было обѣщано, но и гораздо больше того. Впрочемъ, намѣреваясь отпустить ихъ домой, онъ опасался, какъ бы при своемъ возвращеніи не стали они разсѣиваться для фуражировки и не нанесли значительнаго вреда лежащимъ при пути деревьямъ, и потому взялъ отъ нихъ заложниковъ. А такъ какъ и они просили себѣ у царя обезопасенія въ пути, то онъ далъ имъ Іоаннаки, человека отличавшагося мужествомъ и благоразуміемъ, и возложилъ на него всю экономію похода, все содержаніе Комановъ до самой Зиги. Эти дѣйствія самодержца совершенно согласовались съ Божіимъ Промысломъ. Окончивъ такимъ образомъ все исполнѣ, самъ онъ, въ продолженіе мая, съ торжествомъ возвращается въ Византію, какъ побѣдитель. Здѣсь пусть будетъ и ко-

*

нецъ (повѣствованію) о его войнѣ съ Скиѣами; хотя изъ многого я сказала немногое, и Адриатическаго моря коснулась только пальцемъ; ибо блистательныхъ побѣдъ самодержца, частныхъ пораженій, испытанныхъ отъ него непріятелями, всѣхъ по одиначкѣ подвиговъ его мужества, всего случившагося среди тогдашнихъ обстоятельствъ, и того — какъ разнообразно дѣйствовалъ онъ въ отношеніи ко всѣмъ, и какими различными способами разрушалъ страшныя бѣдствія, вообще всѣхъ дѣяній Алексѣя не изобразили бы ни какой-нибудь Димосѣенъ, ни весь сонмъ риторовъ, ни цѣлая Академія и Стоя, хотя бы для этого онъ соединили свои силы.

7. Прошло немного дней по вступленіи царя во дворецъ, какъ открыты были злоумышлявшіе противъ него — Армянинъ Аріевъ и Кельтъ Убертопулъ, люди отличные, изъ знаменитѣйшихъ отважные, увлекшіе въ свой замыслъ немаловажное множество соучастниковъ. Представлены были улики, и истина открылась. Обвиненные заговорщики осуждены на конфискацію имѣнія и ссылку; потому что самодержецъ совершенно освободилъ ихъ отъ наказанія, предписываемаго закономъ, и нисколько не коснулся ихъ тѣла. Въ то же время узналъ онъ, по слухамъ, о набѣгѣ Комановъ, и съ другой стороны о томъ, что Водинъ и Далматы, нарушивъ союзъ, намѣрены идти на нашу землю, — и недоумѣвалъ, противъ которыхъ враговъ выступить. По его соображеніямъ, сперва надлежало вооружиться противъ Далматовъ и овладѣть лежащими между

нашею и ихъ землею горными тѣснинами, чтобы, сколько можно, обезопасить себя съ этой стороны. Посему онъ, собравъ всѣхъ, сообщилъ имъ свой планъ и, послѣ того какъ всѣ признали его полезнымъ, вышелъ изъ столицы, съ намѣреніемъ позаботиться о западныхъ владѣніяхъ. Скоро дошелъ онъ до Филиппополя, и тамъ получилъ отъ тогдашняго болгарскаго архіепископа ⁽¹⁾ письмо о Дукѣ Диррахія, сынѣ Севастократора, Іоаннѣ. Въ этомъ письмѣ архіепископъ утверждалъ, что Іоаннъ затѣваетъ отпаденіе. Такое извѣстіе беспокоило самодержца день и ночь; онъ то откладывалъ изслѣдованіе дѣла ради Іоаннова отца, то боялся, какъ бы молва не оправдалась. Зная, сколь неустойчивы въ своихъ порывахъ юноши, самодержецъ опасался, чтобы и Іоаннъ, который былъ еще юношею, не произвелъ возмущенія и не причинилъ этимъ невыносимой печали отцу и дядѣ; посему счелъ нужнымъ поспѣшить, какимъ бы то ни было образомъ, разрушить заговоръ и за-

⁽¹⁾ Это былъ архіепископъ Ахриды, болгарской митрополіи. Въ то время, о которомъ здѣсь говорится, ахридскимъ архіепископомъ былъ Теофилактъ, родомъ Византиецъ, Отецъ Церкви, извѣстный своими толкованіями на священное Писаніе. Онъ жилъ, дѣйствительно, въ царствованіе Алексѣя Комнина, а не Романа Диогена или Михаила Дуки, какъ утверждаетъ Бароній. Впрочемъ время его жизни ясно обозначается и изданными Меурсіемъ его письмами. Изъ этихъ писемъ нѣкоторыя писаны были къ Адріану, брату Алексѣя, къ Кесарю Никифору Меллисинскому, къ Григорію Тавронитѣ, къ зятю Алексѣя Никифору Вріенвию и къ другимъ знатымъ лицамъ изъ фамиліи Комнинныхъ. Теофилактъ писалъ также къ папѣ Николаю, вступившему на престолъ въ 1094 г. О сочиненіяхъ Теофилакта много говорятъ: Бароній А. 1071 N 15 sq. А. 1073, Белярминъ, Ляббей de Script. Eccles. Левъ Алліцій de Eccles. Occid. et Or. consens. l. 2 c. 10 N 7.

ботился объ этомъ какъ нельзя болѣе. Онъ, призвавъ къ себѣ тогдашняго великаго Этеріарха Аргира Карацу, который, хотя по происхожденію былъ Скиѣтъ, однакожъ отличался благоразуміемъ и любовію къ добродѣтели и истинѣ, и вручилъ ему два письма,—одно изъ нихъ къ Іоанну слѣдующаго содержанія: «Мое величество, узнавъ о вторженіи варваровъ въ наши владѣнія чрезъ горныя тѣснины, выступило изъ Константинополя, чтобы обезопасить ту границу римской имперіи. Посему и ты долженъ придти ко мнѣ съ донесеніемъ о состояніи управляемой тобою страны; ибо я опасаюсь и Волкана, какъ бы и онъ не задумалъ чего-нибудь намъ противнаго. Кромѣ того, ты долженъ сообщитъ мнѣ свѣденія касательно Далмаціи и самаго Волкана,—соблюдаетъ ли онъ мирныя условія; ибо и о немъ ежедневно доходятъ до меня недобрыя вѣсти. Узнавъ объ этомъ яснѣе, мы приготовимъ больше средствъ и, давъ тебѣ что нужно, пошлемъ обратно въ Иллирикъ, чтобы, напавъ на непріятелей съ двухъ сторонъ, при помощи Божіей, одержать побѣду». Таково было содержаніе письма къ Іоанну. А въ другомъ — къ старшинамъ Диррахія содержалось слѣдующее: «Узнавъ, что Волканъ снова строитъ противъ насъ замыслы, мы вышли изъ Византіи съ намѣреніемъ занять горныя тѣснины между нашею и далматскою землею, и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельнѣе развѣдать все касательно его и Далмаціи. Для сего мы признали нужнымъ позвать къ себѣ вашего Дукса и любез-

наго племянника нашего величества, а въ Дуксы къ вамъ назначаемъ этого подателя нашего письма. Примите его и вы, и повинуйтесь всѣмъ его распоряженіямъ». Вручивъ Карацъ эти письма, онъ приказалъ ему сперва отдать письмо Іоанну и, если онъ добровольно послушается, проводить его оттуда съ миромъ, а самому принять охраненіе страны до возвращенія его назадъ. Когда же воспротивится и не будетъ слушаться, созвать старѣйшинъ Диррахія и прочитать имъ другое письмо, чтобы они помогли ему задержать Іоанна.

8. Живя въ Константинополѣ, Севастократоръ услышалъ объ этомъ и, немедленно отправившись оттуда, въ двой сутки прибылъ въ Филиппополь. Такъ какъ царь въ то время спалъ, то онъ, потихоньку вошедши въ царскую палатку, на другой постелѣ царя и брата и самъ уснулъ, а успокоивавшимъ самодержца далъ знакъ рукою, чтобы они молчали. Вставъ отъ сна и сверхъ чаянія увидѣвъ брата, царь сохранялъ тишину и приказалъ тоже самое присутствующимъ. Когда же пробудился и Севастократоръ и увидѣлъ брата бодрствующимъ, а этотъ взаимно его; тогда оба они подошли другъ къ другу и обнялись. Чего ему угодно, спросилъ царь, и какая причина его прибытія. «Ради тебя», отвѣчалъ Севастократоръ. «Напрасно ты столько безпокоился и принялъ на себя такой трудъ», примолвилъ царь: но Севастократоръ пока ничего не сказалъ ему противъ этого, а ожидалъ извѣстій, которыя долженъ былъ шир-

вести изъ Диррахіа человекъ имъ посланный; ибо едва только услышалъ онъ распространившуюся молву о своемъ сынѣ, тотчасъ написалъ къ нему небольшое письмо и приказалъ ему, какъ можно скорѣе, явиться къ самодержцу, извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ, что и самъ онъ въ тоже время выѣзжаетъ изъ Византіи и спѣшить въ Филиппополь, чтобы поколебать сдѣланный на него доносъ и говорить объ этомъ съ братомъ и царемъ, что слѣдуетъ, а равно ожидать тамъ и его прибытія. Вышедши отъ царя, онъ помѣстился въ отведенной ему палаткѣ. Тотчасъ послѣ сего вошелъ къ нему посланный въ Диррахій и возвратившійся скороходъ—письмоносецъ съ извѣстіемъ о прибытіи Іоанна. Освободившись теперь отъ подозрѣнія и укрѣпившись лучшими мыслями, Севастократоръ съ гнѣвомъ на тѣхъ, которые сначала донесли на его сына, и съ волненіемъ въ душѣ вошелъ къ царю. Увидѣвъ его, царь тотчасъ понялъ причину, однакожъ спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ? «Плохо, изъ—за тебя»,—отвѣчалъ онъ. Севастократоръ не вполне умѣлъ обуздывать задорчивость своей души и, при случаѣ, раздражался отъ одного простого слова. Къ этому своему отвѣту онъ прибавилъ и еще нѣчто: «я считаю себя обиженнымъ, говоритъ, не столько твоимъ величествомъ, сколько этимъ лжецомъ». Тутъ онъ указалъ пальцемъ на Адріана. Кроткій и ласковый царь ничего не сказалъ на это; ибо онъ зналъ, какъ потушить пылающій гнѣвъ брата.

За тѣмъ оба они сѣли и, вмѣстѣ съ Кесаремъ Никифоромъ Мелиссинскимъ и нѣкоторыми другими кровными и близкими родными, стали бесѣдовать между собой о томъ, что говорено было объ Іоаннѣ. Севастократоръ, замѣтивъ, что Мелиссинскій и его братъ Адріанъ вѣжливо колятъ словами его сына, и не въ силахъ будучи совладать съ воспламенившимся снова гнѣвомъ, свирѣпо взглянулъ на Адріана и грозилъ, что онъ выщиплетъ ему бороду и научить его впредь не лгать такъ безсовѣстно и не стараться лишать царя такихъ родственниковъ. Въ это время прибылъ Іоаннъ, и тотчасъ, введенный въ царскую палатку, узналъ все, что было говорено на него. Впрочемъ ему не дѣлали вопроса, обвиняемый стоялъ свободно,—и царь сказалъ ему: «смотря на твоего отца, а моего брата, я и слышать не хочу, что наговорено на тебя. Итакъ будь спокоенъ по прежнему». Все это говорили въ царской палаткѣ одни родные,—чужаго тамъ никого не было. Когда такимъ образомъ наговоры и подыски были устранены,—царь призывалъ къ себѣ брата своего Севастократора, т. е. Исаака, съ сыномъ его Іоанномъ, и сначала много бесѣдовалъ съ ними, а потомъ сказалъ Севастократору: «ты ступай благополучно въ столицу и извѣсти мать о нашихъ дѣлахъ; а его (указалъ на Іоанна), какъ видишь, я снова отсылаю въ Диррахій, чтобы онъ заботился о ввѣренной ему области». Итакъ, разставшись другъ съ другомъ, одинъ изъ нихъ на слѣдующій день отправился въ

Византию, а другой посланъ былъ въ Диррахій.

9. По этимъ не кончились возстанія на самодержца. Въ то время въ столицѣ проживалъ **Феодоръ Гавра** ⁽¹⁾. Зная его отвагу и быстроту въ дѣлахъ и желая удалить его изъ города, самодержецъ назначилъ его **Дуксомъ Трапезунда**, который имъ же нѣкогда отнятъ былъ у **Турковъ**; ибо, происходя изъ верхнихъ частей **Халдеи**, онъ считался отличнѣйшемъ воиномъ, который своимъ благоразуміемъ и мужествомъ превосходилъ всѣхъ и не оканчивалъ никакого дѣла неудачею, но всегда и надъ всѣми врагами одерживалъ верхъ и, взявъ самый **Трапезундъ**, отдѣлилъ его, какъ свою собственность, и былъ неспособимъ. Сына его **Григорія Севастократора Исаакъ Комнинъ** сосваталъ за одну изъ своихъ дочерей. Но такъ какъ оба они были еще несовершеннолѣтними дѣтьми, то далѣе брачныхъ сговоровъ дѣло не пошло. Поэтому **Гавра** передалъ сына своего **Григорія** на руки **Севастократору**, чтобы, когда дѣти ихъ достиг-

(1) Фамилія **Гавровъ** въ **Константинополѣ** была весьма знаменита. **Предокъ** ея вышелъ изъ **Халдеи**. Лица, преемственно являвшіяся изъ этой фамиліи на поприщѣ службы и пересчитываемыя **Скилицею**, были: **Константинъ Гавра**; при царѣ **Василіѣ Порфирородномъ Михаилѣ Гавра**, возмущившійся противъ **Михаила Пафлагонитянина**; **Феодоръ Гавра** **Севастъ**, котораго **Зонара** почему-то называетъ мученикомъ и котораго **Алексій** наименовалъ **Дуксомъ Трапезунда**; сынъ его **Григорій Гавра**, за котораго **Алексій** выдалъ дочь свою **Марію**, о чемъ говорятъ **Анна** и **Зонара**; **Константинъ Гавра**, префектъ **Филадельфій**, упоминаемый **Анною** въ кн. 14 и замыслившій тираннію въ царствованіе **Мануила**, какъ говоритъ объ этомъ **Никита** I. 4 сар. 6; и **Михаилъ Гавра**, женившійся на **Евдокіи Компиной**, дочери **Адроника Компина Севастократора**, о чемъ рассказываетъ также **Никита**.

гнуть законнаго возраста, былъ совершенъ надъ ними бракъ; а самъ, откланявшись царю, удался въ свою область. Вскорѣ послѣ того супруга его отдала общій долгъ природѣ, и онъ женился на другой благороднѣйшей, взявъ ее у Алановъ. Случилось же, что супруга Севастократора и та, на которой женился Гавра, были дочери двухъ братьевъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, тогда и по законамъ ⁽¹⁾ (гражданскимъ) и по правиламъ (церковнымъ), воспреещающимъ бракъ такихъ дѣтей, прежній тотъ брачный договоръ былъ расторгнутъ. Но самодержецъ, зная, какой воинъ Гавра и какія дѣла можетъ онъ приводить въ движеніе, не захотѣлъ, и по расторженіи упомянутаго союза, отпустить къ нему сына его Григорія, а вознамѣрился удержать его въ столицѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы имѣть въ немъ какбы заложника, во-вторыхъ, чтобы пріобрѣсть расположеніе къ себѣ Гавра; тогда, еслибы онъ и зятѣялъ какое-нибудь зло, не рѣшился бы сдѣлать его. Имѣя это въ виду, онъ вздумалъ сочетать его бракомъ съ одною изъ своихъ сестеръ, и для этой цѣли откладывалъ отправленіе юноши къ отцу. Гавра же, прибывъ снова въ столицу и не зная ничего о намѣреніяхъ самодержца, задумалъ увести своего сына тайно. Впрочемъ онъ до времени скрывалъ это намѣреніе. Хотя самодержецъ намекалъ и неопредѣленно давалъ ему понять свое

(1) См. Balsamon in Nomocan. Phot. tit. 13 cap. 11.

предположеніе; но онъ, либо не понимая, либо не желая этого брака,—ибо не забывалъ о недав-но расторгнутомъ брачномъ союзѣ,—не знаю по чему,—только просилъ отдать ему сына при обратномъ пути его. Самодержецъ не согласился на это. Тогда Гавра, притворившись, будто добровольно оставляетъ его и поручаетъ самодержцу, какъ собственное его дитя, простился съ нимъ и намѣревался уже выѣхать изъ Византіи, какъ вдругъ былъ приглашенъ въ гости Севастократоромъ, который, по случаю бывшихъ предъ тѣмъ брачныхъ условій, вошелъ въ родственныя къ нему отношенія и захотѣлъ угостить его въ томъ мѣстѣ, гдѣ сооруженъ храмъ великомученика Фоки ⁽¹⁾ и находится прекрасный загородный дворецъ, на берегу Пропонтиды. Угостившись тамъ великолѣпно, Севастократоръ удалился въ Византію, а Гавра просилъ позволенія своему сыну пробыть вмѣстѣ съ нимъ и слѣдующій день. Это тотчасъ было разрѣшено. Но такъ часто упоминаемый Гавра, когда въ слѣдующій день сыну его надлежало идти, сталъ просить дядекъ проводить его до Сосѣенія ⁽²⁾; ибо тамъ на-

⁽¹⁾ Это—знаменитый монастырь, построенный на лѣвомъ берегу Сое-на. Строителемъ его былъ нѣкто Постельничій царя. Монастырь стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился великолѣпный загородный дворецъ, построенный въ царствованіе Михаила Бальба Арзаверомъ Патрициемъ. Scylitzes. Храмъ св. Фоки построенъ Василиемъ Македоняниномъ Codin. de Orig.

⁽²⁾ Сосѣеній—мѣсто въ Анаплѣ, или на европейскомъ берегу константинопольскаго пролива, въ древности называвшееся Фонеєю, какъ говоритъ Дука, Hist. cap. 34. или Леосѣеномъ, какъ полагаетъ Гилліи 1 2. de Bosph. Thr. cap. 14. Эту мѣстность описываетъ Леоптій Схоластикъ 1. 4. Anthol. с. 23. Константинъ В. построилъ тамъ великолѣпный храмъ во имя Архистратига Михаила (Ced-

мѣренъ онъ отдохнуть. Они согласились и поѣхали съ нимъ. Когда же и отсюда нужно было отправиться, онъ опять сталъ просить дядекъ о томъ же самомъ,—чтобы сынъ проводилъ его и до Фароса ⁽¹⁾. Дядьки не соглашались. Но онъ сталъ описывать имъ свою отеческую любовь, дальній свой отъѣздъ, присоединилъ къ этому и другое многое, .и разжалобилъ сердца дядекъ; тронутые его словами, они слѣдовали за нимъ и далѣе. Достигнувъ же до Фароса, Гавра уже ясно обнаружилъ свое намѣреніе. Схвативъ отрока и посадивъ его въ грузовое судно, онъ ввѣрилъ и себя и его волнамъ Понта. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ скорѣе, чѣмъ сказать слово, послалъ за нимъ дромоны и приказалъ, чтобы посланные Гаврѣ вручили нисъмо, а отрока поспѣшили взять съ согласія отца, если только онъ не хочетъ имѣть въ самодержцѣ врага себѣ. Посланные настигаютъ ихъ у города Эгины ⁽²⁾, называемаго у тузем-

ген. et Niceph. Call. l. 7 cap. 30.), который потомъ возобновленъ былъ Юстиніаномъ (Procop. l. 1 Aed. Justin.) и Василіемъ Македоняниномъ (Scylitz.). Но султанъ Амуратъ разрушилъ его и изъ развалинъ построилъ замокъ при устьѣ Понта (Ducas). О сосоеенскомъ монастырѣ упоминаютъ Константинъ in Basilio cap. 63 и Никита in Isaas. l. 4 N 6.

(¹) Фаросъ стоялъ на концѣ европейскаго берега константинопольскаго пролива. Это была башня, на которой по ночамъ зажигался огонь, указывавшій плавателямъ путь въ устье Понта. Объ этомъ Фаросѣ упоминаетъ Діонисій Византійскій in Anaplo, Гиллій l. 1, Левъ Граматикъ in Constantino Porphyг. и др.

(²) Стефанъ называетъ Ἀγινέτην πολίχνιον καὶ ποταμὸν Παφλαγονίας. Такъ какъ Гаврѣ надлежало плыть въ Трапезундъ мимо Пафлагоніи, то подъ Эгиною надобно разумѣть Эгинету.

цевъ ⁽¹⁾ Карамвисомъ. Вручивъ Гавръ царское письмо, въ которомъ самодержецъ открывалъ, что онъ намѣренъ соединить отрока съ одною изъ монашескихъ сестеръ, и побесѣдовавъ съ нимъ о многомъ другомъ, они убѣждали его возвратить сына. Увидѣвъ опять отрока и вскорѣ утвердивъ брачный союзъ его на общихъ законныхъ основаніяхъ, самодержецъ отдалъ его подъ надзоръ одному изъ слугъ царицы, эвнуху Михаилу. Послѣ того жилъ онъ въ царскихъ палатахъ,—и царь удостоивалъ его особеннаго попеченія, заботясь объ его нравственномъ образованіи и училъ всякому воинскому знанію. Но какъ юноша, онъ не хотѣлъ подчиняться вполнѣ никому, и негодовалъ, что будто бы не удостоиваютъ его надлежащей чести. Не любя вмѣстѣ съ тѣмъ своего дядьки, онъ задумалъ убѣждать къ своему отцу, тогда какъ за такое попеченіе о себѣ долженъ бы быть благодарнымъ. И не остановился онъ только на мысли объ этомъ, но дошелъ и до дѣла, сообщилъ свою тайну нѣкоторымъ лицамъ; то были: Георгій Деканъ, Евстафій Камитца и Михаилъ виночерпій, котораго называютъ обыкновенно Пинкерною ⁽²⁾, люди воинственные и очень преданные царю. Изъ нихъ Михаилъ явился къ самодержцу и разсказалъ ему все. Но самодержецъ, не очень вѣря этому, не обратилъ вниманія на такія вѣс-

⁽¹⁾ Карамвисъ, по Птоломею, мысъ Галатіи,—по Евстафію, мысъ Палагоніи,—по Плинію, городъ.

⁽²⁾ Пинкерна при византійскомъ дворѣ было имя достоинства, Nicerphorus Greg. lib. 6. *Πικέρηνος ἀξιωματικόν*. Пинкерна завѣдывалъ царскимъ буфетомъ.

ти. Когда же Гавра сталъ настойчиво готовиться къ бѣгству, люди, душевно преданные самодержцу, сказали отроку: «если ты не увѣришь насъ клятвою въ своемъ намѣреніи, мы не присоединимся къ тебѣ». Юноша согласился на это, а они показали ему мѣсто, гдѣ лежало священное копіе ⁽¹⁾, которымъ нечестивые пронзили бокъ моего Спасителя, и предложили ему взять его и принести, чтобы онъ поклялся во имя Прободеннаго имъ. Гавра вѣрить этому и, вошедши,

(1) Копіе у Анны называется *ῥλος*—гвоздь. Но какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи (I. 12. 14) словомъ *ῥλος* означаетъ она орудіе прободенія ребра Христова. Священное копіе было принесено изъ Іерусалима въ Константинополь въ 4 годъ царствованія Ираклія 27 октября, и положено въ софійскомъ храмѣ. Между священными останками, которые похищены были въ Константинополь Франками и поднесены Людовику Святому Балдуиномъ II, считается и *ferrum sacrae lanceae, quo perforatum fuit latus Domini nostri Iesu Christi*. Balduin Diploma A. MCCXLVII, и эта святыня сохраняема была, говорятъ, въ парижской капеллѣ. Но Дука въ своей Монодіи на взятіе Византіи Турками (Hist cap. 41) повидимому полагаетъ, что въ это время священное копіе хранилось еще въ Константинополь. Поῦ τὰ τῶν Ἀποστόλων τοῦ Κυρίου μου σώματα, τὰ πρὸ πολλοῦ φυτευθέντα ἐν τῇ ἀειθαλλῇ Παραδείσῳ ἔχοντα ἐν μέσῳ τούτων τὸ πορφυροῦν ἱμάτιον, τὴν λογχὴν, τὸν σπόνγον, τὸν κάλαμον. А Христофоръ Бондельмонцій свидѣтельствуетъ, что предъ взятіемъ Константинополя священное копіе сохранялось въ студійскомъ храмѣ, что отчасти подтверждается и Θεодоромъ Спадугиномъ, который въ своей исторіи Турціи пишетъ, что султанъ Баязеть, желая расположить къ себѣ папу Иннокентія, чрезъ Мустафу Басса прислалъ ему желѣзо копія, которымъ прободены были ребра Христовы, губу, трость и другіе останки. Атилій Серранъ (lib. de 7 Urb. Eccles.) говоритъ, что это желѣзо копія положено было въ ватиканской церкви св. Петра и ежегодно въ определенное время износимо было предъ народъ для чествованія. Благоговѣнное чествованіе священнаго копія въ Константинополь было такъ велико, что болящіе просили священника осѣнить себя крестообразно священнымъ копіемъ, и исцѣлялись. Поэтому въ Эхнологіи положены были и молитвы: ὁταν στανροῖ ὁ ἱερὺς πάρος νοσήματος μετὰ τῆς ἀγίας λόγχης, Carol. du Fresne ad h. l.

тайно береть священное копіе. Тогда одинъ изъ предварившихъ самодержца объ этомъ намѣреніи проворно прибѣжалъ къ нему и сказалъ: «смотри, вотъ Гавра, а вотъ и копіе у него за пазухой!»! Самодержецъ захотѣлъ тотчасъ видѣть это, и Гавра былъ приведенъ, и вынуто было у него изъ за-пазухи копіе. На распросы онъ отвѣчалъ обо всемъ совсею простотою, объявилъ и своихъ сообщниковъ и всѣ свои намѣренія. Послѣ этого самоосужденія, отсылаютъ его къ Дуксу Филиппополя, Георгію Месопотамиту ⁽¹⁾, чтобы онъ держалъ его какъ узника въ акрополь, подъ стражею. Георгія же Декана (самодержецъ) послалъ съ грамотою къ Льву Никериту, бывшему тогда Дуксомъ придунайской области, будто бы для того, чтобы и онъ вмѣстѣ съ нимъ охранялъ придунайскія земли, а на самомъ то-дѣлѣ — для того, чтобы Никеригъ имѣлъ его подъ своимъ надзоромъ. Подъ стражею въ ссылкѣ держалъ онъ также и Евстафія Камитцу и другихъ.

(¹) Это, по видимому, былъ тотъ самый Месопотамитъ, о которомъ упоминается in Biblioth. Clunias. p. 368. то есть племянникъ архіепископа Кесаріи каппадокійской, женатый на племянницѣ бывшего царя Михаила Дуки. Онъ управлялъ Кесаріею, но когда Турки взяли этотъ городъ, прибылъ въ Константинополь, и потомъ сдѣланъ Дуксомъ Филиппополя. *Carel. de Fresne ad h. l.*

КНИГА IX.

1. Управившись такимъ образомъ съ Іоанномъ и Григоріемъ Гаврою, самодержецъ поднялся отъ Филиппополя и занялъ тѣснины между Далмаціей и нашими владѣніями. Прошедши все ущелье, у туземцевъ называемое Зигою,—не на лошадяхъ (ибо этого не позволяя тамошняя мѣстность, вездѣ обрывистая, рытвинистая, лѣсистая и едва проходимая), а пѣшкомъ, всюду проникая и все осматривая собственными глазами, чтобы не утаилось какого—либо незащищеннаго мѣста, чрезъ которое непріатели могли бы имѣть удобный проходъ, онъ повелѣлъ индѣ провести рвы, индѣ построить деревянныя башни и городки, индѣ, когда позволяло мѣсто, пользоваться каменными и плитяными матеріалами, и притомъ самъ назначилъ взаимное разстояніе и величину построекъ, а индѣ приказывалъ выкапывать съ корнемъ и валить на землю высочайшія деревья. Заградивъ такимъ образомъ входы врагамъ, онъ возвратился въ великій свой городъ. Эти труды его въ моемъ словѣ представляются читателямъ, можетъ быть, легкими; но сколь великую тягость въ то время подъялъ онъ, свидѣтельствуютъ многіе бывшіе тамъ и еще донинѣ живущіе люди. Спустя нѣскольکو времени послѣ сего, донесли ему со всею под-

робностию о дѣйствіяхъ Чахи, что онъ и на морѣ и на сушѣ ни сколько не отступилъ отъ прежняго замысла, но пользуется подобающими царямъ почестями, называетъ себя царемъ, живетъ въ Смирнѣ, какбы въ столицѣ, и заготовляетъ флотъ, намѣреваясь опять разграбить острова, подойти къ самой Византіи и даже, если можно, овладѣть царствомъ. Ежедневно убѣждавшійся въ этихъ слухахъ, самодержецъ разсудилъ, что не слѣдуетъ упадать духомъ и страшиться разнесшейся молвы, но должно какъ въ остальную часть лѣтняго времени, такъ и въ слѣдующую за нимъ зиму готовиться къ упорной борьбѣ съ Чахою на бубудущую весну, — должно употребить всѣ средства, чтобы не только сдѣлать тщетными его замыслы, надежды и усилія, но и прогнать его изъ самой Смирны и исторгнуть изъ его рукъ все другое, чѣмъ завладѣлъ онъ прежде. По прошествіи зимы, когда уже наступала улыбающаяся весна, онъ, призвавъ къ себѣ изъ Эпидамна шурина своего Іоанна Дуку, облекъ его сагомъ великаго Дукса флота и, давъ ему отборное сухопутное войско, приказалъ идти сухимъ путемъ на Чаху, а Константину Далассенскому поручилъ управленіе флотомъ, и велѣлъ такъ плыть вдоль береговъ, чтобы оба они достигли Митилены въ одно и тоже время и вступили въ борьбу съ Чахою съ обѣихъ сторонъ — съ моря и съ суши. Итакъ, прибывъ къ Митиленѣ, Дука тотчасъ изготовилъ деревянные башни и, дѣйствуя изъ нихъ какбы изъ какой крѣпости, упорно про-

тивустоялъ варварамъ. Чаха же, охраненіе Митилены поручившій брату своему Галаватцѣ, зная, что онъ недостаточенъ для битвы съ такимъ мужемъ, поспѣшилъ самъ поставить свое войско въ боевой порядокъ и схватился съ Дукою. Борьба была упорная и только ночь прекратила ее. Съ этого времени Дука въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не переставалъ ежедневно нападать на стѣны Митилены и съ утра до ночи давать Чахѣ блистательныя сраженія. Но такіе труды его не вознаграждались никакими успѣхами. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ скорбѣлъ и досадовалъ. Распросивъ однажды пришедшаго оттуда воина и освѣдомившись, что ни приступы, ни битвы не принесли Дукѣ никакой пользы, онъ спросилъ его и о времени, — въ которомъ часу начинается онъ сражаться съ Чахою. И когда воинъ упомянулъ о свѣтѣ солнца, царь — опять: «а которая сражающаяся сторона обращена лицомъ къ востоку? — «Наша», отвѣчалъ воинъ. Понявъ тотчасъ причину (неуспѣха) и въ затруднительныхъ случаяхъ находя, что нужно сдѣлать, онъ набросалъ письмо къ Дукѣ, въ которомъ совѣтовалъ ему удерживаться отъ сраженія съ Чахою при восхожденіи солнца, чтобы вмѣсто одного непріятеля не бороться съ двумя, то есть, и съ лучами солнца и съ Чахою, но нападать на противниковъ тогда, когда солнце, прошедши полуденный кругъ, начнетъ склоняться къ западу. Вручивъ письмо воину и нѣсколько разъ напомнивъ ему о томъ же, онъ наконецъ ска-

*

залъ рѣшительно: «если вы будете нападать на противниковъ по склоненіи солнца къ западу, то непременно побѣдите». Узнавъ объ этомъ чрезъ воина, Дука какъ и прежде совѣтовъ самодержца никогда не оставлялъ безъ вниманія, такъ и теперь. На слѣдующій день варвары по обычаю стояли вооруженные: но такъ какъ ни одинъ изъ противниковъ не показывался (ибо римскія фаланги, по распоряженію самодержца, оставались спокойными); то они, не ожидая нападенія въ этотъ день, сложили съ себя оружіе и отдыхали гдѣ-то тамъ. Но Дука не отдыхалъ. Какъ скоро солнце стало на полднѣ,—и самъ онъ, и все войско были уже вооружены. А когда солнце стало склоняться къ западу, онъ поставилъ войско въ боевой порядокъ и съ крикомъ, съ громкими воплями бросился на неожиданныхъ того варваровъ. Однако и Чаха оказался не неготовымъ, но, тотчасъ же вооружившись, вступаетъ въ упорное сраженіе съ римскими фалангами. Въ это время подулъ сильный вѣтеръ и, когда битва сдѣлалась рукопашною, пыль поднялась до самаго неба. Тутъ непріатели частию отъ того, что стояли лицомъ къ свѣту солнца, частию отъ того, что поднятая вѣтромъ пыль засыпала имъ глаза, между тѣмъ какъ Римляне наступали теперь упорнѣе, уѣмъ когда—либо, были побѣждены и обратились въ бѣгство. Итакъ Чаха, не имѣя больше возможности выдерживать осаду и продолжать неравносильную борьбу, сталъ просить мира, требуя только одного—позволить ему невреди-

мымъ отплыть въ Смирну. Дука соглашается на это и беретъ у него двухъ заложниковъ изъ высшихъ сатраповъ. Когда же и онъ попросилъ Дуку о заложникахъ, Дука съ тою цѣлю, чтобы, выходя изъ Митилены или отплывая въ Смирну, Чаха не оскорбилъ кого-нибудь изъ жителей, либо не увезъ съ собою, далъ ему, для сохраненія его безопаснымъ во время плаванія въ Смирну, Александра Евфорвина и Мапуила Витумиту—мужей воинственныхъ и благородныхъ. Такимъ образомъ они получили другъ отъ друга удостовѣреніе: одинъ уже былъ спокоенъ, что Чаха, выходя изъ Митилены, никому не причинить вреда; а другой надѣялся, что во время переправы не потерпитъ отъ римскаго флота ничего худаго. Но ракъ не научился ходить прямо,—и Чаха не оставилъ прежняго криводушія. Онъ покушался увезти съ собою всѣхъ Митиленянъ съ женами и дѣтьми. Въ это время Константинъ Далассенскій, тогдашній Фалассократоръ ⁽¹⁾, еще не успѣвшій, по приказу самодержца чрезъ Дуку, подойти своими кораблями къ назначенному мысу,

(1) Фалассократоръ, по всей вѣроятности, было имя достоинства и означало начальника флота, господствующаго не надъ флотомъ какимъ-нибудь, а надъ моремъ. Первымъ Фалассократоромъ, по словамъ Фукидида, былъ Миносъ, когда онъ подчинилъ своей власти цикладскіе острова и на многихъ изъ нихъ основалъ колоніи, разсѣялъ морскихъ разбойниковъ и доставилъ своему флоту полную свободу плаванія. Послѣ Миноса было много народовъ, преемственно *Фалассократоуτων*: Лидяне, Пелазги, Фракіяне, Родяне, Фригійцы, Кипряне, Финикійцы, Египтяне, Милетяне, Лесбосцы, Фокеяне, Карфагеняне, Римляне. *Euseb Chron. Hoffm, Lex.*

узнавъ объ этомъ, пришелъ и просилъ Дуку позволить ему схватиться съ Чахою. Дука, связанный данною клятвою, отговаривался; но Далассенскій настаивалъ, говоря: «ты клялся, а я не былъ при томъ; ты храни данные тобою увѣренія ненарушимо, а я находился въ отсутствіи, не клялся и даже не зналъ вашихъ условій, и потому вступлю съ Чахою въ битву». Итакъ когда Чаха, отвязавъ причалы, съ невозможною поспѣшностію плылъ въ Смирну, Далассенскій нагналъ его скорѣе, чѣмъ выговорить слово, и, тотчасъ сдѣлавъ нападеніе, сталъ его преслѣдовать. Впрочемъ и Дука, успѣвъ еще предупредить отвалъ остальной части Чахова флота, задержалъ ее и изъ варварскихъ рукъ исторгъ всѣхъ плѣнниковъ и везомыхъ въ рабство узниковъ. А Далассенскій, овладѣвъ многими разбойничьими лодками Чахи, приказалъ убить находившихся на нихъ непріятелей вмѣстѣ съ гребцами. Можетъ быть, схватилъ бы онъ и самаго Чаху, еслибы этотъ хитрецъ, испугавшись будущаго, не пересѣлъ на легкій челнокъ и не убѣжалъ незамѣченнымъ. Предугадывая, что должно было случиться съ нимъ, онъ заблаговременно поставилъ Турковъ на одномъ мысѣ со стороны суши и приказалъ имъ смотрѣть, пока самъ въ безопасности не достигнетъ Смирны, чтобы, когда встрѣтится съ непріятелями, можно было ему направить къ нимъ свое судно, какбы въ нѣкоторое убѣжище; да и не ошибся въ расчетъ. Приплывъ туда, онъ соединился съ тѣми Турками, поспѣшилъ

въ Смирну и достигъ ее. А Далассенскій возвратился побѣдителемъ и соединился съ великимъ Дуксомъ. По возвращеніи Далассенскаго, Дука, обезопасивъ Митилену, отдѣлилъ большую часть римскаго флота и послалъ ее къ мѣстамъ подвластнымъ Чахъ (ибо онъ успѣлъ было овладѣть значительнымъ количествомъ острововъ). Взявъ же на этомъ пути Самось и нѣкоторые другіе острова, возвратился въ столицу.

2. Не много прошло времени,—и самодержецъ, узнавъ объ отложеніи Карика и о томъ, что онъ овладѣлъ Критомъ, а Рапсомать вслѣдъ за нимъ — Кипромъ, послалъ противъ нихъ съ большимъ флотомъ Іоанна Дуку. Когда Дука достигъ Карпанта ⁽¹⁾, Критяне, извѣстившись объ этомъ, потому что то мѣсто было отъ нихъ недалеко, напали на Карика и произвели въ его толпѣ великое убійство, а потомъ передали Критъ великому Дуксу. Обезопасивъ его со всѣхъ сторонъ и оставивъ въ немъ достаточную силу для охраненія, Дука отплываетъ къ Кипру и тотчасъ по прибытіи съ перваго приступа беретъ Кирину ⁽²⁾. Узнавъ объ этомъ, Рапсомать сильно вооружается на него и потомъ, выступивъ изъ Левкосія ⁽³⁾ и занявъ высоты Кирины, ограждаетъ гдѣ-то здѣсь окопомъ, а войны пока избѣ-

⁽¹⁾ Карпантъ—островъ, находящійся недалеко отъ Крита, нынѣ извѣстный подъ именемъ Scarpanto.

⁽²⁾ Кирина—городъ на островѣ Кипрѣ, по Птоломею, Ceronia или Ceraunia, по Плинію Caerinium. См. Steph. Lusinian. Hist. Cypri cap!.

⁽³⁾ Городъ на островѣ Кипрѣ, нынѣ Никкосія, о которой Lusiniapus с. 8. Подъ этимъ именемъ есть также островъ недалеко отъ Италіи, о которомъ—Cantetus l. 3.

гаеть, такъ какъ въ воинскомъ искусствѣ былъ неопытенъ, воинскихъ познаній неимѣлъ, нападалъ только на враговъ неприготовленныхъ. Онъ избѣгалъ теперь сраженія не потому, что намѣревался приготовиться къ войнѣ, будто-бы, то есть, былъ неготовъ (онъ хорошо приготовился и еслибы хотѣлъ, тотчасъ же могъ бы вступить въ битву), но совсѣмъ не хотѣлъ схватываться; ибо предпринялъ войну, будто дѣтскую игру, и потому отъ трусости отправилъ къ Римлянамъ пословъ и рассчитывалъ привлечь ихъ къ себѣ лъстивыми словами. Онъ сдѣлалъ это, думаю, по неопытности въ войнѣ; ибо познакомился съ мечемъ и копьемъ, какъ я слышала, очень недавно, и даже не умѣлъ ѣздить верхомъ на конѣ. такъ что, если когда и случалось ему всходить на коня и скакать,—онъ робѣлъ и шатался. До такой степени неопытенъ былъ въ воинскихъ дѣлахъ Рапсоматъ. Итакъ, либо эта была причина, либо та, что онъ колебался въ мысляхъ, бывъ устрашенъ неожиданнымъ появленіемъ царскихъ войскъ. Когда же потомъ и началъ онъ войну съ какою-то неувѣренностію, дѣла его пошли не къ добру для него; ибо Витумитъ, переманивъ нѣкоторыхъ изъ его соратниковъ, присоединилъ этихъ переметчиковъ къ своему войску. На слѣдующій день построилъ онъ фаланги и домогался сраженія съ Дукою, спускаясь по покатости возвышенія тихимъ шагомъ. Когда разстояніе между обоими войсками уже довольно сѣзилось,—одинъ отрядъ Рапсоматова войска,

состоявшій изъ ста человѣкъ, быстро отдѣлившись и изъ всей силы понесшись на Дуку, вдругъ обратилъ назадъ острія копій и передался ему. Видя это, Рапсомать тотчасъ показываетъ тылъ и быстро дается бѣгству, направляясь къ Немесу, гдѣ могъ бы онъ, по прибытіи, найти корабль, чтобы спастись, переплывъ на немъ въ Сирію. Мануиль Витумить гнался за нимъ и преслѣдовалъ его по пятамъ. Настигаемый имъ и потерявшій надежду уйти, Рапсомать перебѣжалъ на другія горы и поспѣшилъ въ храмъ, построенный нѣкогда во имя честнаго креста. Витумить, посланный для преслѣдованія Дукою, схватываетъ его гдѣ-то тамъ и, давъ ему завѣреніе въ безопасности, идетъ вмѣстѣ съ нимъ къ великому Дуксу. Потомъ всѣ они отправляются въ Левкусію и, съ той стороны покоривъ своей власти цѣлый островъ, по возможности обезопасиваютъ его, и письмами извѣщаютъ самодержца обо всемъ случившемся. Похваливъ ихъ подвиги, царь счелъ нужнымъ обезопасить Кипръ, и для сего избралъ судіею и Уравнителемъ ⁽¹⁾ Калиппарія, мужа знаменитаго, прославившагося своею справедливостію, безкорыстіемъ и скромностію. Но такъ какъ островъ нуждался и въ охранителѣ,

(1) Кипряне вступили въ войну, вѣроятно, по поводу непомѣрныхъ налоговъ, которыхъ вносить были не въ состояніи. Поэтому Алексій, для уврачеванія зла, избралъ Калиппарія, человѣка отличавшагося справедливостію, чтобы онъ пересмотрѣлъ книги податей и сборовъ и подати между гражданами раздѣлилъ поровну, что составляло должность τῶν ἰσιστῶν или Уравнителей. Отсюда у Римлянъ *Peraequatores Senatori* l. 6 *Epist.* 6. *Ennodio* l. 1. *epist* 6 *Carol. du Fresne ad h. l.*

то охраненіе его возложилъ онъ на **Филокала Евмаѳіа** и, нарекиши его **Стратопедархомъ**, ввѣрилъ ему военные корабли и конницу, чтобы онъ обезопасивалъ **Кипръ** и на морѣ и на сушѣ. Между тѣмъ **Витумить**, взявъ **Рапсомата** и состоявшихъ подъ нимъ безсмертныхъ, приходитъ къ **Дукѣ** и потомъ возвращается въ столицу.

3. Это говорили мы объ островахъ **Кипръ** и **Критъ**. Но **Чаха**, человекъ воинственный и предприимчиваго характера, не хотѣлъ оставаться спокойнымъ. Спустя немного времени, пришелъ онъ въ **Смирну** и снова старательно заготовлялъ разбойничьи корабли, имѣя уже у себя для той же цѣли дромоны, диремы, триремы и многія другія легкія суда. Узнавъ объ этомъ, самодержецъ и тутъ не упалъ духомъ и не медлилъ дѣломъ, но поспѣшилъ напасть на **Чаху** и съ моря и съ суши. Облекши **Константина Далассинскаго** саномъ **Фалассократора**, онъ послалъ его тогда со всѣмъ флотомъ на **Чаху** и въ то же время счелъ полезнымъ чрезъ письмо возбудить противъ него и султана. Содержаніе письма было слѣдующее. «Ты знаешь, досто-
 славный султанъ **Кличестланъ**, что султанское достоинство по преемству отъ предковъ принадлежитъ тебѣ. А зять ⁽¹⁾ твой **Чаха**, вооружаясь, повидимому, на римское царство, хотя и именуетъ себя царемъ, однако это очевидно —

(1) Повидимому, не зять, а родственникъ; потому что **Солиманъ**, братъ **Кличестлана**, женатъ былъ на дочери **Чахи**, какъ говоритъ объ этомъ сама же **Анна**. L XI.

одинъ предлогъ; ибо пріобрѣтши опытность, онъ не можетъ не знать, что римское царство ему не принадлежитъ и что для него невозможно достигнуть этой власти. Всѣ эти ковы направлены противъ тебя. Посему ты не долженъ терпѣть этого и медлить, но скорѣе бодрствовать, чтобы не лишиться правленія. Я, при помощи Божіей, прогоню его отъ предѣловъ римскаго царства; забочусь только о тебѣ, чтобы и ты подумалъ о своей власти и силѣ и поспѣшилъ обуздать его либо миромъ, либо, если не приметъ мира, мечемъ». Между тѣмъ какъ царь устраивалъ это, Чаха подступилъ къ Авидѣ съ сухопутнымъ войскомъ и осаждалъ ее бойницами и всякими камнеметными машинами. Но разбойничьихъ лодокъ тутъ не было, потому что онѣ были еще не достроены. Къ Авидѣ же направился съ своими силами и Далассенскій, мужъ неустрашимый и рѣшительный. Равнымъ образомъ и султанъ Кличестланъ, слѣдуя внушеніямъ царя, тотчасъ взялся за дѣло и предпринялъ походъ на Чаха со всѣмъ своимъ войскомъ;—таковы всѣ варвары; они готовы къ убійству и войнамъ! Когда султанъ уже приблизился, Чаха, увидя враговъ, наступившихъ на него и съ моря и съ суши, и не имѣя при себѣ ни готовыхъ кораблей, потому что они еще не отстроились, ни достаточной силы, чтобы противустать и римскому войску и его тестю султану Кличестлану, находился въ затрудненіи. Боясь какъ жителей, такъ и гарнизона Авиды, и не зная о западнѣ, которую

приготовилъ ему самодержецъ, онъ счелъ нужнымъ присоединиться къ султану. Увидѣвъ его, султанъ тотчасъ принялъ веселый видъ и обошелся съ нимъ ласково; приготовилъ по обычаю столъ, обѣдалъ съ нимъ и принуждалъ его больше пить: когда же увидѣлъ, что онъ опьянѣлъ,—вынувъ изъ ноженъ мечъ, пронзилъ его, и онъ тутъ же упалъ мертвый. Послѣ этого султанъ отправилъ къ самодержцу посольство съ прошеніемъ о мирѣ, да и не ошибся въ своихъ предположеніяхъ: самодержецъ принялъ его просьбу. И когда условія мира по обычаю были заключены, въ приморскихъ мѣстахъ воцарилось спокойствіе.

4. Еще не избавился самодержецъ отъ этихъ заботъ, еще не успокоился отъ недавнихъ огорченій (ибо хотя лично и не былъ онъ въ тѣхъ мѣстахъ, но своими заботами и распоряженіями какбы присутствовалъ и дѣйствовалъ тамъ), какъ введенъ былъ въ новый подвигъ. Чрезъ два годовыхъ оборота солнца послѣ пораженія Скиѳовъ, Волканъ, полновластная глава Далматовъ, человѣкъ сильный словомъ и дѣломъ, выступивъ изъ своихъ предѣловъ, сталъ грабить пограничные города и деревни и, занявъ самый Липеній, сожегъ его. Узнавъ объ этомъ, царь не вытерпѣлъ, но, собравъ достаточное количество войска, поскакалъ къ Сербіи—прямо на Липеній (а это-небольшое мѣстечко при подошвѣ Зиги, отдѣляющей Далмацію отъ нашихъ владѣній), съ цѣлю если случится, противостать Волкану и упорно сра-

зиться съ нимъ, чтобы, если Богъ дастъ побѣду, возстановить Липеній и всѣ прочіе города и привести ихъ въ прежнее положеніе. Узнавъ о приближеніи самодержца, Волканъ поднимается оттуда и приходитъ въ Свенцаній—мѣстечко, лежащее на вершинѣ помянутой Зиги, въ срединѣ между римскими и далматскими владѣніями. Когда самодержецъ достигъ Скопій; Волканъ, отправивъ къ нему посольство, сталъ просить мира и при этомъ отклонялъ отъ себя причину случившихся золъ, сваливая всю вину на римскихъ сатраповъ. Онъ говорилъ: «римскіе сатрапы не хотѣли оставаться въ своихъ предѣлахъ и, производя разные набѣги, нанесли немало вреда Сербіи. Я же отнюдь не буду дѣлать ничего подобнаго на будущее время, но, возвратившись домой, пошлю твоему величеству и заложниковъ изъ своихъ родныхъ, и никогда не выйду изъ моихъ предѣловъ». Царь внялъ этимъ словамъ и, оставивъ здѣсь людей для возстановленія разрушенныхъ городовъ и принятія заложниковъ, возвратился въ столицу. Но Волканъ не только не давалъ заложниковъ, которыхъ у него требовали, и со дня на день откладывалъ; но и не прошло еще цѣлаго года, какъ опять выступилъ на грабежъ римскихъ провинцій. Онъ не захотѣлъ исполнить обѣщаннаго даже и послѣ того, какъ получилъ отъ самодержца разные письма, напоминавшія ему объ условіяхъ и обѣщаніяхъ, которыя предъ тѣмъ даны были ему. Тогда царь, призвавъ къ себѣ Іоанна, сына Севасто-

кратора, своего брата, послалъ его съ достаточными силами. Іоаннъ, неиспытанный еще войны и съ юношескимъ жаромъ стремившійся къ битвамъ, отправился и, переправившись чрезъ рѣку при Липеніѣ, остановился лагеремъ при подошвѣ Зиги, прямо противъ Свенцанія. Отъ Волкана это не скрылось:—онъ сталъ опять просить мира и у Іоанна изъявляя готовность выдать обѣщанныхъ заложниковъ и на будущее время сохранить миръ съ Римлянами ненарушимымъ. Но это были только пустыя обѣщанія: онъ вооружался и готовился напасть на Іоанна врасплохъ. Когда Волканъ уже двинулся, одинъ монахъ, предваря замыслъ; прибѣжалъ къ Іоанну и увѣрялъ, что непріятель на пути. Но Іоаннъ выслалъ его съ гнѣвомъ, называя лжецомъ и обманщикомъ. Однако слово скорѣе подтвердилось дѣломъ. Волканъ, напавъ на него ночью, избилъ многихъ воиновъ внутри ихъ палатокъ, а другіе, убѣгая безъ памяти, погибли въ волнахъ текущей внизу рѣки, и только нѣкоторые съ духомъ болѣе твердымъ, отыскавъ палатку Іоанна и мужественно защищаясь, кое-какъ сберегли ее для него. Такъ погибла большая часть римскаго войска. Послѣ сего, собравши своихъ воиновъ, Волканъ поднялся отсюда на вершину Зиги и остановился у Свенцанія. А сподвижники Іоанна, смотря на враговъ и видя, что сами они малочисленны и что имъ нельзя бороться съ такимъ множествомъ, присовѣтовали ему переправиться назадъ чрезъ рѣку. Сдѣлавъ это, достигаютъ

они Липенія, отстоящаго оттуда почти на двѣнадцать стадій. Отсюда же Іоаннѣ, такъ какъ, потерявъ большую часть войска, уже не могъ противостоятъ врагамъ, поспѣшилъ въ столицу. Тогда съ новою дерзостію отъ того, что не встрѣчалось ни одного противника, Волканъ сталъ грабить пограничные города и деревни: совершенно опустошилъ и частію предалъ огню окрестности Скопій; и не остановился даже на этомъ, но занялъ Половъ, прошелъ до самой Вранеи, разграбилъ все и съ огромною добычею возвратился оттуда въ собственную страну.

5. Получивъ объ этомъ извѣстіе, царь уже не могъ терпѣть долѣе, но тотчасъ снова вооружился, не требуя даже для того какого-либо игрока Тимофея, какъ (нѣкогда) Александръ, любившій громкое пѣніе. Возложивъ оружіе на себя и вооруживъ другихъ, которые тогда были съ нимъ, онъ положилъ идти прямо въ Далмацію, чтобы скорѣе возстановить и привести въ прежнее положеніе опустошенныя предѣлы крѣпости и съ избыткомъ заплатить врагу за причиненное имъ зло. Поднявшись изъ великаго города и достигнувъ Дафнутія ⁽¹⁾ (это—древній городъ, отстоящій отъ Константинополя на 40 стадій), остановился онъ тамъ въ ожиданіи нѣкоторыхъ, еще не успѣвшихъ соеди-

(1) Дафнутій, по словамъ Анны, отстоявшій отъ столицы на сорокъ стадій, по Стефану *Δαφνυτίων πρὸς τῷ Ρηγίῳ*, А Ригій (Rhegium) находился при устьѣ Пропонтиды. Поэтому Дафнутій—не то, что Дафнузія, которая стояла отъ Византіи на сто стадій. Gregoras l. 4. Carol. du Fresne ad h. l.

ниться съ нимъ, родственниковъ. И вотъ, на другой день послѣ того приходитъ туда Никифоръ Діогенъ, исполненный гнѣва и высокомерія, но прикрывавшійся свойственною ему личиною, походившій на лисицу, принимавшій на себя самый пріятный видъ и съ притворною готовностію соединявшійся съ царемъ. Онъ поставилъ свою палатку не въ надлежащемъ разстояніи отъ царской опочивальни, но близко отъ входа, ведущаго къ царю. Увидѣвъ это, Мануиль Филокалъ, отъ котораго не укрылись его замыслы, тутъ же остановился въ оцѣпенѣніи, какбы пораженный громомъ. Едва только собрался онъ съ духомъ, тотчасъ же вошелъ къ царю и сказалъ: «мнѣ кажется, что это сдѣлаво не спроста, и я страшусь, чтобы съ твоимъ величествомъ ночью не случилось чего-нибудь недобраго. Посему я хочу нѣчто сказать ему и постараюсь удалить его отсюда». Но царь, какъ никогда не смущающійся и всегда сохраняющій присутствіе духа, никакъ не позволилъ Филокалу дѣлать это; когда же Филокалъ сталъ настаивать, сказалъ ему: «оставь, мы не должны подавать ему поводъ. Пусть за свой замысль противъ насъ онъ останется виновнымъ предъ Богомъ и предъ людьми». Тогда Филокалъ, досадуя, ломая себѣ руки и называя царя безразсуднѣйшимъ, удался. И дѣйствительно, около полуночи, въ среднюю стражу ночи, когда царь спокойно почивалъ съ своею супругою, Діогенъ идетъ, неся мечъ подъ мышкою и, пришедши къ палаткѣ царя,

останавливается на порогъ. А у спавшаго царя и двери не были затворены, и не бодрствовала стража внѣ опочивальни. Но хотя такъ это было съ царемъ, однако какая-то божественная сила удержала тогда Никифора отъ злодѣянія. Онъ увидѣлъ служанку, которая прохладяла царя вѣеромъ и прогоняла отъ его лица комаровъ,—и вдругъ, чтобы сказать съ поэтомъ, трепеть проникъ въ его члены, блѣдность покрыла его ланиты, и убійство отложено до другого дня. Это отложенное убійство имѣлъ онъ въ мысляхъ всегда. По замыслъ его отъ царя не скрылся; ибо служанка вскорѣ пересказала ему все случившееся. На слѣдующій день, поднявшись отсюда, онъ отправился въ подлежащій путь и показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, съ тою цѣлю, чтобы и самому быть безопаснѣе, и Никифору не подать какого—нибудь благовиднаго случая. Когда самодержецъ находился уже въ предѣлахъ Серры, сопутствовавшій ему Порфирородный Константинъ Дука сталъ упрашивать его зайти въ принадлежащую ему деревню, веселую, которая изобилуетъ холодною и хорошею водою и имѣетъ достаточно—обширное помѣщеніе для приѣма царя (она называлась Пентигостіей). Царь склонился на его желаніе, и зашелъ къ нему. На другой день онъ хотѣлъ было выѣхать, но Порфирородный не отпускалъ его и упрашивалъ остаться еще на нѣкоторое время, чтобы освѣжиться послѣ дороги и омыть запыленное тѣло; а между тѣмъ для него гото-

вилось уже и роскошное угощеніе. Самодержецъ опять склонился на просьбу Константина. Когда же Никифоръ Діогенъ узналъ, что царь, вымывшись, идетъ изъ бани; тогда, какъ чело-вѣкъ, издавна мечтающій о тиранніи и ищущій случая убить его собственною рукою, онъ подошелъ туда опоясанный саблею, какъ будто возвращался съ обычной охоты. Но Татикій, увидѣвъ его и давлю зная о его замыслахъ, отогналъ его оттуда, сказавъ: «зачѣмъ ты пришелъ сюда въ такомъ неприличномъ видѣ и съ мечемъ? Теперь время бани, а не путешествія, не охоты и не битвы». И не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, онъ удалился. Послѣ сего думая, что его уже подозрѣваютъ (ибо страшно угрызеніе совѣсти!), онъ рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ и уйти въ христопольскія помѣстья царицы Маріи, либо въ Нерникъ, либо въ Нерицъ, чтобы оттуда опять искать случаевъ къ нападенію на самодержца. А царица Марія еще прежде изъявляла готовность принять его, какъ брата съ матерней стороны царствовавшему предъ тѣмъ мужу ея Михаилу Дукъ, хотя онъ рожденъ былъ и отъ другаго отца. Царь чрезъ три дня выѣхалъ оттуда, а Константина оставилъ дома для отдыха, щадя нѣжность и непривычность юноши, который отправился тогда въ походъ въ первый разъ; ибо онъ былъ единородный сынъ у матери, и самодержецъ, сильно любя его и заботясь о немъ, какъ о собственномъ дитяти, позволялъ ему пользоваться съ царицею матерью всякимъ спокойствіемъ.

6. Но чтобы въ моей рѣчи не было запутанности, о Никифорѣ Діогенѣ надобно рассказать съ самаго начала. Какимъ образомъ отецъ его Романъ возвысился до царскаго престола и какой имѣлъ онъ конецъ,—о томъ повѣствовали различные историки, у которыхъ желающіе могутъ и читать все, къ нему относящееся. Скончался онъ на рукахъ дѣтей своихъ—Льва и Никифора. Самодержецъ Алексѣй, при нареченіи своемъ на царство, нашедши ихъ, вмѣсто царей, людьми частными (ибо родной братъ ихъ, Михаилъ, получивъ царскую власть, лишилъ ихъ красныхъ туфель, отнялъ у нихъ вѣнцы ⁽¹⁾ и осудилъ ихъ на заточеніе въ киперудскую обитель вмѣстѣ съ матерью ихъ, царицею Евдокіею), далъ имъ различныя преимущества—частью изъ состраданія къ ихъ несчастію, частью же и потому, что видѣлъ въ нихъ юношей, отличающихся предъ другими тѣлесною красотою и силою, едва опушившихся волосами на бородѣ, высокихъ и ровныхъ ростомъ какбы подъ мѣрку, представляющихъ въ себѣ едва распускающійся цвѣтокъ и безпристрастному взгляду въ самомъ своемъ лицѣ ясно показывающихъ нѣчто пыльное и благородное, — какбы природу молодыхъ львенковъ. Впрочемъ царь смотрѣлъ на нихъ не поверхностно, не жмурился предъ истиною и не увлекался постыдными страстями, но взвѣшивалъ ихъ на вѣрныхъ вѣ-

(¹) Никифоръ и Левъ по отцу были государи, но тотчасъ же по рожденіи лишены были права на престолъ. Поэтому-то Анна здѣсь и говорить: *παράλαβόν τοῦτος ῥθίματος ἐκ βασιλείων*.

сахъ совѣсти: бралъ въ расчетъ ту высоту, съ которой они ниспали, принималъ ихъ въ свои объятія все равно какъ собственныхъ дѣтей; чего не говорилъ онъ, какого не дѣлалъ для нихъ добра, какого не имѣлъ о нихъ попеченія! И хотя зависть не опускала случаевъ бросать въ нихъ свои стрѣлы; но самодержецъ, возбуждаемый противъ нихъ многими, еще болѣе удостоивалъ ихъ всякаго покровительства, всегда весело смотрѣлъ на нихъ, какбы гордился ими, и всякій разъ давалъ имъ полезные совѣты. Иной считалъ бы ихъ, можетъ быть, людьми подозрительными, и съ самаго начала всячески старался бы погубить ихъ; а самодержецъ вмѣнялъ ни во что многократныя донесенія на этихъ юношей, отменно любилъ ихъ и не лишалъ богатыхъ даровъ и подобающей царя чести даже мать ихъ Евдокію; самому же Никифору подчинилъ и отдалъ въ личное распоряженіе островъ Критъ. Такъ поступалъ царь; а изъ юношей только Левъ, добрый сердцемъ и благородный въ своихъ мысляхъ, видя такую благорасположенность къ нимъ царя, былъ доволенъ судьбою, успокоиваясь настоящимъ своимъ состояніемъ по пословицѣ: «получилъ Спарту, такъ украшай ее». Никифоръ же, бывъ раздражителенъ и тяжелъ, не переставалъ во глубинѣ души злоумышлять на самодержца и думать о тираниіи. Сперва онъ держалъ это втайнѣ; а потомъ, начиная приступать къ дѣлу, сталъ говорить съ нѣкоторыми откровенно. Это не скрылось отъ весьма многихъ, а чрезъ нихъ

скоро дошло и до ушей царя. Но царь, дѣлая что-нибудь новое, въ удобное время призывалъ ихъ къ себѣ и, не открывая того, что онъ слышалъ, умно дѣлалъ имъ внушенія и давалъ обычные совѣты. И чѣмъ болѣе узнавалъ онъ объ ихъ умыслахъ, тѣмъ благороднѣе располагался къ нимъ, желая такимъ образомъ принести имъ пользу. Однакожъ Эеіопъ не бѣлѣлъ, Никифоръ оставался въ своей закоснѣлости и свою черноту сообщалъ всѣмъ, къ кому приближался, иныхъ привязывая къ себѣ клятвами, другихъ—обѣщаніями. И не только въ рядахъ воиновъ имѣлъ онъ многихъ на своей сторонѣ,—да они и всѣ уже склонялись къ нему,—но изгибался и предъ вельможами, заботливо ухаживалъ за военачальниками и важнѣйшими изъ сенаторовъ и всѣхъ привлекалъ къ себѣ; ибо умъ его былъ острѣе обоюдоостраго меча, хотя и не твердый, кромѣ развѣ той твердости, которую обнаруживалъ въ стремленіи къ тиранніи. Онъ былъ сладокъ въ рѣчахъ, пріятенъ въ обращеніи, прикрывался смиреніемъ лисицы, а иногда обнаруживалъ и львиную раздражительность; тѣломъ былъ крѣпокъ и хвастался, что можетъ бороться съ гигантами, имѣлъ пшеничный цвѣтъ лица, широкую грудь и цѣлыми плечами превyšалъ всѣхъ бывшихъ тогда мужей. Кто смотрѣлъ, какъ онъ играетъ въ шары, или ѣдетъ на конѣ, или мечетъ стрѣлу, или потрясаетъ копье, или занимается скачкою; тому казалось, что видитъ какое-то новое чудо, тотъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ и едва не приходилъ въ оцѣ-

пеніе. Все это еще болѣе привлекло къ нему расположеніе многихъ, и замышляемое имъ такъ успѣшно подвигалось впередъ, что онъ вовлекъ въ свой замыслъ даже зятя самодержца по сестрѣ, Михаила Тарронитскаго, почтеннаго достоянствомъ Паниперсеева.

7. Но обратимъ свою рѣчь опять къ тому, отъ чего она уклонилась и будемъ продолжать рассказъ по порядку. Узнавъ о замыслѣ Діогена, самодержецъ перебиралъ въ своихъ мысляхъ, какъ онъ въ самомъ началѣ своего воцаренія поступилъ съ обоими братьями, какого благорасположенія и попеченія удостоивалъ ихъ въ теченіи столькихъ лѣтъ и какъ однако же ничто не измѣнило мыслей Никифора къ лучшему, и впалъ въ недоумѣніе. Перебирая все это и вмѣстѣ припомнивъ, какъ Никифоръ, послѣ неудачи, пришелъ въ баню, какъ былъ прогнанъ Татикіемъ и какъ, изошряя кровожадное оружіе для обогрѣнія своихъ рукъ въ невинной его крови, сначала подстерегалъ и искалъ возможности совершить убійство ночью, а потомъ спѣшилъ исполнить свое намѣреніе уже открыто, самодержецъ волновался своими помыслами; ибо никакъ не рѣшался погубить Діогена, къ которому питалъ сердечную привязанность и котораго любилъ откровенно. Однако же, сообразивъ все и понимая, до чего можетъ дойти это зло, онъ живо представлялъ опасность, такъ близко угрожающую его жизни, и содрагался сердцемъ. Сведши наконецъ все это въ одно, призналъ онъ нужнымъ задержать Никифора. Между тѣмъ

Никифоръ, торопясь къ задуманному бѣгству и намѣреваясь ночью быть на пути къ Хриstopoлю, съ вечера отправилъ посла къ Константину Порфирородному и просилъ его подарить ему быстроногого коня, котораго далъ ему царь. Но Константинъ отказалъ, говоря, что онъ не можетъ отдать другому царскаго подарка въ тотъ же самый день (въ который получилъ его). Когда царь вступилъ на прежній, подлежащій ему путь, тогда послѣдовалъ за нимъ и Діогенъ, обреченный на погибель Богомъ, который разсѣиваетъ совѣты и разрушаетъ замыслы народовъ, — послѣдовалъ, непрестанно думая о бѣгствѣ и откладывая его съ часу на часъ. Таковы судьбы Господни! Раскинувъ палатку близъ Серры, гдѣ былъ и царь, онъ какбы уже обличенный и страшашійся будущаго, снова предается обычнымъ помысламъ. А царь въ тотъ самый вечеръ, когда совершается память великомученика Θεодора, призываетъ къ себѣ брата своего Адриана, великаго Доместика, и тотчасъ открываетъ ему о замыслахъ Діогена, которыхъ прежде онъ не зналъ, — то есть, какъ Діогенъ, вооруженный мечемъ, подходилъ къ банѣ, какъ былъ прогнанъ отъ дверей и какъ издавна задуманное положилъ, если возможно, совершить посѣпшище. Вмѣстѣ съ этимъ царь поручаетъ Доместика пригласить въ свою палатку Діогена и какъ медовыми словами, такъ и разными обѣщаніями убѣдить его открыть всѣ свои замыслы, ручаясь, что онъ ничего не потерпитъ и что будетъ прощено ему всякое зло, если ничего не

скроетъ и объявитъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Адрианъ весьма огорчился этимъ, однако же исполнилъ приказаніе. Но грозилъ ли онъ, общалъ ли, совѣтовалъ ли,—не убѣдилъ Діогена открыть даже хоть что-нибудь изъ его замысловъ. Что же потомъ? Опечалился и предался скорби великій Доместикъ, угадывая, въ какую бездну золь стремится Діогенъ,—предался скорби тѣмъ болѣе, что недавно сдѣлался зятемъ послѣдняго побрачному союзу съ послѣднею изъ разноутробныхъ его сестеръ ⁽¹⁾. Поэтому онъ не переставалъ умолять Діогена даже со слезами, однако же нисколько не убѣдилъ, не смотря на то, что убѣждалъ его также напоминаніемъ прежняго. Однажды самодержецъ на площади большаго дворца занимался игрою въ шары, скача верхомъ на конѣ. Въ это время одинъ варваръ, происходившій отъ Армянъ и Турковъ и имѣвшій подъ платьемъ мечъ, увидѣвъ, что самодержецъ, желая дать отдыхъ своему коню, устранился отъ прочихъ играющихъ въ шары, подоходитъ къ самодержцу и, преклонивъ колѣна, прикидывается просителемъ. Самодержецъ тотчасъ остановилъ коня и, обратившись, спросилъ: о чемъ онъ просить? Тогда этотъ убійца больше, чѣмъ проситель протянувъ руку и схватившись за мечъ, сталъ обнажать его. Но мечъ не

(1) У Никифора Діогена было три сестры, первая Анна была въ замужествѣ за Іоанномъ Комнинымъ Куропалатою, отцемъ царя Алексѣя, вторая Феодора, а третья Зоя, на которой хотѣлъ было жениться Никифоръ Вотаниатъ, но которая впоследствии вышла за Адриана Комнина великаго Доместика. Carol. du Fresne ab h. l.

повиновался рукѣ, хотя разъ и два пытался онъ вынуть оружіе. Тутъ, сознавшись, что уста его связывали лживое прошеніе, и повергшись на землю, онъ лежалъ и просилъ помилованія. Когда царь поворотилъ къ нему лошадь и спросилъ, за что онъ проситъ прощенія, тотъ показалъ мечъ съ ножнами и при этомъ, ударяя себя въ грудь отъ ужаса, громко сказалъ: «теперь я узналъ, что ты истинный рабъ Божій; теперь я этими глазами узрѣлъ, какъ великій Богъ хранитъ тебя. Приготовивъ для убіенія тебя этотъ мечъ и взявъ его съ собою, я пришелъ сюда, чтобы пронзить имъ твое сердце; но стараясь обнажить его разъ, два и три, напелъ его рѣшительно непослушнымъ силъ моей руки». Слушая это царь, какъ будто вовсе ничего не слышалъ и спокойно стоялъ въ томъ же положеніи. Вскорѣ сбѣжались къ нему всѣ, и одни слушали разсказъ, а другіе поражались имъ. Тутъ преданнѣйшіе самодержцу хотѣли было растерзать того варвара; но самодержецъ и знаками и рукою и разными угрозами удержалъ ихъ отъ такого намѣренія. Что же далѣе? Тотъ убійца воинъ тутъ же получаетъ совершенное прощеніе,—и не только прощеніе, но и величайшіе дары; а вскорѣ послѣ того ему дарована и свобода. Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ настоятельно упрашивали царя выслать убійцу изъ столицы; но онъ не согласился, а сказалъ: «Аще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій. Поэтому надобно молиться Богу, оттуда испрашивая себѣ защиты

и сохраненія». Нѣкоторые говорили тогда шопотомъ, что тотъ человѣкъ покушался убить самодержца по мысли Діогена; но царь даже и слышать не хотѣлъ этихъ рѣчей, а только болѣе раздражался противъ тѣхъ людей и такъ подддерживалъ Діогена, что если бы онъ лезвіемъ своего меча коснулся даже его горла, и тогда самодержецъ показалъ бы видъ, что не замѣчаетъ этого. Такъ вотъ что было. Но напомнивъ Діогену все это, великій Доместикъ нисколько не убѣдилъ его; посему, отправившись къ царю, возвѣстилъ ему объ упорствѣ Діогена,—о томъ, что онъ запирается во всемъ, сколько, по его словамъ, ни уговаривалъ онъ его.

8. Тогда царь призываетъ къ себѣ Музака и поручаетъ ему, вооружившись вмѣстѣ съ другими, взять Діогена изъ палатки великаго Доместика, отвести въ его собственную, и тамъ держать его подъ стражею, но безъ узъ и другихъ оскорбленій. Музакъ тотчасъ исполнилъ приказаніе: взявъ Діогена, перевелъ его въ собственную его палатку. Здѣсь самодержецъ увѣщавалъ его и усовѣщивалъ всю ночь, но не только не убѣдилъ, а напротивъ испыталъ даже безстыдное обращеніе его съ собою. Тогда, исполнившись гнѣва, приказалъ онъ подвергнуть Діогена и тому, отъ чего прежде избавилъ, и даже счелъ нужнымъ пытать его. Подвергнутый пыткамъ, Діогенъ не могъ вынести и перваго мученія, и изъявилъ обѣщаніе признаться во всемъ. Поэтому тотчасъ же освобождаютъ его отъ узъ и призываютъ писца съ тростию. (Это былъ

недавно избранный въ секретари къ самодержцу Григорій Каматиръ) ⁽¹⁾. Діогенъ разсказалъ обо всемъ, не умолчавъ и объ убійствѣ. А Музакъ, отбирая у него прежнія письменныя признанія, нашелъ между ними присланныя къ нему отъ разныхъ лицъ письма, изъ которыхъ открылось, что и царица Марія знала объ отложеніи Діогена, только никакъ не допускала его до убійства, напротивъ строго запрещала ему не только самое убійство, но и мысль о немъ. Эти письма Музакъ приносить къ царю. Прочитавъ ихъ и нашедши въ нихъ записанными большее число лицъ, чѣмъ сколько онъ подозрѣвалъ, и притомъ все лицъ знатныхъ, царь увидѣлъ себя въ затрудненіи; ибо Діогенъ не заботился о войскѣ строевомъ,—это издавна было привержено къ нему и расположено всей душой,—онъ старался привлечь къ себѣ главныхъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ сановниковъ. Что же касается до царицы Маріи, то самодержецъ захотѣлъ оставить это въ тайнѣ, и—старался показать, что о ней ничего не знаетъ, старался объ этомъ ради той довѣренности и признательности, какую питалъ къ ней до принятія царскаго скипетра. Поэтому всюду разнеслась молва, что заговоръ Діогена открытъ былъ царю сыномъ ея и царемъ. Порфиророднымъ Константиномъ, хотя дѣло происходило иначе;

(1) Это—тотъ самый, который въ царствованіе Іоанна Комнина, сына Алексѣева, стоялъ на высшихъ ступеняхъ правленія. Онъ происходилъ изъ низкаго сословія, но дослужился до того, что сдѣлавъ былъ Логоветомъ Секрета. Nicetas in Ioanne № 3.

ибо отъ самихъ соучастниковъ Діогена касательно его заговора мало-что было открыто. Когда Діогенъ былъ уличенъ и, уже осужденный на изгнаніе, находился въ узахъ,—знатѣйшіе сообщники его заговора, еще не задержанные, но уже понявшіе, что ихъ подозрѣваютъ, перепугались и не знали, что дѣлать. А окружавшіе царя, замѣтивъ ихъ въ такомъ волненіи, и сами, казалось, приходили въ затруднительное состояніе; ибо видѣли, что обстоятельства царя становятся тѣсными, что безопасность его ограждается только нѣкоторыми извѣстными лицами и что опасность уже стоитъ у него надъ головою. Подобнымъ образомъ и царь обуревался помыслами: въ его умѣ волновалось много мыслей о томъ, какъ Діогенъ съ самаго начала многократно устремлялся на него, но останавливаемъ былъ силою Божіею, и какъ рѣшался онъ уже собственноручно умертвить его. Испытавъ много перемѣнъ и долго колебавшись въ мысляхъ, наконецъ онъ представилъ себѣ, что все воинское и гражданское начальство увлечено измѣною Діогена. Поэтому, съ одной стороны, не имѣя достаточно войска, чтобы надъ такимъ множествомъ поставить стражу, а съ другой—не желая такое множество народа и подвергать казни, положилъ онъ главныхъ виновниковъ—Діогена и Кекавмена Катакалона сослать въ Кесарополь, чтобы они содержались тамъ только въ узахъ и подъ стражею, не подвергаясь ничему другому ужасному, хотя всѣ совѣто-

вали ему казнить ихъ; ибо онъ отмѣнно любилъ Діогена и имѣлъ объ немъ. прежнее попеченіе. На изгнаніе же осудилъ и зятя своего по сестрѣ, Михаила Тарронитскаго и...., лишивъ ихъ имущества. Что же касается до прочихъ, то онъ счелъ болѣе безопаснымъ всѣмъ не производить надъ ними слѣдствія, но скорѣе смягчить ихъ состраданіемъ. И такъ вечеромъ каждый изгнанникъ получилъ свой жребій, а жребіемъ Діогена былъ Кесарополь. Изъ прочихъ же никто не былъ лишенъ своего званія, но всѣ остались на своихъ мѣстахъ.

9. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, самодержецъ на слѣдующій день пожелалъ созвать всѣхъ и исполнить то, что ему казалось нужнымъ. Тутъ люди, питавшіе къ нему сердечную привязанность, также ближніе его по крови и свойству и всѣ остававшіеся еще отцовскіе слуги, труженики, прозорливцы, умѣвшіе находить мѣры, когда надлежало дѣйствовать при неожиданныхъ случаяхъ, стали опасаться, какъ бы на слѣдующій день, при многочисленномъ стеченіи народа, кто-нибудь не пришелъ съ мечемъ подъ одеждой, что бывало нерѣдко (подобно тому варвару, который, принявъ видъ просителя, подошелъ къ игравшему въ шары самодержцу), и не умертвилъ его на тронѣ. И не нашли они противъ сего другихъ средствъ, какъ уничтожить надежды всѣхъ на Діогена, распустивъ молву, что ему тайно выколоты глаза. Для этой цѣли призвавъ нѣкоторыхъ, разослали они ихъ всюду рассказы-

вать о томъ по-секрету, тогда какъ самодержцу и въ голову того не приходило. Хотя въ то время это было пустымъ словомъ, однакожь, какъ откроется изъ дальнѣйшаго разсказа, оно исполнилось и на дѣлѣ. Когда солнце поднялось на горизонтъ и ясно свѣтило, изъ окружавшихъ самодержца всѣхъ, неучаствовавшихъ въ гнусномъ дѣлѣ Діогена и издавна имѣвшихъ званіе царскихъ тѣлохранителей, собрались въ царскую палатку первые,—и одни изъ нихъ были оцоясаны мечами, другіе несли копья, иные держали на плечахъ большія и тяжелыя сабли. Расположившись серповидно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ царскаго трона и какбы оцоясывая самодержца по-отрядно, всѣ они пламенѣли воинскимъ жаромъ и изошряли если не мечи, то сердца свои. Родственники же царя по крови и свойству стали по обѣимъ сторонамъ царскаго трона; а направо и налево установились оруженосцы. Царь предсѣдалъ на своемъ креслѣ и былъ видомъ страшенъ—въ одеждѣ болѣе воинской, чѣмъ царской, и не очень высоко, да не высокъ былъ, онъ и ростомъ; впрочемъ престолъ, покрытый золотомъ, превышалъ головою. Брови его были нахмурены, щеки отъ множества тогдашнихъ безпокойствъ раскраснѣлись, глаза проникнуты были мыслію и обнаруживали душу, полную чувствованій. Сюда стеклись всѣ съ одинаковымъ страхомъ и отъ страха едва не выпускали души на воздухъ: — одни язвительнѣе стрѣль проязаемы были своею совѣстію, а другіе боя-

лись новаго подозрѣнія. Ни отъ кого не слышно было голоса, всѣ стояли неподвижно и посматривали на поставленную у дверей палатки стражу. Тутъ былъ мужъ мудрый въ словѣ и сильный въ дѣлѣ, которому имя Татикій. Вглянувъ на него, царь далъ ему знакъ глазами, чтобы впущены были стоявшіе внѣ палатки. Татикій тотчасъ дозволилъ имъ войти. Тѣ хотя и страшились, однако вошли медленнымъ шагомъ и съ сокрушеннымъ видомъ. Установились въ ряды, и каждый съ трепетомъ ожидалъ, что будетъ, какбы уже приведенъ былъ къ послѣднему предѣлу жизни. Впрочемъ несовсѣмъ спокоенъ былъ и самъ самодержецъ (говорю это по челоуѣчески, независимо отъ надежды на Бога), боясь, какъ бы толпа предстоящихъ не задумала противъ него чего-нибудь рѣшительнаго и страшнаго. Впрочемъ, укрѣпившись духомъ и смѣло вступивъ въ подвигъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью; а они стояли безмолвнѣе самыхъ рыбъ, какъ будтобы у нихъ отрѣзаны были языки. «Вы знаете, сказалъ онъ, что Діогенъ не испыталъ отъ меня ни малѣйшаго зла. Да и отца его лишилъ царской власти не я, а другой; я же не нанесъ ему ни малѣйшаго оскорбленія или обиды. Потомъ, когда царская власть, по волѣ Божіей, перешла ко мнѣ, я не только не оставилъ Діогена и брата его Льва въ прежнемъ положеніи, но еще возлюбилъ ихъ и поступалъ съ ними, какъ съ собственными дѣтьми. А Никифора, сколько ни обнаруживались его замыслы противъ меня, я всякій разъ удостои-

валъ ласки. И не смотря на то, что не замѣчалось въ немъ исправленія, я старался скрывать многія изъ его дерзостей—въ той мысли, что онѣ никому не нравятся. И однакоже всѣ оказанныя ему мною благодѣянія не измѣнили коварства его души: за все это онѣ присудилъ мнѣ смерть». При этихъ словахъ всѣ закричали, что на царскомъ престолѣ они не хотятъ видѣть никого другаго,—хотя многіе на самомъ дѣлѣ и не желали этого, а только лѣстили на словахъ; стараясь избѣгнуть такимъ образомъ угрожавшей имъ опасности. Воспользовавшись этой минутой, царь многихъ между ними удостоилъ полного прощенія; тогда какъ они, въ качествѣ виновниковъ заговора, уже осуждены были на изгнаніе. Послѣ сего поднялся такой шумъ, какого изъ присутствовавшихъ при этомъ и донинѣ живущихъ никто, какъ говорятъ, и никогда прежде не слыхивалъ: иные восхваляли царя и дивились его незлобію и кротости; другіе поносили изгнанниковъ и утверждали, что они достойны смерти. Таковы люди!—Кого сегодня ублажаютъ, кого превозносятъ и кому воздаютъ почести; тому, лишь только увидятъ, что марка жизни его перевернулась, не стыдятся сряду же высказывать совершенно противное. Царь мановеніемъ руки возстановилъ молчаніе и продолжалъ: «неприлично шумѣть и разстраивать настоящее дѣло. Я сказалъ уже, что всѣхъ васъ удостоиваю прощенія, и въ отношеніи къ вамъ буду такимъ же, какимъ былъ прежде». Между тѣмъ какъ царь изрекалъ этимъ

людямъ прощеніе, составители того заговора, безъ вѣдома царя, посылаютъ выколотъ глаза Діогену. Тоже самое положили они сдѣлать и съ Кекавменомъ Катакалонемъ, какъ сообщникомъ Діогенова замысла. Это было въ день, посвященный памяти Верховныхъ Апостоловъ. И съ тѣхъ поръ даже до настоящаго времени рассказываютъ объ этомъ событіи. Уступая ли ихъ стремленію, царь допустилъ ослѣпленіе Діогена, или оно совершено по собственной его мысли,—Богъ знаетъ; я несовсѣмъ твердо знаю это дѣло.

10. И такъ вотъ что отъ Діогена испыталъ самодержецъ, и вотъ какъ чудесно избавила его отъ близкой опасности непобѣдимая десница Вышняго. Впрочемъ царя не ослабило ничто случившееся; онъ прямо оттуда поѣхалъ въ Далмацію. А Волканъ, узнавъ, что самодержецъ пришелъ уже къ Липенію и занялъ его, и находя себя не въ силахъ противустать римскимъ рядамъ, этой оградѣ щитовъ и этому воинскому всеоружію, тотчасъ прислалъ пословъ и сталъ просить мира, съ обѣщаніемъ немедленно выдать обѣщанныхъ заложниковъ и на будущее время не предпринимать ничего худаго. Тяготясь международною войною и отвращаясь отъ ней, самодержецъ охотно принимаетъ посольство варваровъ, тѣмъ болѣе, что хотя это были и Далматы, однакожь христіане. Тогда Волканъ довѣрчиво приходитъ къ царю, окруженный своими родственниками и важнѣйшими жупанами, и съ готовностію отдаетъ ему

въ заложники двоюродныхъ своихъ племянниковъ—по имени Уресса и Стефана Волкана, и нѣкоторыхъ другихъ, въ числѣ двадцати человѣкъ; ибо съ нимъ иначе нельзя уже было договариваться. И такъ, окончивъ миромъ то, что обыкновенно рѣшается сраженіемъ и оружіемъ, самодержецъ возвратился въ столицу.—Между тѣмъ онъ все еще много думалъ о Діогенѣ, сквозь слезы смотрѣлъ на него, съ глубокими вздохами слышалъ о немъ, оказывалъ ему великое благорасположеніе, старался ободрять его и опять возвратилъ ему многое, что было у него отнято. Но Діогенъ, придавленный печалію, уклонялся отъ жительства въ столицѣ и, проводя время въ собственныхъ помѣстьяхъ, всецѣло предавался сочиненіямъ древнихъ, которыя были читаны ему другими; ибо лишенный собственнаго свѣта, онъ для чтенія ихъ пользовался глазами чужими. И этотъ человѣкъ былъ такъ великъ по природѣ, что, и бывъ слѣпымъ, легко усматривалъ то, что неусмотримо и для зрячихъ. Прошедши весь кругъ наукъ, онъ изучилъ, что особенно удивительно, и славную геометрію, обращаясь для того съ однимъ философомъ, который по его приказанію долженъ былъ дѣлать ему фигуры изъ твердой матеріи. Ощупывая ихъ руками, онъ познакомился такимъ образомъ со всѣми геометрическими теоремами и формами, подобно тому Дидиму, который одною остротою ума, безъ глазъ, дошелъ до совершенства въ музыкѣ и геометріи, хотя по приобрѣтеніи этихъ знаній впалъ въ нелѣ-

пую ересь и отъ гордости точно такъ же ослѣпъ умомъ, какъ прежде отъ болѣзни ослѣпъ глазами. Всякій, слушающій это, конечно удивится; но я сама видѣла того человѣка, дивилась ему и слышала, какъ онъ рассуждалъ о такихъ предметахъ. Несовсѣмъ незнакомая и сама съ подобными вещами, я поняла, что онъ имѣетъ точныя свѣденія въ этихъ теоріяхъ. Впрочемъ, занимаясь науками, Діогенъ не оставилъ застарѣлой ненависти къ самодержцу и былъ всецѣло одержимъ необузданною страстію тиранніи. Тайные свои помыслы онъ даже снова сообщалъ нѣкоторымъ лицамъ, и одно изъ этихъ лицъ, пришедши къ самодержцу, извѣстило его о нихъ. Призвавъ Діогена, самодержецъ спросилъ его какъ о замыслахъ, такъ и о сообщникахъ въ этомъ дѣлѣ,—и, выслушавъ его признаніе во всемъ, тотчасъ даровалъ ему прощеніе.

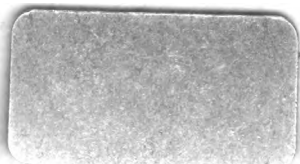
ПОГРѢШНОСТИ:

Стр.	Напечатано:	Читай:
1	перенятъ	перенять
3	неполны	неполныя
8	тягчающую	тягчайшую
23	τῆς ἐσαυγῆς	τῆς ἐσαυγῆς
38	о Іоанникіѣ Доместикѣ	Іоанникія о Доместикѣ
30	крокій	кроткій
72	Аупліи	Апуліи
89	Цурулъ	Чурулъ
99	Νεῖλαις	Νεζείαις
112	ἀτὸν	ἀποτὸν
138	Мать Алексѣя Прину	Мать Алексѣя Анну
161	Мидійцами	Мизійцами
170	Гумферда	Гумфреда
190	Остеріады	Орестіады
191	см. Комнина	см. Киннама
211	Харзанъ	Харсанисъ
220	соединяютъ	соединяетъ
232	Бодины	Бодины
233	hanc	hanc
238	Santacucin	Santacusin
261	книги	книги,
—	Alexandro	Alexandro
262	να	ἵνα
273	κακῇ	κακῇ
—	лѣстницъ названа	лѣстница названа
—	котор	которая
277	толичать	отличать
281	ad AMCIV	ad A. MCIV
289	Τζασις	Τζισσις
299	знаминитая	знаменитая
310	Беліатовы	Беліатовы
317	Scyzlitz	Scylitz.
331	челокѣкъ	человѣкъ
332	καλεῖται	καλεῖται
337	fortitera	fortiter a
338	Синезія	Синесія

339 Gulation
 340 aliquorum organorum
 — infinita
 343 соотвѣтъ
 350 упоминаемъ
 366 остоялъ
 372 говоримъ Прокопій
 — въ предѣстїи: Равскомъ
 375 самодержду
 377 на переправлявшихся
 388 соображеніямъ
 398 Гавра
 400 на самомъ то-дѣлѣ
 401 не позволяя
 402 на будущую
 407 сар!
 — Cantetus
 419 ῥδιώτας
 424 самодержецъ
 — ab h. l.
 426 раздражался
 427 царемъ. Порфиророднымъ
 429 слѣдующій
 432 разстраивавать

Galatiam
 aliquorum romanorum
 infinita
 соотвѣт-
 упоминаетъ
 отстоялъ
 говорятъ Прокопій
 въ предѣстїи равскомъ:
 самодержцу
 на переправлявшихся
 соображеніямъ
 Гавры
 на самомъ-то дѣлѣ
 не позволяла
 на будущую
 сар. 7.
 Cantacus.
 ῥδιώτας
 самодержецъ
 ad h. l.
 раздражался
 царемъ, Порфиророднымъ
 слѣдующій
 разстраивать

MG 32.7
Vizantijskie istoriki :
Widener Library 005908842

3 2044 088 775 622

